

VI
ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ
В ДАРОВОМ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ЗАРАЙСКИЙ КРЕМЛЬ»
НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО «ЗАПОВЕДНОЕ ДАРОВОЕ»

**VI ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ
В ДАРОВОМ**

Издатель А. С. Бессонова

Коломна, 2021

УДК 821.161.1(09)
ББК 83.3(2=Рус)5-8
Л 52

На обложке: Семья Ивановых в усадьбе Даровое. Конец XIX — начало XX в.
ГМИРЛИ им. В. И. Даля. КП42895

Л 52 VI Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. — Коломна :
Издатель А. С. Бессонова, 2021. — 272 с. : цв. вкл.

ISBN 978-5-600-03075-6

В основу сборника положены материалы научной конференции «VI Летние чтения в Даровом: Семья и усадьба». Рассматриваются различные аспекты семейной темы в художественном творчестве и публицистике Ф. М. Достоевского, обосновывается его участие в составлении статьи на данную тему. Вводятся в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы по истории семьи и рода писателя, усадьбы Даровое.

ISBN 9978-5-600-03075-6

© Авторы статей, 2021
© НП «Заповедное Даровое», 2021

ОТ РЕДАКТОРА

«Вы отцы, они ваши дети, вы современная Россия, они будущая», — писал Достоевский, обращаясь к семейным читателям. Он пытался понять, что происходит с миром, с Россией, и причину цивилизационного кризиса видел в том, что сам же определил понятием «случайное семейство». В главе о поездке в усадьбу своего детства Даровое летом 1877 года автор «Дневника писателя» объяснял: «Спросят: что такое эта *случайность* и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь».

Семейной теме в жизни и творчестве Достоевского была посвящена научная конференция «VI Летние чтения в Даровом» (2018), организованная Некоммерческим партнёрством «Заповедное Даровое», Государственным музеем-заповедником «Зарайский кремль», чьим отделом является усадьба Даровое, Государственным социально-гуманитарным университетом (Коломна). Настоящий сборник включает материалы, обсуждавшиеся на конференции.

Раздел «Мысль семейная» составляют исследования творчества и биографии писателя. Вводится в научный оборот статья об одном громком судебном процессе и доказывается участие Достоевского в этой статье. Автору атрибуции В. А. Викторovichу принадлежит также статья, обзорающая суждения Достоевского о значении семьи, так или иначе связанные с посещением Дарового летом 1877 года. «Мысль семейная» не оставляла писателя на протяжении всего его творчества. Лексикографический аспект представлен в статье Е. А. Осокиной. Воплощение темы в повести «Хозяйка», в романах «Идиот», «Братья Карамазовы», в «Дневнике писателя» рассмотрено в статьях Т. С. Карпачёвой, Г. В. Федяновой и Т. П. Баталовой, Е. А. Акелькиной. Старейшина французской славистики Луи Аллен с особой стороны зашёл на рассказ «Мужик Марей», наиболее значимый для понимания места Дарового в духовной биографии Достоевского. На наших «Летних чтениях» рассказ уже обсуждался, редакция намерена вернуться к нему в ближайших выпусках сборника и предлагает исследователям принять участие в своеобразной коллективной лаборатории. Все ли смысловые нюансы этого маленького шедевра писателя мы сегодня улавливаем?

Биографический аспект общей темы захватывает драматический узел, завязавшийся вокруг так называемого куманинского наследства (статья Ю. В. Юхнович), родословие Анны Григорьевны Достоевской (статья Т. В. Панюковой), творчество одного из представителей рода Достоевских М. В. Савостьяновой

(статья Ю. К. Щербакова). Биография писателя в современном публичном поле — тема выступлений Ю. В. Петровой и Е. А. Калининой.

Раздел «Заповедник» традиционно аккумулирует материалы, «работающие» на создание в Даровом полноценного музея. Статья А. С. Холодиной продолжает начатые ещё в XX веке топонимические исследования земли детства Достоевского. Новые архивные документы, публикуемые А. С. Бессоновой, раскрывают непростую ситуацию, сложившуюся в Даровом в первые послереволюционные годы. Вновь дискутируется вопрос о музейном статусе Дарового в 1920-е годы в статье Л. И. Максимовой. Драматической судьбе Дарового в прошлом столетии посвящена подготовленная Т. Н. Дементьевой и И. А. Боголюбской летопись чаемого многими, но до сих пор так и не состоявшегося музея.

Раздел «Архив» вводит в научный оборот неизвестные ранее документы, посвящённые землевладению Достоевских (статьи Т. Н. Дементьевой, И. А. Боголюбской, Д. А. Сабировой о полюбовном размежевании Дарового, Черемошни, пустоши Нечаевой), что в конечном счёте даёт представление о размерах мемориальной территории создаваемого в Даровом музея. Жизнь усадьбы во второй половине XIX — начале XX вв. ярко предстаёт в обзоре эпистолярного наследия семьи В. М. Ивановой, сестры писателя, подготовленном Ю. А. Зевалд.

Раздел «Хранители» традиционно посвящён тем, кто внёс свою лепту в сохранение Дарового в непростые для него годы. Публикуется запись беседы с К. П. Романцовой, заведующей библиотекой, размещавшейся в советские годы во флигеле усадьбы Даровое.

* * *

В статьях и публикациях сборника цитаты по изд.: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 — даются в скобках с указанием тома и страницы.

МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС ИЗ ДЕЛА НЕПЕНИНЫХ (Письмо к редактору)¹

Во время редакторства Достоевского в еженедельнике «Гражданин» (1873–1874) ряд материалов был подготовлен сотрудниками при таком участии редактора, когда часть текста уже принадлежала ему. В академических собраниях сочинений такие тексты относят в раздел «Коллективное». К подобным произведениям можно отнести статью «Психологический вопрос из дела Непениных (Письмо к редактору)» («Гражданин», 11 марта 1874 года) Приводятся аргументы в пользу соавторства Достоевского.

Ключевые слова: атрибуция, публицистика Достоевского, тема семьи, судебный процесс.

Прослушав шестнадцатичасовое судебное разбирательство по делу супругов Непениных², я хочу поделиться с вами некоторым вынесенным из этих часов впечатлением. Стенографический отчёт о заседании суда начался и продолжается в газетах³, и потому мне нет надобности вдаваться в подробности дела; я изложу в немногих словах только сущность его. Назад тому шесть лет Непенин женился на девице Дьяконовой. У ней лежала на душе тайна: тайна бывшей незадолго до того кратковременной, продолжавшейся менее двух месяцев связи её с Чихачёвым. Эту тайну она утаила от жениха и таила потом от мужа в течение пяти лет. Пять лет провели супруги Непенины в согласии и любви. В какой степени Непенин любил свою жену — неизвестно; а что Непенина любила мужа сильно, об этом можно догадываться по её дневнику, из которого отрывок (горький и тяжёлый отрывок)⁴ был прочитан на суде. Через пять лет она открыла мужу свою тайну. Зачем и по какому случаю открыла — это дело тёмное. Она говорит: совесть мучила. Судя по другим признакам, это произошло... нечаянно, или

¹ Гражданин. 1874. № 10. 11 марта. С. 292–293.

² Заседание Санкт-Петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей по делу супругов Непениных, обвиняемых в убийстве Чихачёва, открылось 2 марта 1874 г. в 11.15 и закончилось в 4 часа ночи.

³ Подробный стенографический отчёт печатался в газетах «Голос» с 3 по 11 марта, «Санкт-Петербургские ведомости» с 3 по 12 марта, «Новости» с 3 по 15 марта, «Судебный вестник» с 3 по 14 марта.

⁴ Фрагменты из дневника Непениной, зачитанные в суде (и приведённые в газетах, в частности, в «Голосе» 7 марта), зафиксировали факты жестокого физического и нравственного насилия со стороны мужа после рокового признания жены, тем не менее перемежающиеся вспышками взаимной нежности: «Я, значит, действительно его люблю, если все унижения и оскорбления мгновенно забываю за его ласки, а он, бедняжка, не имеет покоя, и в этом я виновата. Я с радостью сделаю ему всё, чтоб дать счастье. Грустно то, что он своим обращением довёл меня до такого ужасного к нему страха. <...> Прекратить его гнев, конечно, бывает ужасно трудно: если он разозлится, то его ничем не остановишь. Началась опять пытка допрашивать...».

по некоторому постороннему поводу, но вообще случайно⁵. Как бы то ни было, но с минуты открытия тайны Непенин выступает в полном развитии своих душевных свойств. Все эти свойства, совокупив, можно, мне кажется, выразить одним эпитетом: *злой* человек. Пожалуй, можно ещё прибавить и другой эпитет, метко употреблённый в превосходной речи прокурора: *бессердечный*⁶. Злость и бессердечие Непенина выразились в следующих действиях: он долго, инквизиторски-неотступно выпытывает от жены все мельчайшие подробности её давнего падения; он сводит её на очную ставку с Чихачёвым, как бы из желания ещё раз усладить свой слух этими мелкими подробностями и упиться зрелищем, как два человека, пойманные в старом грехе, смущённые, при нём будут друг друга разоблачать и терзать поминками этого греха; он, таща за собою жену, мчится в погоню за Чихачёвым с целью настичь его где бы то ни было и вынудить ещё на какие-то и не знаю для чего нужные разъяснения; он подвергает затем жену, в продолжение двух — трёх недель, нравственным и физическим терзаниям — злым, подозрительным упрекам и тяжким побоям, и, наконец, доходит до последней уголовной катастрофы. Обвинявший его прокурор суда значительную часть своей превосходно построенной речи посвятил изображению постепенного накаливания в душе Непенина *ненависти* и *гнева* — двух чувств, которым беззаветно отдалось всё существо его, так что предшествовавшие пять лет супружеского счастья для него совсем исчезли, как будто их и не было в его жизни; перед ним стояли только два момента: момент падения девицы Дьяконовой и момент самообличения г-жи Непениной; эти два момента постепенно налились ядом его совершенно не способное прощать сердце⁷, и вот — настало 26 ноября 1873 года. В этот день Непенин, по-прежнему таща за собою жену, приехал в Петербург, вместе с нею, явился в квартиру Чихачёва. Началось опять требованием объяснений; Чихачёв подал запечатанный, приготовленный им ответ на письмо г-жи Непениной, говоря, что до прочтения этого ответа считает словесные объяснения лишними; Непенин пожелал тут же прочитать ответ и затем вступить в словесные объяснения; Чихачёв отклонил это предложение и просил посетителя удалиться из его квартиры. Тогда Непенин вызывает его на дуэль; Чихачёв отвергает вызов; Непенин наносит ему удар по лицу; от этого удара Чихачёв пошатнулся назад, но, оправившись, бросается на оскорбителя с кулаками; Непенин встречает его также ударами и, вслед за тем, правая рука его оказывается вооружённою дорожным складным ножом, который, как говорят, всегда бывал у него в кармане, точно так же как маленький револьвер, переданный им, при входе в квартиру Чихачёва, жене. Когда он успел вынуть и раскрыть нож — никто не знает, и сам он не может определить эту минуту, хотя помнит, что раскрывал нож. Чрез несколько секунд после начала борьбы выбегает из соседней комнаты родствен-

⁵ Мотив угрызений совести не исключали ни сторона обвинения, ни сторона защиты. Вместе с тем прокурор прибавил к нему страх жены быть разоблачённой и желание забежать вперёд, возложив основную тяжесть вины на «соблазнителя». Адвокат в свою очередь признался: «Для меня объяснение Непениной с мужем необъяснимый психологический факт», — однако высказал своё предположение, что решающую роль сыграл характер жены с её институтским воспитанием («дитя», «наклонность к экзальтации»).

⁶ Точные выражения прокурора, зафиксированные в стенограмме «Голоса» (8 марта): «Это человек злобный, сухой, чёрствый, в котором очень мало сердца», «ослеплённый злобой, бессердечный человек».

⁷ Автор «Гражданина» создаёт этот экспрессивный образ на основании замечания прокурора: «Вся предыдущая его семейная жизнь могла быть в его глазах отравлена».

ник Чихачёва полковник фон Раабен и хватает Непенина за левую руку, стараясь оттащить его от Чихачёва; но бойцы продолжают наносить друг другу удары, и правая рука Непенина действует свободно. Г-жу Непенину, порывавшуюся было к борющимся, удержал прибежавший на шум дворник, и, находясь уже в его руках, она выстрелила два раза из револьвера... В кого она метила и метила ли в кого-нибудь — неизвестно; пред ней была тесная группа, состоявшая из её мужа, Чихачева и фон Раабена, — ни в кого из них не попали пули, и последняя ударила в пол. Поражённый звуком выстрелов дворник поспешил вывести г-жу Непенину вон из комнаты. Между тем фон Раабен успел притянуть Непенина к бывшему шагах в четырёх дивану и, повалив, обхватил его сзади чрез обе руки. Борьба кончилась. Чихачёв, сказав: «теперь полицию», — успел перейти в соседнюю квартиру своей сестры и там уже почувствовал себя сильно раненным: у него в верхней части груди оказались две глубокие раны, от которых он умер на другой день. Так разъяснён на суде процесс совершения убийства.

По окончании судебных прений, которые предоставляю и советую вам прочесть вполне, когда они будут напечатаны в газетах, — суд поставил присяжным заседателям три вопроса. Они уже напечатаны, но я приведу их здесь слово в слово. Вот они:

1. Виновен ли подсудимый Непенин в том, что 26 ноября 1873 г., войдя в квартиру проживающего в Петербурге коллежского асессора Чихачёва и обменявшись с последним объяснениями, пришёл после того в состояние раздражения и под влиянием этого чувства, в запальчивости нанёс Чихачёву не случайно, а с умыслом, несколько ран, последствием которых была смерть Чихачёва?

2. Если Непенин виновен по первому вопросу, то, нанося Чихачёву ножом удары, имел ли желание лишить Чихачёва жизни?

3. Виновна ли подсудимая Непенина в том, что в означенное в первом вопросе время, войдя в квартиру Чихачёва, после объяснений с Чихачёвым, пришла в состояние раздражения и в этом состоянии, имея намерение лишить его жизни, два раза выстрелила в него из револьвера, но выстрелы её не попали в Чихачёва по причинам, от воли её не зависевшим?

Присяжные на первый вопрос ответили утвердительно и даже с некоторым ударением: «Да, виновен, и раны наносил с умыслом». На 2-й и 3-й вопросы даны ответы отрицательные: «Нет, не имел»; «нет, не виновна».

Я имею некоторое основание думать, что вынесенный присяжными приговор большею частью присутствовавших в зале суда был принят одобрительно; все или почти все нашли его справедливым, с чем и я готов согласиться. Правда, на другой день я слышал, как многие удивлялись, что г-жа Непенина оправдана; но удивлялись всё люди сами в суде не бывшие, а прочесть успевшие только обвинительный акт да показание одного свидетеля...⁸ Впрочем, я совсем не думаю касаться оценки приговора; мне хочется только вот о чём спросить вас: как вы думаете, найдётся ли на свете такой человек, такой вдохновенный сердцеведец, такой ясновидящий, который мог бы, положив руку на сердце, с *полною уверенностью* ответить на второй из вышеприведённых вопросов: нанося ножом удары, имел ли (т. е. в минуту нанесения ударов) *желание* лишить жизни?

⁸ Обвинительный акт, показания свидетеля фон Раабена (родственника Чихачёва) и решение суда были опубликованы в газете «Голос» 3 и 4 марта 1874 г., т. е. в первых двух частях судебного отчёта.

«Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет в бездну роковую
Души?»⁹...

Когда человек, долго томившийся жаждою, дорвётся наконец до кружки с водою и начнёт с жадностью глотать эту воду, — то, глотая, имеет ли он желание не чувствовать впредь жажды или не имеет? Попробуйте разрешить этот вопрос. Если бы вы задали его самому, глотающему воду, в минуту самого глотанья, он, может быть, слышав вопрос, не отнимая губ от кружки, кивнул бы головою утвердительно; но дайте ему окончательно напиться и спросите потом, — он, вероятно, ответит, что помнит только, что чувствовал наслаждение, а больше ничего не помнит и не знает. Если бы кто-нибудь имел возможность спросить Непенина в ту самую минуту, когда он наносил удары Чихачёву, желает ли он, чтоб Чихачёв сейчас же упал к его ногам мёртвый, — он, может быть, закричал бы задыхающимся от злобы голосом: «Да, желаю!» Но *тогда* его никто не спросил; никто *не навёл* его на сознание *желания*; минута неистовой злобы прошла, и тайна происходившего в душе его в ту минуту закрылась навсегда даже от него самого.

И эту тайну души предлагают разгадать не знавшим его и не бывшим при нём в роковую минуту людям! Задача, по-моему, совсем невозможная!

П.

Статья «Психологический вопрос из дела Непениных (Письмо к редактору)» была опубликована в еженедельнике «Гражданин» 11 марта 1874 года, когда редактором «газеты-журнала» был Ф. М. Достоевский. Подписана статья криптонимом «П.», который в данном издании использовал А. У. Порецкий¹⁰. Однако речевой склад статьи не вполне соответствует привычному индивидуальному стилю этого автора. Изложение событий Александром Устиновичем (он вёл в «Гражданине» рубрики «Областное обозрение» и «Из текущей жизни») было обычно более пространное, аморфное, здесь же мы видим предельно сжатое, динамичное, акцентированное выступление. Разумеется, этого наблюдения ещё недостаточно для предположения об участии Достоевского в написании данной статьи, это могла быть с его стороны только редакторская правка, которой подвергались многие публикации руководимого им издания. Более существенный вклад Достоевского видится нам в отличающей статью тонком психологическом анализе пограничного состояния преступника.

Мы видим, как постепенно выстраиваются, усиливая друг друга, эпизоды непознаваемости, неопределённости внутренних движений соучастников убийства, мужа и жены Непениных:

⁹ Из поэмы Пушкина «Полтава».

¹⁰ См.: «Неоценённое побуждение» (Гражданин. 1873. 5 ноября), «Семейная неурядица как причина самоубийства» (Гражданин. 1873. 3 декабря). По поводу последней статьи было высказано предположение об авторском участии Ф. М. Достоевского (Отливанчик А. В. Достоевский — соавтор А. У. Порецкого и В. Ф. Пуцыковича в «Гражданине»: опыт атрибуции // Неизвестный Достоевский. 2016. № 2. С. 4–14 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449575.pdf).

«Когда он [Непенин] успел вынуть и раскрыть нож — никто не знает, и сам он не может определить эту минуту, хотя помнит, что раскрывал нож»;

«В кого она [Непенина] метила и метила ли в кого-нибудь — неизвестно...»;

«...как вы думаете, найдётся ли на свете такой человек, такой вдохновенный сердцеведец, такой ясновидящий, который мог бы, положив руку на сердце, с *полною уверенностью* ответить <...>: наносит ли ножом удары, имел ли (т. е. в минуту нанесения ударов) *желание лишить жизни?*»

В данном случае автор статьи почти цитирует рассказ Достоевского «Вечный муж». Его герой, Вельчанинов, пытается понять поведение мужа соблазненной им женщины: «...может быть, ещё за четверть часа сам он не знал, что зарежет», «Павел Павлович хотел убить, но не знал, что хочет убить» (9; 100, 102). Жизнь (уже не в первый раз) повторяла и как бы авторизовала сочинённый писателем сюжет. Опыт художника теперь помогал разобраться в клинике реально происшедшего.

Еще через два года Достоевский в майском «Дневнике писателя» 1876 года будет разбирать аналогичную ситуацию в судебном процессе Каировой, обвинённой в покушении на убийство соперницы. Перед присяжными был поставлен очень похожий вопрос: «...наносила ли Каирова, *заранее обдумав своё деяние*, Александре Великановой, с *целью лишить её жизни*, несколько ран бритвой по шее, голове и груди...» (23; 9). Автор «Дневника писателя» реагирует на этот вопрос в точности так же, как и автор атрибутируемой статьи «Гражданина»: «...на вопрос, так поставленный, ответить утвердительно можно, лишь имея сверхъестественное божеское всеведение. Да и сама Каирова совершенно могла не знать того: “дорежет ли она или нет” <...>. Да мало того, хоть и покажется абсурдом, но я утверждаю, что и когда уже резала, то могла *ещё не знать*: хочет ли она её зарезать или нет, и с *этою ли целью её режет?* <...> в ту минуту, когда резала, *знала, что режет*, но хочет ли, сознательно *поставив себе это целью*, лишить свою соперницу жизни — этого она могла в высшей степени не знать, и, ради бога, не считайте этого абсурдом: она могла резать, в гневе и ненависти, не думая вовсе о последствиях. <...> Итак, как же было ответить после того на такой мудрёный вопрос суда? Ведь тут не домашний разговор за чайным столом, ведь тут решение судьбы. Так можно ставить вопросы, сильно рискуя не получить на них никакого ответа» (23; 9).

Как и автор «Гражданина» два года назад (ср.: «Задача, по-моему, совсем невозможная!»), Достоевский вновь утверждает неправомочность постановки *упрощённого* «психологического» вопроса перед присяжными. В этом утверждении заключена преследующая публициста и художника мысль о неисповедимости души человеческой, о её зависимости от «минуты». (Ранее ещё в одной ситуации слова преступника «Не знаю, как и случилось и как ножичек очутился в руках» автор «Дневника писателя» прокомментировал: «И вправду, действительно не знал» — 22; 31).

С большой долей вероятности можно представить, как писалась статья о деле Непениных. Очевидно, ей предшествовал предварительный обмен мнениями Достоевского и Порецкого, судя по всему, побывавшего в зале суда, т. е. «наведение» последнего на определённую интерпретацию (такого рода

отношения весьма характерны для них и складывались ещё с 1840-х годов)¹¹, а когда текст был представлен в редакцию, последовала его редакторская «доводка». Мы предполагаем, что именно Достоевскому принадлежат три последних абзаца о «тайне души», обусловленной сложностью человеческой природы. Это была давно занимавшая писателя мысль, затем развитая в «Дневнике писателя» мая 1876 года (глава первая о деле Каировой).

Интересно, что в черновиках к этой главе Достоевский анализирует пограничное состояние преступника на примере собственного романа «Преступление и наказание», а именно эпизода убийства старухи процентщицы (в «Дневник» этот анализ не вошёл). Автор при этом прибавляет к тексту романа свои новые соображения: «Ну вот он идёт: спросите его: убьёт ли он или нет? Что он вам ответит? Как вы сами думаете: убьёт он или воротится? Очень может быть, что воротится. <...> вот уж он высвободил и поднял топор — опустит он его или нет. Конечно, опустит. Смотрите, не ошибитесь. А что, если вдруг вскрикнет и бросится старухе в ноги и всё ей расскажет, да и не с тем вовсе, чтобы простила, а напротив, умоляя поскорее послать за полицией» (23; 214). Эти соображения приходят к автору романа, что называется, постфактум, возвращая к психологическим откровениям «Идиота» (покушение Рогожина на Мышкина) и «Вечного мужа». Антиномия аффекта не даёт покоя писателю и в его последнем романе — в истории Дмитрия Карамазова, когда тот хотел убить отца, но в последнее мгновение передумал. В историю сквозного для произведений Достоевского мотива непредсказуемости человека должны быть включены и глава о деле Каировой в «Дневнике писателя» мая 1876 года, и статья 1874 года «Психологический вопрос из дела Непениных».

В пользу участия Достоевского в этой статье «Гражданина», на наш взгляд, свидетельствует также и то, как её автор описывает поведение ревнивого мужа: «Злость и бессердечие Непенина выразились в следующих действиях: он долго, инквизиторски-неотступно выпытывает от жены все мельчайшие подробности её давнего падения; он сводит её на очную ставку с Чихачёвым, как бы из желания ещё раз *усладить* свой слух этими мелкими подробностями и *упиться зрелищем*, как два человека, пойманные в старом грехе, смущённые, при нём будут друг друга разоблачать и терзать поминками этого греха...» (выделено нами — В. В.) Описание это не вполне соответствует фактам, оглашённым в суде: ни о каком «услаждении» и «упоеании» Непенина речи там не было. Зато нарисованная автором «Гражданина» весьма «достоевская» картина напоминает ситуацию из повести «Неточка Незванова» (Александра Михайловна и её беспощадный муж, вот именно наслаждающийся «поминками греха» своей жены)¹² и рассказа «Маленький герой» (история m-m M*)¹³.

¹¹ См.: Викторич В. А. Литератор-невидимка. Из цикла «Спутники Достоевского» // Лица: Биографический альманах. Т. 4. М.: СПб., 1994. С. 72–94.

¹² «Вы хотели удержать над ней первенство и удержали. Но для чего? Для того, чтоб восторжествовать над призраком <...>. “Что ж за беда, что вы её полюбили?” Вот что она говорила, вот что хотелось ей доказать вам. Ваше тщеславие, ваш ревнивый эгоизм были безжалостны» (2; 266).

¹³ «...говорили, что муж её ревнив, как арап, не из любви, а из самолюбия» (2; 275).

Позиция автора «Гражданина» соотносится с представлением Достоевского о своеобразной типологии ревности (чувства, ему самому очень хорошо знакомого). Он сформулировал его в 1860 году в письме к А. И. Шуберт: «Знаете: ведь есть две ревности: ревность любви и самолюбия <...>; мелочи самолюбия почти так же мучительны, как и крупное страдание, особенно при ревности и мнительности» (282; 14). История Непенина могла бы послужить прекрасной иллюстрацией ревности самолюбия.

Некоторые другие обстоятельства, сопровождавшие статью «Гражданина», также не лишены особого для нас значения, поскольку ведут к ещё одному принципиальному выступлению Достоевского — о судебном деле Кроненберга (Кронеберга) в февральском выпуске «Дневника писателя» 1876 года.

Вернёмся к началу марта 1874 г. Газеты сообщают о чрезвычайном интересе публики к «делу супругов Непениных, обвиняемых в убиении Чихачёва». Утром 2 марта зал заседаний первого (уголовного) отделения Санкт-Петербургского окружного суда задолго до начала процесса забит до отказа, в коридоре и у подъезда собралась большая толпа, а на лучших местах в зале замечены начальник губернии, губернский предводитель дворянства, сенаторы, видные сановники. Едва ли само по себе рядовое в общем-то дело, убийство из ревности, вызвало такой ажиотаж. Его причина была скорее всего в том, что ожидалось соревнование восходящих звёзд судебного красноречия — прокурора А. Ф. Кони и адвоката В. Д. Спасовича. Кто из них одержит верх, должен был решить суд присяжных заседателей, пока ещё очень проблемная для России и часто с привкусом сенсационности форма демократического судопроизводства. В стране, лишённой парламентского действия, новым и привлекательным был сам акт публичного словопрения, нечто вроде современных ток-шоу, равнодушных и по сей день к театрализованному жанру судебного разбирательства. Ожидания слушателей (и затем читателей газет) не были обмануты: состоялась интеллектуальная дуэль умнейших людей своего времени и вместе с тем соревнование блестящих ораторов. Каждый из них провёл своё исследование обстоятельств, приведших к преступлению, выявил психологические мотивы, руководившие участниками событий. Напечатанная в газетах подробная стенограмма¹⁴ создаёт ощущение рассказанных обвинением и защитой двух «романов» на один сюжет, но с разной повествовательной стратегией. Судебные ораторы — в своём роде художники, эта ипостась с очевидностью предстанет в сценах суда в «Братьях Карамазовых», а чуть раньше в «Дневнике писателя» в разборе судебных процессов Кроненберга и Каировой. Увлечённый своим (художественным) изложением событий и склонить их к принятию желаемой резолюции — такова же была и задача Кони и Спасовича в деле Непениных. В этом поединке победил Спасович: присяжные пошли за ним в ответе на второй вопрос и проголосовали за то, что Непенин, нанеся Чихачёву удары ножом, не хотел его смерти. Утверждавший обратное обвинитель Кони не был убедителен

¹⁴ Достоевский, очевидно, читал её по публикации «Голоса». Позднее по поводу процесса Кроненберга Достоевский заметил: «“Голос” такое богатое средствами издание, что, вероятно, имеет возможность содержать хорошего стенографа» (22; 57).

для присяжных, потому и решение суда было достаточно мягким: убийца избежал каторги и был отправлен в ссылку в Сибирь на восемь лет, а его сообщница жена (её защищал В. Н. Герард) и вовсе была оправдана вопреки требованию прокурора. В этом контексте довольно странно выглядит интересующая нас статья «Гражданина»: в ней ни слова не сказано об успешной защите Спасовича и Герарда, зато дважды дана положительная оценка обвинению («превосходная речь прокурора», «превосходно построенная речь»)¹⁵. Стоит рассмотреть подробнее оба «романа», обвинения и защиты, дабы понять позицию автора «Гражданина» и предложенный им ещё один, третий «роман».

Речь Кони действительно была выстроена с большим внутренним смыслом и тактом. Уже в самом начале, предваряя свою версию, прокурор обратился к присяжным с весьма знаменательным воззванием, переводящим весь дальнейший разговор из сферы уголовного кодекса в сообщающуюся с ним плоскость морального права с его **абсолютными** установками: «...вы постановите беспристрастный приговор, который должен иметь большое значение. Он укажет, возможно ли безнаказанно распоряжаться чужою жизнью под влиянием гнева и ненависти и может ли каждый сам делаться судьёю в своём деле и приводить в исполнение свои, выработанные страстью и злобою приговоры...»¹⁶.

Прокурор далее предложил психологический анализ как эмоционального состояния, так и личности Непенина, идя от общего к частному и после проведённого исследования обстоятельств дела вновь возвращаясь к первоначально заявленному постулату абсолютности: «Убийство в запальчивости и раздражении бывает обыкновенно последствием внезапно прорвавшегося наружу гнева, увлечения, ненависти. Эти страстные чувства выражаются в стремлении уничтожить ненавистного человека, стоящего пред глазами. <...> Он [Непенин] слишком часто и скоро приходил в негодование, слишком резко выражал своё чувство. Письма, имеющиеся в деле, представляют многие подтверждения этим сторонам его характера. Для него весь уезд населён «идиотами или сволочью». Он один умный человек, стоящий неизмеримо выше всех <...>. Этот человек был женат. Он женился на девушке молодой, недавно вышедшей из института, которую здесь свидетельские показания рисуют как девушку довольно наивную, подпавшую вполне под власть и влияние мужа. <...> Человек, не любимый в обществе, которое он сам презирает, человек, против которого постоянно действуют противники, отвечая на его резкости <...>, такой человек должен был находить счастье только в семейной жизни и искать утешения только у домашнего очага, где его любят, где ему знают цену, где его слушают <...>. И вот, когда, с одной стороны, он любит горячо и верит вполне, у неё [жены] в душе постоянно копошится воспоми-

¹⁵ Эта похвала вполне могла принадлежать и Достоевскому: за два дня до выхода «Гражданина» речь Кони была напечатана в «Голосе» (8 и 9 марта 1874 г.).

¹⁶ Речь Кони цитируется по указанной выше стенограмме газеты «Голос», т. к. именно в этом варианте она была известна Достоевскому; впоследствии она перепечатывалась в сборниках речей и в собрании сочинений знаменитого юриста с поправками автора, иногда довольно серьёзными (см.: Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М., 1967).

нение, что она обманула этого доверчивого человека, что она его провела, что она не стоит его доверия. Это должно было её мучить. Я вполне верю её объяснениям в этом отношении, я рад, что мы можем верить в этом случае в хорошие свойства человеческой природы. Отчего не поверить, что голос совести зазвучал в Непениной, наконец, очень сильно, так сильно, что она нуждалась только в толчке, чтобы признаться? <...> Она могла подчас бояться, что всё будет открыто мужу каким-нибудь окольным путём. Тогда прощай всё — и его уважение, и его любовь, и надежда на прощение, потому что тогда для неё не будет даже того смягчающего обстоятельства в глазах мужа, которое состояло бы в сознании своей вины... Вот разнообразные причины, которые могли побудить её сознаться. Она это и сделала 22 июня прошлого года. Но человек, господа присяжные, исполнен противоречий, и рядом с порывами благородных и высоких чувств, рядом с великодушием, желанием раскаяться и жаждой правды существуют нередко разные мелкие побуждения, ложный стыд, желание оградить себя от опасности, желание выторговать что-нибудь у судьбы или даже у самого себя — словом, разные сделки с самим собою... Бывают случаи, когда человек отдаётся порыву правдивости и сознаёт свою вину. Но если взглянуть в это сознание, то окажется, что по большей части человек не может удержаться, чтобы не сказать о себе или не вынудить других сказать: «да, виновен, но заслуживает снисхождения». И потом нередко всё дело представляется в таком виде, что кающийся только и заслуживает снисхождения, а виновными оказываются посторонние, другие... То же, полагаю, было и с г-жой Непениной. Она созналась, что виновна, но не имела достаточной правдивости и добросовестности, чтоб сказать мужу всю истину. Она сочинила целый рассказ, в котором сама играла роль жертвы¹⁷; она не обдуманно, в своей полуоткровенности, рассказала ему такие вещи, которые не могли не задеть его самым больным образом. Она подняла в его душе бурю, которую уже не могла утишить и которая увлекла и её самоё, вырвав с корнем из той обстановки, в которой до тех пор она находилась.

Можно представить себе положение человека, самолюбивого до крайности, каким был Непенин, после того как он выслушал признание жены. Вся предыдущая его семейная жизнь могла быть в его глазах отравлена. К каждому воспоминанию, к каждой ласке жены должна была с этой минуты примешиваться мысль о лжи, об обмане, к каждому порыву нежности примешиваться воспоминание, что эта же нежность принадлежала другому <...>. Это уничтожение доверия должно было вызвать мысль о том, что она, и признавшись, ещё скрывает кое-что, чего-то не договаривает... <...> Он весь отдался сомнениям и стал сам растревлять свою рану, требуя от жены объяснения различных подробностей связи с Чихачёвым, заставляя её в сотый раз повторять все мельчайшие и не совсем даже чистые подробности. <...> Но дальнейшие события указывают на нечто другое: через всё дело проходит другая нить, приводящая к выводу, что если г. Непенин — человек деятельный и неглупый, то, с другой стороны, это человек злобный, сухой, чёрствый, в котором очень

¹⁷ Т. е. она представила дело так, будто она была изнасилована Чихачёвым. Чему муж, видимо, не очень-то поверил.

мало сердца, которому недоступно чувство настоящей любви, неразлучной с снисхождением, с прощением, с извинением слабостей, ошибок и даже проступков близких сердцу людей. Может ли говорить о действительной любви человек, который заставляет свою молодую жену в грязной харчевне рассказывать своему бывшему, давным-давно оставленному любовнику все мелкие и грязные подробности их отношений и, горя стыдом, напоминать ему вещи, которые давно следовало выбросить из памяти <...>. Человек, который способен проволочить свою жену через всё дело, подвергать её терзаниям своих допросов и поруганиям уездной молвы, ругать и бить и даже не за то, что она виновна, а только потому, что он сомневается; такой человек оставляет в своих действиях не только «нить сомнения», но обнаруживает глубокое раздражение, себялюбие, под властью которого, в своих злобных и желчных порывах, он беспощадно относится ко всему, что его окружает, ко всему, с чем он сталкивается. В этом главная суть, на этом основываются все поступки Непенина. <...> Очевидно, что этот человек отдался всецело своему страшному гневу. Отсутствие доброты, ему свойственное, так дало восторжествовать этому гневу, что никаких других благородных чувств не видно и следа, ни сострадания к жене, ни жалости, ни снисхождения к женщине... Он или молчит, или бушует один в доме, ничто его не интересует, он весь отдался своему недостойному, животному гневу. <...> Когда перед нами человек с накипевшею злобою, <...> и видящий пред собою ненавистного человека, который хочет во что бы ни стало избежать с ним объяснений, бросается на этого последнего, весь отдавшись своему гневу, и наносит ему ножом смертельные раны, мы имеем право сказать, что человек этот, этот Непенин желал убить своего врага, Чихачёва, а когда умрёт Чихачёв, то сказать, что Непенин убил его в запальчивости и раздражении. <...> Мне думается, что с вашей [присяжных] стороны по отношению к этому человеку должен последовать строгий приговор, который укажет, что на защите человеческой жизни стоит суд присяжных, который не прощает никому посягательства на жизнь другого».

В подобных случаях принято просить извинения у читателей за пространную выписку, в оправдание можем сказать, что она необходима для понимания, что же так высоко оценил автор «Гражданина» в речи обвинителя. Не лишним будет напомнить, что Достоевский к тому времени был уже знаком с автором речи и являлся поклонником его творчества. Анатолий Фёдорович Кони ещё со времён «Преступления и наказания» был увлечённым читателем Достоевского, учившего понимать «затаённые и нередко подолгу молчаливые струны сердца»¹⁸. В цитируемой речи школа Достоевского также даёт о себе знать. Это не только попытка проникнуть в «затаённые» глубины преступной души, но и постановка сугубо юридического вопроса (виновен — не виновен) на почву морали. С другой стороны, мы замечаем и «обратную связь»: в «романе» обвинителя проступают некоторые из будущих тем и мотивов Достоевского. Так, в объяснении характера Непенина и его отношений с женой прокурор обрисовывает ситуацию, которую Достоевский через два

¹⁸ Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6: Статьи и воспоминания о русских литераторах. М., 1968. С. 406.

года будет разрабатывать в рассказе «Кроткая»: «Человек, не любимый в обществе, которое он сам презирает, человек, против которого постоянно действуют противники <...>, такой человек должен был находить счастье только в семейной жизни и искать утешения только у домашнего очага, где его любят, где ему знают цену, где его слушают...»

Ещё одна яркая подробность ведёт нас к этому же произведению Достоевского и к его герою сокрушительного «подпольного» эгоизма — это пытка молчанием, которую избрал Непенин по отношению к жене: он «мучит её по временам своим молчанием по целым дням», «он или молчит, или бушует один в доме».

В конечном счете «роман» прокурора — о «герое», для которого любовь к жене выростала исключительно из желания самоутвердиться за счёт другого человека. Любовь как самоотдача, то есть подлинная любовь («настоящая», «действительная», по слову прокурора), ему совершенно незнакома¹⁹. Именно поэтому давний грех любимой вроде бы женщины вызывает такую неукротимую ярость: о прощении не может быть и речи. Это не ревность о её чистоте (трагедия Отелло), это ревность о себе, упавшем с обрётённого в семье пьедестала (трагедия «подпольного человека»). История эта раскрывала перед Достоевским как читателем Кони истинную подоплёку того явления, которое писатель вскоре назовёт «случайным семейством»: когда мужа и жену соединяет некий *суррогат любви*, замешанный на утверждающем себя эгоизме.

А что защита? Как выстроил оправдание Непенина прославленный адвокат В. Д. Спасович? Приёмы защиты, подкупившие присяжных заседателей, были довольно характерны, и Достоевский имел возможность наблюдать их тогда (речь Спасовича была напечатана в составе стенографического отчёта в «Голосе» 9 и 10 марта 1874 г.) не в примитивном типовом варианте, но в блестящем, тонком исполнении. О таланте Спасовича Достоевский выскажет-ся опять же через два года в связи с процессом Кроненберга, но уже в марте 1874 г. он убедился, читая стенограмму речи адвоката, в чарующем торжестве «нанятой совести».

В начале своей речи в защиту Непенина, понимая эффект почина, Спасович честно обещает «говорить правду и одну только правду». Далее ею оказывается правда страсти: подсудимым двигали «самые сильнейшие страсти, какие могут волновать душу человека» — «гнев, месть, любовь, ненависть». В этом семантическом ряду «гнев» и «месть» оказываются не лишёнными внутреннего достоинства и благородства. «Я не могу излагать вам, что такое страсть», — почти интимно адресуется адвокат к присяжным и берёт их, что называется, на понт: «Тот не поймёт страсти, кто сам её не испытал, кто не

¹⁹ Нельзя, впрочем, исключить, что характер Николая Непенина претерпел изменения после пережитого потрясения совершённого им убийства. Об этом могли бы рассказать письма супругов своему обвинителю (а не защитникам!) из сибирской ссылки, куда жена отправилась следом за мужем по собственному желанию. Эти письма (упоминаемые комментатором речи в названном выше собрании сочинений Кони) нам пока не известны. Возможно, они могут дать ещё один ключ к повести «Кроткая», если учесть близкое знакомство её автора с адресатом писем.

заливался горькими слезами, кто не худал и не чах от душевных страданий». Признав над собою силу страстей, вы не можете не посочувствовать Непенину, чего и добивался его защитник. А как же с обязанностью порядочного человека контролировать буйство страстей, о чём так убедительно говорил прокурор? Погодите, и эта крепость будет разрушена...

На пути оправдания Непенина следовало уничтожить данное обвинителем определение подсудимого как бессердечного человека. Защитник, напротив, ничуть не сомневается в истинности любви Непенина к жене и эгоизму, диагностированному прокурором, противопоставляет нарочито тривиальную, «доступную» сентенцию о природе земной любви как таковой: «Во всякой любви, как бы она ни была возвышенна и в каких бы ни витала эмпириях, есть нечто чувственное, сильное. Таков уже по природе своей человек, полубог и полуживотное». Получается, если мы осудим Непенина, мы тем самым осудим собственную природу, осудим самих себя! Сильный ход в глазах обывателя, а на него-то в среднестатистических рядах присяжных и сделан расчёт. Спасович через два года на процессе Кроненберга едва ли не дословно повторит свой приём, когда обратится к присяжным: «Я думаю, что каждый из вас пришёл бы в такой же гнев...» (22; 68, Достоевский отнёс эти слова, выделив их курсивом, к «геркулесовым столпам» адвокатского искусства)²⁰.

Гнев, приведший Непенина к преступлению, прокурор однозначно счёл **виною**, Спасович же предлагает рассматривать его в качестве обстоятельства, **снимающего вину**. Гневная страсть, утверждает адвокат, «может исказить психический организм» (т. е. изначально-то добрый), «под её влиянием деятельность человека получает одностороннее направление: он делается <!> несправедливым и жестоким», а уж особенно, «если удар нанесён братом, приятелем, любимую женщиною». В таком случае, уверяет Спасович, всё зависит от натуры человека. «Есть натуры мягкие, слабые, дряблые <...>. Люди более крепкого закала, люди мощные, энергические возмутятся причинённым им злом, изменою до глубины души, они вознегодуют и проникнутся чувствами ненависти и мести».

Непенин, как видим, уже почти герой (отставной штабс-капитан, он ведь был ещё недавно авторитетным мировым судьёй — напоминает Спасович)²¹, а сам защитник остановился всего в полушаге от «раскольниковского» утверждения, что нет для такого человека преступления. Оставшиеся полшага адвокат преодолел, но в отличие от более примитивных своих коллег, не прямым, а окольным путём. Препятствующую на этом пути мысль прокурора об обязанности удерживать в себе «чувства ненависти и мести» защитник — нет, не отвергнет, но сделает... факультативной: «Надо быть **необыкновенно** нравственным, высоконравственным человеком, чтоб одолеть себя, наложить узду на своё негодование и убедить себя в том, что есть другие ещё цели,

²⁰ Другой, но родственной адвокатский приём — любыми способами очернить свидетелей обвинения — Спасович с успехом применяет и в процессе Непениных, и в деле Кроненберга. В последнем случае Достоевский заметил это как ловкий, но далёкий от этики трюк (22; 63).

²¹ Об этом обстоятельстве говорил и прокурор, но в другом контексте: кому много дано, с того много и спросится.

кроме мести, есть ещё общество, есть природа, искусства, наука, есть Бог, есть разные другие блага, которые краше, лучше и желательнее удовлетворения чувства мести. До такой нравственной высоты **доходят весьма немногие** — это **удел избранных**. Непенин <...> принадлежал к **людям обыкновенным** (выделено нами — В. В.).

В качестве обыкновенного человека Непенин «не владеет собою» в приступе гнева, и это состояние, по Спасовичу, снимает с подсудимого большую часть ответственности²². В процессе над Кроненбергом знаменитый адвокат повторил этот, как оказалось, беспроигрышный в глазах присяжных аргумент. На что Достоевский, по существу, повторяя главный постулат Кони 1874 года, скажет жёстко и непримиримо: «есть предел всякому гневу» (22; 67). Слово «предел» на двух страницах февральского «Дневника писателя» 1876 года автор повторит семь раз, и ещё пять раз прибавит к нему слово «нельзя». Это означает, что нельзя ни при каких условиях человеку выходить за пределы, ему установленные совестью или, что то же, Богом. Последний не может быть лишь обстоятельством среди «разных других благ», как это представлялось Спасовичу. Иначе человек — всего лишь «смесь прекрасного и гадкого», таким его видит либеральный адвокат, призывая снисхождение на слабое и противоречивое создание природы. К этому, уверяет он в торжественном финале своей речи, также «располагает изучение истории человечества»: в религиозных войнах или в период французской революции люди пролили немало крови, но ненависть наконец прошла, «погасла» сама собою. Точно так же пройдёт и (справедливая во многом) ненависть Непенина.

Осуждать вроде бы и некого, тем более что и в кровавом финале семейной истории Спасович освобождает своего подопечного от тяжкого обвинения в намеренном убийстве (незаметно подтасовывая подробности): «Выведенный из себя Непенин почти бессознательно, машинально, вынул нож и стал резать и колоть кого попало, без намерения убить, но с намерением ранить». Согласно с защитником показывал обвиняемый: «Это были секунды бессознательного состояния». Слово «машинально», как видим, было добавлено адвокатом. А версию «кого попало» (подкрепляющую «машинальность») довольно аргументированно опроверг обвинитель в детальном разборе обстоятельств убийства.

Состязание противоположных истолкований, обвинения и защиты, привело к победе Спасовича: выбор присяжных был сделан в пользу «широкого», снисходительного отношения к греху гнева и мстительности, к эгоизму «обыкновенного человека». «Гражданин» Достоевского довольно определённо принял «узкую» сторону обвинения, охранявшего абсолютизм нравственных постулатов. Через два года, размышляя над схожим в чём-то делом Каировой, Достоевский вновь солидаризируется с позицией, выраженной А. Ф. Кони, и запишет: «Есть черта, где человек должен владеть собой» (23; 168). Должен, и всё. И никаких лазеек.

²² Типовой адвокатский приём, о котором Достоевский вскоре отзовется иронически: «не помня себя <...> в том смысле, как уверяют теперь адвокаты про своих убийц и воров» (13; 12).

При этом мягкость приговора Непениным автор, скрывшийся за криптонимом «П.», всё же одобрил. Ещё не прозвучала, но явственно обозначилась установка Достоевского, памятующего о знаменательном событии, «когда сказано было великой грешнице, осуждённой на побитие камнями: “Иди в свой дом и не греши”» (26; 110).

Вместе с тем упрощённость психологических мотивировок и обвинения, и защиты вызвала у «Гражданина» несогласие ни с той, ни с другой стороной. Издание Достоевского утверждало сложность, динамичность душевной природы (это не то, что «машинность», на которой настаивал адвокат), неуловимой для позитивного научного знания, на которое опираются юристы, законодатели, имеющие власть над человеческими судьбами. Высказанную пока в самом общем виде мысль Достоевский через три года сформулирует гораздо отчётливее: «...законы духа человеческого столь ещё неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённые и столь таинственны, что нет и не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и аз воздам”. Ему одному лишь известна вся тайна мира сего и окончательная судьба человека. Человек же пока не может браться решать ничего с гордостью своей непогрешности, не пришли ещё времена и сроки» (25; 201–202).

В этой ситуации гносеологической неопределённости, когда с особой силой разгорается спор между требованием морального самоограничения (Кони) и снисходительности без берегов (Спасович), Достоевский всё же принял сторону первую, консервативную и охранительную в точном значении этих слов. В мае 1876 года в связи с делом Каировой Достоевский пишет: «Совесть надо подымать, развивать, а не затемнять. <...> Твёрдых начал надо в обществе» (23; 168).

Публикация и комментарии В. А. Викторovichа

В. А. Викторovich

ДОСТОЕВСКИЙ. ФОРМУЛА СЕМЬИ¹

В статье показано, как «мысль семейная» становится концептуальным ядром творчества Достоевского, художественного и публицистического. Источниками писателю послужили как наблюдения над современным процессом разрушения семьи во всех слоях русского общества, так и личный опыт — воспоминания о родительском доме и перипетии собственной семейной жизни. Писатель выводит «формулу семьи» как формулу спасения современной цивилизации: если сохранится неслучайное семейство, которое зиждется «трудом любви», то сохранится и человечество.

Ключевые слова: традиционные ценности, семья, биография и творчество Достоевского.

1.

20 и 21 июля 1877 года Ф. М. Достоевский гостил в сельце Даровом, родительском имении, на тот момент принадлежавшем сестре Вере Михайловне. Об этой поездке мы кое-что узнаём из мемуаров жены писателя: «Родные его рассказывали мне потом, что в свой приезд муж мой посетил самые различные места в парке и окрестностях, дорогие ему по воспоминаниям <...>. Поездка в Даровое доставила много воспоминаний, о которых муж по приезде передавал нам с большим интересом. Он обещал своим детям непременно поехать с ними в Даровое с целью показать все свои любимые места в парке»².

Что ещё мы знаем о том ностальгическом путешествии? Разумеется, июльско-августовский «Дневник писателя» 1877 г, где находятся часто цитируемые строки: «...это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» (25; 172). Ценнейшее признание, которое даёт Даровому бесспорное право быть ключевым местом памяти великого писателя.

Но только ли эти, очень общие, слова? Не весь ли упомянутый июльско-августовский «Дневник писателя» 1877 года — плод предпринятого путешествия, позволяющий понять, куда было это путешествие?

Ещё одна известная цитата, на сей раз из письма Достоевского жене 17 июля 1877 г.: «Проклятая поездка в Даровую! Как бы я желал не ехать! Но невозможно: если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чём писать писателю!» (29₂; 171). Мы полагаем, что цитируемые строки соотносятся как с замыслом «Братьев Карамазовых», так и с более близким по времени произведением — указанным выпуском «Дневника писателя».

Композиция этого сдвоенного выпуска весьма прихотлива, представляя собою что-то вроде стенограммы размышлений автора, не утруждающего себя логическим увязыванием довольно разнородных фрагментов текста. Связь всё же имеется, но не бросающаяся в глаза, а как бы упрятанная

¹ Статья подготовлена в рамках финансируемого РФФИ проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / статья, подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М., 2015. С. 366–367.

за случайными (вроде как) ассоциациями. Такова, впрочем, природа самого жанра, созданного наитием гения. Попробуем выявить скрытую логику, ведь «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»³.

Две главные темы организуют июльско-августовский «Дневник писателя» 1877 года: семейный вопрос и восточный вопрос. Какая между ними связь — попробуем сказать позднее, пока же приглядимся, как формируется первая из указанных тем и какую она представляется в контексте жизни и творчества писателя.

Сообщив о намерении посетить Даровое (не названное здесь по имени)⁴, Достоевский затем передаёт разговор «с одним из моих давних московских знакомых» (25; 172), именно с И. С. Аксаковым, названным лишь в черновиках (25; 244). Заметим, что то был представитель одного из самых почитаемых семейств России, славного не только деятельностью своих «посланников» в русской культуре, но и сложившейся в его недрах исконно русской философии семьи⁵. Достоевский записал знаменательные слова Ивана Сергеевича: «Вот у вас есть такие воспоминания и такие места, и у всех нас были. Любопытно: что у нынешней молодёжи, у нынешних детей и подростков будет драгоценного в их воспоминаниях и будет ли? Главное, что именно? Какого рода?» Эти вопросы автор подхватывает и сопровождает эпическим обобщением: «Без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек» (25; 172). Оно, это обобщение, онтологически соизмеряет «нынешних детей и подростков» с самим автором, отправляющимся в собственное место памяти, где детей Достоевских питала талантливая доброта и умная любовь незабвенной маменьки. Ею для будущего писателя было наполнено лето Дарового. Плюс деревенская, крестьянская, земляная Русь. Такова «материнская плата» всех построений июльско-августовского «Дневника писателя» 1877 года.

Опасения за «нынешних детей и подростков» у автора естественным образом связаны с «тревожными сомнениями» насчёт надвигающегося «загадочного нашего будущего», России и русских людей. А далее, без перехода, вдруг выскакивают самые важные, ключевые слова, заставляющие вспомнить пушкинское заветное («преданья русского семейства») ⁶, новым веком изрядно потрёпанное: «Да и никогда семейство русское не было более расшатано, разложено, более нерассортировано и неоформлено, как

теперь» (25; 173). Для сравнения Достоевский берёт не Пушкина, а его литературного потомка, постигшего в автобиографической трилогии и в «Воине и мире» поэзию семейной жизни и давшего ей «стройное и отчётливое изображение», но, увы, теперь это всё «исторические картины давно прошедшего». Ныне же «русское семейство становится всё более и более случайным семейством» (25; 173). Не трудно заметить, что Достоевский возвращается здесь к мысли, высказанной им от лица одного из героев в финале романа «Подросток». Слово — главное слово — сказано. И ещё раз затвержено: «Именно случайное семейство — вот определение современной русской семьи» (25; 173). Собственно, к этому горькому заключению, разными путями, шла и вся пореформенная русская литература: от эпоса семейного счастья к трагедии распада у Льва Толстого, через конфликт «прежнего» и «нового» у Тургенева, через образы уходящей семейной гармонии у Гончарова и последней деградации у Щедрина, через решительную отмену «старой» семьи «новыми людьми» Чернышевского. Свою лепту в общую картину русского семейного эпоса и семейной драмы внесли С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, П. И. Мельников-Печерский, Д. Н. Мамин-Сибиряк и другие вплоть до завершавших XIX век и перенёвших семейные коллизии в новый век А. П. Чехова и А. М. Горького. Посмотрим, каков был с этой точки зрения путь Достоевского.

2.

Первый роман «Бедные люди» — о двух родных душах, безнадежно одиноких в холодном безжалостном мире⁷, их историю обрамляют семейное прошлое и семейное будущее Вареньки Добросёловой. Она из доброго села, многими подробностями напоминающего нам сельцо Даровое; любовью родителей и радостью детского общения с природой полны её воспоминания. Автор явно поделился с героиней своими семейными тайнами. Так, узнаваем портрет любящего отца, раздражительного от жизненных невзгод и выбивающегося из последних сил, чтобы дать дочери хорошее образование.

По давнему наблюдению В. С. Нечаевой, мотив вспылчиво-гневливого отца отразился затем в фельетоне «Петербургской летописи» Достоевского от 27 апреля 1847 года⁸ в грустной «повести об маленьком московском семействе и об разбитом фамильном зеркале». «Я как будто видел ещё в моём детстве эту бедную Анну Ивановну, мать семейства, да и Ивана Кирилыча знаю» (18; 17), — признаётся фельетонист, обнаруживший эту историю смертельной болезни жены от нерассчитанного гнева любящего мужа в мартовской книжке «Отечественных записок» на задворках повести П. Н. Кудрявцева «Сбоев». С наблюдением Нечаевой согласились и комментаторы академического издания Достоевского (см.: 18; 219): «Несомненно, что «Сбоев» Кудрявцева напомнил Достоевскому детские годы, семейный быт, сложные взаимоотношения, связывавшие его родителей». Сказать «сложные» — ничего не сказать.

⁷ «...а до вас, ангельчик мой, я был одинок и как будто спал, а не жил на свете» (1; 82).

⁸ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 30–32.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4. Т. 6. Л., 1978. С. 18.

⁴ Стоит указать, что и вообще никогда в публичном пространстве (за исключением частных писем) Достоевский не называет дорогого для него имени, как бы положив на него табу. И это при том, что топонимика ближайших к Даровому мест всё же присутствует в сочинениях писателя (да ещё как! достаточно вспомнить Чермашню в «Братьях Карамазовых»).

⁵ См.: Аксаков И. С. Письма к родным 1844–1849 / изд. подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 1988 (Литературные памятники); Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998 (Преданья русского семейства); Кошелев В. А. Сто лет семьи Аксаковых. СПб., 2019. Автор последней книги, критически относясь к идеализации аксаковской «талантливой семьи», приписыванию ей задним числом «абсолютного лада», отмечает достоверно-значимое для нас: «Это была культура, связанная с национальным самоопределением, и потому должна была быть консервативной и опираться на воспоминания» (Указ. соч. С. 15).

⁶ «Евгений Онегин», глава третья, строфа XIII.

Следует в первую очередь отметить, что драматический сюжет в пересказе Достоевского был предопределён отнюдь не желчно-злым характером отца семейства (таким нередко и безосновательно пытаются представить и Михаила Андреевича Достоевского). Повествователь специально оговаривается: «Иван Кириллович добрый человек» (18; 17). Причина семейной драмы — неумеренная вспыльчивость, сама себя наказующая. Всё последовавшее за тихой («диккенсовской») кончиной «в злой чахотке» матери семейства говорит само за себя: «Хорош и Иван Кириллович! Он почти с ума сошёл. Он сам бегал в аптеку, ссорился с доктором и всё плакал о том, на кого это жена его оставляет! Да, много припомнилось. В Петербурге тоже очень много таких семейств. Я лично знал одного Ивана Кирилловича» (18; 18). Это описание действительно напоминает состояние Михаила Андреевича Достоевского после смерти жены («он в первое время даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой и отвечая себе её обычными словами... От такового состояния, особенно в уединении, недолго и до сумасшествия»⁹), однако ещё более важен обобщающий ход фельетониста: «очень много таких семейств»¹⁰. Это далеко не «случайные семейства»: в них царит любовь, однако жестоко испытываемая нестойкостью пред житейскими невзгодами и разрушительной стихией неуправляемой раздражительности. Драму такой любви поэтически убедительно развернёт в «панаевском цикле» Н. А. Некрасов, настаивая на «доле счастья» и в таких непростых «нервных» отношениях.

Но и «случайное семейство» пробивает себе дорогу в раннем творчестве Достоевского. Уже в первом романе появляется начальный его абрис. Это наступающее в финале замужество Вареньки¹¹. Господин Быков берёт её в жёны по какому-то абсурдному плану произвести собственных детей назло неучтивому племяннику-наследнику. Можно представить детство этих несчастных заложников сущностно бездетного отца наподобие будущего Свидригайлова. Гневливое самодурство Быкова нередко выходит из берегов (см.: 1; 103), так что будущее его жены столь же нетрудно прогнозировать. «Ведь вас там в гроб сведут; они заморят вас там» (1; 107), — эти слова Девушкина возвращают нас к сквозному мотиву могущества «чужих людей». Чужих даже и внутри внешнего «счастливого», без «бедности, лишений и несчастий» (1; 101), семейства.

«Случайное семейство» подавало сигналы и в фантастическом «Двойнике» (лицемерная «идиллия» в доме Олсуфия Ивановича), и в водевильном «Романе в девяти письмах», и в кошмарной «Хозяйке», пока не настало время развернуться в итоговой для сороковых годов «Неточке Незвановой». Главная героиня в детстве, отрочестве и юности проходит через три семейства, и каждое из них на поверку оказывается «случайным», поскольку внутри каж-

⁹ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступит. ст. А. А. Достоевского. Л., 1930. С. 109.

¹⁰ От автобиографизма уводит и сообщение фельетониста, что он «лично знал одного Ивана Кирилловича» в Петербурге, а не в Москве.

¹¹ Имеются основания говорить о некоторой прототипичности Вареньки Добросёловой относительно сестры писателя Варвары Карепиной, учитывая нежную любовь к ней брата и его вражду с зятем.

дого дома, бедного или богатого, между мужем и женой встаёт стена непонимания и отчуждения. Дети невольно становятся участниками междоусобиц, а затем, унося в жизнь пагубные впечатления, расплачиваются за грехи родителей своими судьбами.

Позднее в записной книжке Достоевский зафиксировал идею, которая, несомненно, была им лично выношена: «Главная педагогия — это родительский дом» (24; 300). А если это такой дом, какой был у Неточки в самом начале её жизни? Вражда отца (отчима) и матери превращают в ад жизнь ребёнка, вынужденного делать невыносимый выбор между ними. Неточка пронзительной любовью-жалостью любит отца, тем самым невольно предавая мать, но и её ожидает, в ответ, предательство отца. Онтологическая *безотцовщина* и *взыскание отца* — важнейшие мотивы Достоевского, его «телемахида», начавшаяся с «Неточки Незвановой». Потом будут «Преступление и наказание»¹², «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» — везде мы наблюдаем острый дефицит отцовства («бессемейник» — сказано о Карамазове-отце).

Сороковые годы сеяли семена, которые прорастали спустя десятилетия.

В декабрьском «Дневнике писателя» 1876 года Достоевский передаёт одну фразу, которую, видимо, в разговоре с ним сказал Салтыков-Щедрин (тогда же вышедший на эту тему в романе «Господа Головлевы»): «Да семейства у нас вовсе нет». Достоевский по этому поводу замечает: «Что же, это ведь отчасти и правда: при нашем всеобщем индифферентизме к высшим целям жизни, конечно, может быть, уже и расшаталась наша семья в известных слоях нации» (24; 51). Печальную сентенцию подкрепляли, с другой стороны, суждения типа: «Семьи нет, потому что она отжила своё». Такого рода идеи начиная с 1840-х годов высказывали прогрессивные мыслители, с которыми Достоевский был в тесных отношениях: Белинский и Герцен. В статье «Старые люди» (1873) он пишет о Герцене, что тот «отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем». Или там же о Белинском: «Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. (Замечу, что он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен)» (21; 9). Хорошим как будто мужьям и отцам светлое будущее, однако, виделось без участия семьи. Такова была *идея века*.

В «Бесах» речь идёт об эпохе 1860-х годов, но можно видеть, как проросли посаженные ранее семена. Степан Трофимович, человек сороковых годов, приезжает в столицу и попадает в круговорот новых, но таких знакомых ему идей:

«Говорили об уничтожении цензуры и буквы ъ, о замене русских букв латинскими, <...> о пользе раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, об уничтожении армии и флота, о восстановлении Польши по Днепр, <...> об уничтожении наследства, семейства, детей и священников» (10; 22).

Впрочем, Степану Трофимовичу ездить далеко и не надо было, чтобы увидеть посеянные им, бессемейным фразёром, плеведа в поколении выросших «детей».

¹² В сне Раскольникова, более похожем на детское воспоминание (не случайны и там реалии Дарового), отец бессилён защитить сына от враждебного мира.

Вслед за «Бесами» в «Дневнике писателя» 1873 года Достоевский ссылается на свой опыт:

«Я уже в 46 году был посвящён во всю *правду* этого грядущего “обновлённого мира” и во всю *святость* будущего коммунистического общества ещё Белинским. Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей <...> захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия» (21; 131).

Примерно так — вдохновенно — писал Герцен: «Между свободным счастьем человека и его осуществлением везде пути и препятствия прежнего религиозного воззрения. В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства...»¹³. Заметим, что и в сверхпопулярном романе «Что делать?» общество будущего в четвёртом сне Веры Павловны рисуется как общество, в котором семья отомрёт к общему удовольствию усовершенствованных потомков (хотя, по примеру Достоевского, можно в скобках указать, что сам-то Чернышевский был отменным семьянином). Сон о будущем убедил несколько поколений молодых русских читателей¹⁴. Ликвидация традиционной семьи ими не только дебатировалась, но и внедрялась в жизненную практику¹⁵.

Кризис семьи, конечно, подстёгивался «властителями дум», но в основании лежали более глубокие причины. Знаки распада Достоевский обнаруживает и в народе. В статье «По поводу одной драмы» (1873) писатель показывает, как разрушается крестьянская семья под воздействием цинизма меркантильной эпохи и поголовного пьянства. Начиная «Дневник писателя» 1876 года, Достоевский возвращается к характеристике пореформенной России, почувствовавшей дух свободы и в то же время «повсеместного поклонения материализму»: «Ведь иссякает народная сила, глохнет источник будущих богатств, беднеет ум и развитие, — и что вынесут в уме и сердце своём современные дети народа, выросшие в скверне отцов

своих?» (22; 29). Как в народе, так и, в ещё большей степени, в интеллигенции русской настораживает и пугает Достоевского то обстоятельство, которое он выделил, соглашаясь с безотрадным выводом Салтыкова-Щедрина: нарастающий, как снежный ком, «наш всеобщий индифферентизм к высшим целям жизни». Об этом же чуть раньше, в статье «Одна из современных фальшей» (1873), он писал:

«Наши юные люди наших интеллигентных сословий, развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречается теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества, <...> где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время, — тут ли, из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни? Вот где начало зла: в предании, в преемстве идей...» (21; 132).

Получается, по Достоевскому, что семья, построенная на равнодушии к «высшим целям жизни», возвращает начатки кризиса всего современного общества (о чём речь ещё впереди). Весьма показательно, что в той же статье автор обращается к собственному опыту (в формировании которого, обратим внимание, особую роль играет отец):

«Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня. Я очень часто задумываюсь и спрашиваю себя теперь: какие впечатления, большею частью, выносит из своего детства уже теперешняя современная нам молодёжь?» (21; 134).

3.

Краткий исторический экскурс вернул нас к июльско-августовскому «Дневнику писателя» 1877 года с неотпускающим вопросом: что вынесет из родительского дома новое поколение? Дорога в Даровое, как бы отвечая на этот вопрос, весьма кстати подарила ему встречу в железнодорожном вагоне с симптоматичным образчиком современного, как бы теперь сказали, «продвинутого» отцовства.

«В вагон вдруг вошёл один джентльмен, совершенный джентльмен, очень похожий на тип русских джентльменов, скитающихся за границей. Он вошёл, ведя с собой маленького своего сына, мальчика лет восьми, никак не более, даже, может быть, менее. Мальчик был премило одет в самый модный европейский детский костюмчик, в прелестную курточку, изящно обут, бельё батистовое. Отец, видимо, о нём заботился. Вдруг мальчик, только что сели, говорит отцу: “Папа дай папироску?” Папа тотчас же идёт в карман, вынимает перламутровую папиросочницу, вынимает две папироски, одну для себя, другую — для мальчика, и оба, с самым обыкновенным видом, прямо свидетельствующим, что между ними уж и давно так, закуривают. Джентльмен погружается в какую-то думу, а мальчик смотрит в окошко вагона, курит и затягивается. Он выкурил свою папироску очень скоро, затем, не прошло и четверти часа, вдруг опять: “Папа, дай папироску?” — и опять оба вновь закуривают, и в продолжение двух станций, которые они просидели

¹³ Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 290.

¹⁴ Летом 1874 года одна из просвещённых девиц без тени сомнения утверждала, «...что брак безнравственное дело, что в нём человек постоянно сам себя насилует...» (Письмо М. А. Поливановой Достоевскому 25 августа 1880 г. об истории своей семейной драмы — <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskomu/polivanova-dostoevskomu-25-avgusta-1880.htm>). Как говаривал Достоевский, «идея попала на улицу и приняла самый уличный вид» (23; 142).

¹⁵ На этом фоне понятна жёстко-консервативная позиция, которую Достоевский занял по отношению к институту гражданского брака: ему казалось, что это новшество уничтожает семью как святыню. Отсюда его бескомпромиссность по отношению к вступившей в такой брак племяннице Екатерине Михайловне Достоевской, о чём свидетельствуют в мемуарах брат писателя Андрей Михайлович и дочь Любовь Фёдоровна. На ту же тему — черновая запись, не прокомментированная в академическом издании Достоевского: «В. С. (его слова). Гражданский брак. Я говорил с ним; какой добрый и интеллигентный мальчик и как невинно развращён» (24; 191). В. С. — это Всеволод Сергеевич Соловьёв, с 1873 года сблизившийся с Достоевским. Запись относится к 1876 г., когда Соловьёв жил в гражданском браке с девушкой из протестантской семьи (брак не был одобрен и отцом Всеволода, а впоследствии распался).

со мною в одном вагоне¹⁶, мальчик выкурил, по крайней мере, четыре папироски. Никогда я ещё не видал ничего подобного и был очень удивлён. Слабая, нежненькая, совсем не сформировавшаяся грудка такого маленького ребёнка приучена уже к такому ужасу. И откуда могла явиться такая неестественно ранняя привычка? Разумеется, глядя на отца: дети так переимчивы; но разве отец может допустить своего младенца к такой отраве? Чахотка, катар дыхательных путей, каверны в легких — вот что неотразимо ожидает несчастного мальчика, тут девять из десяти шансов, это ясно, это всем известно, и именно отец-то и развивает в своём младенце неестественно преждевременную привычку! Что хотел доказать этим этот джентльмен — я не могу себе и представить: пренебрежение ли к предрассудкам, новую ли идею провести, что всё, что прежде запрещалось, — вздор, а, напротив, всё дозволено?» (25; 177–178).

Вагонный эпизод обретает символическое значение: отец собственноручно губит родного сына, т. е. себя же самого, своё продолжение, и это при том, что все приметы показной заботливости налицо: «самый модный европейский детский костюмчик», «прелестная курточка», «батистовое бельё»... Получается, что предустановленный запрет на соблазнение малых сих (Мф. 18:6) — ныне лишь предрассудок, а торжествует громко заявленная свобода от всяческих предрассудков, почему-то оборачивающаяся свободой... самоотравления. Снобизм губящих своё потомство «русских джентльменов» трагикомичен: один отец сводит всё воспитание к «бифштексу с кровью и, конечно, Либих», а другой изгоняет русскую нянюку за то, что она читала над ребёнком «Богородице Дево». Большею частью «передовые мысли» прогрессивных отцов сводятся к «либеральному подхикиванию с чужого голоса», и потому получившие заряд цинизма их дети, придёт время, непременно скажут себе: «если нет ничего святого, то, стало быть, можно делать всякую пакость» (25; 179).

Такова корпорация отцов, которые «соединились лишь в отрицательном» (25; 181). Это отцы по-своему «горячие», как говорит о них писатель, их не так много, хотя именно они определяют идейно-нравственный климат эпохи. При этом большую часть «случайных семейств» формирует другой тип — отцы «ленивые». Одного из них автор того же июльско-августовского «Дневника писателя» 1877 года находит в недавнем судебном процессе в провинции, квалифицированном им как «Дело родителей Джунковских с родными детьми» (25; 182). Обвинённые в жестоком обращении с малолетними детьми, подсудимые были оправданы; само это дело, как его увидел Достоевский, неподсудно уголовной палате:

«...в написанных законах нигде нет статьи, ставящей преступлением ленивое, неумелое и бессердечное отношение отцов к детям. Иначе пришлось бы осудить пол-России, — куды, гораздо больше» (25; 183).

Автор «Дневника писателя» диагностирует воистину эпидемию века: ленивые, неумелые и бессердечные отцы. Вялые и духовно ленивые эгоисты — чему они могут научить своих детей? Дети находятся на периферии их интересов, потому что ведёт их по жизни «трусливое отвращение связать себя каким-нибудь долгом». Мне все вокруг должны, а я никому, — такова «мечта-

¹⁶ Нетрудно рассчитать, что джентльмен с сыном сели в поезд Московско-Рязанской железной дороги на станции Ново-Коломна (ныне Коломна) и проехали с Достоевским, вышедшим в Луховицах, две станции — Коломна (ныне Голутвин) и Щурово.

тельная» философия уставшего «от обязанностей» русского интеллигента, которая — поныне узнаваемо! — «переходит в раздражительное недовольство всем миром и в горькое, нередко озлобленное чувство ко всему и всем» (25; 185). Здесь, в этой точке, «ленивые» отцы подают руку отцам «отрицающим», вместе составляя корпорацию «случайных семейств». И те, и другие по некоторому поветрию века сего освободили себя от ощущения *долга*, и прежде всего долга перед собственными детьми. Достоевский сочиняет «фантастическую речь председателя суда» (какими знакомыми гранями играет здесь слово «фантастическая!»), который обращается к Джунковским, а в их лице ко всем «ленивым» родителям:

«Вы уверяете, что нанимали учителей <...>; вы лишь откупились от долга и от обязанности родительской деньгами. Вы забыли, что их маленькие, детские души требуют беспрепятственного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами <...>. О, если научитесь любить их [своих детей], то, конечно, всего достигнете. Но ведь даже и любовь есть труд, даже и любви надобно учиться, верите ли вы тому? <...> Верите ли вы, что ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих» (25; 189,191).

Составляя после поездки в Даровое июльско-августовский «Дневник писателя» 1877 года, Достоевский, очевидно, держал в уме и собственный жизненный опыт, и воспоминания о родительском доме. Об этом свидетельствует один побочный эпизод, приведённый им в качестве примера «фантастичности» детского сознания.

«Детские сердца мягки. На этот счёт я знаю вот какой маленький случай. Умерла одна мать у семерых детей. Один ребёнок, девочка лет семи или восьми, увидя мёртвую маму, стала ужасно рыдать. Она так плакала, что её унесли в детскую почти в истерике и не знали, чем утешить. Дура приживалка, случившаяся тут¹⁷, вдруг сказала ей, утешая: “Не плачь, что ты уж так плачешь-то, ведь она тебя не любила, она тебя, помнишь, наказала, в углу-то ты стояла, помнишь!” Дуре думалось сделать лучше: вот, дескать, перестанет и успокоится ребенок — и достигла ведь цели: девочка вдруг перестала плакать. Мало того, и на другой день, и на похоронах имела какой-то холодный, подобранный, обиженный вид: “Она, дескать, меня не любила”. Ей понравилась мысль, что она была обиженная, загнанная, нелюбимая. Ей-богу, это случилось с ребёнком по восьмому году. Но детская “фантастичность” не продержалась долго: через несколько дней ребёнок так опять затосковал о матери, что сделался болен, и никогда потом, во всю жизнь, эта дочь не могла вспомнить о своей матери без благоговейного чувства» (25; 187).

В академическом издании Достоевского этот «маленький случай» никак не прокомментирован, а между тем ряд подробностей указывают на его близость самому писателю: матерью *семерых детей* была Мария Фёдоровна Достоевская, когда она умерла, её дочери Вере исполнилось 7 лет и 5 месяцев (ср. в «Дневнике»: «лет семи или восьми», «по восьмому году»). И главное. Такого рода происшествия могут быть известны лишь узкому семейному кругу, на что указывает также исключительная информированность автора: «никогда потом, во всю жизнь, эта дочь не могла вспомнить о своей матери без благоговейного чувства». Можно с уверенностью предположить, что об этом эпизоде Достоевский накануне беседовал с сестрой Верой Михайловной в Даровом — семейном гнезде, любовно свитом когда-то Марией Фёдоровной.

¹⁷ О приживалках в доме Достоевских упоминает и младший брат писателя (Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 86). Данный эпизод свидетельствует о ходо-вой «жалостливости» в низовой среде по принципу «лишь бы дитя не плакало».

Образ матери был для её Федюши (так она называла второго сына) самым значимым среди «святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства». Нечто похожее происходило и с такими его современниками, как С. Аксаков¹⁸, Л. Толстой¹⁹, Некрасов²⁰, Гончаров²¹. В «Бедных людях», «Неточке Незвановой», «Преступлении и наказании», «Подростке» образ матери сопряжён с мотивами сердечного участия и вины. В последнем романе писателя Алёша Карамазов приезжает в Скотопригоньевск в поисках могилы матери, о которой сохранил благотворные и мучительные воспоминания, а брата Дмитрия посещает символическое видение страдающих матерей, перекликающееся с эпизодом из начала романа: «...таковой вам, матерям, предел на земле положен» (14; 46). Здесь давняя боль души — «видение матери» (так когда-то называлось стихотворение М. М. Достоевского) — глубинно соединилась у автора с сиюминутной печалью о матери собственных детей, тяжело переживавшей смерть сына Алёши. В «Дневнике писателя» можно найти другие отголоски жгучего материнского мотива (напр.: 22; 8).

В черновой тетради читаем программную запись: «Подвиг материнский исключает всякое сомнение» (24; 314). Близкая мысль — о материнстве как высшем предназначении, дающем смысл, тот «высший идеал существования» (23; 25), теряемый современным человеком²², — проведена в майском выпуске

¹⁸ В его «Семейной хронике» Достоевский выделил эпизод, утверждавший чуткость простого народа к «слезам матери» (22; 113).

¹⁹ Толстой совсем в раннем детстве лишился матери, так что детской памяти потом пришло на помощь воображение писателя в «Детстве» и «Войне и мире» (княжна Марья).

²⁰ Достоевскому не случайно на всю жизнь врезалось в память (запоминается в особенности то, что близко нам самим) одно из первоначальных впечатлений о поэте: «Он говорил мне тогда со слезами о своём детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери — и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которой он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые тёмные и роковые мгновения судьбы его, то, уж конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слёз, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю и на иные тёмные неудержимые влечения его духа, преследовавшие его всю жизнь» (26; 11–12). Прежде чем написать эти строки, Достоевский, как он сам признавался, перечитывал стихи Некрасова (а это, между прочим, «Родина», «Рыцарь на час», «Несчастные», «Из поэмы „Мать“. Отрывки») и, очевидно, с их помощью не мог не вспомнить этот эпизод.

²¹ Особенно ценим был Достоевским «Сон Обломова», залитый солнцем материнской любви.

²² Через пару месяцев Достоевский в «Дневнике писателя» заметит: «Умнее как родить детей ничего до сих пор на свете ещё не придумано, а потому, чем больше запасёшь для этого ума, тем лучше выйдет. Ведь это Чацкий, что ли провозгласил, что

...чтоб иметь детей

Кому ума не доставало?

<...> Эта острога насчёт “кому ума не доставало” тянулась пятьдесят лет именно потому, что и целых пятьдесят лет потом у нас не было людей образованных. Теперь, слава Богу, образованные люди начинают и у нас появляться и, поверьте, первым делом поймут, что иметь детей и родить их — есть самое главное и самое серьёзное дело в мире, было и не переставало быть. “Кому не доставало ума, скажите, пожалуйста?” Да вот же недостаёт: современная женщина в Европе перестаёт родить. Про наших я пока умолчу» (23; 92).

«Дневника писателя» 1876 года, где автор сводит вместе два своих сильнейших впечатления — от самоубийства двадцатипятилетней Надежды Писаревой и от посещения сиротского Воспитательного дома. Утратившая смысл своего существования самоубийца в последнем письме просила не сообщать о её смерти родным: «Я не хочу, чтобы надо мной выли, а родственники все без исключения воют над своими родными» (23; 25). После этого акта «брезгливого и цинического неверия» Достоевский описывает увиденную в Воспитательном доме сценку, как нанятая кормилица незаметно поцеловала своего выкормка, «вышвырка-то» и грубая-то чухонка! А ещё некоторые из этих кормилиц —

«...приходят потом нарочно их [выкормленных ими деток] повидать издалека, из деревень приносят гостинца, “воют над ними”. Нет, тут не деньги: “родные ведь все воют”, — как решила Писарева <...>. Это не одни только наёмные груди, заменившие груди матерей, это материнство, это та “живая жизнь”, от которой так устала Писарева» (23; 26).

4.

Образ отца писателя также присутствует в суждениях его сына. «Семья не может держаться жестокостью» (24; 138), — замечает он в записной книжке. В июльско-августовском «Дневнике писателя» 1877 г. вновь, после «дела Кронеберга» (февральский выпуск 1876 г.), возвращаясь к родительской строгости, переходящей в жестокость, Достоевский даёт давно выношенное им решение остро обсуждаемой проблемы телесных наказаний:

«Розга в семействе есть продукт лени родительской, неизбежный результат этой лени. Всё, что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, всё, чего можно бы было достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером, — всего того слабые, ленивые, но нетерпеливые отцы полагают всего чаще достигнуть розгой: “Не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю”. Каков же результат выходит? Ребёнок хитрый, скрытный непременно покорится и обманет вас, и розга ваша не исправит, а только развратит его. Ребёнка слабого, трусливого и сердцем нежного — вы забудёте. Наконец, ребёнка доброго, простодушного, с сердцем прямым и открытым — вы сначала измучаете, а потом ожесточите и потеряете его сердце» (25; 190).

Михаил Андреевич Достоевский, как нам достоверно известно из свидетельств его детей, не потерял их сердца²³. Не лишне в этой связи заметить, что розга в семье лекаря Мариинской больницы была абсолютно исключена.

«...несмотря на вспыльчивость отца, в семействе нашем принято было обходиться с детьми очень гуманно, и, несмотря на известную присказку к ижице, нас не только не наказывали телесно, — никогда и никого, — но даже я не помню, чтобы когда-либо старших братьев ставили на колени или в угол. Главнейшим для нас было то, что отец вспылит. Так и при латинских уроках, при малейшем промахе со стороны братьев, отец всегда рассердится, вспылит, обзовёт

²³ Михаил — сестре Варе 1 сентября 1839 г.: «Ох, папинька, папинька! Сколько мы потеряли в тебе!..» (Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 363); Фёдор — брату Андрею «в конце 70-х годов» (т. е. совсем рядом с «Дневником писателя»): «Да, знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые ... и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уж такими семьянинами, такими отцами ... нам с тобою не быть, брат!..» (Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 94). Это мнение разделял и сам Андрей Михайлович при том, что в своих воспоминаниях он не скрывал и «слабые стороны» (там же, с. 71) отцовского характера.

их лентяями, тупицами; в крайних же, более редких случаях, даже бросит занятия, не dokonчив урока, что считалось уже хуже всякого наказания. <...>

Вероятно, это гуманное отношение к нам, детям, со стороны родителей и было поводом к тому, что при жизни своей они не решались поместить нас в гимназию, хотя это стоило бы гораздо дешевле. Гимназии не пользовались в то время хорошою репутациею, и в них существовало обычное и заурядное, за всякую малейшую провинность, наказание телесное. Вследствие чего и были предпочтены частные пансионы»²⁴.

Воспоминания младшего брата писателя возвращают нас к теме семейного насилия²⁵. Оно, как мы ещё раз убеждаемся, принципиально отсутствовало в «благочестивом семействе» Достоевских. Вопреки этому в литературе активно функционирует миф о жестокосердии М. А. Достоевского. Уже первый биограф писателя О. Ф. Миллер писал о его отце: «По воспоминаниям некоторых родственников, он был человек угрюмый, нервный, подозрительный»²⁶. Под «некоторыми родственниками» биограф, как мы понимаем, подразумевал А. Г. Достоевскую, которая в записной книжке 1881 года записала, очевидно, с когда-то сказанных (и ею так понятых) слов мужа: «Отец был угрюмый, нервный, подозрит<ельный>, ревнивый»²⁷. Прочитав подобное у Миллера, Андрей Михайлович (более сведущий сравнительно с Анной Григорьевной)²⁸ вынужден был протестовать: «Нет, отец наш, ежели и имел какие недостатки, то не был угрюмым и подозрительным, то есть каким *букой*. Напротив, он в семействе был всегда радушным, а подчас и весёлым»²⁹. Видно это и из дошедшей до нас переписки отца и матери. Замечают и раздувают «мрачность», «угрюмость», «подозрительность» отца («из этих строк явствует, что тяжела была жизнь Марии Фёдоровны в браке с подозрительным, болезненно раздражительным и вспыльчивым мужем») и при этом не замечают или не придают должного значения его же добродушной шутливости, кипучей заботливости о жене и детях. Брак — не розовая сказочка, его сложной «механики» не желают знать чёрно-белые биографы.

Важно понять (чего, видимо, не понял ни Миллер, ни сама Анна Григорьевна), что «нервность» Михаила Андреевича Достоевского отнюдь не делала его безнадежно «угрюмым». Последующие биографы писателя (прежде всех Л. Ф. Достоевская) пошли ещё дальше и представляли отца

писателя не только угрюмым, но и злым, жестоким³¹. Между тем истинная сущность характера Михаила Андреевича, «сокрытый двигатель его» были видны его детям, хорошо знавшим при этом и моменты «угрюмства». Им, а не последующим псевдо-мемуаристам и алчным до «перчика» биографам можем мы доверять. Именно такая диалектика души означена в письме Ф. М. Достоевского к брату Андрею 10 марта 1876 г.: «Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея неперменного и высшего стремления *в лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, **несмотря на все уклонения**» (29₂; 76; выделено жирным шрифтом нами — В. В.). Данная диалектика отразилась и в ряде других суждений Ф. М. Достоевского. Так, в набросках к «Дневнику писателя» он сформулировал точку зрения, противостоящую шаблонной упрощённости:

«И о г-не Кронеберге (жесток). А может быть, вовсе не жестокий, нервный, больной, великодушный даже <...>. Он бешен, вспомните “Семейную хронику”...»³² (24; 141).

«...но я знаю и то, что нельзя судить человека семейного за всякий момент его в жизни, мало ли что бывает в семействе. (Мне говорил человек потрясённый: я люблю моих детей, и дети мои знают и любят меня, но я сам бросился и чуть не убил их раз, такой был момент, если б меня не удержали.) Я понимаю, что семейную жизнь нельзя раскрывать за каждый шаг...» (24; 139).

Приведённые строки не попали в окончательный текст «Дневника писателя», вероятно, по причине их слишком личного характера. Фёдор Михайлович явно унаследовал вспыльчивость своего отца, и скорее всего, «человек потрясённый» — он сам (судя по манере автора «Дневника» вводить автобиографические признания в третьем лице, как и по соображению, что такие покаянные откровения не сообщаются посторонним). Неуравновешенность психического строя приводила его к неконтролируемым вспышкам гнева, за которые ему самому потом было стыдно. Несколько таких эпизодов, связанных с приступами ревности, приводит в своих воспоминаниях жена писателя. После одного из них Фёдор Михайлович откровенно признался: «Ведь я в гневе мог задушить тебя! Вот уж именно можно сказать: Бог спас, пожалел наших деток! <...> в ярости я за себя не отвечаю!» Для молодой жены было открытием, «до какого бешеного, почти невменяемого состояния способен в эти минуты ревности доходить мой дорогой муж»³³.

³¹ См.: *Достоевская Л. Ф. Мой отец Фёдор Достоевский* / вступит. ст., общая ред., примеч. Б. Н. Тихомирова, пер. с фр. Н. Д. Шаховской. М., 2017. С. 55–59. Запущенная автором этой книги (вышедшей первоначально в 1920 г.) версия об отце писателя как прототипе Фёдора Павловича Карамазова имела особый «успех», чему способствовало, в частности, её продвижение авторитетным биографом Л. П. Гроссманом.

³² В академическом издании не прокомментировано. Приведём это место в «Первом отрывке из “Семейной хроники”», относящееся к главе патриархального семейства Богровых: «И этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нём образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестокому, отвратительному поступку. <...> узнать было нельзя моего прежнего дедушку; он весь дрожал, лицо дёргали судороги, свирепый огонь лился из его глаз, помутившихся, потемневших от ярости!» (*Аксаков С. Т. Избранные сочинения* / сост., вступит. ст. и примеч. В. А. Богданова. М., 1982. С. 37).

³³ *Достоевская А. Г. Воспоминания*. С. 348. См. также: *Тихомиров Б. Н. Ревность Достоевских* // *Хроника рода Достоевских*. М., 2012. С. 887–897.

²⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 66.

²⁵ Добавим ещё один штрих — как бы выступление Достоевского в адрес тогдашних ярых охранителей псевдо-традиционной морали: «Стоять за детей истязуемых — значит поихнему разрушать семейство. Какая нелепость! Не то семейство, где отцы мажут 4-летнюю девочку г<...>, кормят её г<...> и запирают в морозную ночь в нужник — то семейство разве святыня, разве уж оно не разрушено?» (30; 141).

²⁶ *Миллер О. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского* // *Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского*. СПб., 1883. С. 20.

²⁷ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 277.

²⁸ Любопытно, что эту характеристику Анна Григорьевна не перенесла в свои воспоминания.

²⁹ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 93–94.

³⁰ *Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских*. С. 24, 26, 27.

В такие-то мгновения супружеской жизни решающую роль сыграла со-страдательная кротость Анны Григорьевны, идущая от мудрого инстинкта любящей женщины. Он встретил в ней свою Сонечку Мармеладову, спасительная миссия которой в последней части «Преступления и наказания» описана после сближения с Анной Григорьевной. Но можно сказать и так, что Анна Григорьевна в семейной жизни Фёдора Михайловича сыграла примерно такую же роль, как Мария Фёдоровна в жизни Михаила Андреевича. Нам представляется, что Достоевский держал перед внутренним оком образ своей жены, когда писал П. А. Исаеву 6 января 1871 г.: «Нравственное влияние женщины, даже на самого сильного духом мужчину, не только полезно, не только всегда необходимо, но и вполне натурально. Это второе и окончательное воспитание человека» (29; 167)³⁴. Второе, очевидно, после материнского.

Вместе с тем по отношению к молодой супруге писатель переживал нечто напоминающее пресловутый комплекс Пигмалиона. Меньше, чем через три месяца после свадьбы, он пишет ей:

«Мне Бог тебя вручил, чтоб ничего из зачатков и богатств твоей души и твоего сердца не пропало, а напротив, чтоб богато и роскошно взросло и расцвело; дал мне тебя, чтоб я свои грехи огромные тобою искупил, представив тебя Богу развитой, направленной, сохранённой, спасённой от всего, что низко и дух мертвит...» (28₂, 184).

Эти строки написаны во время поездки в Гомбург, в игорный дом, в них читается раскаяние и упрек самому себе, пока только в начальной стадии спасительной самоказни (характерна следующая затем оговорка: «эта мысль беспрерывно и прежде мне втихомолку про себя приходила, особенно когда я молился»).

Достоевский, как представляется, исполнил этот долг: Анна Григорьевна с её жизненной миссией может быть понята как ещё одно *творение* Достоевского. Она, в свою очередь, послушно отдалась «лепке» нового Пигмалиона, чего не случилось, очевидно, с Марией Дмитриевной или Аполлинарией Суловой. К тому же её непосредственное участие в творческом процессе великого художника не могло пройти для неё бесследно. В числе многих последствий — бесценные мемуары жены писателя. Можно сказать, что семья взаимно умножала творческий потенциал обоих партнёров.

В уже цитированном письме пасынку Достоевский наставительно замечает: «И ещё, друг мой: все отношения должны быть всю жизнь основаны на внутреннем взаимном, обоюдном уважении» (29; 167). Легко сказать: взаимное уважение. По воспоминаниям Анны Григорьевны и её дневнику можно судить, с какими обоюдными усилиями *самопреодоления* строилось их семейное гнездо.

³⁴ Похожая история была пережита и описана М. М. Пришвиным в «Дневнике» за 1940 год: «До нового брака я был хозяином и собственником. У меня просили денег. Я покупал по усмотрению своему вещи. И Лёва говорил даже, что я “прижимистый”. Но, когда я сошёлся с Л., вдруг оказалось, что личного у меня, кроме способности писать, ничего нет, и всё у нас в семье общее. Никто меня к этому не принуждал, всё вышло само собой из любви, и от этого мне стало много лучше во всех отношениях» (<https://www.litmir.me/br/?b=69092&r=51>). Л. — жена Пришвина Валерия Дмитриевна (Лера).

Простодушный наблюдатель их семейной жизни, подросток, с 1879 г. помогавший Анне Григорьевне в делах книжной торговли, замечал не всегда «гармоничные» сцены:

«Анна Григорьевна очень была жадная, нет-нет его своей беднотой расстраивала. Раз Ф. М. сам накупил всего много, из-за этого вышла целая баталия, и Ф. М. раскричался и затопал ногами, что “всё тебе мало, всё себя изображаешь нищей”. <...> Ф. М. со своей женой не так был ласковый и всегда стоял на своём твёрдо. Анна Григорьевна иногда пустяками, т. е. мелочью, расстроит его, он из себя выходил <...>. И всегда она ему во всём уступала»³⁵.

Анализируя приведённые воспоминания, И. Л. Волгин подтвердил их также письмами Достоевского к жене (советы не скупиться на детей)³⁶ и резонно заметил, что «счастливая, в общем, семейная жизнь Достоевских была далека от идиллии»³⁷. Позволим себе заметить, что семейные идиллии и вообще-то встречаются только на книжных страницах. Биографу важно отделить периферию от центра, в данном случае «центром» является *встречный труд* любви, преодолевающий все несовершенства и нестыковки характеров, неизбежные житейские дрязги. Как известно, «Царство Небесное нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11:12). Мы полагаем, что семейная тема, смыслообразующая в творчестве Достоевского, формировалась не только на почве наблюдений над современниками, далёкими и близкими, но и как результат внутреннего опыта, «труда души», в том числе труда преодоления собственного несовершенства. В ином случае открытая им литературная «школа семейной жизни» не была бы столь убедительной.

Ещё раз вспомним слова писателя, приоткрывающие внутренний механизм семейной жизни, в том числе (и даже в первую очередь) самого автора: «Верите ли вы, что ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих» (25; 191). Можно только догадываться, какую роль в созидании духа позднего Достоевского сыграло его собственное отцовство. С этой обретаемой высоты он жалеет о бездетности Страхова (29; 11) или признаётся А. П. Философовой:

«...сколько очеловечивают они существование в высшем смысле. Детки — мука, но необходимы, без них нет цели жизни. <...>. Я знаю великолепных душой людей, женатых, но детей не имеющих, — и что же: при таком уме, при такой душе — всё чего-то им недостаёт и (ей-богу, правда) в высших задачах и вопросах жизни они как бы хромают» (30; 73).

Мы подошли к важнейшему *жизнестроительному* мотиву, без которого невозможно понять позднее творчество писателя, художественное и публицистическое. Пережитое им самим позволяет Достоевскому открывать простые, но такие трудные истины.

³⁵ Кузнецов П. Г. На службе у Достоевского в 1879–1881 гг. // Литературное наследство. Т. 86. М., 1973. С. 335. Похожие отзвуки несогласий мужа и жены Достоевских сохранились в дневниковых записях их общего друга Елены Андреевны Штакеншнейдер, наблюдателя тонкого и добродушно-ироничного (*Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. 1854–1886* / ред., ст. и комм. И. Н. Розанова М.; Л., 1934. С. 431–432).

³⁶ Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка / изд. подготовили С. В. Белов и В. А. Туниманов. Л., 1976. С. 48, 336–337. Можно прибавить, что в свою очередь Анна Григорьевна самокритично передавала в письме мужу фразу маленького Феди, охочего до гостинцев: «При папе надо подставлять обе руки, а при маме и одну руку довольно» (там же, с. 177).

³⁷ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 2017. С. 446.

«...эти создания тогда только вторгаются в душу нашу и прирастают нашему сердцу, когда мы, родив их, следим за ними с детства, не разлучаясь, с первой улыбки их, и затем продолжаем родниться взаимно душою каждый день, каждый час в продолжение всей жизни нашей. Вот это семья, вот это святыня! Семья ведь тоже *созидается*, а не даётся готовою <...>. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. *Созидается же семья неустанным трудом любви*» (22; 69–70, выделено нами — В. В.).

5.

В журнальном варианте «Неточки Незвановой» находим ценное признание героини, включившее в себя «осколки» автобиографического мотива писателя:

«Жизнь моя в чужой семье слишком сильно отражалась в первых впечатлениях моего сердца, и потому чувство семейственности, так опоэтизированное в романах Вальтера-Скотта, чувство, во имя которого создались они, чувство, доведённое до высочайшего исторического значения, представленное как условие сохранения всего человечества, проведённое во всех романах его с такою любовью, слишком сладко, слишком сильно втеснилось в моё сердце на отклик моих же воспоминаний, моих же сетований» (2; 450–451).

Чтобы понять заявленный автобиографизм приведённых строк (вымаранных при переиздании, как и другие указания на интимные источники раннего творчества автора, что довольно характерно), стоит сопоставить их с эпистолярным откровением писателя:

«12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочёл всего Вальтера-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил её в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими» (30; 212).

Сопоставление двух этих текстов даёт возможность до некоторой степени уяснить смысл «высоких впечатлений» от романов Вальтера Скотта, прочитанных в летние месяцы в Даровом: это царящее в них «чувство семейственности» как непререкаемый идеал и условие сохранения человеческой цивилизации. Опыт столь достижимой гармонии оказался незабываемым и во многом спасительным для самого автора этих строк. Уже здесь, в деревне Даровое, начиналась для него и та самая «борьба с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими». Мы имеем в виду ещё одно детское воспоминание писателя, всплывшее однажды в его памяти при обсуждении проблемы семейного насилия:

«Видали ли вы, как мужик сечёт жену? Я видал. Он начинает верёвкой или ремнём. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений — музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить её. Связав жену или забив её ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди рождаются в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из «Фауста»? <...> И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входит во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», — кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает,

перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание поминутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трёх последних ужасных ударов на её спине, — баста! Отходит, садится за стол, вздыхает и принимается за квас» (21; 21).

Описанная в таких узнаваемо-гнетущих подробностях сцена, возможно, одно из самых тягостных воспоминаний деревенского детства писателя³⁸, стоящее в ряду со знаменитым эпизодом «Фельдъегерь» (22; 28), и даже страшнее. Так даровские детские впечатления соединили в себе гармонию материнской любви и идиллической «семейственности» вальтер-скоттовских романов с отвратительной реальностью иных нравов, живучих в среде того самого богоспасаемого народа-Марья.

В детских впечатлениях будущего писателя, формировавших строй личности и её мировосприятие, «гармония» очевидным образом перевесила «дисгармонию». Однако незатухавшая боль тяжёлых наблюдений и «сердца горестных замет» заставляла задуматься над тем, что бывает с другими, не столь счастливыми, у кого «баланс» раннего жизненного опыта повёрнут в противоположную сторону. Так, судьба детей убитой мужем мещанки Перовой не даёт покоя писателю:

«Вот опять “случайное семейство”, опять дети с мрачным впечатлением в юной душе. Мрачная картина останется в их душах навеки и может болезненно надорвать юную гордость <...>, а из того <...> глухая, замкнувшаяся в себе ненависть к людям, и это, может быть, во весь век» (22; 8).

Совсем не криминальная ситуация и даже вполне благополучная в материальном плане в купеческих семействах, однако изначальная «извращённость мирозерцания» отцов влечёт за собою не менее разрушительное действие на детей:

«“Деньгами всё куплю <...>”. Трудно представить сухость сердца юношей, возраставших в этих богатых домах» (23; 158).

Итог размышлений Достоевского о детях, заброшенных в безлюбивый сухой мир «минус-семьи» и затем оплачивающих той же монетой — бессмертный образ Смердякова в романе «Братья Карамазовы»³⁹. Именно он оказался последним выражением безотцовско-бездетного мира, колеблющегося между дето- и отцеубийством.

Два великих романа подвели итог эпохе реформ в России XIX века: «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы». И не случайно, конечно, что оба оказались

³⁸ На Даровое как на возможный источник этого впечатления обращено внимание в статье: Бессонова А. С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 197.

³⁹ Нам представляется, что образ Смердякова формировался в сознании писателя ещё при посещении им в 1876 г. колонии для малолетних преступников и затем Воспитательного дома. В первом случае Достоевский задумался над тем, «во что обращается, наконец, эта маленькая, дикая душа при такой покинутости и при такой изверженности из людей» (22; 19), прежде всего из семейного лона. Во втором случае ему пришла в голову мысль, что «вышвырки» «станут мстить за себя, — кому, чему, — никогда они этого не разрешат и не поймут, а мстить будут» (23; 23).

романами катастроф, вызванных разрушением семьи. Сбережение семьи, как это понял ещё ранний Достоевский, почитатель исторических романов Вальтера Скотта, есть необходимое «условие сохранения всего человечества».

Достоевский был внимательным читателем поучений святителя Тихона Задонского, которого планировал ввести в качестве воспитателя (прообраз старца Зосимы) в «Житие великого грешника». В сочинении под названием «Наставление о должности христианских родителей к детям и детей к родителям» он наверняка прочитал следующие слова житейской премудрости:

«Чего издетска дети научены будут, то в совершенный возраст пришедши, и под старость делать будут; что следующим подобием изъясняя: как сосуд новый, глиняный наипаче, чем сначала напоен будет, тем и до разрушения своего пахнуть будет; так например: когда маслом напоен будет, маслом пахнуть будет; когда вином, вином будет смердеть; так младый человек, каким учением напоен будет, то чрез все житие воню издавать будет. Когда в страхе Господни наказан будет, то чрез все житие добрых нравов благоприятную издавать будет воню; когда злу приобучится, то злобою смердеть даже до конца будет»⁴⁰.

Главным и, не исключено, единственным средством воспитания святитель полагает «пример добрый» и в больших, и в малых делах и словах:

«...не говорить при них [детях] праздного, гнилого, скверного, хотя то и всегда от того должно удаляться, яко и за слово праздное имеем воздать ответ в день судный по словеси Христову (Мф., 12: 36)»⁴¹.

Семья и общество представлялись Достоевскому, как и св. Тихону, сообщающимися сосудами. Сказанное «гнилое, скверное» слово как в семье, так и в целом обществе несут в себе тлетворную энергетику разрушения. Именно здесь нам видится внутренняя связь двух тематических составляющих июльско-августовского «Дневника писателя» 1877 года: семейный вопрос и восточный вопрос. Нравственный подъём, испытанный русскими людьми в идущей «неслыханной войне, за слабых и угнетённых», пробудившаяся вера «в будущее великое, общечеловеческое значение России» (25; 197) вполне могут, как предвидит писатель ещё в апрельском «Дневнике», завершиться «пустяками» — и тогда вновь восторжествует так хорошо знакомая «вакханалия самооплевания»:

«И опять молодёжь оплюёт свои семейства и дома и побежит от своих стариков, твердящих в зубрёжку бесконечные общие места и старые, надоевшие всем слова о европейском величии и об обязанности нашей быть как можно безличнее» (25; 96).

Автору «Дневника писателя» (июль — август 1877 г.) особенно горько, что к голосам «самооплевателей» невольно присоединил свой голос автор «Анны

⁴⁰ Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Т. I. Изд. 2. СПб., 1825. С. 121–122.

⁴¹ Там же. С. 124. Приведём слова Христа, на которые ссылается святитель, в их контексте: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду. Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое. Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12: 33–37).

Карениной», писатель, давший как раз этим произведением наидостойнейший ответ на вызов Европы «Где <...> *ваша* литература?» (25; 128). Получалось, что правая рука не ведала, что творит левая: рядом с гениальной постановкой «мысли семейной» — подкапывание под нравственные устои, образующие эту самую мысль в русском обществе. «Такие люди, как автор “Анны Карениной”, — суть учителя общества <...>. Чему ж они нас учат?» (25; 223).

* * *

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель говорит, пока ещё несколько отвлечённо, о счастье отдавать себя другому. Эта вполне реальная, земная стезя Идеала конкретизируется у Достоевского в формуле семьи как формуле спасения современной цивилизации (в «Зимних заметках...» отталкиваясь от жалкой и смешной «пьесы» буржуазной квазисемьи): если всё же сохранится неслучайное семейство, которое зиждется неустанным *трудом любви*, то сохранится и человечество. Мысль, вынесенная в детстве из чтения романов Вальтера Скотта в родительской усадьбе, утверждалась затем в философии и поэтике семьи русского писателя. Его путешествие в Даровое летом 1877 года выводило на последнюю стадию этого утверждения.

Е. А. Осокина

«СЕМЬЯ» В «КАРТИНЕ МИРА» ДОСТОЕВСКОГО: ОТ ЛЕКСИКОГРАФИИ К ИДЕОГРАФИИ¹

В статье предлагается способ получения объективной информации по поводу основополагающего понятия СЕМЬЯ в текстах Достоевского. Лексикография, статистика и контекстное значение слова позволяют показать такую «картину мира», которая не зависит от воли автора и воли исследователя, поэтому проявляется сама по себе.

Ключевые слова: Достоевский, семья, семейство, лексикография, статистика, текст, контекст, идиоглоссарий.

«В самом деле, — продолжал он [Ипполит Кириллович], — что такое это семейство Карамазовых, заслужившее вдруг такую печальную известность по всей России? Может быть, я слишком преувеличиваю, но мне кажется, что в картине этой семейки как бы мелькают некоторые общие основные элементы нашего современного интеллигентного общества — о, не все элементы, да и мелькнуло лишь в микроскопическом виде, “как солнце в малой капле вод”, но всё же нечто отразилось, всё же нечто сказалось. Посмотрите на этого несчастного, разнузданного и развратного старика, этого “отца семейства”, столь печально покончившего свое существование»... (БКа 125)

У Достоевского можно найти всё, если есть желание и возможности. В том, что лексикография непосредственно связана с психологией творчества и психолингвистикой, приходилось убеждаться не раз, работая над словарём языка Достоевского², где из описания словоупотребления в тексте вырисовывалась истинная картина авторского представления о том или ином понятии, той или иной идее, получающей то или иное словесное выражение, как правило, исподволь выявляющее это авторское представление и формирующее читательское восприятие. Опять возникает тема «авторской несвободы» и «отсутствия автора» или выведения авторской точки зрения за пределы текста³. Таким образом формируется объективное прочтение. Так же получилось и с понятием семьи в континууме сознания и русского языка второй половины XIX века при лексикографии по текстам Достоевского.

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

² Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Гл. ред. член-корр. РАН Ю. Н. Караулов. Т. 1–4. М., 2008–2017.

³ Осокина Е. А. Творческое наследие Ф. М. Достоевского: эстетическое восприятие текста и лингвистическая статистика // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей редакцией Е. А. Осокиной. М.: ЛЕКСРУС, 2014. С. 494–501.

Психологическую функцию лексикографии можно предварить небольшим вступлением из области психологии искусства, в том числе и словесного, так как чтение текстов связано прежде всего с их восприятием, с видением и пониманием речи, предложения, слова⁴. У Л. С. Выготского есть такой пассаж: «Всякое сознательное и разумное толкование, которое даёт художник или читатель тому или иному произведению, следует рассматривать при этом как позднейшую рационализацию, то есть как некоторый самообман, как некоторое оправдание перед собственным разумом, как объяснение, придуманное постфактум.

Таким образом, вся история толкований и критики как история того явного смысла, который читатель последовательно вносил в какое-нибудь художественное произведение, есть не что иное, как история рационализации, которая всякий раз менялась по-своему...

Основные эстетические вопросы остаются неразрешимыми, пока мы <...> при нашем анализе ограничиваемся только процессами, разыгрывающимися в сфере нашего сознания...»⁵ — а «всё это одна фантазия <...>» (8; 510), поэтому, чтобы не погрузиться в фантастическое, необходима лексикографическая и статистическая работа, которая одна только и сможет дать нам истинную «картину мира» писателя по поводу СЕМЬИ.

Гнездо понятия СЕМЬЯ представлено несколькими лексемами: СЕМЬЯ, СЕМЕЙКА, СЕМЕЙНЫЙ, СЕМЕЙНО, СЕМЕЙСТВО, СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ, СЕМЕЙСТВЕННЫЙ. Синонимами являются слова ДОМ и ФАМИЛИЯ.

Из всего словесного набора наибольший интерес представляют два слова: СЕМЬЯ и СЕМЕЙСТВО. По частотности лидирует слово СЕМЕЙСТВО — приблизительно боз: в прозе — 310, в публицистике — 113, в письмах — 180⁶. Это слово есть в словаре Даля. У Достоевского оно в основном с положительной коннотацией и разнообразным семантико-синтагматическим употреблением.

Семейства у него — жена и трое детей. Старший, мальчик, весь в отца, тоже такой чахлый (БЛ 24).

Князь писал, что вполне полагается на «своего добрейшего, благороднейшего Николая Сергеевича и в особенности на Анну Андреевну», просил их обоих принять его ветрогона в их семейство, поучить в уединении уму-разуму, полюбить его, если возможно, а главное, исправить его легкомысленный характер и «внушить спасительные и строгие правила, столь необходимые в человеческой жизни» (УО 183).

<...> Капернаулов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее семейство его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... (ПН 18). Он пьяница... Там у него семейство, жена, дети, дочь одна есть (ПН 138). К чему прикрепиться, как не к семейству? Семейство генерала состояло из супруги и трёх взрослых дочерей. Женился генерал ещё очень давно, ещё будучи в чине поручика, на девице почти одного с ним возраста, не

⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Ред. и комм. проф. Е. С. Истриной. Изд. 2. Учпедгиз Наркомпроса РСФСР. Ленинградское отд. Л., 1941. С. 17.

⁵ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1997. С. 86–87.

⁶ Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. С. 366.

обладавшей ни красотой, ни образованием, за которую он взял всего только пятьдесят душ, — правда, и послуживших к основанию его дальнейшей фортуны (Ид 15). Афанасий Иванович угадал мечты её; она желала бы воскреснуть, **хоть не в любви, так в семействе**, сознав новую цель (Ид 41). Когда-то имела детей, мужа, **семейство**, родных, всё это кругом неё, так сказать, кипело, все эти, так сказать, улыбки, и вдруг — полный пас, всё в трубу вылетело, осталась одна, как... муха какая-нибудь, носящая на себе от века проклятие (Ид 126).

«Мы в **семействе** нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» (Пб (21) 134).

А между тем я был, может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчён был возврат к народному корню, к узанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из **семейства** русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей (ДП (21) 134).

[М. М. Достоевскому] Ты же, милый, — дай бог тебе счастья в мирном, прелестном кругу **семейственном**, в любви, в наслажденье — и свободе (Пс 28(1), 78). [А. А. Краевскому] Роман мой называется «Пьяненькие» и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины **семейств**, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч. — Листов будет не менее 20, но может быть и более (Пс 28(2), 127).

В контекстной сочетаемости выявляются смысловые оттенки СЕМЕЙСТВА по разным произведениям:

домком и **семейством** меня благословил господь! БЛ 49
 все **семейство** живёт в одной комнате БЛ 50
 Макар Алексеевич, явите милость господню, окажите помощь **семейству** несчастному; дети и жена, есть нечего БЛ 89
 цвет и надежда высшего **семейства** Хз 287
 добродетельного, почтенного и известного **семейства** Дв 197
 быв так долго другом **семейства** нашего Пл 9
 все по **семействам** собираются Ср 22
 голодное **семейство** НН 154
 забота о пропитании **семейства** НН 155
 нищета нашего **семейства** НН 155
 положение нашего **семейства** совсем не улучшилось НН 156
 живу в странном **семействе** НН 160
 княжеское **семейство** НН 223, 246
 времени, которое и делилось поровну между **семейством** и светскою жизнью НН 225
 загадка, бывшая в этом **семействе** НН 232
 вражда против меня целого **семейства** СС 40
 вместо того, чтобы трудиться для блага своего **семейства**, напился пьян СС 68
 он должен же что-нибудь сделать для **семейства** СС 94
 одно почтенное, но бедное **семейство** СС 97, 99
 вы рассорились с вашим **семейством** УО 246
 раздор мой с **семейством** вашим УО 250

у бедняжки ни защиты, ни **семейства** УО 273
 честь моего **семейства** УО 290
 благодетель всего нашего **семейства** УО 404
 во всём этом странном **семействе** ЗМ 12
 о здоровом сложении, наследственном в их **семействе** ЗМ 16
 уважение к старшим в **семействах** горцев ЗМ 51
 в **семействе** у ней ЗМ 67
 с своим **семейством** СА 36
 всё **семейство** на них злобствовало СА 37
 была отдалённейшею от недр **семейства** СА 39
 дома оставили **семейство** ЗЗ 52
 Католический священник сам выследит и вотрётся в бедное **семейство** какого-нибудь работника (ЗЗ 73)
 вопли его испуганного **семейства** Кр 206
 англичане с их **семействами** Иг 261
 поступки относительно меня и моего **семейства** Иг 271
 уже рассказывалось о всём генеральском **семействе** Иг 299
 из-за неё он бросил **семейство** Иг 308
 пришлось бы поселить в **семействе** раздор ПН 29
 Приезжее и забедневшее **семейство** продавало вещи ПН 52
 десятки **семейств**, спасённых от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц ПН 54
 почтенное **семейство** статского советника, жену и дочь, подлежими словами обозвал ПН 79
 жертвует собою весьма великодушно и нерасчётливо для... своего **семейства** ПН 222
 в **семействе** том, хотя бы и несчастном, не находилось недостойных лиц ПН 232
 всё беднейшее **семейство** ПН 287
 на преданность её **семейству** и на старую дружбу его с её папенькой ПН 295
 бедное благородное **семейство** сирот, доведённых до нищеты ПН 329
 как же отличить, что вы благородного **семейства**, воспитанные дети ПН 330
 К чему прикрепиться, как не к **семейству**? Ид 15
 гармония в **семействе** восстановилась опять Ид 32
 все **семейство** собралось в столовой в ожидании генерала Ид 33
семейство генерала Епанчина Ид 33
 в самых умных **семействах**, в которых накопляются взрослые дочери Ид 33
 заметил в деревенском своём доме, в **семействе** своего немца, прелестного ребёнка, девочку лет двенадцати Ид 35
 многочисленное **семейство** одного почтенного учителя, и в **семействе** этом и её очень любили и с удовольствием принимали Ид 39
 работает, трудится и один поддерживает всё **семейство** Ид 42
 несколько увеличить доходы **семейства** Ид 76
 отставной генерал Иволгин, отец **семейства** Ид 76, 78, 91
 это большой деспот в **семействе** Ид 77
 обращались в большое место у всех членов **семейства** Ид 85
 благороднейшее **семейство** Ид 107
 с благороднейшим и многочисленнейшим **семейством** Ид 108
 варвар и тиран моего **семейства**, варвар и изувер Ид 111
 наняли отдельную квартиру и отказались бы от наших **семейств**. Это наша мечта Ид 112
 некогда имела многочисленнейшее **семейство** и родных Ид 125

многочисленнейшее **семейство** одного купца с большою бородищей Ид 126
 имела детей, мужа, **семейство**, родных Ид 126
 моё будущее **семейство** Ид 136
 перестал содержать **семейство** Ид 151
 князь познакомился и с **семейством** генерала Ид 155
 рад всему **семейству** Лебедева (без племянника, куда-то исчезнувшего)
 Ид 196
 наиболее рассуждающие члены в этом **семействе** Ид 270
 каким следует быть вообще всем почтенным **семействам** Ид 270
 было в сборе всё **семейство** Ид 274
 я, черт возьми, сглупил, вздумал было строгость показать, так как я глава
семейства, — ну, и сглупил Ид 298
 провидение своего **семейства** содержит и питает своими трудами даже
 чужих, не только своих Ид 385
 с ненавистью смотрел он на бедность и на упадок своего **семейства** Ид 386
 он обыкновенно не выносил покаянного и праздного житья в своём **се-**
мействе и кончал бунтом Ид 401
 имея собственное **семейство** Ид 411, БрК 11
 родовое **семейство** Пд 455
 множество таких, несомненно родовых, **семейств** русских с не удержи-
 мою силою переходят массами в **семейства** случайные и сливаются с
 ними в общем беспорядке и хаосе Пд 455

Слово СЕМЕЙСТВО представлено фразеологизмами:

отец семейства БН 104, ДС 357, ПН 28, Ид 400, 421
мать семейства СС 72, Ид 34, 110; Пб (18) 17
отцы и матери семейств Пб (21) 167
случайное семейство Пд 455; ДП (25)178 —

где вводится особое понятие *случайного семейства*, актуальное не только во
 времена Достоевского, но и сейчас.

Отвечаю: случайность современного русского **семейства**, по-моему,
 состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отноше-
 нии к своим **семействам**, общей для всех отцов, связующей их самих
 между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить
 детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте ещё: эта идея,
 эта вера — может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из
 детей впоследствии сами бы от неё отказались, по крайней мере, ис-
 правили бы её для своих уже детей, но всё же самое присутствие этой
 общей, связующей обществу и **семейство** идеи — есть уже начало
 порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного из-
 менению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка. Тогда как
 в наше время этого-то порядка и нет, ибо нет ничего общего и связу-
 ющего, во что бы все отцы верили, а есть на место того или: во-1-х, по-
 головное и сплошное отрицание прежнего (но зато лишь отрицание и
 ничего положительного); во-2-х, попытки спасти положительное, но
 не общее и связующее, а сколько голов столько умов, — попытки, разд-
 робившиеся на единицы и лица, без опыта, без практики, даже без пол-
 ной веры в них их изобретателей (25; 178).

СЕМЕЙСТВО представлено в афористических высказываниях:

Другой муж давно бы уже кровью смыл обиду своего **семейства!**
 (ДС 383)

хоть не в любви, так в **семействе**, сознав новую цель<...> (Ид 41)
 О, эти обидчики ещё с детства, ещё в **семействах** своих выучиваются
 матерями своими обижать! (Пд 400)
 <...> самые отцы и родоначальники бывших культурных **семейств** смеют-
 ся уже над тем, во что, может быть, ещё хотели бы верить их дети (Пд 454).
 <...> самое присутствие этой общей, связующей обществу и **семейство**
 идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конеч-
 но, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, —
 но порядка (ДП (25) 178).
 Стройная организации души среди родного **семейства**, развитие всех
 стремлений из начала христианского, гордость добродетелей **семей-**
ственных, страх порока и беславия — вот следствия такого воспита-
 нья (Пс 28(1) 62).
Семейство тоже сильно обязывает совесть (Пс 29(1) 161).
 <...> как взглянешь ты на своё доброе, прекрасное, любящее тебя **семей-**
ство, то как же не почувствовать отрады и умиления? (Пс 30(1) 229)

Полнота существования слова СЕМЕЙСТВО в текстах Достоевского прояв-
 ляется и в риторических построениях, в фигурах речи:

В зевгме и характеризме: Пусть изобразят этого мужика, пожалуй, **об-**
ремененного семейством и сединою, в душевной избе, пожалуй, ещё
 голодного, но довольного, не ропщущего, но благословляющего свою
 бедность и равнодушного к золоту богача. Пусть сам богач, в умилении
 души, принесёт ему наконец своё золото; пусть даже при этом случае
 произойдёт соединение добродетели мужика с добродетелями его бари-
 на и, пожалуй, ещё вельможи (СС 68).

<...> Вы с семейством и с доходами чуть-чуть достающими (Пс 28(2) 303).
 <...> некто В., влюблённый человек, притом **семейный** и почти пятиде-
 сятилетний <...> (Пд 449)

В характеризме: одна дама-с, то есть я хочу сказать порядочная женщи-
 на, из превосходного **семейства**, моих знакомых... мне поручено... я, ви-
 дите ли, сам не имею **семейства**... (ЧЖ 51)

Там великий муж, окружённый отцами и матерями **семейств**, хозяйкой и
 хозяином, что-то с жаром толковал одной даме, к которой его только что
 подвели (ЕС 100).

Даже всякий фабрикант, всякий антрепренёр непременно должен ощу-
 щать какое-то раздражительное удовольствие в том, что его работник за-
 висит иногда весь, со всем **семейством** своим, единственно от него (ЗМ
 155).

Он очень хорошо заметил и положительно узнал, что молодой чело-
 век, очень хорошей фамилии, живущий в самом достойном **семействе**,
 а именно Гаврила Ардалионович Иволгин, которого она знает и у себя
 принимает, давно уже любит её всюю силой страсти и, конечно, отдал бы
 половину жизни за одну надежду приобрести её симпатию (Ид 40).

Ещё стариком называется, седые волосы, отец **семейства!** Хорош! (Ид
 395)

Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно
 пригожая девушка. 20 лет, хорошего **семейства**, превосходно кончившая

⁷ «Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира». Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общей редакцией Е. А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014. С. 461–466.

гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно (Пс 28(2) 182).

В градации: Уверяю вас... я почтенный человек, я отец **семейства** (ЧЖ 68).

Вор в нашем **семействе**, “глава **семейства**”! (Ид 391)

<...> Капернаумов хром и косноязычен, и всё многочисленнейшее **семейство** его тоже косноязычное. И жена его тоже косноязычная... (ПН 18)

Вот Федя так бравый малый: мать кормит, семейство кормит. Вот это молодец! (Пс 28(2) 228)

В амплификации: <...> Без сомнения, меня, слабого, немощного, вечно обременённого болезнями и обязанностями человека, мог бы подвигнуть патриотизм и вынудить от меня готовность да такие огромные труды и на обязанности уже высшие, чем к детям, к семейству или к собственному делу (Пс 30(1) 29).

В параллелизме: — Ну, так вот это подлинный убийца **семейства** Жемариных, он самый и есть! — Что вы это? — сказал князь. — То есть, аллегорически говоря, будущий второй убийца будущего второго **семейства** Жемариных, если таковое окажется. К тому и готовится... (Ид 161)

Но всё-таки дайте мне высказаться, всё-таки кое-что из моих слов не забудьте. Но вот, однако, дети этого старика, этого отца **семейства**: один пред нами на скамье подсудимых, об нём вся речь впереди; про других скажу лишь вскользь. Из этих других, старший — есть один их современных молодых людей с блестящим образованием, с умом довольно сильным, уже ни во что, однако, не верующим, многое, слишком уже многое в жизни отвергшим и похерившим, точь-в-точь как и родитель его (БКА 126).

Разнообразно обыгрывается СЕМЕЙСТВО и в тропеических сочетаниях:

В метафоре: <...> ему ужасно не хотелось в то утро, с которого мы начали рассказ, идти завтракать в **недра семейства**. Ещё до князя он положил отговориться делами и избежать (Ид 44).

Один, наслушавшись, положим, весьма даже не глупых вещей и прочтя две-три умные книги, вдруг сводит всё воспитание и все обязанности свои к семейству на один бифштекс: «Бифштекс с кровью и, конечно, Либих, дескать» и т. д. (ДП 25, 179)

Паша чего-то объелся, и его при мне рвало, и вообще он ужасно смешон в недрах своего **семейства** (Пс 29(1) 291).

В метонимии: убийство **семейства** Жемариных Ид 161

Твой дом имеет физиономию всего вашего **семейства** и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этак заключил, — ничем объяснить не могу. Бред, конечно (Ид 172). Ещё третьего дня генерал сообщил своему **семейству** карточку князя; эта карточка возбудила в Лизавете Прокофьевне неприменную уверенность, что и сам князь прибудет в Павловск для свидания с ними немедленно вслед за этою карточкой (Ид 200). Аглая перессорилась со всем **семейством** <...> (Ид 256). И не то чтобы, например, **семейство** это отличалось какою-нибудь собственной инициативой или выпрыгивало из рельсов по сознательному влечению к оригинальности, что было бы уж совсем неприлично. О нет! (Ид 270)

Радостное настроение **семейства** продолжалось недолго. На другой же день Аглая опять поссорилась с князем, и так продолжалось непрерывно во все следующие дни (Ид 430).

Рад очень, что нашёл ты всё **семейство** своё здоровым (Пс 28(1) 157).

Передаёт всему твоему **семейству** поклон с желанием долго жить. Эмили Фёдоровне особенно (Пс 28(2) 91). У **семейства** — ни гроша, и все несовершеннолетние (Пс 28(2) 96). <...> дать взаймы хоть 3000 руб. <...> **семейству** на журнал <...> (Пс 28(2) 98). Но **семейство**, отказавшись от наследства, по закону не обязано было бы ничего и платить (Пс 28(2) 117). Вы пишете, что Вы и всё Ваше **семейство** перехворали (Пс 28(2) 152).

Слово СЕМЬЯ в отличие от СЕМЕЙСТВА представлено и разработано гораздо скромнее, скорее формально, в более негативном и официальном контексте, не исключая при этом и позитивного. Это заставляет предположить менее привычный и желаемый для Достоевского континуум понятия СЕМЬИ, менее симпатичное отношение к такому наименованию родственного союза в сравнении с СЕМЕЙСТВОМ, вызывающим устойчивую ассоциацию со «святым семейством». Интересно, что слово СЕМЬЯ не разработано у Даля, а отсылает к статье СЕМЕЙСТВО⁸.

СЕМЬЯ — по частотности значительно меньше, всего 182: в прозе — 64, в публицистике — 77, в письмах — 41⁹. Значение, выводимое из контекстов по прочтении полного конкорданса, отличается отсутствием высшей ценности и выглядит так: *узаконенная совместная жизнь мужчины и женщины, их детей и родителей, закреплённая гражданским и духовным браком (возможно, только формально и житейски соединённая).*

Что ж у тебя, **семья**, мать, отец? (УО 254)

Была бы у меня **семья** с детства, не такой бы я был, как теперь (ЗП 156).

— Это, Лиза, в тех **семьях** проклятых, где ни бога, ни любви не бывает, — с жаром подхватил я, — а где любви не бывает, там и рассудка не бывает (ЗП 157).

Видали ли вы или слышали ли о мучимых маленьких детях, ну хоть о сиротках в иных чужих злых **семьях**? (ДП 22, 69)

Само собою, несмотря на наружный лоск, вся **семья** такого купца вырастала безо всякого образования (ДП 23, 158).

Семья небогатая, но мать имеет занятие и добывает средства трудом, а дочка посещает в Петербурге школу и каждый раз, когда уезжает в школу или возвращается из школы домой, ездит в общественной карете, отправляющейся от Гостиного двора до того места, где они живут, и обратно по несколько раз в день, в известные сроки (ДП 24, 55).

Вообще вся эта **семья**, так мне близкая, меня приводит в отчаяние (Пс 29(1) 27).

Семья брата Миши очень упала, очень низменна, необразованна (Пс 29(2) 76).

Одна из самых важных задач в этом текущем, для меня, например, молодое поколение, а вместе с тем — современная русская **семья**, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего ещё двадцать лет назад (Пс 29(2) 78).

По сочетаемости в подчинительной и сочинительной связи возникает ощущение формальности в словоупотреблении:

⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2 т. Т. 2: П–V. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 587.

⁹ Шайкевич А. Я., Андрущенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. С. 366.

семья вся своя БЛ 20
 бедняков БЛ 23
 нормальная БКа 171
 целая Пб (19) 67
 голодная и холодная Пб (19) 67
 разлагающаяся ДП (21) 99
 купца ДП (23) 158
 небогатая ДП (24) 55
 русская Пс 29(2) 78
 приютилась в задних комнатах и стеснилась там до смрада СА 37
 была бы с детства ЗП 156
 есть у фатера Иг 225
 в полнейшем рабстве и повиновении у фатера Иг 226
 в каждом доме живет «**семья**» ДП (22) 18
 выросла безо всякого образования ДП (23) 158
семьи проклятые, где ни бога, ни любви не бывает ЗП 157
 злые ДП (22) 69
семьями жить Пс 28(2) 224
 в **семьях** много худа бывает ЗП 157
семья, мать, отец УО 254
 А где дом, **семья**, самостоятельность, порядок хоть какой-нибудь? Пб (21) 142
 пьянство, разлагающаяся **семья** и фабрика ДП (21) 99
семья и наши святые ДП (22) 72
 и свобода, и жизнь, и честь, и **семья**, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, все, что есть драгоценного ДП (23) 99
 дом и **семья** ДП (23) 100
 признаете, что есть **семья**, есть власть отеческая ДП (22) 72

СЕМЬЯ представлена в афористических высказываниях и высказываниях обобщающего характера:

Мой идеал поставлен твёрдо: <...> сельский дом, **семья** и сам — пахарь или вроде того (Пд 247).
 Всё это поднятое дело останется потом в легендах **семейных**, а добрые воспоминания крепят семью (Пб (21) 144).
 Бог это **семья**, вот это святые! (ДП (22) 70) **Семья** ведь тоже *созидается*, а не даётся готовою, и никаких прав и никаких обязанностей не даётся тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают (ДП (22) 70). Созидается же **семья** неустанным трудом любви (ДП (22) 70).
 Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля — всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и **семья**, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом, всё, что есть драгоценного (ДП (23) 99).
 В **семьях** наших об высших целях жизни почти и не упоминается, и об идее о бессмертии не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого их детства, да ещё, пожалуй, с нарочным назиданием. Что же, это ведь отчасти и правда: при нашем всеобщем индифферентизме к высшим целям жизни, конечно, может быть, уже и расшаталась наша **семья** в известных слоях нации (ДП (24) 51).

Интересной особенностью слова является отсутствие фразеологизмов, но встречается задеиствие в фигурах речи, что, скорее, относится к авторской творческой особенности:

В параллелизме: Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя **семья**, мои две дочери и мой сын — мой помёт-с (БрК 183).

<...> и если отец в силах и в состоянии будет ответить и доказать ему, — то вот и настоящая нормальная **семья**, не на предвзвешенной лишь мистическом утверждающаяся, а на основании разумных, самоотчётных и строго гуманных (БКа 171).

<...> что станется с нами, что станется с основами общества, куда денется **семья?** (БКа 174)

Итак, вот этот гражданин, вот этот **семьянин**, вот этот русский человек — какая характернейшая чисто русская черта! (ДП (25) 56)

В градации: <...> тотчас прикладывает правую руку к щеке и начинает петь и напевом рассказывает, в импровизированных стихах, о том, как у ней были дом и **семья**, был муж, были дети, шестеро детей, а у деток, у старших, были тоже деточки, маленькие внуки её (ДП (23) 100).

У тебя **семья**; состояние тебе необходимо; наживай его (Пс 28(1) 178).

В словообразовательном гнезде слова СЕМЬЯ интересно слово СЕМЕЙКА с иронической коннотацией:

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЕЙКИ. ФЁДОР ПАВЛОВИЧ КАРАМАЗОВ (БрК 7)

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вместе в первый раз в жизни, и некоторые члены её в первый раз в жизни увидели друг друга (БрК 17).

Может быть, я слишком преувеличиваю, но мне кажется, что в **картине этой семейки** как бы мелькают некоторые общие основные элементы нашего современного интеллигентного общества — о, не все элементы, да и мелькнуло лишь в микроскопическом виде, «как солнце в малой капле вод», но всё же нечто отразилось, всё же нечто сказалось. Посмотрите на этого несчастного, разнузданного и развратного старика, этого «отца семейства», столь печально покончившего своё существование (БКа 125).

Слова СЕМЕЙНЫЙ и СЕМЕЙНО, входящие в словообразовательное гнездо слова СЕМЬЯ, вызывают интерес своим необычным контекстом. Слово СЕМЕЙНЫЙ имеет неожиданную лексико-синтаксическую разработанность и семантическую значимость, а слово СЕМЕЙНО фактически является авторским неологизмом.

СЕМЕЙНЫЙ — 1) *свой; ограниченный, внутренний, интимный.*

В половине же первого накрывался стол в маленькой столовой, близ мамашиных комнат, и к этому **семейному** и интимному завтраку являлся иногда и сам генерал, если позволяло время. Кроме чаю, кофею, сыру, меду, масла, особых оладьев излюбленных самою генеральшей, котлет и прочего, подавали даже крепкий горячий бульон (Ид 32).

В тихом и прекрасном течении **семейной** жизни генерала Епанчина наступал очевидный переворот (Ид 34).

Все, начиная с губернатора, холостые. А только **семейное** общество придает физиономию городу. Тут только и может быть разнообразие жизни (Пс 28(1) 264). Но этот раз всё пошло на семейную дребе<де>нь; до другого письма (Пс 28(2) 273). <...> авось к тому времени я уже смогу выйти к людям. (**Семейным**; не **семейных** я и теперь посещаю). «Дневник писателя» будет, что будет (Пс 29(2) 70).

– 2) *Специальный, предназначенный для всей семьи; льготный.*

Для посещения воксала, музыки, библиотеки надо взять билет единичный или семейный и заплатить особо от 4-к до 6 руб., кажется (Пс 29(1) 248).

Контекстная сочетаемость показывает степень освоенности и языком, и автором этого слова:

семейные отношения БЛ 24
семейные обстоятельства БЛ 33
 вся гражданская и **семейная** жизнь твоя по литературе ходит БЛ 60
 более похоже на **семейные** радости, чем на балы Дв 128
 в минуту **семейной** и торжественнейшей радости для его сердца Дв 136
 я за это шуточку **семейную** отпущу Пл 13
 по **семейным** обстоятельствам НН 223
семейная тайна ДС 379
семейная радость ДС 379
семейный праздник СС 39
 забрано на **семейные** нужды СС 109
 играл довольно мрачную роль на **семейном** празднике СС 131
 при первых неожиданных **семейных** нуждах СС 167
семейные обстоятельства УО 183
семейные люди УО 204
 если б какие-нибудь люди **семейные** и благодетельные взяли её серьезно на воспитание УО 334
 законы ограждают **семейное** спокойствие УО 368
 дни **семейного** сбора ЗМ 105
 в газетах, при описании **семейных** ссор, увечий и убийств, всегда упоминается кочерга ЗЗ 73
 посвящён во все **семейные** тайны Иг 213
 как будто все **семейные** бури миновали только одну её Иг 285
 не совсем по карману **семейному** чиновнику, получающему даже и две тысячи рублей жалованья Ид 76
 житейские и **семейные** горести Ид 10
 Случилось это как-то само собой, без больших разговоров и безо всякой **семейной** борьбы (Ид 154).
семейные мучения её были неосновательны Ид 271
 несмотря на все прежние **семейные** недоумения Ид 388
 полковнику Слуцкому, человеку **семейному** и значительному в Омске Пс 28(1) 284
 взял на себя заботы **семейные** и тяну их Пс 28(1) 337
 от текущих собственных **семейных** вопросов Пс 28(2) 27

В контекстной сочетаемости уточняется многоплановость слова:

Это собственный, **семейный**, фамильный наш Пушкин, издание Анненкова Ид 212
 этот **семейный** факт, совершенно точный и верный, весьма малоизвестен, даже совсем забыт Ид 233
 Образ Богородицы. Богородица с младенцем, домашний, **семейный**, старинный, риза серебряная золочёная — стоит — ну, рублей шесть стоит (Кт 8).
 Ведь народный поэт носит в себе и политические, и общественные, и религиозные, и **семейные** убеждения народа? (Пб (19) 14)
 пороки в **семейных** и общественных отношениях Пб (20) 12

об чём всякому мужу с женой может случиться нужда переговорить в начале дороги, — об чём-нибудь хозяйственном, например, или **семейном**, о детях, о том, что у Мишеньки кашель, а здесь свежо, или у Сонички слишком поднимаются юбочки, — то конфузятся и быстро начинают шептаться Пб (21) 168
 всегда можно найти время даже и при **семейных** тягостях и при служебных занятиях Пс 29(1) 167

Во фразеологизмах проявляется закреплённость слова в языковом узусе:

как в таком содоме **семейные** люди уживаются БЛ 23
 в нашем **семейном** совете положено было пригласить мне учителя пения НН 238
 пообедать, запросто, да ещё в своем **семейном** кругу Дв
семейный обед Дв 125
семейное счастье... Вот и **семейное** счастье ЧЖ 58 СС 33, 39
 Бопре, торжествующий и раздавивший всех своими **семейными** добродетелями, и, главное, главное миллион, в виде фатума, в виде закона природы ЗЗ 98
 у одних «очень, очень хороших людей, **семейных** людей и где ничего ещё не знают, совсем ничего ЗП 163
 чтоб его пристыдить, как **семейного** человека и как человека вообще говоря Ид 375
 человек **семейный**, обязанный многими заботами, можешь не иметь для меня денег Пс 28(1) 255

В афористическом высказывании здесь закреплено идиоматическое употребление:

Ведь сделаться **семейным** человеком не шутка; тогда уж я буду не мальчик... (УО 204)
 <...> нет ничего выше на свете счастья **семейного** (Пс 28(1) 182).
 Не одни ведь средства к существованию нужны для **семейного** счастья (Пс 29(1) 167).

Задействованность слова в фигурах речи говорит о его литературной обработке:

В уточнении: Но главное — все эти **семейные** катастрофы, или, лучше сказать, все эти дрязги, так что даже не знаешь, как и назвать... (Ид 297)
В противопоставлении: — **Семейный** он? — Вдовый (Ид 172).
В параллелизме: <...> этот торжественный день, ознаменовавшийся таким торжественным обедом, заключился блистательным балом, **семейным**, маленьким, родственным балом, но всё-таки блистательным в отношении вкуса, образованности и приличия. Конечно, я совершенно согласен, такие балы бывают, но редко. (Дв 128)
 Аким Акимыч тоже очень готовился к празднику. У него не было ни **семейных** воспоминаний, потому что он вырос сиротой в чужом доме и чуть не с пятнадцати лет пошёл на тяжёлую службу; не было в жизни его и особенных радостей, потому что всю жизнь свою провёл он регулярно, однообразно, боясь хоть на волосок выступить из показанных ему обязанностей (ЗМ 105).
 Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в **семейных** отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая её за вещь,

а не за личность... В допетровской, московской Руси было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи (Пб (20) 12).

В характеристике: она объяснила мне, что была где-то на танцевальном вечере, в **семейном** доме, у одних «очень, очень хороших людей, **семейных** людей и где *ничего ещё не знают*, совсем ничего», — потому что она и здесь-то ещё только внове и только так... а вовсе ещё не решилась остаться и непременно уйдёт, как только долг заплатит... ЗП 163 [Лебедев князю Мышкину о Фердыщенко] Так вот я его отпущу, а потом вдруг, как снег на голову, и застану его у капитанши, — собственно чтоб его пристыдить, как **семейного** человека и как человека вообще говоря (Ид 375).

Поверьте, что пяти дней не выдержит, сам проговорится, заплачет и во всём сознается, — и особенно если действовать ловко и благородно, чрез **семейный** и ваш надзор за всеми, так сказать, чертами и стопами его... (Ид 375)

В тропеических сочетаниях слово также представлено:

В метонимии: Тут был и ещё один господин, у которого, кажется, не было ни роду, ни племени, но который, подобно мне, попал на **семейное** счастье... (ЕС 95)

ему вовсе не до радостей и **семейного** счастья ЕС 95

принимавшей участие в **семейном** счастье хозяина ЕС 96

Эта **семейная** половина состояла из залы, обращавшейся, когда надо, в столовую Ид 76

семейная гордость УО 203

Ганя стоял пасмурный и ждал с беспокойством **семейной** сцены (Ид 84). Впрочем, почему же не ввести мне сына моего лучшего друга и товарища детства в этот очаровательный **семейный** дом? Генерал Иволгин и князь Мышкин! (Ид 108)

Мне было всего ещё девять лет от роду, как, помню, однажды, на третий день светлого праздника, вечером, часу в шестом, всё наше семейство, отец и мать, братья и сёстры, сидели за круглым столом, за **семейным** чаем, а разговор шёл как раз о деревне и как мы все отправимся туда на лето (ДП (22) 112).

Распространяйся в каждом письме о **семейных** подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это даст мне надежду и жизнь (Пс 28(1) 163).

это вследствие Ваших семейных отношений к родным Пс 28(1) 234

Семейных домов у нас нет или очень мало. Наехала бездна народу одинокого (Пс 28(1) 264).

Но очень хочу угадать, какой новый оттенок, мне неизвестный, положила **семейная** жизнь на Вашу душу (Пс 28(2) 120).

СЕМЕЙНО — *скрыто, находясь внутри семьи.*

Сделали всё тихо, **семейно**, без особенной пышности и без лишних гостей (СС 163).

Свадьбу сделали без особенного торжества, **семейно** и тихо (Иг 309).

Мы представляем на вид всем негодующим на излишнюю горячность нашу, а вместе с тем и «Русскому вестнику» следующее обстоятельство: что, если б, например, они сами были таким образом **семейно** и всенародно обижены? (Пб (19) 123)

ИДЕОГРАФИЯ

1. **СЕМЕЙСТВО** и **СЕМЬЯ** относятся к изначальным по смыслу, понятийным словам, поэтому определение значения выглядит не точным, а приближительным: сообщество, единство, содружество, коллектив — и семантически составляет некое единство и его начало.

2. По результатам лексикографического сопоставления основополагающим является **СЕМЕЙСТВО** с позитивной, сакральной, традиционной коннотацией, в отличие от **СЕМЬИ** — часто с негативным, вызывающим сомнение контекстом. Это может быть определено аллюзией к новозаветному понятию «святое семейство», что создаёт глубинную диахроническую прецедентность.

3. Слово **СЕМЕЙСТВО** имеет разработанную лексико-морфологическую, контекстно-семантическую и синтагмо-синтаксическую картину, представлено тропеически и идиоматически, в отличие от слова **СЕМЬЯ**, которое в небольшом словообразовательном гнезде — **СЕМЕЙКА**, **СЕМЕЙНЫЙ**, **СЕМЕЙНО** — имеет актуальное новообразование **СЕМЕЙНО**: «сделали всё семейно и тихо» (8; 309), а производное прилагательное **СЕМЕЙНЫЙ** со значением ‘свой, интимный, закрытый’ употребляется в основном метонимически.

4. Семантика **СЕМЕЙСТВА** строится на противопоставлении главы и подопечных, всех остальных: *генерал и всё его семейство, он со своим семейством, тиран моего семейства, семейство купца*, — и как собирательное существительное проявляет метонимическую реализацию в синтагме: *отец семейства, мать семейства, случайное семейство* (8; 34, 400), *обязанность к семейству на один бифштекс* (25; 179).

5. Семантическая оппозиция *главы семейства и всех остальных* обуславливает метонимическую реализацию слова в синтагме: *если сам Епанчин и виделся, то **семейству** своему об этом не возвестил* (8; 149), *генерал сообщил своему **семейству** карточку князя* (8; 200), *Аглая перессорилась со всем **семейством*** (8; 256).

Наглядная картина представления Достоевского о семье получилась в результате лексикографической работы над текстом, что позволило воспроизвести объективный взгляд, не зависящий от предпочтений исследователя.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ТЕКСТОВ ДОСТОЕВСКОГО

БЛ Бедные люди

БН Белые ночи

БрК Братья Карамазовы (Т. 14)

БКа Братья Карамазовы (Т. 15)

Дв Двойник

ДП «Дневник писателя» (1873–1881 гг.)

ДС Дядюшкин сон

ЕС Ёлка и свадьба
 ЗЗ Зимние заметки о летних впечатлениях
 ЗМ Записки из Мёртвого дома
 ЗП Записки из подполья
 Иг Игрок
 Ид Идиот
 Кр Крокодил
 Кт Кроткая
 НН Неточка Незванова
 Пб Статьи 1845–1864 гг., 1873–1878 гг.
 Пд Подросток
 Пл Ползунков
 ПН Преступление и наказание
 Пс Письма (личная переписка)
 РП Роман в девяти письмах
 СА Скверный анекдот
 Ср Слабое сердце
 СС Село Степанчиково и его обитатели
 СЧ Сон смешного человека
 УО Униженные и оскорблённые
 Хз Хозяйка
 ЧЖ Чужая жена и муж под кроватью

Т. С. Карпачёва

«ЖЕ-НА, КОЛИ СКАЗЫВАЛ»: СЛУЧАЙНОЕ СЕМЕЙСТВО В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ХОЗЯЙКА»

В статье рассматривается тема «случайного семейства» в раннем творчестве Ф. М. Достоевского; прослеживается связь между «случайным семейством» и вовлечением в деструктивную псевдорелигиозную группу, которая даёт видимость семьи, в частности, за счёт обращений «братец», «сестрица» между её членами, а в реальности способствует разрушению и порабощению личности.

Ключевые слова: Достоевский, «Хозяйка», «случайное семейство», секта, хлысты.

Мы привыкли говорить о «случайном семействе» применительно к позднему творчеству Ф. М. Достоевского. Сам писатель впервые вводит это понятие в конце романа «Подросток»: «Да, Аркадий Макарович — вы член случайного семейства» (13; 455). Впоследствии эта тема будет развита на страницах «Дневника писателя»: «Современное русское семейство становится всё более и более случайным семейством. Именно случайное семейство — вот определение современной русской семьи. Старый облик свой она как будто вдруг потеряла, как-то внезапно даже, а новый... в силах ли она будет создать себе новый, желанный и удовлетворяющий русское сердце облик? Иные и столь серьёзные даже люди говорят прямо, что русского семейства теперь “вовсе нет”. Разумеется, всё это говорится лишь о русском интеллигентном семействе, то есть высших сословий, не народном. Но, однако, народное-то семейство — разве теперь оно не вопрос тоже?» (25; 173). В. Д. Рак поясняет, что «термином <случайное семейство> Достоевский обозначил семью, в которой распались внутренние связи и которая находится в состоянии “хаоса” и “беспорядка”. Подобные семьи <...> были характерным явлением русской пореформенной жизни¹. Однако, как мы видим, писатель, говоря о «случайном семействе» в дворянской среде, тут же задаётся вопросом и о народном семействе. Более того, в художественном творчестве Достоевского все его сюжеты, по сути, временных границ не имеют, и по большому счету не столь важно, в дореформенное, пореформенное или иное время происходит действие: все проблемы, поднятые писателем, имеют значение во все времена. Так и тема «случайного семейства» начинается в творчестве Достоевского, на наш взгляд, ещё в раннем творчестве — в повести «Хозяйка» (1847). В произведении мы видим два «случайных семейства»: Мурина и Катерины и то семейство Катерины, в котором она жила в родительском доме в детстве.

Хоть в настоящее время «Хозяйка» вызывает пристальный интерес исследователей, всё же история её непонимания (мы имеем в виду даже просто сюжетную линию), начатая Белинским, продолжается по сей день. Так, В. Г. Белинский признаётся, что не понял «ни единого слова» в повести Достоевского, и действительно, он «путает» род занятий Мурина и Ордынова:

¹ Рак В. Д. Комментарии / Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб., Наука, 1994. Т. 13. С. 427.

колдовством («чаромутием», как метко, но не по адресу выразился критик) занимается, согласно его прочтению, Ордынов, а не Мурин, и именно Ордынов, а не Мурин в этой связи, по мнению критика, становится «похожим на повреждённого или помешанного»². Многие современные учёные, как и в своё время Белинский, невнимательно прочитывают текст произведения и путаются в сюжетной линии. Показательно, к примеру, что некоторые исследователи не замечают (не хотят замечать?) сюжета убийства Муриным родителей Катерины (или замечают только одно убийство). Так, И. И. Евлампиев, очарованный образом Мурина и всерьёз считающий, что он «обладает способностью действовать на мир таким образом, что тот изменяется в соответствии с его желаниями»³, обходит стороной убийство матери Катерины, хотя фрагмент побега Катерины с Муриным из родительского дома описывает весьма подробно, но в «его» сюжете старик является для того, чтобы «убить отца Катерины» и оставить её мать ради неё самой»⁴. Притом и убийство отца автор склонен понимать в некоем мистическом плане, мол, Мурин убил его с помощью каких-то колдовских чар: «...немочь на него (отца Катерины — Т. К.) наслал Мурин, он же, видимо, своим мистическим даром предопределяет трагическую развязку — пожар на заводе отца и затем его страшную гибель: «оступился, с лестницы в котёл раскалённый упал; знать, нечистый его туда подтолкнул»⁵. Опалённый, дымящийся кафтан Мурина исследователь не принимает во внимание. Евлампиев наделяет убийцу «религиозной одарённостью», считает «высшим существом», стоящим по «ту сторону добра и зла»⁶. Такое сущностное непонимание Достоевского превосходит, пожалуй, и Белинского, который не понял в повести «ни единого слова», но хотя бы честно признался в этом. Е. Г. Чернышёва находит «основания трактовать образ Мурина в позитивном этическом ключе» и соотносит бегство Мурина и Катерины в конце повести из Петербурга с бегством «праведного Лота (sic!) с семьёй из погрязшего в грехах, обречённого Содома»⁷. Зло в повести исходит, по мнению исследователя, не от Мурина, а от города, представляющего собой «средоточие пороков»⁸; Мурин же, промышлявший разбоем и «душегубством», убийца родителей Катерины, — всего лишь «лицо мрачно загадочное, но не злодейское»⁹. С. С. Бытко ставит Катерину в один ряд с Нечеткой Незвановой и Соней Мармеладовой, видя в ней «кроткую робость»,

² Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Статья вторая и последняя // Эстетика и литературная критика: в 2 т. Т. 2. М.: Гос. изд. худ. лит-ры, 1959. С. 712.

³ Евлампиев И. И. Повесть «Хозяйка» в контексте религиозно-философских исканий Ф. М. Достоевского // Ценности и смыслы, 2010. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povest-hozayka-v-kontekste-religiozno-filosofskih-iskaniy-f-m-dostoevskogo>. Дата обращения: 03.02.2021.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Чернышёва Е. Г. Библиейские образы в сознании героев и нарративной структуре повестей Ф. М. Достоевского «Двойник» и «Хозяйка» // Учёные записки Московского гуманитарного педагогического института. М.: МГПИ, 2004. С. 244.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 243.

хотя всё же добавляет, что «при этом и Катерина не избавлена от пороков той “народной веры”, частью которой сама является»¹⁰. Всё это происходит, возможно, оттого, что сюжет повести действительно сильно запутан, и её нужно читать не один, не два и даже не десять раз, чтобы разобраться в событийной канве. Более всего запутана предыстория Катерины, которую она рассказывает Ордынову. Эти сбивчивые воспоминания представляют собой экспозицию повести, и мы считаем нелишним, ввиду того что в исследовательской литературе сохраняется непонимание событийной линии этого произведения, восстановить их в хронологическом порядке. Итак, в экспозиции повести представлено первое «случайное семейство»: Катерина — её мать — её отец — Мурин.

Как следует из текста, Катерина родилась на Волге, в купеческой семье, её мать — либо татарка, либо полукровка (она говорит по-татарски, но Катерину уже по-татарски не учили, и она «не понимала ни слова»), из чего следует, что её отец — русский (если бы он был тоже татарин, Катерина понимала бы по-татарски). Отец — владелец завода, у него есть работники, находящиеся в подчинении, следовательно, семья далеко не бедная. Дом, в котором живёт Катерина, довольно большой, по крайней мере в два этажа точно, и её светёлка находится наверху (когда к ней в окно влезает Мурин, он просит её пустить «вниз прогуляться»); дом охраняется собаками; запираются ворота; при доме есть конюшня. Семья, по-видимому, исповедует православие — в доме есть иконы, и православные обычаи являются частью повседневной жизни Катерины: для неё, например, очевидно, что при входе в дом нужно перекреститься¹¹. Однако, как это часто бывает в народной и купеческой среде, все верят в «дурной глаз» и иные суеверия (перед роковой ночью отец Катерины приказал остановить завод и «дом от худого глаза беречь»). Кстати, важно отметить, что из всех исследователей «Хозяйки» на оккультно-языческое (а не христианское) мировоззрение Катерины и именно вследствие этого подчинение Мурину указывает лишь О. В. Седельникова: «“Слабое сердце” Катерины не может противостоять таинственной власти тёмной силы раскольника Мурина и его старых книг, хотя и прекрасно осознаёт её губительный характер, именно в силу своей непросвещённости, суеверности»¹². Из рассказа Катерины мы узнаём, что к её матери часто приходит любовник — Мурин, и ей всегда было страшно, когда он приходил. Приход Мурина всегда был неожиданно, и откуда он возвращается, где бывает — ни Катерина, ни, по её словам, её мать не знали. Однажды Мурин, придя «весь мокрый, издрогший», вдруг замечает, как расцвела Катерина, и по-другому смотрит на неё. Мать же в это время болеет и полагает, что скоро умрёт. Катерине лестно внимание Мурина:

¹⁰ Бытко С. С. О «Хозяйке» и профессиональной терминологии (к теме «Достоевский и старообрядчество») / Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С. 202.

¹¹ Мы полагаем, что родители Катерины вряд ли состояли членами хлыстовской общины, о которой речь пойдёт ниже, иначе об этом было бы сказано. Вся «сектантская тема» в повести связана с Муриным.

¹² Седельникова О. В. Ф. М. Достоевский и кружок Майковых. Томск: Издательство ТПУ, 2006. С. 74.

«Нечистый купил мою душу, и я, сама себе хвалясь, смотрела на матушку» (1; 295). Эпитетом «нечистый» Катерина наделяет и всё, что связано с Муриным: его нож, его речь и т.д., и этот эпитет, как мы убедимся, играет очень важную роль в произведении. Мурин в разговоре с матерью Катерины (разговор шел по-татарски, Катерине суть его была непонятна, но было ясно, что говорили о ней), вспылит и схватился за нож; Катерина бросилась защищать мать, что произвело впечатление на Мурина. Уходя, Мурин дарит Катерине «бурмицкие зёрна» (жемчуг), которые она, чтоб похвастаться, относит матери, чем вызывает её гнев, и та в запальчивости выдает тайну рождения дочери: «Я сама скажу, что за купцы приезжали и за каким товаром приехали... Уж я скажу ему (мужу — Т. К.), чья ты дочь, беззаконница! Ты же не дочь мне теперь, ты мне змея подколодная! Ты детище мое проклятое!» (1; 296). Здесь содержится явный намёк на то, что Катерина — дочь Мурина. Во время всей этой сцены Катерине жалко мать, она хочет ей «в ноги броситься», но «окаянный» её наущает показывать своё превосходство и издеваться над ней. Семья, в которой растёт Катерина, вполне подходит под определение «случайного семейства» у Достоевского. Мать, увидев в дочери потенциальную соперницу, тут же проклинает её. По всей видимости, мать и жила только посещениями Мурина, с которым, вероятно, была знакома и до замужества (их объединяет знание татарского языка, возможно, они земляки). Сама Катерина, «как только память <в ней> родилась», видит, что к матери приходит любовник, потому неудивительно, что в тот момент, как она осознала свою девичью привлекательность, первое, что она сделала, — это отбила любовника матери. Роль отца Катерины неясна. С одной стороны, его будто бы все боятся и угрожают друг другу всё ему рассказать (Катерина — о связи матери с Муриным, мать — о том, что Катерина не его дочь), и даже Мурин предпочитает не попадаться ему на глаза. С другой, мы видим, что, напротив, именно Мурин держит в страхе Катерину и её мать — и это обоснованно, если он угрожает ножом, и, по словам Катерины, такое случалось не единожды. Отца Катерина ласково называет «батюшкой», неким актом прощания с родительским домом является фрагмент, когда она «крепко, на разлуку» обнимает «батюшкина коня» (1; 298). Судя по поведению работников во время пожара, мы понимаем, что отец — хороший хозяин и работники его любят. Вероятно, отец не знает о связи своей жены с Муриным, продолжающейся во всё время их брака. Таким образом, с искажённым с детства представлением о семье Катерина из одного «случайного семейства» переходит в ещё более случайное. Поняла ли она слова матери, кто её настоящий отец, — остаётся неясным, но, скорее всего, поняла, потому что впоследствии сама называет себя по отношению к старику «дочкой любезной» (1; 306).

По прошествии пяти дней Мурин является ночью непосредственно к самой Катерине — карабкается по верёвке к ней в комнату. Он уже понял, что Катерина влюблена в него, и ещё раз испытывает её чувство: «Ну, хочешь теперь, красная девица, с недруга голову снять, батюшку родимого кликнуть, душу мою загубить? Из твоей девичьей воли не выйду» (1; 296–297). Катерине льстит такое уничижение перед ней материного любовника, вся личность ко-

торого для неё с самого детства была овеяна тайной. Хотя читателю понятно, что это один из элементов игры Мурина, его «приём» по обольщению юной красавицы. Мурин просит её впустить в дом, «прогуляться вниз, своё сердце изведать, хозяевам поклон отнести» (1; 297). Катерина, сама не понимая, как его «речь нечистая» (курсив наш — Т. К.) в её «сердце дошла», впускает Мурина. В этот день её матери ещё хуже, и она лежит в постели больная, о чём Катерине известно — «знала я, окаянная дочь» (1; 297). Вдруг Катерина слышит слабый крик, «словно ребенок вскрикнул, когда во сне испугается» (1; 297), затем слышит, как люди с завода бегут и кричат, что её отец упал в котёл — «знать, нечистый его туда подтолкнул». Но Катерина продолжает сидеть и ждать. К ней возвращается Мурин в обгоревшем кафтане и со словами «душу свою я за тебя загубил» просит выпустить его так, «чтоб не мимо людей» (1; 297). Катерина выпускает Мурина опять через окно и сама сбегает с ним. Его обгоревший кафтан и эпитет «нечистый», которым неизменно во всей повести характеризуется всё связанное с Муриным, очевидно указывает, что Мурин — убийца отца Катерины, который буквально, физически, а не как-то мистически, толкает своего соперника в котёл. «Слабый крик» в доме, который слышит Катерина (при этом известно, что мать лежит третий день больная и в доме больше никого нет) должен так же однозначно указывать на то, что Мурин убил и свою «старую любовь». Однако для ещё большей ясности Достоевский вводит такой диалог: «А отчего у тебя руки в крови?» — «Руки в крови, моя родимая? а собак ваших порезал; разлаялись больно на позднего гостя...» (1; 293). Дальше у читателя не должно остаться сомнений в том, что именно Мурин зарезал мать Катерины. О том, что Мурин совершил преступление, говорят и его слова: «Не отмолить мне этой ночи проклятой, разве вместе будем молиться» (1; 297). Катерина понимает, что в этих словах звучит неприкрытый цинизм: «Смеялся он, злой человек» (1; 297).

Намёк на нетрадиционную религиозную принадлежность Мурина, неоднократно осмысливаемый в исследовательской литературе, содержится также уже в экспозиции: входя в дом, Мурин «образам не молится, хозяевам не кланяется» (1; 295); в своей речи «присваивает» себе Бога: «Бог наш нам помощь послал!» (1; 298); однако окончательно завоёвывает доверие Катерины уверениями в том, что он «не нехристь какой, не нечистый» (1; 298) (подробнее о религиозной принадлежности Мурина — ниже). Катерина год живёт с Муриным, затем он оставляет её с какой-то старухой, своей «названной матушкой» и уезжает «вниз по реке». В этот момент появляется ещё одна жертва Мурина — молодой купец Алёша, от которого мы узнаём, что Мурин промышляет разбоем и «душегубством». Катерина хочет бежать с Алёшей, так как ей «опостылела» «жизнь <...> горемычная» (1; 300). Однако на пристани именно в этот момент появляется Мурин и просит Алёшу довести его «с хозяйской» «в наше место» (1; 301). В бурную ночь они втроём садятся в лодку, от берега уже далеко, вплавь добраться невозможно, и Мурин предлагает Катерине сделать выбор: «...в лодке теперь нам тяжело. Уж не пришло ли чьё время?», то есть кому остаться в лодке с Катериной, кому погибнуть. «Я слова моего не сказала тогда» (1; 301), — Катерина так и не договаривает, что же произошло в лодке,

но читатель предполагает, что Мурин сбросил Алёшу в реку, и тот погиб. Однако есть и другая версия, предложенная С. В. Берёзкиной: «Поскольку дело шло о церковном покаянии, Ордынов мог заключить, что Алёша, выброшенный Муриным из лодки, сумел доплыть до берега»¹³. Действительно, историю, похожую на Катерину, рассказывает Ярослав Ильич. С его слов, Мурин «в болезненном припадке сумасшествия <...> посягнул на жизнь одного молодого купца» (1; 286), за что ему было назначено уголовное наказание в виде церковного покаяния. Церковное покаяние по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было предусмотрено за ряд преступлений небольшой тяжести или неосторожных преступлений, в частности за причинение смерти по неосторожности, или применялось как дополнительное наказание за умышленные преступления. Поскольку Ярослав Ильич не говорит (и в тексте не сказано) о ссылке или каторге Мурина, мы понимаем, что он, вероятно, симитировал болезненное состояние (а он обладает прекрасными актёрскими способностями, как мы узнаём из сцены с Ярославом Ильичом), за посягательство на жизнь отделался лишь церковным покаянием.

На истории с Алёшей рассказ Катерины, то есть экспозиция повести, заканчивается. Мурин перебирается с Катериной в Петербург, где возглавляет «шайку воров», «контрабандист<ов>, мошенник<ов>» (1; 320), а также промышляет предсказательством на возмездной основе с обязательным запугиванием своих посетителей¹⁴. Катерина, снедаемая чувством вины, живёт при нем. Мурин продолжает в ней это чувство поддерживать и убеждает её в том, что она будет принадлежать ему и после смерти: «Он говорит <...>, что когда умрёт, то придёт за моей грешной душой» (1; 293). С такой-то красавицей, с багажом соучастия в преступлениях отца-любownika, и встречается Ордынов.

И тем не менее Катерина видится Ордынову в преображённом свете. Встрече с ней предшествуют «лучи заходящего солнца» — любимый образ Достоевского, показывающий сакральное значение происходящего: в лучах заходящего солнца умирает Нелли в «Униженных и оскорблённых», лучи заходящего солнца сопровождают появление Макара Ивановича в «Подростке». «Лучи заходящего солнца широкою струёю лились сверху сквозь узкое окно купола и освещали морем блеска один из приделов; но они слабели всё более и более, и чем чернее становилась мгла, густевшая под сводами храма, тем ярче блистали местами раззолочённые иконы, озарённые трепетным заревом лампад и свечей» (1; 267), — в этом описании явно прослеживается аллюзия на известные слова апостола Павла: «Где умножается грех, там преизобилует благодать» (Рим. 5:20), а также на евангельскую мысль, ставшую крылатой

¹³ Березкина С. В. О повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 19. СПб., Наука, 2010. С. 293.

¹⁴ Подробнее об уголовно-правовой проблематике повести см.: Карпачёва Т. С. Кошмар Кошмарова: секта и криминал в раннем творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГОУ, 2019, № 4. С. 99–112; Карпачёва Т. С. «Строжайше запрещено-с»: о роде занятий Мурина в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 234–243.

фразой: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Эта библейская символика, присутствующая в начале повести, на наш взгляд, оставляет надежду на спасение и Катерины, и Ордынова, вокруг которых «сгущается мгла». Наверное, именно этот свет, светящий во тьме, и не позволил Ордынову совершить убийство. Не мог герой, впервые встретивший свою возлюбленную в храме, в конце повести убить своего соперника. Ордынов, безусловно, видит не Катерину — «душегубку» и «дочь прокляту́ю», а «свою» Катерину, преображённую его любовью. Недаром в повести неоднократно используются притяжательные местоимения: «вся жизнь, вся радость его слились в одно в его сердце — в светлый образ его (курсив наш — Т. К.) Катерины» (1; 303); «ясна как солнце, заблестела ему золотая улыбка чудной его (курсив наш — Т. К.) хозяйки» (1; 303). Возможно, поэтому в преображённом свете любви мечтателя видят Катерину и исследователи, идентифицирующие её образ лишь со значением её имени — «чистая», и ставящие её в один ряд с Соней Мармеладовой. Однако же нельзя игнорировать сюжет произведения.

Полюбив Катерину, Ордынов на протяжении повести пытается решить вопрос её взаимоотношений с Муриным, но так и не может до конца разобраться в этом. Сам Мурин и дворник, который у него служит, намеренно запутывают Ордынова. Показателен диалог с дворником, когда Ордынов пытается узнать, кто же его таинственные хозяева. Дворник очень удивляется самому предположению о том, что у Мурина может быть жена:

- А это жена его?
- Какая жена?
- Что с ним живет?
- Же-на, коли сказывал. Прощай, барин (1; 274).

Всё это: криминал, инцест, «набожная» красавица-хозяйка, которая истово молится и тут же трепещет в объятиях нового жильца: «Буду к тебе приходить, коль захочешь, миловать тебя буду и стыда на себя не возьму, что спозналась с тобой» (1; 291), а в конце повести отдаёт Ордынову молчаливое приказание убить спящего старика, — всё это объясняется, на наш взгляд, принадлежностью Мурина, а вслед за ним и Катерины к самой распространённой в то время секте — хлыстовщине. В числе признаков, идентифицирующих хлыстов, К. Н. Плотников, специалист в области изучения сект рубежа XIX–XX вв., отмечает «лёгкость половых отношений, сопровождающуюся нередко разрушением семейных уз и нескрываемыми прелюбодейными связями»¹⁵. «Основатель хлыстовщины Данила Филиппович, — поясняет исследователь, — требовал от своих последователей безусловного воздержания от сожителства с женщинами, требование это несколько раз повторялось потом христианами и пророками, но с конца XVIII в. некоторые пророки стали проповедовать о дозволенности “христовой любви”, а в XIX в. вменили уже в обязанность каждому хлысту иметь вместо законной жены свою духовницу, а хлыстовке вместо законного мужа — своего духовника. Сожителство этих духовников и духовниц должно быть духовным, хотя не будет греха, если оно превратится

¹⁵ Плотников К. Н. История и обличение русского сектантства, изд. 2-е, переработанное. Петербург: Типография М.И. Акинфеева, 1914. С. 28.

и в плотское, потому что “то не есть блуд, когда брат с сестрой, по взаимной склонности, имеют плотскую любовь, а блуд и скверна есть брак законный, яко противный Господу” <...> Хлысты не считают грехом одновременное сожителство и с несколькими духовницами»¹⁶. На этот признак указывают практически все исследователи, обращавшиеся к изучению хлыстовщины. Так, ещё один исследователь проблемы сектантства конца XIX в. С. Д. Маргаритов отмечает: «...с заповедью о безбрачии ради воздержания у хлыстов соединяется разврат. Отвергая церковный брак, хлысты в то же время имеют духовных жён <...> Плотские связи между духовным мужем и женой, по учению хлыстов, не составляют греха, ибо здесь проявляется уже не плоть, а духовная любовь, “христова любовь”. Иметь связи с чужими жёнами значит “любовь иметь что голубь с голубкою”»¹⁷. Катерина, как мы помним, неоднократно называет Ордынова «голубем», «голубем горячим». П. И. Мельников-Печерский отмечает характерный для некоторых хлыстовских общин «разврат, не разбирающий ни возраста, ни уз родства»¹⁸. Интересно, что такая особенность была отмечена именно у поволжских хлыстов. Как отмечает исследователь поволжской хлыстовщины И. В. Смолин, в сектантских общинах считалось, что «по “духовной любви” можно жить и спать вместе мужескому полу с женским без всяких рассуждений о родственном или каком другом отношении»¹⁹. Таким образом, удивление дворника вполне понятно, и также вполне понятно то, что Мурина совершенно не останавливает сожителство с матерью Катерины (чужой женой), а впоследствии — с самой Катериной, возможно, его дочерью. Неспроста в одном из эпизодов повести он называет её «злая дочка» (1; 308).

Именно для хлыстов («людей божиих») было характерно это сочетание истовой религиозности и развращённости. Современный исследователь О. И. Дехтевич указывает, что «на первый взгляд, каждому, познакомившемуся с хлыстом, казалось, что он — самый религиозный человек. В домах у поволжских хлыстов были иконы с богатыми украшениями и неугасимыми лампадами. В храм они ходили исправнее других православных»²⁰. Что касается криминала в хлыстовских общинах, — этот вопрос в истории изучения сект давно исследован, поэтому романтизация хлыстовства как «народной веры» в противовес «официальной церкви» происходит от незнания исторической ситуации. Как отмечает П. И. Мельников-Печерский, преступления, совершённые по приказанию лидера, были в порядке вещей для хлыстов и скопцов: «Если таинственно-воскресший (руководитель общины — Т. К.) велит ограбить кого-нибудь, убить или даже самому себя лишиться жизни, хлыст

или скопец исполнит это без думы, без сожаления, и никогда не придёт ему в голову, что он совершил преступление; он останется в полной уверенности, что исполнил святую волю самого Господа»²¹. Эту же мысль подтверждает и И. М. Добротворский: «Пророк людей божиих <...> что ни делает и что ни говорит, хотя бы дела его были самые предосудительные и мерзкие и слова богохульные, ему уже не вменяется в грех и не подлежит ответственности. <...> “Хотя я с писанным законом творю несходно, — говорит пророк людей божиих, — но с волею Божию сходно, потому что это я не своей волей сие творю. <...> Стало быть, Бог строит обо мне что-нибудь особенное”»²².

Мы полагаем, что Мурина — руководитель хлыстовской общины, «пророк» «людей божиих», как называли хлысты и скопцы руководителей и особо почитаемых членов своих общин, способных, по их мнению, возвещать волю Бога. Проблема изображения секты в повести и осмысления образа Мурина как её главаря уже неоднократно рассматривалась в достоевковедении²³. В этой связи нельзя не сказать о фундаментальной статье О. Г. Дилакторской «Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (к истолкованию повести “Хозяйка”», представляющей собой подробное исследование с опорой на множество исторических трудов. Но всё же мы полагаем, что вопрос вероисповедания героев определён здесь не вполне точно: исследователь причисляет их к скопчеству, что явно не соотносится с любовной линией произведения. Трудно себе представить, чтобы скопец имел любовную связь с замужней женщиной, влезал по верёвке в окно и хватал «на могучие руки» красную девицу. Впрочем, по классификации В. И. Даля и П. И. Мельникова-Печерского, хлысты и скопцы представляли собой фактически две ступени одной и той же секты. «Секта белых голубей выделилась из хлыстовщины <...> Скопцы отличаются от хлыстов единственно физическим изуродованием тела, составляя с ними одну и ту же секту»²⁴, — отмечает П. И. Мельников-Печерский. Ряд эпизодов повести вполне точно указывает на лидирующее положение Мурина в какой-то маскирующейся под христианство (он крестится и утверждает, что не «нехристь») религиозной общине, что не мешает ему заниматься колдовством и гаданием и возглавлять «шайку воров и контрабандистов». Именно поэтому он, как вспоминает Катерина, входя в дом, «образам не молится,

²¹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Указ. соч. С. 284.

²² Добротворский И. М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань: Университетская типография, 1869. С. 82.

²³ См., напр.: Истомин К. К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского. Сборник статей под ред. Н. Л. Бродского. Л.: «Сеятель», 1924. С. 3–48; Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. С. 262–265; Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (к истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. Т. 2. № 3/4, 1995. С. 59–84; Карпачёва Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 34. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39; Карпачёва Т. С. Образ хлыстовского «пророка» в творчестве Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева // Вестник МГОУ. Филологические науки, 2019, № 3. С. 102–116 и др.

²⁴ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Указ. соч. С. 318–319.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Маргаритов С. Д. История русских мистических и рационалистических сект. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Симферополь: Таврическая губернская типография, 1910. С. 29.

¹⁸ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Белые голуби // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 6. С. 314.

¹⁹ Цит. по: Дехтевич О. И. Хлыстовское движение в России во второй половине XIX — начале XX в. // Дисс... канд. ист. наук. М., МГОУ, 2009. С. 53.

²⁰ Дехтевич О. И. Указ. соч. С. 59.

хозяевам не кланяется» — не считает нужным. Убеждённый в своей власти, Мурин всюду, даже в церковь, входит, как «хозяин». Впервые Ордынов встречается с Катериной в церкви, когда служба уже закончилась, народ разошёлся, и Мурин совершает над Катериной какой-то самочинный обряд, отдалённо напоминающий исповедь, во время которого накрывает её голову покровом. Второй раз, когда Ордынов видит Катерину в церкви во время богослужения, Мурина в храме нет — он, видно, ждёт её и появляется после службы уже на улице. Зачем ему посещать богослужение, если, как главарь хлыстовской общины, он сам считает себя «христом»? Катерина, оправдывая свою тотальную зависимость от Мурина и пытаясь объяснить свой страх, характеризует его так: «Он властен! Велико его слово» (1; 294). Этот эпизод поясняет О. Г. Дилакторская: «У хлыстов и скопцов особое значение придавалось пророческому слову кормщиков (это называлось “ходить в слово”) <...> в их слове, по представлению сектантов, воплощался сам Христос»²⁵. Такие «пророчества» на самом деле представляли собой абсолютно бессвязные речи: чем более они бессвязны и чем больше страха внушают, тем большей таинственностью овевана личность «пророка» и тем большим уважением он пользуется среди непросвещённого суеверного народа. Вспомним, как посетители выходили от Мурина «бледные, как платок» и как в страхе выбежал от него и сам домоправитель Кошмаров: «В дверях квартиры он (Ордынов — Т. К.) плотно столкнулся с маленькой седенькой фигуркой, выходившей, потупив очи, от Мурина. “Господи, прости мои прегрешения!” — прошептала фигурка, отскочив в сторону с упругостью пробки <...> “...О, Господи, Господи”» (1; 288). Из этого, в частности, фрагмента О. Г. Дилакторская делает справедливый вывод о том, что весь дом Кошмарова представляет собой сектантский «корабль», которым управляет Мурин: «В его небольшую квартирку часто хаживает сам домохозяин, причём ведёт себя там как младший, а не как старший»²⁶. И. М. Добротворский замечает: «...если пророк говорит глупости, никто не смеет подумать, что это глупости, но стараются находить в его словах смысл, которого они не имеют»²⁷. О том, что в таких «пророчествах» нет ничего общего с христианством, напоминает лицам, «не читавшим Библии и забывшим катехизис», крупный специалист по сектам и расколу, современник Достоевского А. П. Шапов. Он ведёт линию хлыстовских «пророков» от славяно-чудских колдунов («волхвов»): «...древнерусские, чудско-славянские волхвы и кудесники поддерживали в массе народной даже и те элементы языческого богослужения, какие потом вошли в состав молений и радений “людей божиих”. <...> В массе народной искони поддерживалась привычка к сборищам и к оргиям, к сборищам, сопровождавшимся песнями, хороводными плясками, мирскими обедами или братскими складчинами и пиршествами и даже “свальным грехом”. Секте “людей божиих” оставалось только

²⁵ Дилакторская О. Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // *Philologica/ Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии*. Т. 2. № 3/4, 1995. С. 64.

²⁶ Там же. С. 68.

²⁷ Добротворский И. М. Указ. соч. С. 56.

дать всем этим религиозно-языческим сборищам догматическую форму и санкцию своих моленных сборов и радений»²⁸. Исследователь обращает внимание на то, что хлыстовские «пророки» и «пророчицы» предсказывали урожай или неурожай, «удачи и неудачи разных промыслов» и т.д., то есть действовали, как обыкновенные деревенские колдуны. Религиозные практики хлыстов, как указывает Шапов, восходят именно к языческим ритуалам: «...Самые свойства действия лже-пророков и лже-пророчиц “людей божиих”, наиболее характеризующих их пророческое самозванство, суть не что иное, как только высшее проявление главных атрибутов чудско-славянских волхвов, кудесников и шаманов»²⁹. Именно с помощью так называемых «пророчеств» руководители сектантских общин и добивались своей власти над последователями. Катерина же, постоянно находящаяся рядом с Муриным и убеждённая в его якобы пророческом и мистическом «даре», оказывается полностью в его подчинении. Примечательно, что в начале повести Катерина признаётся Ордынову, что не понимает, какие книги читает ей Мурин: «Он говорит, что божественные» (1; 277), а в конце, решив уйти от старика с Ордыновым, восклицает: «...долго ль нам с тобой век коротать, в чёрном углу сидеть, чёрные книги читать» (1; 307). Значит, всё-таки понимает, что книги не «божественные»? Неудивительно, что Мурин смог подчинить себе девушку, которая с детства боялась его прихода и верила в «дурной глаз», и убедить её в том, что она (именно она) «сделала смертный грех» и «душу ему продала» (1; 293). Таким образом, Мурин привязывает к себе Катерину и культивирует в ней чувство страха. Вся, казалось бы, «таинственная» власть старика «над бедным, разорванным сердцем» (1; 31) строится на запугивании Катерины и её соучастии в преступлении Мурина. И загадочный альтернативный обряд в церкви с покрыванием головы, так поразивший Ордынова, — это лишь один из эпизодов её порабощения Муриным: он сам, как мы помним, вовлекает её в преступление и он же будто бы «отпускает» ей грехи, то есть, по сути, берёт на себя роль Бога³⁰.

Типичным проявлением хлыстовства является и своеобразная лексика героев. Так, «присвоение» Муриным Бога («Бог наш») являлось частью речевой характеристики хлыстовско-скопческой среды. А. П. Шапов приводит в своём исследовании случай, когда однажды известная «пророчица» хлыстов, Анна Романовна, потрясённая тем, что Селиванов (впоследствии основатель секты скопцов) ввел её в гипнотическое состояние, восклицает: «О, куды твой Бог велик»³¹. Также и странная лексика Катерины, смешивающей братско-сестринские и любовные отношения: «Спознай сестрицу!» — указывает на принадлежность к хлыстовщине. Хлысты «зовут друг друга

²⁸ Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // *Сочинения А. Шапова*. СПб., 1906. Т. 1. С. 594–595.

²⁹ Там же. С. 600.

³⁰ О том, что этот эпизод в церкви не противоречит догадке о принадлежности героев к секте, а, напротив, лишь подчеркивает её, см.: Дилакторская О. Г. Указ. соч. С. 64; Карпачёва Т. С. «Хлыстовский след» в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка» // *Достоевский и мировая культура*. Альманах. № 34. СПб.: Серебряный век, 2016. С. 30–39.

³¹ Шапов А. П. Указ. соч. С. 604.

не иначе как ласкательными именами Иванушка, Марьюшка, братец, сестрица»³², — отмечает К. Н. Плотников. То же наблюдение делает и С. Д. Маргаритов: «В ознаменование своего братства хлысты даже зовут друг друга не иначе как ласковыми уменьшительными именами: Романушка, Ульянушка, Иванушка, братец, сестрица...»³³. На самом деле за этими, казалось бы, внешне «милыми» речевыми особенностями стоит определённая идеология, свойственная всем без исключения сектам как закрытым сообществам, претендующим на то, чтобы заполнить всю жизнь человека, заменить ему семью, социум, родину, чтобы, кроме принадлежности к этой общности, у него уже ничего не осталось. Именно поэтому в сектах как времени Достоевского, так и современных, приняты обращения «брат», «сестра», а лидеров называют «отцом» или «матерью» — всё это делается преднамеренно, чтобы человек забыл свою настоящую семью и заменил её квазирелигиозным сообществом, полностью подчинившись его лидеру. На это указывает, в частности, крупный современный специалист по проблемам сект А. Л. Дворкин: «...сектантская организация часто самоопределяется в семейных терминах, и это тоже один из её признаков. Практически во всех сектах семейная терминология так или иначе присутствует. <...> Иначе говоря, в сектах постоянно поддерживается псевдосемейная атмосфера: “новые братья”, “новые родители”. <...> Истинные родители — это не те, кто тебя произвёл на свет, а те, кого ты обрёл в секте»³⁴. Вспомним, что и у Мурина есть некая «названная матушка», то есть, по-видимому, старуха, которая привела его в секту хлыстов. На этот же признак, применительно к хлыстовщине, указывает и историк О. И. Дехтевич: «Отцом (у хлыстов — Т. К.) считался тот, кто родил духовно, то есть заманил в секту»³⁵.

Мы можем лишь догадываться о дальнейшей судьбе Катерины, стремящейся на протяжении повести выйти из-под власти Мурина. В пользу того, что Катерина — далеко не только жертва и вовсе не так кротка и робка, как представляется исследователям, говорит сцена пира-борьбы, когда она «испытывает» и Мурина, и Ордынова. Катерина вспоминает, что лишь «впервинки», как «спозналась» с Муриным, была «рабыней» «тихой» и «покорной» (1; 306). В этой же сцене она ведёт себя как настоящая «хозяйка» положения, и Мурин называет её «птенчиком оперившимся» и «пташкой встрепенувшейся» (1; 308), а Н. П. Анциферов в своём исследовании «Петербург Достоевского» без всяких пояснений указывает, что Катерина напоминает хлыстовскую богородицу³⁶. С учётом того, что в сектах хлыстов и скопцов главари общин, так называемые кормчие, считаются «христами», а особо почитаемые в общине женщины — «богородицами», можно предположить, что дальнейший путь Катерины — стать хлыстовской «богородицей» и получить, в свою очередь,

неограниченную власть. Как указывает П. И. Мельников-Печерский, часто красота той или иной «сестрицы» наделяла её в общине званием «богородицы». О необыкновенной красоте Катерины, как мы помним, неоднократно упоминается в произведении. Подобный же образ рисует И. С. Тургенев в финале повести «Степной король Лир»: его Евлампия, став хлыстовской «маткой», за несколько лет привыкает к абсолютному и безоговорочному подчинению своих последователей. Возможно, именно такой смысл заложен в названии повести: Достоевский рисует *путь* к безоговорочной власти, которая, как и рабство, разрушает личность. В повести показан процесс превращения Катерины в «хозяйку» секты, «хлыстовскую богородицу», вышедшую из «случайного семейства» и переступившую через всё мыслимое и немислимое: убийство родителей, инцест, молчаливое согласие на ещё одно убийство. «Слабое сердце» Катерины не сформировано: она может либо подчиниться, либо повелевать (вспомним, как она взглядом показывает Ордынову на спящего старика, чтоб убить его, «купить» её одной известной ей ценой — переступив через кровь). «Случайное семейство» может породить лишь «слабое сердце»: ему неоткуда набраться сил. Второе же семейство, Мурина и Катерины, уже не просто «случайное», а «антисемейство», держащееся на страхе и криминале.

³² Плотников К. Н. Указ. соч. С. 27.

³³ Маргаритов С. Д. Указ. соч. С. 47.

³⁴ Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Нижний Новгород: Изд-во братства во имя Александра Невского, 2002. С. 79.

³⁵ Дехтевич О. И. Указ. соч. С. 88.

³⁶ Анциферов Н. П. Петербург Достоевского // Непостижимый город. СПб.: Лениздат, 1991. С. 202.

Г. В. Федянова, Т. П. Баталова

СЕМЕЙСТВО ЕПАНЧИНЫХ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

В предлагаемой статье отмечается резкое столкновение двух главных сюжетных линий в романе «Идиот». Особое внимание уделено Епанчиным как «почтенному семейству» — промежуточному типу семьи между семействами «выжитыми» и «случайными», характерными для данного исторического периода. О месте «почтенного семейства» свидетельствует и его положение в свете, подчёркнутое стремлением родителей войти в высший свет, найти достойных женихов для дочерей. О закономерности появления такого рода семейства и его эволюции свидетельствует становление семьи Птицыных и её экономические перспективы.

Ключевые слова: роман Ф. М. Достоевского «Идиот», Епанчины, сюжет, «почтенное семейство».

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868) многосторонне изучен. Но в литературоведении не только не исследован, но и не ставился вопрос о семействе Епанчиных как об особом типе семьи, чему и посвящена данная работа. Тема семьи — одна из главных в творчестве Достоевского. Но это не характеризует романы Достоевского как *семейные*. Через историю семьи писатель показывает процессы, происходящие в обществе, раскрывает идею произведения. Это относится и к сюжетной линии семейства Епанчиных.

Обратим внимание на соотношение сюжетной линии Епанчиных и главной сюжетной линии романа, которая отмечена взаимоотношениями князя Мышкина, Настасьи Филипповны и Рогожина. Саморазвитие этой линии прежде всего зависит от психологического рисунка личности Рогожина: его одержимости страстной любовью, страдающим самолюбием и маниакальной ревностью. Поэтому с самого начала вводятся в текст неактуализированные персонажи, подчёркивающие остроту неразрешимого конфликта: Лихачёв Алексаха и упоминаемый позднее в признаниях Рогожина Земтюжников. К ним близок и «бестия Залёжнев», сначала фигурирующий в дорожном рассказе Рогожина, а позднее появляющийся в эпизоде в квартире Иволгиных с какими-то безликими, ему подобными господами, и в доме Настасьи Филипповны в свите купца. Все они расширяют ареал подозрений Рогожина, хотя не проявляют себя как реальная угроза его чувству. Но эти персонажи подсказывают неотвратимость ненависти Рогожина к Мышкину несмотря на первоначальную симпатию и даже братание. Подобно им, Арманс, Коралия, княгиня Пацкая подчёркивают неприступность Настасьи Филипповны, которую «...н-никакими то есть деньгами Лихачёв доехать не мог!» (8; 11).

«Мужская» группа этих персонажей особо важна, так как усиливает неминуемость движения сюжета к своему трагическому финалу. Но динамизация событий обусловлена особенностями второй сюжетной линии — линии Епанчиных.

Ноябрьская встреча Мышкина и Епанчиных лишена какого-либо расчёта, если не принимать во внимание то, что генерал Епанчин сразу нашёл признание каллиграфического таланта «однофамильца» (8; 23). Одновременно

с родственной добротой и симпатией, с которой Мышкин принят в генеральском доме, проявляется разрыв во взаимопонимании: генерал, «назначив» Мышкина мелким служащим и вручив ему двадцатипятирублёвый аванс, не желает дослушать до конца сообщение князя о себе и поэтому не знает, что перед ним — наследник значительного состояния. Радужные приёмы, очарование сестёр, сердечность Лизаветы Прокофьевны закладывают особое отношение князя Мышкина к этой семье. Позднее павловский антураж дачного дома Епанчиных способствует сближению князя и Аглаи. Вместе с тем именно эта линия оказывается самой активной, даже агрессивной, по отношению к первой, основной сюжетной линии.

В границах саморазвития первой линии особенно важно романное прошлое, взаимоотношения Настасьи Филипповны и Тоцкого, принятые обществом как данность. Конфликт Тоцкого и Настасьи Филипповны здесь доминирует. Но в тени прошлого страдающей героини уже проявляется активность второй линии, вмешательство которой придаёт и событийную насыщенность сюжету, и ускоряет развитие действия. Во-первых, Тоцкий предполагает жениться на красавице Александре Епанчиной, которой, таким образом, вопреки «мокрой курице» материнской оценки, как бы придаётся роль роковой женщины. Во-вторых, генерал Епанчин увлечён Настасьей Филипповной. Драгоценный жемчуг — его подарок — усиливает и тему подкупа чувств, и подчёркивает достоинство и бескорыстие Настасьи Филипповны, и — скрыто — вводит народную символику: жемчуг — к слезам. Таким образом, генерал оказывается персонажем с неоднозначной сюжетной ролью. Именно он начинает активное вторжение Епанчиных в течение трагической первой линии. Эта ролевая сложность по инициативе генерала переносится и на драматичную фигуру Гаврилы Ардалионовича Иволгина. И, наконец, именно в этой семье появляется реальная соперница Настасьи Филипповны, с которой связано романное настоящее, — Аглая. Поэтому отношение читателя к Епанчиным усложняется. Читателю приходится стать как бы свидетелем борьбы за князя-жениха.

Переоценка ценностей, вытеснение статуса «однофамильца» Мышкина богатым наследником и возможным женихом заставляет внимательнее осмыслить место этой семьи в привилегированном обществе. Первое романное общение князя с Епанчиными через письмо, оставшееся без ответа, — это голос родового начала, размытого временем, но объединяющего последнего в роду, светлейшего, и Лизавету Прокофьевну, тоже «последнюю», княжну Мышкину.

Позднее, в «Подростке» (1875), Достоевский предлагает читателю увидеть в структуре современной семьи два типа: «случайное семейство» и «выжитое». «Выжитое» опиралось на отношение к браку как к делу дальнейшего построения и упрочения рода. «Случайное семейство» не имело этой родовой поддержки.

Семья Епанчиных оказывается некоей промежуточной формой — «почтенное семейство». Исток этой семьи — брак княжны со скромным приданым (деревенька с пятьюдесятью душами) с прапорщиком из солдатских детей.

Родовитость княжны, покровительство «могущественной» княгини Белоконской и природные способности прапорщика, проявившиеся в его служебной карьере, деловые качества, благодаря которым он создал значительное состояние, способствовали тому, что генерал Епанчин «бесспорно и с уважением принят везде». Таким образом, на семью Епанчиных можно смотреть двояко: и как на конкретную семью, в данном случае — «цветущее семейство» (8; 15): три красавицы-дочери и полное благополучие, и одновременно как на своеобразный эталон, представляющий читателю особенности принятого высшим обществом «почтенного семейства». Социальная сущность этого явления раскрывается через изображение различных сторон жизни семьи: быта, надежд, радостей и страданий. «Семейство Епанчиных, хотя и очень почтенное, было всё же какое-то не такое, каким следует быть вообще всем почтенным семействам» (8; 270). Эта самооценка семейства не случайно выражена через заботы и тревоги Лизаветы Прокофьевны.

Предлагаемая автором анатомия «почтенного семейства» начинается с особого внимания к главе семьи: отмечается «некоторая тупость ума», превращающаяся в «необходимое качество» «всякого серьёзного наживателя денег». Он должен иметь «манеры порядочные», быть «скромным», уметь «молчать», но одновременно «не давать наступать себе на ногу»; хранить репутацию человека «честного и благородного», независимо от генеральского чина. В то же время он должен иметь «сильную протекцию».

Генерал Епанчин как представитель этой категории отличался и личными особенностями: «Он, например, имел систему не выставляться, где надо — стусеваться, и его многие ценили именно за его простоту, именно за то, что знал всегда своё место. А между тем, если бы только ведали эти судьи, что происходило иногда на душе у Ивана Фёдоровича, так хорошо знавшего своё место!» (8; 14). Его путь к успеху личные качества превращает в инструментарий этого успеха: умышленно он представлял себя «исполнителем чужой идеи», по-видимому, умело скрывал то, что «с своим царём в голове», не пренебрегал аракатеевским приёмом «без лести предан» (8; 14). Стиль поведения обязывал его казаться «русским и сердечным», хотя он и действительно был русским и не лишён сердечности.

Преуспеяние четы Епанчиных было залогом благополучия трёх молодых красавиц-дочерей. Назрела проблема расширения семейного круга, то есть проблема женихов. Как пролог к этой теме звучит признание генеральши князю о «секретах» в своём семействе: «Начинаются браки, не нравятся мне эти браки...» (8; 69). Она же адресуется Гане Иволгину прямолинейно высказанный вопрос: «Вы вступаете в брак?» (8; 70). Прямота и простодушие Епанчиной обнаруживает сложность ситуации. Именно Ганя избран в кандидаты для брака с Настасьей Филипповной. Но здесь задействованы интересы по крайней мере ещё четверых: самой Настасьи Филипповны, Тоцкого, Епанчина и Александры Ивановны Епанчиной. Генеральша «сердцем» чувствует нежелательность возможного брачного союза дочери и Тоцкого: «... будете ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы с вашим почтенным господином?» (8; 70). При совпадении эпитетов («почтенный» — «почтен-

ное») вносится и некоторая неоднозначность, ироничность в оценке возможного зятя уважаемого семейства.

Требования благопристойности заставляют родителей задаваться особыми вопросами: финансовое благополучие, родовитость, светские связи претендента. Итак, первый из категории женихов, допускаемый в эту семью, — Афанасий Иванович Тоцкий. С первых страниц романа он представлен как «помещик, раскапиталист, член компаний и обществ, ведущий большую дружбу с генералом Епанчиным». По отношению к Настасье Филипповне возникает неоднозначность: она «живёт с Тоцким, а Тоцкий от неё как отвязаться теперь не знает...» (8; 11–12) — так говорит Лебедев, носитель молвы. Итак, первый жених в семействе Епанчиных появляется на несколько компрометирующем фоне. Но не случайно «Тоцкий» произносится с пиететом, как бы приравнивая фамилию человека «необыкновенного богатства» к титулу. Брак с Александрой не состоялся: Афанасий Иванович вскоре «пленился одною заезжею француженкой высшего общества», его «увезут в Париж». Характерно, что отступление от первоначальных брачных планов этого пятидесятипятилетнего господина не осуждалось ни обществом, ни самими Епанчиными.

Удачнее сложилась перспектива брака Аделаиды с князем Щ. Подчёркиваются его личные достоинства, родовитость, его известность «с весьма и весьма хорошей точки»: «деятель последнего времени», из «честных, скромных, которые искренно и сознательно желают полезного...». «Не выставляясь напоказ, избегая ожесточения и празднословия партий, <...> князь понял, однако, многое из совершающегося в последнее время весьма основательно» (8; 154–155). Отмечается его участие в земской деятельности, интерес к наукам, его помощь «более верному направлению одной из важнейших проектированных железных дорог», и с состоянием «хорошим, серьёзным, неоспоримым». «Хорошее» состояние, по-видимому, не очень велико, и сообщение о нём как бы затерялось среди перечня личных достоинств. Это единственно устойчивая фигура среди «женихов», и это единственный персонаж-жених, не вторгающийся в первую сюжетную линию.

Он вводит в дом Епанчиных своего родственника Евгения Павловича Радомского, красавца, флигель-адъютанта, «знатного рода», образованного и богатого. Характерно, что «насчёт этого последнего пункта генерал был всегда осторожен. Он сделал справки “действительно, что-то такое оказывается — хотя, впрочем, надо ещё проверить”» (8; 155). Радомский проявляет большое внимание к Аглае, что и делает его объектом интриги Настасьи Филипповны, хотя в павловской истории он выглядит более жертвой, а не субъектом действия.

Следует обратить внимание на фигуру ещё одного искателя руки Аглаи — это Гаврила Ардалионович Иволгин. Его взаимоотношения с Аглаей осложнены вовлечённостью в брачную авантюру с Настасьей Филипповной, а также конфликтом равенства и неравенства с Епанчиными. Равенство по происхождению, он и Аглая — генеральские дети; неравенство — по причине почти абсолютной нищеты семьи Иволгиных. Но главное в его натуре —

это подчинение расчёту, что создаёт двойственность в решении брачных проблем. Он двойственен в оценке Настасьи Филипповны. Возможный брак с ней порождает планы как обогащения, так и жёстких, лишённых сочувствия и сострадания отношений с ней. В интересе к Аглае юношеская влюблённость давно уступила место всепоглощающей расчётливости. Его чувство лишено малейшего романтизма. Он может подняться до определённого жеста — возвращения денег, но он не способен понять Аглаю с её наивным и насмешливым предложением сжечь свой палец на горящей свече. Мышкин сразу понял во многом ещё детское мировосприятие этой умной, но капризной и избалованной девушки, мечтающей бежать из дома и не желающей брака с «приличным» Радомским.

Если Иволгин — тайный «жених» младшей сестры, то Радомский благожелательно принят в родительском доме и принадлежит к привилегированной части общества. Как следует из последнего диалога с князем, он видит в Аглае «высокую» натуру.

Центральное место в этом собрании женихов занял князь Мышкин. В границах данной темы следует отметить, что всё же статус жениха Мышкину не может быть дан без санкции представителей древних родов, сановников, покровителей и лиц, уже принятых в обществе. Поэтому «званный вечер» у Епанчиных подсказывает, какие задачи решаются такими семействами для упрочения своего положения и дальнейшего сближения с высшим обществом.

Художественный приём, подчеркнувший исключительность главного героя среди уже известных читателю и новых персонажей — это приём конфронтации оценок повествователя и героя, князя Мышкина.

В первой сцене представления «почтенного семейства» Епанчиных читателю повествовательное начало носит спокойный характер, с оттенком юмора, с преобладанием позитивных оценок. Формирующийся трагизм ситуации ещё не затрагивает их уютного гостеприимного дома. Напротив, в сценах «званого вечера» идеализации князем новых лиц противостоит открытое неприятие повествователем «художественной выделки» (8; 442) манер и достоинств гостей, очаровавших наивного в своей душевной незапятнанности князя. Если князь попадает под обаяние иллюзии идиллического равенства всех присутствующих — и гостей, и хозяев, то повествовательное начало сталкивает эти иллюзии с как бы уже пережитым опытом и пониманием ситуации. Предугадывается возможное сомнение читателя в верности предлагаемых оценок и даётся пояснение. К примеру, «великолепная художественная выделка» — результат работы веков, «наследства», которым пользуются уже «бессознательно».

Объединяло всех гостей убеждение, что «все они до единого знали, что делают Епанчиным своим посещением великую честь» (8; 630). Для них Епанчины — «избранные представители»; но эта «избранность» — из «среднего рода людей». Среди гостей отмечаются свои «слои»: высшие лица — это «покровитель» «старичок-сановник», его супруга, княгиня Белоконская и «солидный военный генерал» «с репутацией удивительного знания правительственных дел». Ирония сопутствует образу этого государственного человека:

«чуть ли даже не с репутацией учёности» — и, заостряя наивное неведение этого мира Мышкиным, переходит в сарказм: этот граф или барон относится к числу «олимпийцев-администраторов», которые знают всё, «кроме разве самой России» (8; 443). Подчёркивается его бездушное отношение к Епанчине. В этот слой включен и «важный барин» англоман, «как будто» (8; 444) состоящий в родстве с Лизаветой Прокофьевной. Это «как будто» создаёт «рифму ситуаций», напоминая читателю «однофамильца». «Второй слой» не уступал по знатности «высшему», но это более молодое поколение, перспективы которого ещё не реализованы. Здесь читатель встречает уже известных ему князя Щ., Радомского. Но и в этом слое находится повод для иронии: очаровавший Мышкина рассказ нового лица, князя Н., многократно слышан и не интересен присутствующим.

Третий слой из «среднего рода людей» представлен весьма контрастными фигурами. Хороший знакомый князя Щ. — техник-полковник. «Большой и видный» перстень этого молчаливого человека свидетельствует о личных заслугах государственного значения. Но рядом читателю иронически представлен протеже жены старичка-сановника, «литератор-поэт, из немцев, но русский поэт...». Этот персонаж особенно важен, так как вновь возникает мотив «почтенного семейства», в данном случае немецкого и «в высшей степени» «почтенного» (8; 444). Сообщается о его притязаниях в литературном мире. Но обойдён вопрос о творческих достижениях. Благодаря упомянутой протекции он принят в «хорошем обществе», и его возможности светского общения шире, чем у Епанчиных. Отмечается безукоризненность его костюма. Психологическая зависимость Епанчиных от требований этого круга проявляется, в частности, и в оценках старших сестёр Аглаи костюма Мышкина наравне с достойной манерой держаться и говорить: «одет был превосходно» (8; 442). Возникает парадоксальная уравнивательность возвышенного душевного строя Мышкина и этого заурядного поэта в столь важном для хозяев обществе.

Глубже других понимающая и острее переживающая ситуацию Аглая находит точное определение места и роли своей семьи: «О, низость! И смешно: мы всегда были люди среднего круга, самого среднего, какого только можно быть; зачем же лезть в тот великосветский круг?» (8; 435). Через её речь определяется место «почтенного семейства» в социуме: «средний круг».

В обществе равных по родовитости князь убеждён: «Я ведь сам князь исконный и с князьями сижу» (8; 458). Его рассуждения опираются на неформальное начало, на идею соответствия титула, знатности, места в сложившейся социальной системе деяниям. В речи появляется коллегиальное «мы» и звучит убеждённость в необходимости спасти сословие. «Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами» (8; 458). Но высокий строй мысли героя, его пророческое прозрение обречено на отвержение. Нет оснований считать, что он абсолютно не понят. Мышкин услышан, понят в своих добрых намерениях. Но не принят его образ мыслей, его энтузиазм. И общество вынесло — через мнение Белоконской — свой вердикт: «... и хорош и дурён... больше дурён» (8; 459).

С этим связывается и возобновление интереса к Настасье Филипповне, что проявляется в «любопытстве» сановника-покровителя. Позднейшая отповедь Радомского Мышкину связана не только с личным отношением Евгения Павловича к Аглае, но может восприниматься как оценка брачного выбора князя этим кругом. Общество с его предпочтением «несметного богатства» всем другим достоинствам человека не принимает христианского сострадания князя, кротости и жалости к людям, и прежде всего к жертве Тоцкого, в детстве осиротевшей дворянке Настасье Филипповне. Это неприятие обществом христианских принципов и душевных качеств князя Мышкина способствует разрыву с ним Епанчиных. Происшедшее они воспринимают как причинённую глубокую и недопустимую по отношению к ним обиду. Линия Епанчиных текстуально заканчивается милосердной опекой Лизаветы Прокофьевны, преобладанием доброго, родственного, принятого сердцем.

Но в тексте романа одновременно проявляется саморазвитие линии «почтенного семейства», её метароманное будущее через перспективы семейства-аналога Птицыных. Если материальное благополучие Епанчиных заложено участием Ивана Фёдоровича в откупках, то ростовщичество Птицына гарантирует не меньший капитал. А брак Птицына с Варварой Ардалионовной, дворянкой, дочерью генерала, намечает дальнейшие пути вхождения парвеню Птицына в те социальные структуры, в которых Епанчины уже приняты. Авторская ирония не случайно награждает в романном будущем Птицына несколькими домами на Литейном. В этом перспективном росте ростовщика заложена идея дальнейшего обуржуазивания «верхов». Если Епанчин — генерал, то у Птицына нет никакого чина, но это и придаёт убедительность эволюции «почтенного семейства» в недалёком будущем.

Е. А. Акелькина

«ПРОСТОЕ, НО МУДРЁНОЕ ДЕЛО»
(Как рассказана история о семье крестьянки Корниловой
в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского)

В статье анализируется характер повествования в книге итоговой философской прозы «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского на примере истории Е. Корниловой. Рассказ об этом судебном процессе имеет явный эвристический импульс, перестраивая сознание читателя за счёт типичных приёмов философствования: смысловых повторов, оксюморонов, символических обобщений. Автором «Дневника писателя» вполне достигнута цель прямого влияния на участников этой семейной драмы, и результатом его стало восстановление разрушающегося семейства и новое понимание семьи как «неустанного труда любви».

Ключевые слова: «Дневник писателя», философская проза, восстановление семьи, изменение сознания, личный опыт и свободный вымысел, милосердие, вера.

Начало октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год Ф. М. Достоевского посвящено судебному процессу над крестьянкой Екатериной Корниловой, которая выбросила из окошка четвёртого этажа свою шестилетнюю падчерицу, но ребёнок «чудом остался цел и здоров». Очень важно понять, как рассказана эта семейная история Достоевским. Русская литература всегда жила стремлением прямо, непосредственно повлиять на жизнь людей, изменить её к лучшему сейчас, а не в далёком будущем. Перед нами чрезвычайно редкий случай, осуществивший это стремление в самой форме художественного философствования «Дневника писателя».

Само столь характерное для Достоевского оксюморонное заглавие «Простое, но мудрёное дело» явно ориентирует читателя не просто на анализ причин произошедшего преступления, но, главным образом, на поиск нравственного смысла драматичных событий. Первый абзац содержит изложение фактической канвы этого судебного дела, по которому уже и приговор вынесен. Однако рассказывающий эту историю Писатель, возбуждая у читателя сомнение в простоте дела, умело направляет его к поискам некоего сущностного смысла, своего рода мудрости, что и обозначено разговорным эпитетом «мудрёное».

Разрушение мнимой ясности фактической основы дела происходит за счёт столкновения разных голосов, точек зрения. Включение личного опыта Писателя как философствующего субъекта рассказа превращает простое и ясное дело в «нечто не совсем разъяснившееся», заставляя читателя в поисках сущности произошедшего научиться мыслить с осознанием всех факторов и причин.

В «Дневнике писателя» развёрнуто противостояние точек зрения суда и мыслящего Писателя: «...история, — кроме чудесного спасения ребёнка, — по-видимому, представляется довольно простою и ясною историей. С этой точки, то есть с точки “простоты”, взглянул на дело и суд, и тоже самым простейшим образом (разрядка здесь и далее наша. — Е.А.) присудил Екатерину Корнилову, “имевшую при совершении преступления более

семнадцати лет и менее двадцати, сослать в каторжные работы на два года и восемь месяцев, а по окончании работ сослать в Сибирь навсегда» (23; 136).

Обыгрывая с помощью назойливо звучащих повторов, тавтологий, связанных с мнимой простотой дела, философствующий повествователь умело вызывает сомнение у читателей, активизирует у них внимание и мысль: «И однако, несмотря на всю простоту и ясность, остаётся тут как бы нечто и не совсем разъяснившееся. <...> поступок этого изверга-мачехи *слишком уж странен* и, может быть, в самом деле должен потребовать и тонкого и глубокого разбора, который мог бы даже послужить к облегчению преступницы <...>. Вот факты, кажется, чего бы проще, а между тем сколько тут фантастического, не правда ли?» (23; 136–137).

Далее Писатель анализирует множество оправдательных приговоров суда присяжных за более тяжёлые по последствиям преступления, «когда зло *почти* что признавалось добром» (23; 137). И здесь же Ф. М. Достоевский замечает: «мне вдруг пришло в голову: вот бы им теперь оправдать её <...>. Впрочем, не буду пускаться в какие-нибудь отвлечённости или в чувства, чтоб развить мою мысль. Мне *просто* кажется, что тут был даже как бы *наизаконнейший* повод оправдать подсудимую, — а именно, — её беременность» (18; 138).

Здесь налицо типичные приёмы художественного философствования — смысловые повторы, парадоксальное совмещение разных способов мировосприятия, игра слов и понятий, рефлексия над энергией слова, — с помощью которого идёт поиск истины. Часто повторяемое слово «простота», «простое», «просто», «упрощённость» наводит читателя на ощущение недостаточности логики и фактической стороны дела. В начале повествования Писатель вводит и обосновывает понятие «аффекта беременности», которое позже войдёт в юридическую и медицинскую практику. Достоевский строит своё рассуждение на контрасте: «преступница первая же считает себя виновною», но рождено её действие «болезненным аффектом», а «в этом случае милосердие было бы всем понятно» (23; 139).

Казалось бы, фантастичность поступка Корниловой логически объясняется её временной невменяемостью, но философствующий субъект здесь же переводит рассказ в иной смысловой план. С помощью риторических фигур, воспоминаний с подключением своего личного опыта Писатель обрисовывает негативную атмосферу в семье Корниловой и от юридической стороны дела переходит к нравственной: «Эта мачеха, крестьянка Екатерина Корнилова, двадцати лет, была за вдовцом, который с нею <...> ссорился, не пускал её в гости к родным, да и родных её не принимал к себе, попрекал её покойной женой своей и тем, что при той хозяйство у него шло лучше, <...> словом “довёл её до того, что она перестала любить его”, и, чтоб отомстить ему, вздумала выкинуть его дочь от той прежней жены, которою он попрекал её, за окошко, что и исполнила» (23; 136). При публицистическом подходе к теме было бы достаточно возбудить сочувствие к молоденькой преступнице, жертве несформировавшихся нормально семейных отношений, но Достоевский заставляет читателей и саму преступницу (будет навещать её в тюрьме и разговаривать с ней) начать мыслить и по-новому более многогранно осознать случившееся.

Писатель показывает своеобразное понимание всеобщей взаимосвязи всех поступков и отношений людей, как бы освещая ярким светом прозрения данную ситуацию. «Но, воля ваша: хоть тут и понятно, но всё же не просто; хоть тут и логично, но согласитесь, что не будь она беременна, может быть, этой логики и не произошло бы вовсе» (23; 139).

Выстраивая иную логику осмысления событий, Достоевский демонстрирует параллелизм разных уровней бытия на основе включения личного опыта и свободного вымысла. Не ограничиваясь обзором судебного процесса и информацией о приговоре, писатель размышляет о судьбе ещё не родившегося ребёнка и о разрушении этой семьи. Он додумывает и даже сочиняет вполне возможный вариант отношений всех членов несчастной семьи, как бы подталкивая их к примирению и восстановлению семейных связей. «Корнилов, бьюсь об заклад в этом, будет её навещать самым прозаическим образом и, знаете, ведь почём знать, может быть, с этой же девчонкой, за окошко вылетевшей, и будут они сходиться и говорить всё об делах самых простых и насущных, о каком-нибудь там мизерном холсте, об тёплых сапогах и валенках ей в дорогу. <...> самым задушевным образом сойдутся теперь, когда их развели, а прежде ссорились. И не попрекнут, может быть, друг друга даже и словом, а разве так только поохают на судьбу, друг дружку и себя жалеючи» (23; 140).

Но рефлексия философствующего Писателя отвергает излишний драматизм видения событий (раз ребёнок не пострадал) и утверждает бытовой прозаический образ действий. Но в основе такого понимания, разумеется, лежит свой личный опыт и знание глубин жизни и человеческой личности. Рассказ всё время прерывается внутренним спором с обывательской точкой зрения, своеобразной синкризой и анакризой: «А впрочем, мало ли что будет, лучше смотреть на дело *просто*. Просто посмотреть — и исчезнут все фантазмагии. Так и надо в жизни. Я даже так думаю, что все эти вещи, с виду столь необыкновенные, на деле всегда обделываются самым обыкновенным и до неприличия прозаическим образом» (23; 140). Чтобы постигнуть невидимую глубину жизни, её сущность, нужно видеть предмет целостно, поэтому здесь автором постоянно развенчивается «простота, которая по пословице хуже воровства». Упрощение часто мешает понять суть дела. «Что ж я, забыл старое правило: не в предмете дело, а в глазе: есть глаз — и предмет найдётся, нет у вас глаза, слепы вы, — и ни в каком предмете ничего не отыщете. <...> А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор Корниловой? Неужели нельзя? Право, тут могла быть ош и б к а ... Ну так вот и мерещится, что ош и б к а?» (23; 141).

Итак, многократное обыгрывание слова «простое», вызывая сомнение читателя в том, что штампы массового сознания, опирающиеся на набор внешних факторов, не могут постигнуть сущность явлений, не помогают поиску истины, медленно и осторожно учит в процессе философствования созидать в себе новое видение, обретать целостное восприятие происходящего, смотреть на мир «очами духовными», которым открывается невещественная глубина жизни. В общей композиции «Дневника писателя» за 1876–1877 гг. главы

о деле Корниловой занимают очень важное место, применяя к бытовому конфликту, к уголовному процессу о преступлении меру вечных нравственных истин о прощении и милосердии. Сочинённое Писателем будущее этой разрушающейся семьи, которое им названо «мечтами», сбылось как жизненная правда, и с его помощью добрые отношения всех участников «простого, но мудрёного дела» были восстановлены. Достоевский замечает об этом через несколько месяцев в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год: «Оба они, и муж, и жена, хотя и считают — он её, а она себя — несомненно преступницей, но на деле *не могли* не простить друг друга, не помириться опять, — и не по христианскому только чувству, а именно по невольному инстинктивному ощущению, что совершённое преступление, в их простых глазах столь явное и несомненное, в сущности, *может быть, вовсе не преступление*, а что-то такое странно случившееся, странно свершившееся, как бы не по своей воле, как бы божиим определением за грехи их обоих...» (24; 37—38). Достоевский не просто осветил для этой «разрушающейся семьи» её беду, но как бы повернул их «очи духовные» внутрь себя, приведя их к ощущению общей совинности. Искренне сочувствуя молодой матери (Корнилова в тюрьме родила дочь), Достоевский главами в «Дневнике писателя» и беседами с преступницей способствовал пересмотру дела и помилованию, а главное, нравственному возрождению её и развёртыванию «задатков того хорошего, что несомненно заключены в этой юной душе» (24; 43). Эта вера великого писателя в бесконечной возможности развития души человека не просто оправдала себя, но и помогла восстановить и создать на новых началах эту семью, ставшую из «случайного семейства» после перенесённых испытаний союзом людей, основанным на любви. Спустя ещё год, завершая «Дневник писателя» 1877 г., в декабрьском выпуске Ф. М. Достоевский ещё раз вернётся к истории этой семьи в разделе «Заключительное разъяснение одного прежнего факта». Сообщив читателям, что Корнилова вторым судом была окончательно оправдана и «муж оправданной увёз её в тот же вечер к себе домой, и она, счастливая, вошла опять в свой дом почти после годового отсутствия, с впечатлением огромного вынесенного ею урока на всю жизнь и явного божьего перста во всём этом деле, — хотя бы только начиная с чудесного спасения ребёнка». <...> Ведь нет выше счастья, как увериться в милосердии людей и в любви их друг к другу. Ведь это вера, целая вера, на всю уже жизнь! А какое счастье выше веры?» (26; 109).

Если говорить о фактической стороне судебного процесса, всё завершилось оправданием, но почему-то писатель в последнем упоминании мысленно возвращается к началу создания этой семьи, в которой жена вышла замуж «по охоте», «по любви», но вскоре «началась разладица», хотя оба «любили друг друга даже слишком горячо и так до самого конца» (26; 99).

Подробно и точно (с точки зрения не внешних примет, а высших интересов нравственной жизни) анализирует автор «Дневника писателя» эту историю разрушающейся семьи, историю непонимания и глухоты супругов к чувствам друг друга. Причин много: и «жизнь рабочая, тяжёлая», и психологическое невежество, и болезненное состояние постоянно попрекаемой жены.

И только несчастье заставляет их ощутить ценность семьи и друг друга. Повезло всем участникам этого «простого, но мудрёного дела» в том, что оно оказалось в поле внимания Достоевского, который, не соблазнясь мнимой простотой, разобрал и объяснил произошедшее с позиции вечных христианских ценностей и помог им простить друг друга и восстановить семью.

Этот взгляд на семью с точки зрения вечности, целостности бытия — из будущего, но Достоевский своими публикациями в «Дневнике писателя» доказал его жизненность и реальность. Поэтому и является «Дневник писателя» книгой итоговой философской прозы. Ещё ранее, обращаясь к делу Кронеберга, философствующий автор заметит «о святине семьи»: «Семья ведь тоже *созидается*, а не даётся готовою, и никаких прав и никаких обязанностей не даётся тут готовыми, а все они сами собою, одно из другого вытекают. Тогда только это и крепко, тогда только это и свято. Созидается же семья неустанным трудом любви» (22; 70). Это утверждение феномена семьи содержит не просто торжественные слова, но настраивает каждого читателя на постоянную духовную работу самосовершенствования. А это и есть задача художественно состоявшейся философской прозы.

Луи Аллен

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МУЖИК МАРЕЙ»

В статье анализируется шедевр малой прозы Ф. М. Достоевского — автобиографический рассказ «Мужик Марей» — с точки зрения специфики памяти. Автор акцентирует внимание на трансформации реальных жизненных впечатлений писателя в художественном пространстве произведения. Память перерабатывает прошлое и, чаще всего, его приукрашивает. Происходит то, что французский психолог Делакура называет «la toilette du souvenir» (косметика воспоминания). В статье прослеживается парадоксальность памяти Достоевского, предвосхитившего на чувственном уровне художественные открытия Марселя Пруста, автора книги «В поисках утраченного времени».

Ключевые слова: рассказ Ф. М. Достоевского «Мужик Марей», Даровое, Омский острог, память, воспоминания детства, реальность и вымысел.

Автобиографический рассказ «Мужик Марей» (Достоевский называет его то «воспоминанием», то «анекдотом») появился в «Дневнике писателя» за февраль 1876 года. Он внутренне соотнесён с основной темой февральского выпуска («О любви к народу. Необходимый контракт с народом»). Он уже интересен тем, что является воспоминанием о воспоминании, то есть третьим переживанием того же «приключения». Он вращается вокруг трёх дат.

1831 год. Август. Летние каникулы в поместье Даровое Тульской губернии. Происходит случайная встреча с мужиком по имени Марей. Достоевскому исполнится десять лет в октябре.

1851 год. «Второй день светлого праздника», то есть 9 апреля. Сибирь. Омская каторга. «Вдруг», «почему-то», «когда было надо», через двадцать лет Достоевскому вспоминается мужик Марей. Это воспоминание до поры до времени «залегло» в его памяти.

1876 год. Февраль. Санкт-Петербург. Идёт публикация «Дневника писателя». «Именно здесь и теперь», «почему-то», всплывает в памяти то воспоминание, которое до сих пор не нашло своего выражения. Достоевскому уже пятьдесят пять лет, значит, прошло сорок пять лет после встречи с мужиком Мареем.

Отграничивая свой рассказ от вымысла, типичного для любого литературного произведения, Достоевский уточняет: «Может быть, заметят и то, что до сегодня я почти ни разу не заговаривал печатно о моей жизни в каторге; “Записки же из Мёртвого дома” написал, пятнадцать лет назад, от лица вымышленного, от преступника, будто бы убившего свою жену» (22; 47).

Жизнь на каторге, как и следовало ожидать, оказалась кошмаром наяву, и во мраке своего отчаянного положения Достоевский, естественно, испытывал потребность отвлечься и утешиться. А где можно было найти необходимое облегчение, если не в воспоминаниях о прошлом? «Во все мои четыре года каторги я вспоминал непрерывно всё моё прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова» (там же).

Итак, Фёдор Михайлович «скитается за казармами». Он ещё тяжелее переживает своё одиночество среди «пьяного народного разгула», который он

«никогда не мог вынести без отвращения». «Ругательства, ссоры», «безобразные, гадкие песни <...> всё это, в два дня праздника, до болезни истерзало меня <...> Наконец, в сердце моём загорелась злоба» (22; 46).

В тот самый момент «вдруг» ему встречается поляк М-цкий, «из политических». «Он мрачно посмотрел на меня, глаза его сверкнули, и губы затряслись: «Je hais ces brigands» («Ненавижу этих разбойников») проскрежетал он мне вполголоса и прошёл мимо. Я воротился в казарму, несмотря на то, что четверть часа тому выбежал из неё, как полоумный...» (там же).

Вокруг встречи с поляком происходит процесс «кристаллизации» по принципу, выработанному Стендалем. В особенном контексте Пасхи, когда празднуется воскресение Христа, рождается клубок сложных ассоциаций. Сталкиваются две злобы, которые не могут существовать одновременно. Они несовместимы, и одна из них лишняя. «Уступает» Фёдор Михайлович, у которого пробудилось патриотическое чувство. Как-никак, несмотря ни на какие злодеяния, эти каторжники были русскими людьми, как и он сам.

И «вдруг» (Достоевскому очень нравилось слово «вдруг») ему «припоминается август месяц в нашей деревне». «Лето на исходе». Сибирское «голубое небо» с его «высоким, тёплым, ярким солнцем» превращается в «день сухой и ясный» в Даровом. Мальчик гуляет по окрестностям и «вдруг» слышит, «как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик».

Он не обращает особенного внимания на этот факт обыденной жизни и продолжает своё гуляние. «Я выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек. <...> Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные <...>. Грибов тут мало, за грибами надо идти в березняк, и я собираюсь отправиться» (22; 47). Тут писатель, как бы обрывая нить своего рассказа, добавляет: «И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ёжиками и белками...» (там же). Смысл этого отступления — подчеркнуть преемственную связь между нынешним и прошлым.

И вот Фёдор Михайлович возвращается к прерванному им рассказу: «Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчётливо услышал крик: “Волк бежит!” Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика» (22; 78).

Черты мужика Марее указывают на крепкого, уже пожилого человека, чья «окладистая борода» напоминает, скорее, старовера (к староверам Фёдор Михайлович проявлял особенное расположение). В лице мужика Марее отмечаются доброта и набожность, материнское чувство и, что было особенно важно для Достоевского, глубокая связь с землёй, которую он пашет «круто в гору».

В конце рассказа выясняется то загадочное «почему-то», из-за которого, собственно, возникло воспоминание о мужике Марее. Он олицетворяет русский народ с характерными для него свойствами: «...только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещённым человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного мужика, ещё и не ждавшего, не гадавшего тогда о своей свободе» (22; 49).

В душе Достоевского происходит настоящий переворот и совершается «чудо»: «И вот, когда я сошёл с нар и огляделся кругом, помню, я вдруг почувствовал, что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом и что вдруг, каким-то чудом, исчезла совсем всякая ненависть и злоба в сердце моём. <...> Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей...» (там же).

«Чудо» происходит в два этапа. Каторжники превращаются в «несчастных», а уже среди «несчастных» с искалеченной судьбой вполне может оказаться тот самый мужик Марей. В последней фразе рассказа присутствует, правда, некая оговорка: «Ведь я же не могу заглянуть в его сердце». Но она не меняет, по существу, общего смысла «откровения».

Рассказ «Мужик Марей» — настоящая жемчужина русской прозы. Встреча с Мареем служит музыкальным контрапунктом ко встрече со ссыльным польским революционером А. Марецким. Кроме того, рассказ бросает интересный свет на некоторые свойства памяти и искусства Достоевского и на его раннюю биографию. Но правдив ли он? И даже правдоподобен ли он?

Автобиографический жанр не может существовать в чистом виде, ибо по своему принципу он смешанный. Напечатанная автобиография (вспомним хотя бы Руссо или Шатобриана) является неизбежно литературным произведением и как таковая не может обойтись без известной доли вымысла.

Среди «неточностей», допущенных Достоевским, можно отметить, во-первых, что если реальное существование польского каторжника точно установлено, то среди крепостных, принадлежавших Достоевским, крестьянина по имени Марей не было. В своих «Воспоминаниях» младший брат Андрей пишет, что прототипом Марей был крестьянин сельца Дарового Марк Ефремов, «лицо не вымышленное, а действительно существовавшее». «Это был красивый мужик, выше средних лет, брюнет с солидной чёрною бородою, в которую пробивалась уже седина»¹.

Вероятнее всего, в рассказе речь идёт о собирательном лице, прототипом которого мог быть именно этот Марк, которому, согласно В. С. Нечаевой, в 1835 году было 48 лет² (то есть 44 года во время рассказа Фёдора Михайловича). В любом случае, такая «неточность» не имеет принципиального значения.

Более серьёзным является указание некоторых современников на идеализацию отношений при крепостном праве между мужиком и барчонок. Именно во избежание подобных сомнений Достоевский сам подчеркнул: «Был он собственный крепостной наш мужик, а я всё же его барчонок» (22; 49). Взаимность любви господ того времени и их собственных крестьян остаётся, тем не менее, под вопросом.

Зато уже совсем неправдоподобной, и на основе фактов, является сама возможность «чуда» в то время, куда относит его писатель (1851 г.). В длинном письме к брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г., спустя несколько

дней после своего освобождения, Достоевский пишет о тех условиях, в которых прошли эти четыре года каторжной жизни (28; 166–174). Общая тональность мрачная, а впечатления отрицательные. Ничто не может хотя бы частично навести на мысль, что когда-то этот народ будет подлежать реабилитации, а то и сакрализации.

«Чудо», то есть тотальный пересмотр и коренная переоценка его сибирских лет произойдёт гораздо позже, так что здесь мы видим явный анахронизм. Дата этого «переосознания» не известна. Речь идёт о медленном, постепенном подсознательном процессе, созревающим, впрочем, раньше, чем обычно предполагается. По тому же письму от 30 января — 22 февраля 1854 г. видно, что Фёдор Михайлович во внутреннем брожении и что, во всяком случае, он значительно изменился. В глубине души он как бы переживает новые заботы, сугубо личные и других не касающиеся, даже брата Михаила, самого близкого друга.

Память — постоянно развивающийся творческий процесс. Реинтеграция прошлого предполагает его реконструкцию. Память перерабатывает прошлое и, чаще всего, его приукрашивает. Происходит то, что французский психолог Анри Делакура называет «la toilette du souvenir» (косметика воспоминания). Сам Достоевский признаётся в своём рассказе: «Я анализировал эти впечатления, придавал новые черты уже давно прожитому и, главное, поправлял его, поправлял беспрерывно, в этом состояла вся забава моя» (22; 47).

Память у Достоевского носит сугубо исповедально-онирический характер. В своём рассказе он не проводит чёткой грани между воспоминанием наяву и сном. То ли память переходит в сон, то ли сон превращается в воспоминание. Притом воображение соревнуется с воспоминанием. В свою очередь воображение тесно связано с мечтательностью, которая нечто иное, чем сон наяву. Воображение, воспоминание, мечтательность и сон — вот «заколдованный круг» памяти у Достоевского. «Я вдруг очнулся и присел на нарах и, помню, ещё застал на лице моём тихую улыбку воспоминания» (22; 49). Очнувшись, Фёдор Михайлович продолжает наслаждаться своим видением. Значит, творческий процесс восстановления ещё продолжается.

Достоевский совсем не любил говорить о самом себе в прямом, то есть непосредственном смысле. Подавляющее большинство его воспоминаний относится к главным вехам его творческого пути и духовного развития. Намёки, касающиеся личной жизни писателя, встречаются очень редко. Тем драгоценнее является этот рассказ, написанный от первого лица. Автобиографический характер «сквозит» обычно через отражения, переодевания, искажения, слияния алхимического свойства. Отдельные детали попадают в минорных произведениях, таких как «Двойник», «Неточка Незванова», «Записки из подполья», но более всего в рассказах «Бобок», «Сон смешного человека» и «Кроткая» (в голосе рассказчика).

Зато уже в силу закона природы у стареющего человека, особенно у пассивно настроенного человека, всё чаще волей-неволей всплывают воспоминания давних лет. Роман «Бесы» явился освободительным взрывом, очистительным заклинанием, целебным катарсисом, который открывает дверь в новую эпоху духовной жизни писателя, отмеченной публикацией «Дневника писателя».

¹ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 62.

² Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 67.

Память у Достоевского парадоксальна. Хронологическая память не совсем верна (он сам иногда ошибался в собственном возрасте). Но довольно слабая память о соединении разных событий между собой сочетается с какой-то гипермнезией, когда речь идёт о главных звеньях его жизненного пути. Именно вокруг этих промежуточных звеньев и «кристаллизуется» «основная» его память. Притом эта память отличается необычайной динамичностью. Всё развёртывается, как в театре, с быстрым чередованием сцен, но уже ускоренным темпом. Тщательно воспроизведены обстановка, жесты, мимика, голоса с их специфической интонацией. Рассказ, напоминающий спектакль, не обходится без положенного финального «*coup de théâtre*» (неожиданной развязки).

Спектакль пронизан целой системой чувственных ассоциаций, переключаящихся между собой. Ибо весь секрет памяти у Достоевского состоит в том, что она «чувственная», вовлекает основные чувства.

Слух играет в рассказе особенно важную роль. В самом начале писатель инсценирует, точнее, оркеструет «пьяный разгул», допущенный начальством «раз в год», поскольку «иначе могло быть хуже». В поисках тишины (тишина в рассказе — контрапункт к шуму) Фёдор Михайлович бежит вон. Но крик души поляка срывает заветную тишину.

Достоевский спешит обратно на свои нары. «Мало-помалу я и впрямь забился и не приметно погрузился в воспоминания» (22; 47). Оживает золотое августовское время в сельце Даровом. И снова воцаряется тишина. Но вдруг среди глубокой тишины раздаётся крик: «Волк бежит!» Крик, разумеется, вообразимый, но вызывает у мальчика сильнейший, продолжительный испуг, уже травматического свойства («вздрагивают губы»), который пройдёт не сразу. Ведь не хватило ласковых, утешительных слов Маррея. Чувство паники исчезнет полностью, только когда «бросилась ко мне наша дворовая собака Волчок». Тут уже он «совсем успокоился». «Такой ясный и отчётливый крик», «померещившийся» среди глубокой тишины одинокого гуляния, не получает в рассказе настоящего объяснения. Достоевский уклончиво намекает на то, что «потом, с детством, эти галлюцинации прошли». Но это утверждение вряд ли убедительно.

Речь идёт, скорее, по нашей догадке, об «осколке» сибирского кошмара. Следовало бы, в таком случае, его сблизить с признанием Достоевского чуть выше: «...мне и теперь иногда снится это время по ночам, и у меня нет снов мучительнее» (22; 47). При такой гипотезе эта галлюцинация явилась бы промежуточным звеном между «сибирским» сном и действительностью в Даровом. Её можно было бы сопоставить и со «скрежетом зубами» у поляка, и с предполагаемым лаем собаки Волчка, который, странным образом, не лает, бросаясь навстречу своему хозяину.

Осязание связано с образом Мужика Маррея и с землёй. «Я <...> уцепился одной рукой за его соху, а другую за его рукав <...> ещё крепче уцепился за его зипун». «Он протянул тихонько свой толстый, с чёрным ногтем, запачканный в земле палец и тихонько дотронулся до вспрыгивавших моих губ» (22; 48).

Что касается вкуса, намёк на него содержится в собирании ягод и грибов («лес с его грибами и дикими ягодами»).

Обоняние, естественно, связано с природой. Всплывает в памяти «столь любимый мною сырой запах перетлевших листьев». Этому запаху придаётся Достоевским особое значение. Он уже настаивает: «И теперь даже, когда я пишу это, мне так и послышался запах нашего деревенского березняка» (22; 47). Здесь как бы предчувствуется догадка Марселя Пруста, автора «В поисках утраченного времени», о «*ressouvenir inconscient*» (бессознательном повторном воспоминании) как основе внутреннего «потока сознания» у человека. *Послышавшийся запах* Достоевского как бы предвосхищает «*la petite madeleine*» Пруста.

Но спектакль — это прежде всего зрелище, «картина». Зрению придаётся преобладающее значение. «Эти воспоминания, — пишет Достоевский, — вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. Начиналось с какой-нибудь точки, черты, иногда неприметной, и потом мало-помалу выросло в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление» (22; 47). Чуть дальше он настаивает на «ясности и отчётливости». Интересно сравнить это описание с изображением воспоминаний Алёши о своём детстве в начале «Братьев Карамазовых»: «Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь выступая всю жизнь как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка» (14; 18).

Итак, воспоминание всплывает в памяти мало-помалу и помимо всякой воли, как законченная цельная картина, «вырванная из мрака» и представляющая с полной «ясностью и отчётливостью», «до самой последней черты», точно, как бывает в реальной жизни. Так бывает, кстати, в живописи, жанре, к которому тяготеет искусство Достоевского. Кисть художника набрасывает на полотно первый штрих. Этот штрих, по принципу расширения чернильного пятна, уже вырастает в портрет, в ландшафт и т. п.

«Картина, вырванная из мрака» — типичное проявление подсознательно-го. Приходит на память только то, что позволено и когда это востребовано. Все эти сложные процессы исходят из детства, когда определяются главные черты личности. Ведь, как говорил Достоевский, у трёхлетнего ребёнка накопилась уже третья часть тех знаний, которые приобретёт взрослый человек.

Фёдор Михайлович относился к своим ранним годам с сугубо подчёркнутой ностальгией. «Я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства», — пишет он в своём рассказе «Мужик Маррей». Единственной его оговоркой является «жаль покидать деревню», ведь «скоро надо ехать в Москву опять скучать всю зиму за французскими уроками» (22; 47). В письме брату Михаилу, которое он пишет за несколько часов до отправления в Сибирь, когда нет уже нужды скрывать правду, особенно перед свидетелем тех лет, он говорит: «Авось когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время...» (28; 163).

Есть что-то странное и одновременно знаменательное в комментарии, который он сформулировал о Белинском в «Старых людях»: «Он бог знает от кого происходил, отец его был, кажется, военным врачом» — 21; 10 (отец Достоевского был, кстати, штабс-врачом!). Полемицируя в «Дневнике писателя»

с «случайными семьями», он явно противопоставляет им собственную семью, именно как «не случайную», а основанную на стойких моральных принципах. На самом деле, по тем сведениям, которыми мы располагаем, родители Достоевского составляли неподходящую пару. Штабс-лекарь Михаил Андреевич был глубоко травмированным человеком. На нём лежал неизлечимый отпечаток Отечественной войны 1812 года. «В переполненных тыловых госпиталях, — пишет Леонид Гроссман, — в удушливом запахе крови и разложения он неумолимо проводил свои бесчисленные операции и ампутации, наблюдая войну не в героической обороне и генеральных сражениях, а в массе её растоптаных жертв. К моменту окончания кампании ему было всего тридцать лет. Но он навсегда утратил жизнерадостность и никогда не смеялся»³.

Михаил Андреевич вёл себя дома как деспот и болезненно ревновал свою кроткую жену. Фёдор Михайлович обожал свою нежную, любящую мать со светлой душой и жизнерадостной натурой. Память о ней будет сопровождать его всю жизнь. Только один раз, кажется, он приподнял завесу над глубокими тайнами семейной жизни в детских впечатлениях Алёши Карамазова, запомнившего «...в комнате в углу образ, пред ним зажжённую лампадку, а перед образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице...» (14; 18).

Впрочем, отношения между родителями — это одно, а их отношения с детьми — дело другое. По крайней мере, пока мать была жива, то есть до фактического распада семьи, какое-то «благообразие» должно было существовать. Ведь нельзя преувеличивать и создавать вокруг отца Достоевского некую «чёрную легенду». Штабс-лекарь не был настолько строг, чтобы помешать резвому Фёдору иногда своевольничать, на что он пророчески сказал однажды: «Эй, Федя, уймись; несдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой»⁴. По вечерам Михаил Андреевич читал вслух перед всей семьёй главы из романов Анны Радклиф, вызывая особенный восторг сына Фёдора. И, как видно из рассказа «Мужик Марей», даже если допустить, что Фёдор Михайлович приукрасил действительность, отношения «господ Достоевских» к своим крепостным не были лишены гуманности.

«...Память слаба. Да и грустно вспоминать, я вообще не люблю вспоминать», — писал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 год («Нечто личное» — 21; 23). У него, как, впрочем, у каждого человека, была своя теневая сторона. Были случаи или эпизоды, о которых он действительно не любил высказываться и которые предпочитал забыть. Сам он неоднократно, особенно в своих письмах, намекал недвусмысленно на это. Подсознание помогало ему их подавлять.

Но нет ли иногда лучшей альтернативы подавлению воспоминаний, чем их сублимация?

³ Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1962. (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 27.

⁴ Достоевский А. М. Указ. соч. С. 72.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ФЕНОМЕНА ОТЦОВСТВА В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА «ДОМБИ И СЫН» И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье предпринимается попытка компаративного анализа аксиологической антропологии феномена отцовства двух писателей — Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского на примере произведений «Домби и сын» и «Братья Карамазовы». При сходстве конфликта, положенного в основу английского и русского романов, выявляются существенные различия в его истоках и путях преодоления.

Ключевые слова: антропология, аксиология, компаративный анализ, феномен, отцовство, образ отца, «случайное семейство», Диккенс, Достоевский.

Современная эпоха с её нестабильностью, войнами и катаклизмами характеризуется кризисом, который является результатом цивилизационного развития последнего столетия. Кризис этот проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека, в первую очередь в институте семьи как «ячейки общества» и «малой церкви», где далеко не последнее место занимает мужчина-отец. Однако женская эмансипация, детоцентризм, а также половая распущенность и борьба сексуальных меньшинств за свои права привели к постепенной девальвации статуса мужчины как мужа и отца в современной семье. Все эти процессы заставляют сегодня учёных-гуманитариев, в том числе литературоведов, обратиться к исследованию проблемы отцовства.

Проблема отцовства является весьма важным феноменом. В традиционном обществе мужчина-отец являлся не только добытчиком пропитания и источником материальных ресурсов, как это принято сейчас говорить, но прежде всего главой рода. Если мы откроем Священное Писание, то уже на первых страницах увидим, что традиционная патриархальная модель была характерна для ветхозаветного времени, где мужчина-отец являлся главой и продолжателем еврейского рода: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его...» (Мф.1:2). Для еврейской ветхозаветной семьи была характерна так называемая примогенитура (первородство) — передача наследства старшему сыну, рождённому в законном браке. Родитель пользовался непоколебимым авторитетом у детей. Главной составляющей такого традиционного воспитания была преемственность, т. е. передача жизненного опыта от старшего поколения к младшему. Вот почему детское непослушание, проявленное к родителям, строго каралось в ветхозаветное время, где статус детей был крайне низок.

Однако с развитием цивилизации с её индивидуализацией и провозглашением защиты интересов частной человеческой жизни в Западной Европе традиционная патриархальная модель начинает трансформироваться. Свержение монархического строя, возникновение капиталистических отношений и затем промышленного производства в Англии в результате буржуазной революции приводит к тому, что отец в консервативной английской семье

оказывается вынужденным уделять больше времени своей профессиональной деятельности, карьере и, соответственно, меньше бывать в семье. Это в итоге приводит к постепенному удалению и отстранению мужчины от семьи и, как следствие, к трансформации семейных ценностей, поскольку главным для человека становится не просто трудовая деятельность, а получение максимальной прибыли.

В России в XIX веке патриархальная модель семьи всё ещё сохранялась благодаря монархическому устройству и ведению хозяйства по семейному типу¹, главой которого был мужчина, причем не только формально, но и по факту, осознавая свою ответственность за семью перед Богом, как это показано на примере отца героя Ивана в романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Однако промышленная революция, последующая индустриализация и стремительное развитие капиталистических отношений рождают в российском обществе семейные проблемы, аналогичные западноевропейским, когда отец меньше времени проводит дома, в семье. Более того, дискуссия и борьба славянофилов и западников за господство идеологии порождает в России массовое подражание западноевропейской идеологии комфорта, западному образу жизни. В результате в Россию вместе с западным капитализмом приходит постепенное пренебрежение семейными ценностями, о чём свидетельствует, к примеру, возникновение публичных домов и игорных заведений, где мужчины стремятся проводить время, потакая соблазнам. Именно кризис семьи с его трансформацией института отцовства, где отец несёт ответственность за свою семью перед самим Богом, показан на примере романов Ч. Диккенса «Домби и сын» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», компаративному анализу которых и посвящается данная статья.

В качестве методологии для нашего исследования мы выбрали аксиологическую антропологию — актуальное направление современной науки о человеке, сопряжённую с феноменологией как методом анализа художественного текста. Выбор наш обусловлен тем, что антропология исследует человека в единстве его духовных и телесных практик, где важной является аксиологический компонент, т. е. ценностная составляющая. Художественный же текст, с точки зрения феноменологии, представляет собой сгусток феноменов, которые при возникновении экзистенциального переживания в сознании исследователя (читателя) непредвзято проявляют сами себя во время акта чтения. Кроме того, писатель также испытывает некое интенциональное переживание непосредственно в момент создания самого текста, поэтому в задачу исследователя (читателя), понимающего литературный текст как экзистенциальное «переживание переживания» (В. И. Тюпа), входит извлечение ценностных констант, которые возникают у читателя в момент чтения. Текст же при этом понимается как сама действительность, также экзистенциально протекающая.

Роман Ч. Диккенса «Домби и сын» — это произведение, первоначальный замысел которого восходит к критике писателем буржуазного общества,

¹ Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 286.

где «покладистая легкомысленная натура не может противостоять соблазнам» и, соответственно, «добро постепенно превращается в зло» [Т. 29. С. 163]². Писатель хотел изобразить разрушение семьи и семейных ценностей английского консервативного общества под воздействием буржуазной морали, сформировавшейся в результате английской буржуазной революции. В основе этой морали лежит так называемая протестантская этика³, согласно которой смысл жизнедеятельности человека заключается в накоплении и приумножении капитала и, соответственно, считается, что, чем больше человек приумножает свой капитал, тем ближе к Богу он находится. Жертвой протестантской этики становится мистер Домби, основатель предприятия «Домби и сын». Достоевский читал этот роман, на что указывает его наличие в библиотеке писателя во французском переводе, изданном в 1869 году⁴.

Первоначальный замысел романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» восходит к идее эпопеи под названием «Житие великого грешника», где писатель интенционально стремился показать духовное падение, а затем возрождение человека, являющего «гордейшего из гордецов», который мечтал стать «величайшим из людей». Пройдя через соблазны «золота», «атеизм», «разврат», он должен был окончить свою жизнь «схимником» и «странником», «установившимся» на Христе⁵. Контекст, из которого вырастает роман «Братья Карамазовы», рождается в замысле произведения об отцах и детях, наподобие романа И. С. Тургенева, о чём сообщает автором в «Дневнике писателя» за 1876 год: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. Поэма готова и создана прежде всего, как и всегда должно быть у романиста. Я возьму отцов и детей по возможности из всех слоёв общества и прослежу за детьми с их самого первого детства» (22; 7). В основе этой концепции Достоевского лежит идея «случайного семейства» — семьи, которой управляют страсти и пороки. В качестве действующих лиц Достоевский хотел изобразить детей из колонии малолетних преступников, детей, описанных в главе «По поводу дела Кроненберга» «Дневника писателя». Достоевского интересуют и другие эпизоды, характеризующие назревший кризис во взаимоотношении отцов и детей в России второй половины XIX века, только что освободившейся от крепостной зависимости. На фоне этого семейного кризиса писатель изображает не столько героев, сколько идеи, которые, сопровождая кажущийся на первый взгляд обычный детективный сюжет — убийство Федора Павловича Карамазова, вписываются в контекст духовно-мировоззренческих брожений той эпохи.

Одним из центральных конфликтов, показанных в романе Ч. Диккенса «Домби и сын», также является проблема отцов и детей. Источником семейной

² Здесь и далее тексты цитируются по изданию: Диккенс Чарльз. Собрание сочинений в 30 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957–1963. В квадратных скобках указан номер тома и страницы.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения; пер. с нем.; сост. общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: «Прогресс», 1990. С. 73–74.

⁴ Гроссман Л. П. Библиотека Достоевского. Одесса: «А. А. Ивасенко», 1919. С. 139.

⁵ Фридлиндер Г. М. Реализм Достоевского. Л., М.: «Наука», 1964. С. 322.

драмы у Диккенса становится погоня мистера Домби (главы не только семейства Домби, но и крупного предприятия «Торговый дом Домби и сын») за материальными благами. Сын мистера Домби Поль, на которого тот возложил надежды как на будущего наследника богатого состояния, обделён отцовской любовью и вниманием: отец занят своим, как бы сейчас сказали, бизнесом. Эмоциональная закрытость и отчуждённость мистера Домби приводит к формированию поверхностно-ритуальных взаимоотношений между отцом и сыном. Поль, испытывая недостаток в мужском общении и опираясь на своё детское идиллическое мировосприятие, начинает идеализировать мистера Домби. Так, например, зная отцовскую заботу о деньгах, Поль задаёт ему вопрос: «Что такое деньги?» [Т. 13. С. 120], надеясь на авторитет мудрого, как он думает, отца, пример которого в его сознании создает образ идеального мужчины. В ответ же Поль слышит: «Скоро ты это будешь лучше знать, мой мальчик <...>. Деньги, Поль, могут сделать что угодно» [Т. 13. С. 121]. Непосредственное сознание ребенка, который верит в сказку, под словами «что угодно» буквально понимает «абсолютно всё». Поэтому Поль задаёт вопрос, который застаёт мистера Домби, живущего в иной системе нравственных координат, врасплох: «Почему деньги не спасли мою маму?» [Т. 13. С. 121].

Фёдор Павлович Карамазов в романе «Братья Карамазовы» как отец семейства оказался человеком несостоятельным, что проявилось в первую очередь в его неспособности найти общий язык с сыновьями: ни с Митей, с которым возник спор «насчёт наследства» (1; 338), ни с Иваном, который возненавидел отца, ни с ушедшим в монастырь Алёшей, ни тем более со Смердяковым, в итоге убившим его. Погрязший в страстях и пороках отец «случайного семейства» Фёдор Павлович Карамазов был неспособен нести ответственность за семью перед Богом. При этом, как пишет о нём Достоевский, «развратнейший и в сладострастии своём часто жестокий, как злое насекомое, Фёдор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение» (14; 86), поскольку понимал своё несоответствие должному образу отца. Уход Алексея в монастырь к старцу Зосиме является своеобразной кульминацией конфликта отцов и детей, возникшего в том числе и на религиозной почве, где *врагами человеку* становятся *домашние его* (Мф.10:36). При этом благодаря проповедям старца Алёша оказывается единственным из трёх братьев, у кого сохраняется любовь к отцу. (В этом Достоевский делает своего героя похожим на заботливую Эми Доррит в романе «Крошка Доррит» Диккенса.) Старец же, заменяющий отца, со всей полнотой ответственности взяв душу Алёши под своё духовное руководство, воспитывает и окончательно формирует героя таким, каким он и предстаёт перед читателем, — добрым, искренним и человеколюбивым, даже несмотря на порочность отца своего.

В отличие от самого Диккенса, детство которого проходило под знаком Евангелия, сборника сказок «Тысяча и одна ночь» и европейской классической литературы (как, кстати, и Достоевского), воспитание его героя Поля осуществлялось на основе книг, лишённых какого-либо развивающего, духовного начала. Как пишет автор, «*в них он <Поль — А. Б.> нашёл названия*

предметов, склонение артиклей и имён существительных», соответствующие упражнения и начальные правила правописания, обзор древней истории, два-три замечания о новой, несколько примеров из таблицы умножения...» [Т. 13. С. 202]. Образование проходило под покровительством мистера Домби, который видел в сыне не личность, а только наследника большого состояния. Поль погибает вследствие отцовской душевной закрытости и отсутствия подлинной любви. И в этом смысле смерть Поля и крах надежд, на него возложенных, которые переживает мистер Домби в диккенсовском романе, становится своего рода детским искуплением грехов отца.

По поводу смерти Фёдора Павловича Карамазова в научном сообществе до сих пор ведутся дискуссии. Так, сторонники фрейдизма считают, что убийство Смердяковым отца является своеобразной мстостью Достоевского за непростые отношения собственному отцу Михаилу Андреевичу⁶. Есть и другие точки зрения в данном вопросе⁷. Мы считаем, что убийство Смердяковым Фёдора Павловича стало результатом онтологического неучастия отца в жизни собственных детей. Осмелимся также предположить, что любовь Алексея Карамазова к Фёдору Павловичу не только результат христианского воспитания старца Зосимы, где не последнее место занимает заповедь о почтении к родителям. Здесь сыграла свою роль вера сына в покаяние и обращение к Богу отца, ибо, как пишет св. Тихон Задонский, время земной жизни есть «время покаяния, когда Господь велит каяться, призывает на покаяние и принимает кающихся». В день же воздаяния человек будет лишён такой возможности измениться⁸.

Таким образом, образ мистера Домби в романе Ч. Диккенса «Домби и сын» с его установкой на достижение материального благополучия стал квинтэссенцией феноменологии отцовства в английской литературе XIX века, основанной на протестантской этике. Смерть Поля в диккенсовском романе — христианское искупление ребенка за грехи и пороки отца. Фёдор Павлович Карамазов в романе «Братья Карамазовы» как отец терпит духовно-нравственный крах из-за своего неучастия в жизни детей. Вера же Алексея Карамазова в покаяние отца становится результатом христианского воспитания старца Зосимы, который олицетворяет собой прежде всего духовного отца, образец высокой морали. Феноменология отцовства в романе «Братья Карамазовы» воплощается в двух дихотомичных образах — падшего кровного, т. е. формального отца, и благочестивого старца, т. е. отца духовного, подлинного.

⁶ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>. Дата доступа: 26.01.2020.

⁷ Волгин И. Л. Колебаясь над бездной. М., 1998. С. 73.

⁸ Тихон Задонский св. Об истинном христианстве [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/ob_istinnom_hristianstve_kniga1/2. Дата доступа: 26.01.2020.

Ю. В. Юхнович

«ЗАКОЛДОВАННОЕ НАСЛЕДСТВО»: ДОСТОЕВСКИЕ В БОРЬБЕ ЗА РЯЗАНСКОЕ ИМЕНИЕ¹

В статье рассмотрены материалы переписки В. Д. Шера, А. М. и А. Г. Достоевских, принимавших участие в разделе рязанского имения как части «куманинского наследства»: представлены и прокомментированы фрагменты неопубликованных писем и документов из архивов А. М. и А. Г. Достоевских; объяснены юридические причины, из-за которых спор между наследниками затянулся на долгие годы; сделан вывод о том, что решающую роль в мирном разрешении «куманинского дела» сыграла А. Г. Достоевская. Именно благодаря ей состоялись поездки в Рязань, позволившие ускорить раздел земельной собственности между наследниками. Письма Анны Григорьевны этого периода показывают, что в решении непростых задач, связанных с получением «рокового» наследства, она руководствовалась исключительно понятиями долга, чести и совести.

Ключевые слова: В. Д. Шер, А. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, куманинское наследство, имение, раздел, судебный процесс, продажа.

Одним из переломных событий в деле о куманинском наследстве, оставившем роковой след в судьбе Достоевских, стала тяжба вокруг имения в Рязанской губернии. Об истории его раздела между наследниками московской тетки Ф. М. Достоевского А. Ф. Куманиной мы узнаём из переписки участников этого процесса, одним из которых являлся В. Д. Шер. Владимир Дмитриевич Шер приходился Достоевским двоюродным братом, то есть был сыном О. Ф. Шер, единокровной сестры матери писателя Марии Фёдоровны, и архитектора Д. А. Шера (30; 446)². В деле о куманинском наследстве он защищал интересы своей матери, а также тётки Е. Ф. Ставровской и сестры А. Д. Казанской. В июле 1876 г. Шер обратился к А. М. Достоевскому как к одному из наследников и бывшему опекуну Куманиной с просьбой выслать доверенности, утверждающие его в правах на раздел наследных земель в Рязанской губернии. В письме он поделился проблемами, с которыми пришлось столкнуться в ходе подготовки к размежеванию земельных угодий³. Согласно оценке, данной Управляющим Государственными Имуществами Сладковским, сведения, указанные в хозяйственных планах и уставной грамоте на имение, не соответствовали реальным размерам земельных наделов. В этой связи Шер отметил незаконное удержание части крестьянских наделов в деревне Заводская Слобода: «<...> крестьяне в этой деревне имеют в надъле у себя десятину сь 1/3, а по закону они могут имть 3 1/2 десятины, поэтому они в настоящее время подали намъ заявленіе, чтобы мы имъ додали до 3 1/2 десятинь и за

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-012-00013 «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».

² Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Т. II. СПб: Алетейя, 2001. С. 407–408; Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 459.

³ Письмо В. Д. Шера к А. М. Достоевскому от 13 июля 1876 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 7–7 об.

эти дополнительные десятины намъ придется получить дополнительную Ссуду изъ Выкупнаго Учрежденія тысячъ двадцать съ чьмъ-то. Берутъ крестьяне луга и болота <...>»⁴.

Две доверенности на управление делами по размежеванию и продаже земель от А. М. Достоевского были получены в июне 1878 г. В них брат писателя подтвердил, что является наследником 1/12 части рязанского имения в деревнях Гришино, Заводская Слобода, Ковряково, Аничково, Ширяево и Данилко, а также уведомил Шера о полном согласии передать ему полномочия на раздел и продажу земли⁵. В ответ Владимир Дмитриевич сообщил о первых покупателях в Шеиновой порубке – некоем Масленикове, предложившем платить 72 рубля за десятину, и другом купце, готовом отдать 82 рубля за десятину⁶.

Однако из-за того, что доверенности от некоторых наследников не были получены в срок, сразу осуществить сделку по продаже не удалось. Ещё одной причиной этой задержки стала «громкая недоимка», учиненная Е. В. Коршем, одним из поверенных Шеров, Ставровских и братьев Достоевских⁷, который обманном путём наживался на своих поручителях. Усугубляли ситуацию и постоянные бесчинства, устраиваемые крестьянами, которые рассчитывали на получение своей доли земельной собственности. Об этом также сообщал В. Д. Шер А. М. Достоевскому: «<...> Вь бытность мою вь имънии мужики подожгли нашъ лъсъ сь трехъ сторонъ и еслибъ не потушилъ дождь, который вдругъ пошелъ, то сгоръло бы огромное количество лъсу, теперь же выгоръло десятинь около 10, двадцати пяти лътняго лъсу. Я заявилъ старшин и просиль начать слъдствіе. Вообще при отб<ав?>къ надъловъ много было хлопотъ мнъ с мужиками, которые какъ Вамъ извъстно отчаянный народъ»⁸. И всё-таки продажа участка в Шеиной порубке на основании доверенности, полученной от А. М. Достоевского, состоялась. Всего было продано 64 десятины за 85 рублей серебром, сроком на пять лет. На долю Андрея Михайловича пришлось 456 рублей, из которых 50 рублей были удержаны на оплату недоимок⁹.

Переговоры по разделу земельной собственности между наследниками состоялись в августе 1879 года, когда по инициативе В. Д. Шера¹⁰ в имение приехали представители семейств Ставровских и Достоевских. В результате было принято решение об уступке 800 десятин Пехорки в пользу Достоевских; остальная часть имения, за исключением 21 участка за рекой Пра, находящегося в общем владении, отошла Шерам и Ставровским. Договорившись на словах, наследники должны были оформить раздел имения по закону.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Письмо А. М. Достоевского к В. Д. Шеру от 24 июня 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 1–5.

⁶ Письмо В. Д. Шера к А. М. Достоевскому от 26 июля 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 10–10 об.

⁷ См.: Письмо А. М. Достоевского к В. Д. Шеру от 2[2] (3) октября 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 12–12 об.

⁸ Письмо В. Д. Шера к А. М. Достоевскому от 28 сентября 1878 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 17 об.

⁹ См.: Письмо В. Д. Шера к А. М. Достоевскому от 2 марта 1879 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 24–24 об.

¹⁰ Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. М.: Наука, 1979. С. 305–306.

Начался долгий процесс по вводу собственников в права наследования. Из письма В. Д. Шера к А. А. Достоевскому от 6 июля 1880 г. мы узнаём, что в основной части юридических документов поверенными наследников были допущены грубые ошибки¹¹. Например, адвокат Ф. М. Достоевского Б. Б. Поляков, не согласовав свои действия с В. Д. Шером, оформил исполнительный лист, исходя из соображений, что наследники должны вступить в права по закону, а не по завещанию. Шер в свою очередь, руководствуясь интересами своих поручителей, составил документ, основываясь на факте наследования по завещанию. То есть, собственники вводились в права владения по разным документам. Также Шер сообщал о фактической ошибке, сделанной в описи имения, в чём винил поверенных Е. В. Корша и В. И. Веселовского: «<...> В данной пропущена деревня Заводская слобода и при ней мѣстныя дачи. Какъ же случилось съ какой цѣлью устроилъ это Коршъ, и кто въ этомъ виноват Коршъ или нотаріусъ, который совершалъ данную, объяснить Вамъ еще не могу. Если это Коршъ устроилъ, то единственно для того только, чтобы спасти Веселовскаго отъ отвѣтственности, так какъ въ описи Судебнаго Пристова и въ опредленіи Окружнаго Суда объ укрѣпленіи имѣнія за Куманиной упоминается деревня Заводская слобода, при ней Заводъ стальныхъ издѣлій и государственный гербъ<...> Счастіе еще наше, что во все время не находился настоящій покупатель, который бы купилъ<...>, а что бы тогда всѣ наслѣдники заплатились жестоко, потому что въ запродажной записи написали бы шесть деревень, тогда какъ у насъ документы только на пять деревень<...>»¹².

Подчеркнём, что В. И. Веселовский вместе с другими поверенными был замечен в недобросовестном отношении к оформлению юридических бумаг ещё раньше, когда занимался делами продажи Тульского имения. Об этом А. М. Достоевский писал своей супруге Домнике Ивановне: «<...> Но только Веселовский смешал наши родины, думал, что моя мать и Шер и Ставровские единокровные с Александрой Фёдоровною Куманиною; в этом недоразумении утвердил его ещё более поверенный Шер и Ставровских некто Казин <...>. Надо делиться <...> как будто бы не было вовсе духовного завещания. Тогда Казин подаёт иск в Тульский окружной суд, чтобы утвердили наследство за законными наследниками, т. е. Мариєю Фёдоровной Достоевской (моей матерью), Ольгою Фёдоровной Шер и Катериной Фёдоровной Ставровской, называя их единокровными, того не зная или позабыв, что моя мать родная сестра завещательницы <...>»¹³.

Из-за подобных ошибок, допущенных адвокатами при составлении документов на рязанское имение, оформление прав наследников на владение затягивалось, что, безусловно, препятствовало продаже. Первоначально искали покупателя, чтобы продать имение целиком, хотя известно, что

Ф. М. Достоевский хотел получить землю «натурою»¹⁴. Однако быстро продать имение не удалось в связи с тем, что на нём были большие долги и недоимки. Наследникам пришлось распродавать свои доли небольшими частями. Так, лесные угодья Пехорки, которыми владели Достоевские, были проданы нескольким покупателям. В письме к А. А. Достоевскому от 6 июля 1880 года В. Д. Шер сообщил:

«<...> въ концѣ концовъ мнѣ удалось продать 4^{мб} мужикамъ на срубъ безъ земли; одному я продалъ 38 десят. 600 кв. по 80 р. такъ какъ этотъ былъ первый покупатель, другому 10 десятинъ по 95 рублей сер. 3^{му} 4 десят. 873 кв. саж. по 95 р. с. 4^{му} 3 десят. 1566 кв. саж. по 95 р. съ одной десятой. послѣднему скинулъ 15 р. <...>»¹⁵. В июле 1881 г. с публичного торга ушла 1/4 доля имения, принадлежавшая Николаю, Фёдору и Михаилу Достоевским. Согласно свидетельству В. Д. Шера, она была приобретена промышленником Лаптевым за бесценок¹⁶. Это был единственный выход, так как владельцы, не вступив по закону в права наследования, не получали никаких доходов с имения, а только тратили большие средства на уплату недоимок и прочих расходов, связанных с работой адвокатов и оформлением юридических документов. Об этом писал Шер своим поручителям: «<...> Въ настоящее время я пришель къ убѣжденію, что выгоднее мелочной продажи быть не можетъ <...>. Казна и помѣщики, точно также теперь продаютъ по мелочамъ»¹⁷. 18 июля 1880 г. Ф. М. Достоевский отправил Шеру письмо, в котором выражал недоумение по поводу продажи имения «по десятинам» (30; 200–201). В этом же письме Фёдор Михайлович представил проект соглашения между ним и его братьями, по которому предлагал отдать ему во владение участок Ширяев Бор с условием, что эта часть земельной собственности не должна продаваться. Взамен Ширяева Бора Достоевский предлагал отдать сонаследникам свою землю в Пехорке. 27 августа 1880 г. В. Д. Шер принял предложение Достоевского. Первоначально планировалось подписать новое соглашение между наследниками осенью 1880 г. Но при жизни Достоевского оно так и не было оформлено.

После смерти писателя делом о рязанском имении стала заниматься Анна Григорьевна, к которой перешло право наследования. В одной из статей, посвящённой истории «куманинского процесса», нами было сделано предположение о том, что вдова писателя отказалась от своей доли наследства в пользу сестры Достоевского Веры Михайловны¹⁸. По справедливому замечанию И. С. Андриановой и О. С. Сосновской, обнаруживших и расшифровавших

¹⁴ Ланский Л. Р. Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) // Литературное наследство. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 495.

¹⁵ См.: Письмо В. Д. Шера к А. М. Достоевскому от 31 июля 1881 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 117. Лл. 48–48 об.

¹⁶ См.: Письмо В. Д. Шера к А. А. Достоевскому от 6 июля 1880 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 218. Л. 12.

¹⁷ См.: Архив А. Г. Достоевской. РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Лл. 99–99 об.

¹⁸ Юхнович Ю. В. «Куманинское дело» в мемуарном и эпистолярном наследии А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 176–184 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545741434.pdf (12.01.2020). DOI: 10.15393/10.art.2018.3785.

¹¹ Там же. Лл. 10, 11.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. / ред. Н. Ф. Буданова и Г. М. Фридендер; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Академический проект, 1994. С. 370–371.

неизвестную стенограмму жены писателя, «Анна Григорьевна действительно после смерти мужа передала В. М. Ивановой причитающуюся ей по наследству денежную выплату, но от доли наследного имущества не отказывалась»¹⁹. Об этом мы узнаем из письма В. М. Ивановой к брату Н. М. Достоевскому, где она отмечает, что Анна Григорьевна «отдала свою часть по наследству...»²⁰. По законам того времени жена писателя должна была уплатить Вере Михайловне 1/4 часть от общей доли наследства, что и было ею сделано сразу же после смерти Достоевского. О значительной роли, которую сыграла Анна Григорьевна в истории раздела рязанского имущества, свидетельствуют материалы её переписки с В. Д. Шером, А. М. Достоевским и другими участниками «куманинского процесса».

После смерти мужа А. Г. Достоевская предложила дополнить составленное им соглашение пунктом неустойки из-за недоверия Шерам и Ставровским (30, 367). Об этом вдова писателя сообщила в письме к Н. Н. Страхову, в сердцах назвав наследство «заколдованным»²¹. В октябре 1881 г. она предприняла поездку в Рязань для окончательного раздела имущества, в ходе которой выяснилось странное обстоятельство. Оказывается, В. Д. Шер скрыл от сонаследников, что в южном участке Пехорки находится местность под названием Беседская Амшара, состоящая из непроходимых болот. Узнала Анна Григорьевна и о том, что он за счёт мелких продаж получал хороший доход с имущества, но не платил за него ни копейки. После открывшегося обмана Анна Григорьевна поставила Шеру условие о предоставлении ей неустойки. Благодаря усилиям А. Г. Достоевской бумаги о разделе имущества между ней, Шерами и купцом Лаптевым, который владел частью имущества, были оформлены. Осталось осуществить раздел с А. М. Достоевским. Для этого в августе 1882 г. вдова и брат писателя выехали в Рязанскую губернию. О подробностях этой поездки Андрей Михайлович писал сыну Александру²².

Из этого письма мы узнаём о том, что помогал Достоевским в осуществлении раздела землемер по фамилии Моншеров. В упомянутой статье И. С. Андриановой и О. С. Сосновской сообщается, что «Иван Павлович Моншеров – рязанский землемер, составлявший план земель, принадлежащих семье писателя»²³. Этот план воспроизвел А. М. Достоевский на страницах своего письма в виде небольшого рисунка, представляющего собой неправильный четырёхугольник с обозначением границ и размеров угодий: «<...>

¹⁹ Андрианова И. С., Сосновская О. А. «...Продав 23 года, немисливо ждать опять 20 лет»: неизвестная стенограмма о судьбе рязанского имущества Достоевских // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 168–183 [Электронный ресурс]. — https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587670456.pdf (31.03.2020). DOI: DOI: 10.15393/jio.art.2020.4461.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 59. Л. 8.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1. Опубликовано: Борисова В. В. «Червоный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 168–183 [Электронный ресурс]. — https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (31.03.2020). DOI: 10.15393/jio.art.2020.4481.

²² Письмо А. М. Достоевского к сыну А. А. Достоевскому от 1 сентября 1882 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 32. Л. 671.

²³ Андрианова И. С., Сосновская О. С. Указ. соч.

*Такимъ образомъ наша дача, имѣеть видъ неправильнаго четырёхугольника АБСД, коей обводъ равенъ 1388 саж. + 799 саж. + 1016 саж. + 307 саж. = 3510 сажень, или с небольшимъ семь верст <...>*²⁴. Брат писателя остался доволен работой землемера и предложил ему найти покупателя на свою часть имущества (почему-то Андрей Михайлович утаил этот факт от Анны Григорьевны). Была даже определена примерная стоимость в размере 12 тысяч рублей.

Однако прежде чем продать землю, необходимо было избавиться от долгов и выплатить свою часть по наследству сёстрам Вере и Варваре, что было сделано Андреем Михайловичем только в 1886 г. Тогда же он предложил Анне Григорьевне приобрести долю наследного имущества уже за гораздо меньшие деньги – 8 тысяч рублей. Она ответила согласием, назначив свои условия сделки, по которым обязалась выплатить эту сумму в два срока, без учёта всех издержек и недоимок.

Судя по всему, Анна Григорьевна выполнила свое обещание, так как уже в декабре 1886 г. Андрей Михайлович сообщил о полученном им задатке от продажи имущества. Однако документы по разделу земель между вдовой и братом писателя были подписаны только в феврале 1887 г. Одной из причин затянувшегося процесса стала оплошность адвоката Анны Григорьевны по «куманинскому делу» А. Д. Повалишина, потерявшего доверенность К. П. Победоносцева, который после смерти Достоевского стал опекуном его детей. Однако вскоре важная бумага нашлась, и адвокат смог завершить оформление необходимых документов²⁵. Раздел был осуществлён, но на этом история с «несчастливым наследством»²⁶ не закончилась.

Заботясь о благосостоянии детей Фёдора и Любови, которые тоже являлись полноправными наследниками рязанского имущества, Анна Григорьевна решила продать причитающуюся им часть. Первая сделка состоялась в 1895 г. Есть сведения и о том, что Достоевские пытались продать наследные земли в 1905 г.²⁷. За помощью в деле продажи жена писателя вновь обратилась к И. П. Моншерову, который помогал ей и А. М. Достоевскому в составлении плана раздела. Известна сумма, которую, благодаря Моншерову, удалось выручить за имение семье писателя. Об этом землемер сообщал в одном из писем к Анне Григорьевне: «<...> *Увѣренъ что продажа Вашего имѣнія чрезъ посредство мое за сумму 40000 рублей вполнѣ удовлетворено Вашему желанію на этотъ счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю надѣяться, что участіе мое въ этомъ дѣлѣ Вами признается не бесполезнымъ, такъ какъ прислать покупателя за эту цѣну было и трудно и крайнѣ хлопотливо. долженъ сознаться, что трудъ и хлопоты эти, я какъ Вамъ извѣстно принялъ на себя не безкорыстно, ибо имѣлъ въ виду получить отъ Васъ вознагражденіе обѣщанное Вами при личномъ нашемъ свиданіи*

²⁴ Письмо А. М. Достоевского к сыну А. А. Достоевскому от 1 сентября 1882 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 32. Л. 671.

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 56. № 56. Л. 75 об.

²⁶ Так назвала наследство А. Ф. Куманиной А. Г. Достоевская в письме к Н. Н. Страхову. См.: РГАЛИ. Ф. 1159. Оп. 6. Д. 6. Л. 1. Опубликовано: Борисова В. В. Указ. соч.

²⁷ См. об этом: Андрианова И. С., Сосновская О. С. Указ. соч. С. 178.

въ г. Рязани, о чемъ позволяю себѣ напомнить Вамъ въ настоящее время, прося уплатить мнѣ за коммисію хотя 2% со всей суммы<...>»²⁸.

Т. В. Панюкова

Итак, в представленных материалах из переписки Д. В. Шера, А. М. и А. Г. Достоевских отражена драматическая история раздела рязанского имения. После смерти Ф. М. Достоевского борьба за «куманинское наследство» только усилилась. Об этом свидетельствуют документы из архива его жены, сыгравшей значительную роль в «куманинском деле». Проблемы, с которыми пришлось столкнуться его участникам, были связаны не только с материальными и юридическими аспектами, но и с нравственными, которые и стали приоритетными для А. Г. Достоевской. Она, в отличие от других наследников А. Ф. Куманиной, руководствовалась исключительно понятиями долга, чести и совести, как и сам писатель.

Приложение

Копия соглашения о разделе наследных земель в Рязанской губернии²⁹

Мы нижеподпис. наслѣд. Г^{жи} Куманиной, <...> студ. Ал. А. Д. (по довѣренности Ст. Сов. А. М. Д.) дворяне Ѳ. М. Д. и М. М. Д. и надворный сов. Н. М. Д. (при чемъ согласіе двор. Ѳ. М. Д. имѣете получить отдѣльно, согласіе же надв. сов. Н. М. Д. согласно увѣдомл. вашему [уж] Вами уже получено) пришли къ соглашенію съ повѣр. Г^{жи} Шеръ и Г^{дѣ} Ставр. Вл. Дм. Шеромъ въ томъ, что мы, Д., соглашаемся взять вмѣсто причитающ. намъ одной трети въ имѣніи Г^{жи} Кум. (Ряз. губ. Ряз. у. Спасъ-Клепик. Волости) восемьдесятъ дес. лѣса Пехорки отъ границы Лярскаго съ юга на сѣверъ. Все остальное количество десят. наход. въ разныхъ урочищахъ имѣнія насл. Кум. должно поступить на долю Г^{дѣ} Шеръ и Ставр. за исключ. участка, находящ. за рѣкой Прой (вся зарѣчная часть) который остается въ общемъ владѣніи. Раздѣлъ долж. быть произведенъ не ранѣе весны буд. 1880 г. (Мая мѣс.) и охраненіе Пехор. должно лежать на отвѣтст. Г^{дѣ} Шеръ и Ставр. Кромъ того я, отст. подп. Ѳед. Мих. Дост. оставляю за собою право до весны 1880 г. вымѣнять у Г^{дѣ} Шеръ и Ставр. мою часть, т. е. двѣсти дес. Пехорки на четыреста десят. Ширяева Бора у Данкиной деревни.

ЖИЗНЬ «ПРИ ДВОРЕ» (Из родословия А. Г. Достоевской)¹

Публикация подготовлена на основе выборочного анализа документированной поколенной росписи семьи Анны Григорьевны Достоевской: 129 представителей родов Сниткиных и Мильтопеусов, часть которых составляла непосредственное окружение Ф. М. Достоевского, его жены и детей. Сбор и систематизация материалов о них были предприняты впервые. В ходе поиска были обследованы фонды нескольких архивов России (ЦГИА СПб, РГИА, РГВИА, РГАЛИ, ОР РГБ, РО ИРЛИ, ЦГА Москвы, ГА РФ, АВПРИ, ГАПК, ГАТО) и зарубежья (ГИАЛ, ГАЧО, ЦГИАК, Нац. архив Финляндии), а также семейные архивы потомков. На начальном этапе составлено родословное древо семьи, включающее шесть поколений. В полном варианте нисходящая поколенная роспись включает систематизированные сведения о рождении, бракосочетании, смерти, погребении, учебной и служебной деятельности, имущественном положении, переписке и пр., основанные на выявленных архивных и печатных источниках, а также иконотеку семьи (при этом часть документов полностью воспроизводится по оригиналам). Большинство источников вводится в научный оборот впервые. Краткий вариант поколенной росписи, включающий только имена и годы рождения / смерти, дан в **Приложении 1**. Все известные на сегодня сохранившиеся эпистолярные источники и все выявленные документальные материалы описаны с указанием мест архивного хранения. Содержащиеся в этих документах датировки и факты позволяют дополнить, уточнить, исправить, конкретизировать сведения, приводящиеся в справочно-биографической литературе и достоевских исследованиях и могут быть использованы в составлении расширенного описания окружения Ф. М. Достоевского, в Летописи его жизни и творчества, в Описании рукописей семьи Достоевских, в комментированном издании переписки, воспоминаний, «Дневника 1867 года» — несколько примеров подобного практического применения сведений росписи имеются в данной статье. В целом обнаруженные и описанные документы биографического характера могут стать дополнением к создаваемой сейчас исследовательской базе данных «Объединённый цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского».

Ключевые слова: источниковедение; документированная поколенная роспись; метрические книги; эпистолярный; цифровой архив Достоевского; материалы для исследовательской базы данных; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга; Российский государственный исторический архив; Достоевские; Сниткины; Мильтопеусы; Сватковские; Лёперы; Соколовы; Слинко.

Введение

Данная публикация подготовлена на основе выборочного анализа документированной поколенной росписи семьи Анны Григорьевны Достоевской, часть представителей которой составляла непосредственное окружение Ф. М. Достоевского, его жены и детей. Впервые результаты данного исследования были представлены в виде доклада в августе 2018 г. на VI Летних чтениях в Даровом в секции «Семья в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского». Тогда, на начальном этапе, были детально обследованы фонды духовных консисторий нескольких архивов страны и зарубежья, впервые выявлены метрические записи о рождении, бракосочетании и смерти 129 представителей

²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30165. Лл. 1–1 об.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30707. Л. 90 (Записная тетрадь А. Г. Достоевской 1871–1890 гг.).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание» № 18-012-90028.

рода, на их основе составлено родословное древо семьи, включающее шесть поколений рода Сниткиных и четыре поколения рода Мильтопеусов, и уже даже на данном материале сделаны интересные наблюдения, позволившие дополнить и уточнить некоторые записи «Воспоминаний» А. Г. Достоевской и «Дневника 1867 года». Основной массив обнаруженных метрических записей содержится в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 19). Некоторые отдельные записи были обнаружены также в Государственном архиве Пермского края (ГАПК), Центральном государственном историческом архиве Киева (ЦГИАК), Государственном архиве Черниговской области (ГАЧО), Государственном историческом архиве Латвии (Latvijas Nacionālā arhīva administrācija), Национальном архиве Финляндии (Arkistolaitos).

Позже эти скупые цепочки имён и дат были дополнены документами (об учёбе, службе, имущественном положении и пр.), эпистолярным и фотографиями представителей семьи, хранящимися как в государственных архивах и музеях страны и зарубежья (ЦГИА СПб; Российский государственный исторический архив (РГИА); Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ); Государственный исторический архив Болгарии (София); Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ); Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ); Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА); Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) (РО ИРЛИ); Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы)), так и в семейных архивах потомков. Важным дополнительным источником, особенно по периоду XX в., стали также различные справочно-биографические издания, мемуары современников семьи и потомков, базы данных и генеалогические ресурсы.

Для систематизации такого огромного и разнохарактерного накопленного документального материала был выбран один из самых распространённых в генеалогии вариантов репрезентации: нисходящая родословная роспись прямых потомков рода Сниткиных в шести поколениях, дополненная росписью четырёх поколений предков Анны Григорьевны по матери, Мильтопеусов. Такой способ даёт возможность помещать при каждом приводимом имени различные сведения о лице. Вокруг этого стержня сгруппированы все найденные документальные материалы, часть из которых воспроизводится полностью (все известные на данный момент актовые записи о рождении, венчании, смерти и погребении, а также некоторые формулярные списки и личные дела). Вся заложенная в роспись информация подтверждается документами либо ссылками на архивный или книжный источник, а при его отсутствии сопровождается соответствующей пометой («по семейным преданиям» и под.). Каждый человек в росписи имеет уникальный порядковый номер: количество цифр в номере показывает номер его поколения от условного основателя рода, последняя цифра — порядок появления этого человека в каждой отдельной семье, каждая предыдущая цифра, отделённая точкой, — номер его прямого предка по восходящей (например, номер 1.2.3 будет обозначать,

что человек является третьим сыном в семье и принадлежит к третьему поколению, отец его являлся вторым сыном во втором поколении, дед — первым в первом поколении). В этом же разделе содержатся данные о не прямых родственниках: мужьях, жёнах и пр. Краткая биографическая справка и актовые записи (ЗАПИСЬ О РОЖДЕНИИ, ЗАПИСЬ О БРАКЕ, ЗАПИСЬ О СМЕРТИ, ЗАПИСЬ О ПОГРЕБЕНИИ) о каждом человеке дополняются (при наличии) ссылками на все известные адреса его проживания в разные периоды жизни (АДРЕСА), описанием всех обнаруженных на данный момент документальных архивных источников (ДОКУМЕНТЫ В АРХИВАХ), а также сохранившейся переписки (ЭПИСТОЛЯРИЙ).

На первый взгляд может показаться, что исследовательский интерес уходит иногда слишком далеко от основной цели нашего изучения — творчества и жизни Ф. М. Достоевского. Что подробностей, деталей, фактов, вроде бы не имеющих к нему никакого отношения, напрямую с ним не связанных, маргинальных, — слишком много. Однако, если вспомнить, что «одной из главных проблем [любого] исследования является проблема понимания» (актуальная как для текстологии, так и для реконструкции каких-то биографических моментов), а одним из залогов точного, адекватного восприятия как авторского текста, так и реалий определённой эпохи является «хорошее знание языка этой эпохи», «вживание» в исторический контекст изучаемого явления², то все эти мелкие бытовые подробности, факты, обнаруженные подлинные документы, переписка, фотографии, собранные вместе, систематизированные, вступающие друг с другом в определенные связи, дополняющие друг друга, проясняющие какие-то неясные до этого моменты, становятся частью этого необходимого для любого текстолога исторического контекста.

В целом представители шести поколений Сниткиных и четырёх поколений Мильтопеусов формируют целостный облик «семьи», к которой принадлежала и из которой вышла жена и сподвижница писателя Анна Григорьевна Достоевская. Рассказать в пределах статьи обо всех — невозможно. Попробуем ограничить рамки данного исследования только рассказом о семье старшей сестры Анны Григорьевны, Марии, особое внимание уделив при этом такому аспекту, как «жизнь при дворе».

Старшая сестра (Сватковские)

В энциклопедическом справочнике В. С. Белова кратко упомянуты только сама Мария Григорьевна Сватковская, урождённая Сниткина (25.01.1842 — 1.05.1872) — старшая и единственная сестра Анны Григорьевны Достоевской, и её муж, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета Павел Григорьевич Сватковский (ок. 1829 — 7.01.1893)³. На сегодня можно достаточно подробно рассказать не только о них, но и ещё о 21 представителе этой ветви семьи: четверых детях — Всеволоде (домашнее имя Ляля; 8.09.1862 — 20.08.1920),

² Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877): критика текста: монография. М.: Квадрига, 2011. С. 20–21.

³ Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 193–194.

Ольге (в браке Лёпер; 29.11.1866 — 9.08.1913), Павле (27.06.1870 — 27.12.1938) и Марии (в браке Соколовой; 14.10.1871 — 13.11.1945), их жёнах, мужьях и детях. Обнаружены позволившие точно датировать события некоторые метрические записи (о рождениях, браках, смертях), документы об учёбе, службе, имущественном положении (личные дела студентов, служащих; дела опеки, Департамента герольдии, Казённой палаты), проанализирована сохранившаяся переписка. Вышеперечисленная фактография дополняется визуальным рядом — найденными фотографиями некоторых членов семьи.

Если говорить о методике поиска, то именно для данной семьи базовые сведения (метрические записи о рождении, браке и смерти) в основном были обнаружены только благодаря вторичным источникам, содержащим копии этих документов. Простой просмотр первоисточников — метрических книг Петербурга, Санкт-Петербургской губернии и церковей при заграничных православных миссиях (семья часто и много путешествовала) долгое время результатов не приносил: слишком нечёткими были временные и территориальные границы поиска, т. к. не были известны ни время рождения детей (а для двух младших — даже пол и имена), ни места проживания семьи в разные периоды (чтобы точно определить приходскую или ведомственную церковь, хранящую нужные метрические книги), ни точное время и место брака Марии Григорьевны и Павла Григорьевича (в «Дневнике...» младшей сестры содержатся только два косвенных указания, что 30 августа 1861 г. «Павел Григорьевич был ещё женихом Маши», а 1 октября этого же года «Маша была ещё не замужем»⁴). О следующем, третьем поколении Сватковских не было известно вообще ничего.

Изначально даты рождения и имена младших детей удалось установить по одному из формулярных списков П. Г. Сватковского (документ, ежегодно составлявшийся на каждого чиновника гражданского ведомства, из которого можно узнать все основные этапы его карьеры, а также минимальную информацию о возрасте, происхождении, имущественном и семейном положении), хранящемся в его личном деле. На сегодня обнаружено шесть копий его формуляров, составленных по 1886 г., а также копий более кратких, основанных на формулярном списке, аттестатов о службе⁵. Хранятся они в двух крупнейших петербургских архивах в фондах Департамента герольдии Правительствующего Сената, Главного управления по делам печати, подчинённого ему Санкт-Петербургского цензурного комитета, Санкт-Петербургского императорского университета. Эти краткие сведения были позже дополнены обнаруженными в нескольких делах копиями искомым метрикам⁶, позволившими по ним найти и сами оригиналы. Таким образом, на сегодня известны записи: 1) о рождении, браке и смерти самой Марии Григорьевны Сватковской

(урожд. Сниткиной); 2) о рождении трёх её детей (Всеволода, Павла и Марии), а также семи её внуков: Романа (или Роберта) Всеволодовича Сватковского, родившегося 4 сентября 1889 г. в Берлине (крещён 22 мая 1890 г.), его тёзки и кузена Романа⁷ Романовича (Робертовича) Лёпера, родившегося в Афинах день в день с ним ровно через два года — 4 сентября 1891 г. (крещён 20 октября), Ольги Романовны (Робертовны) Лёпер (16 июля / 20 сентября 1893 г., Афины), четверых детей от первого брака Павла Павловича Сватковского — Лидии (17 октября / 15 ноября 1895 г., Петербург), Ольги (29 октября / 17 ноября 1896 г., Петербург), Павла (26 января / 8 февраля 1898 г., Киев) и Ильи (20 июля / 7 ноября 1899 г., с. Заваричи Козелецкого у., Черниговской губ.); 3) о браке Всеволода Павловича Сватковского (10/22 февраля 1889 г.; церковь св. Симеона Дивногорца при Императорской рос. миссии в Дрездене) и Ольги Павловны Сватковской (2 февраля 1890 г.; церковь при СПб. университете); 4) о смерти и погребении Павла Григорьевича Сватковского (7 января 1893 г.; Александринская церковь при Доме призрения бедных; погребён 10 января на Смоленском православном кладбище) и его рано умершей дочери Ольги (9 августа 1913 г., отпета в Екатерининской церкви на Васильевском острове, погребена 11 августа на Смоленском православном кладбище)⁸. Документы о рождении главы семьи Павла Григорьевича Сватковского, его дочери Ольги Павловны и ещё четверых её детей, детях второй его дочери Марии Павловны Соколовой, а также о двух бракосочетаниях его сына Павла Павловича пока не обнаружены⁹.

Будущий муж Марии Григорьевны, Павел Григорьевич Сватковский, происходил, как значится в его формулярных списках, из обер-офицерских детей. Отец его был титулярным советником¹⁰. В 1842–1848 гг. Павел Григорьевич учился в 3-й Санкт-Петербургской мужской гимназии¹¹, где был своекоштным пансионером. Пройдя полный курс обучения (что уже давало право на вступление в гражданскую службу в чине 14 класса) и закончив гимназию с похвальным аттестатом, он поступил на отделение математических наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского императорского университета и 27 ноября 1852 г. закончил его со степенью кандидата, защитив диссертацию «Теория проекции географических карт Гаусса»¹².

⁷ Имя, вероятно, было дано как в честь отца Романа (Роберта) Христиановича Лёпера, так и в честь старшего кузена.

⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. III. Д. 327. Л. 396 об.–397; Оп. 124. Д. 814. Л. 481 об.–482; Оп. 123. Д. 28. Л. 200 об.–201; Оп. 126. Д. 1541. Л. 118 об.–119; Д. 1544. Л. 201 об.–202; Д. 1547. Л. 175 об.–176; Оп. 127. Д. 362. Л. 346 об.–347; Оп. 126. Д. 1385. Л. 134 об.–135; Центральный гос. ист. архив г. Киева (ЦГИАК). Ф. 127. Оп. 1078. Д. 660; Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 679. Оп. 10. Д. 662. Л. 307 об.–308; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1540. Л. 83 об.–84; Оп. 125. Д. 140. Л. 905 об.–906; Оп. 127. Д. 222. Л. 45 об.–46; Д. 2835. Л. 290 об.–291; Ф. 457. Оп. 1. Д. 102. Л. 20 об.–21; Д. 140. Л. 103 об.–104.

⁹ Параллельно с нами углублённым изучением истории нескольких поколений семьи Сватковских занимается петербургский исследователь В. М. Дзеванковский.

¹⁰ См.: Аттестат № 679 об окончании гимназии: ЦГИА СПб. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2751. Л. 51–51 об.

¹¹ В этой же гимназии, находившейся на Гагаринской ул., д. 23, учились позже три кузена Марии Григорьевны: Иван, Михаил и Александр Сниткины.

¹² См.: Ф. 14. Оп. 10. Д. 79.

⁴ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 18992. С. 247, 296.

⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 4а–4д; Ф. 776. Оп. 3 (1867). Д. 929. Л. 129–134, 145–151, 211–214; Ф. 1343. Оп. 36. Д. 22319. Л. 4–8 об.; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27971. Л. 9–10 об.

⁶ Личные и служебные документы В. П. Сватковского и действительного статского советника Петербургского Цензурного комитета, П. Г. Сватковского // РГИА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 490; Дело о дворянстве Сватковских // РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 22319; Личное дело студента СПб. университета, 1890 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27971.

Дальнейшие четыре года, по его собственным словам, он «продолжал заниматься под руководством наших петербургских учёных» и в марте 1856 г. подавал даже прошение о допуске к экзамену на степень магистра чистой и прикладной математики, но на экзамен не явился¹³, отправившись вместо этого за границу «с целью познакомиться с европейскими авторитетами в науке и в литературе, а также ближе вникнуть в способы преподавания и в самое устройство учебных заведений»¹⁴, где за три года объехал Францию, Англию, Швейцарию и Италию.

И вот тут-то, в Риме, в 1858 г., происходит событие, оказавшее значительное влияние на дальнейшую жизнь и карьеру Павла Григорьевича: его встреча и знакомство с домом великой княгини Марии Николаевны, любимой дочери и сестры российских императоров (Николая I и Александра II). После смерти мужа, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, втайне от сурового отца повенчавшись в ноябре 1853 г. морганатическим браком с графом Григорием Александровичем Строгановым, Мария Николаевна, дабы избежать светских пересудов и иметь возможность открыто появляться на людях с мужем¹⁵, предпочитала проводить время за границей: сначала в Женеве, потом в Риме (где с ней и познакомился Павел Григорьевич), а с 1862 г. — во Флоренции на собственной вилле Кварто. С ней обычно жили и её младшие дети (всего от обоих браков у неё родилось 9 детей; при этом, по устоявшемуся мнению, только четверо старших были детьми герцога Максимилиана: умершая младенцем Александра, Мария, Николай и Евгения). К двум старшим сыновьям, 4-му и 5-му герцогам Лейхтенбергским, князьям Романовским, принцам Богарне, 15-летнему Николаю (1843–1891) и 11-летнему Евгению (1847–1901) и был приглашён, сначала в качестве учителя математики, потом — в качестве живущего при дворе домашнего наставника (причём уже при всех детях) и руководителя учебной частью, Павел Григорьевич Сватковский.

В очерке своего детства и юности князь Николай Лейхтенбергский сообщал об обстоятельствах, которые привели его в то время за границу и сделали возможным появление в их доме П. Г. Сватковского: «К концу 1857 года здоровье моё <...> пошатнулось, постоянные бронхиты заставляли опасаться развития чахотки, от которой скончался мой отец. Решено было отправить меня с братом моим Евгением за границу. Две зимы проведены нами в Риме; лето — на купании в Остенде или Англии, третью зиму 1859–1860 гг. провели мы в Англии в Брайтоне»¹⁶.

В это время после достаточно регулярных, систематических занятий с постоянными преподавателями, кроме постоянной перемены мест, последовали и постоянные смены преподавателей и профессоров. Одним из таких новых приглашённых преподавателей и стал Павел Григорьевич Сватковский.

В 1859–1860 гг. он путешествовал вместе с герцогами, своими учениками, в 1861 г. вернулся с ними в Россию, продолжая жить в их доме (то в Мариинском дворце в Петербурге, то в пригородном имении Сергиевка, под Петергофом). Его преподавательская деятельность продолжалась вплоть до весны 1864 г., до совершеннолетия его учеников.

Несмотря на то, что в краткой записке о своей юности, продиктованной сыну, герцог Николай Лейхтенбергский, перечисляя некоторые имена своих воспитателей и профессоров, имени П. Г. Сватковского не называет, появление последнего в его жизни не стало эпизодичным и случайным, а связь между семьёй Сватковских и домом великой княгини Марии Николаевны не прервалась: не раз ходатайство представителей последнего помогало семье Сватковских в сложных жизненных ситуациях — в документах постоянно встречаются имена кого-нибудь из членов этой ветви царской фамилии; но и супруги Сватковские, как мы увидим ниже, в свою очередь активно участвовали в делах своих бывших воспитанников.

Так, в январе 1864 г. именно князь Николай Лейхтенбергский¹⁷ представил своего учителя главе Министерства внутренних дел П. А. Валуеву и ходатайствовал о назначении его цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета, что и было исполнено: 10 мая 1864 г. П. Г. Сватковский был причислен к Министерству внутренних дел с откомандированием для занятий в Санкт-Петербургский цензурный комитет, где с 1 сентября 1865 г. стал служить исполняющим должность цензора, а 7 января 1870 г. был утверждён в должности.

Когда выяснилось, что для успешного и быстрого чиновничьего производства, а также для пенсионного стажа (чиновники гражданских ведомств зарабатывали себе право на полную пенсию в размере половинного годового оклада жалования после 25-летней беспорочной службы) необходимо учесть те 4,5 года, которые были проведены в педагогической деятельности при дворе Марии Николаевны, Павлом Григорьевичем осенью 1866 г. было подано соответствующее прошение в Департамент народного просвещения. Прошение опять же было поддержано ходатайствами его бывших учеников, а также фрейлиной великой княгини Марии Николаевны, воспитательницей её второй дочери, Евгении Максимилиановны, графиней Елизаветой Андреевной Толстой (1815–1867)¹⁸. Сама великая княгиня, в ответ на запрос министерства, «изъявила желание, чтобы это дело повергнуто было на высочайшее Его императорского величества воззрение»¹⁹. И, по высочайшему соизволению императора Александра II, время с 1 января 1859 по 20 мая 1864 г. было зачтено П. Г. Сватковскому в рабочий стаж, что благотворно отразилось на его дальнейшем чиновничьем производстве: если службу при МВД в мае 1864 г. он начал в чине X класса (коллежский секретарь), то теперь, при перерасчёте выслуги лет, задним числом перескочил сразу через чин: титулярный советник (IX кл.; 1.01.1862), коллежский асессор (VIII кл.; 1.01.1865), надворный советник (VII кл.; 1.01.1867), коллежский советник (VI кл.;

¹⁷ РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 1.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 395.

¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3 (1867). Д. 929. Л. 10.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5630.

¹⁴ [Автобиография] // РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 1.

¹⁵ На родине даже после смерти отца и признания новым императором, её братом, законности брака он продолжал считаться морганатическим, тайным — без права появления вместе с мужем в свете и при дворе.

¹⁶ Его императорское высочество князь Николай Максимилианович. Очерк моего детства и юношества // Русская старина. 1890. Т. 66. С. 480.

1.01.1871), статский советник (V кл.; 12.06.1874), действительный статский советник (IV кл.; 28.03.1882). В последнем высоком чине он, сын простого титулярного советника, и завершил карьеру, выйдя на пенсию, будучи также кавалером нескольких орденов: Св. Анны 2 ст. (12.07.1870), Св. Владимира 3 ст. (1.04.1879) и Св. Станислава 1 ст. (13.04.1886). Этот заслуженный долгой добросовестной деятельностью чин дал его детям и внукам право на потомственное дворянство с внесением в родословную книгу.

Бывшие воспитанники не раз выступали в семье Сватковских и в роли крёстных. Так, восприемниками первого сына Марии Григорьевны и Павла Григорьевича, Всеволода, были «Их императорские высочества князь Георгий Максимилианович и княжна Евгения Максимилиановна»²⁰ (крещение произошло 12 ноября 1862 г. в недавно открытой церкви Мариинского дворца, построенного Николаем I специально для дочери), а у второго сына, Павла, родившегося 27 июня 1870 г., восприемником стал «Его императорское высочество князь Николай Максимилианович Романовский»²¹ (обряд был совершён 6 ноября во Входеоерусалимской церкви Петербурга). И через много лет, в 1890 г., уже в третьем поколении Сватковских, у сына Всеволода, Романа, восприемницей стала крёстная его отца — «Её императорское высочество принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская»²². Именно эта принцесса ещё несколько раз помогала своим ходатайством Сватковским: сначала Павлу Григорьевичу, вступив в 1884 г. в переписку с министром внутренних дел Д. А. Толстым по поводу «зачёта в счёт пенсионного стажа для исчисления пенсии П. Г. Сватковскому времени, проведённом при князьях Лейхтенбергских», потом, в 1889 г. — его дочери, Ольге, ставшей опекуной заболевшего отца, поддержав её просьбу о вспомоществовании для семьи²³.

Анна Григорьевна, умевшая молчать о чужих, тем более связанных с такими высокими лицами тайнах, ни словом, ни намёком нигде не упоминает об отношениях своей сестры и её семьи с кем-либо из принцев Лейхтенбергских. Некоторую отрывочную информацию можно найти только в воспоминаниях её дочери — в семье об этом несомненно знали и говорили.

«Моя тётя Мария, — пишет Любовь Фёдоровна, — была очень хороша собой — высокая, стройная, голубоглазая, с великолепными золотыми волосами. Она имела большой успех в свете, и претендентов на её руку было не счесть. Она вышла замуж по любви за профессора²⁴ Павла Сватковского, которому великая княгиня Мария доверила воспитание своих осиротевших

сыновей, князей Лейхтенбергских. Когда моя тётя выходила за него, воспитание молодых князей было уже завершено, но г-н Сватковский по-прежнему жил в Мариинском дворце на правах их друга. Моя тётя поселилась в этом великолепном дворце, обзавелась блестящими знакомствами, роскошными нарядами, экипажами»²⁵. Исправим только, с учётом обнаруженных документов, одну хронологическую неточность: воспитание герцогов Лейхтенбергских завершилось несколько позднее, весной 1864 г. Таким образом, Мария Григорьевна 2,5 года жила в Мариинском дворце, при дворе Марии Николаевны, как жена учителя и воспитателя детей великой княгини.

Можно предположить, что знакомство Павла Григорьевича Сватковского с будущей женой произошло летом 1861 г., когда он вернулся из-за границы в Россию, а семья Сниткиных, по свидетельству Анны Григорьевны²⁶, снимала дачу в Петергофе, по соседству с именем князей Лейхтенбергских Сергиевкой. Осенью 1861 г. в кафедральном Исаакиевском соборе, что напротив Мариинского дворца, были сделаны оглашения о браке, а 12 ноября в Петропавловской церкви при Коммерческом училище совершён обряд венчания. Приведём выписку из метрической книги об этом событии: «Звание, имя, отчество, фамилия и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ: *Императорскаго С. Петербургскаго Университета Кандидатъ математическихъ наукъ, въ чинъ 10 класса, Павелъ Григорьевичъ Сватковскій, Православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ. Лѣта жениха: 31. Звание, имя, отчество, фамилия и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ бракомъ: Двора Его Императорскаго Величества отставнаго мундкоха Григорія Иванова Сниткина дочь дѣвица Марія Григорьевна Сниткина, Православнаго исповѣданія. Лѣта невѣсты: 19. Кто совершалъ таинство: Священникъ Левъ Богдановскій съ дьячкомъ Васи́лемъ Крайскимъ. Кто были поручители: По жениху: Коллежскій Секретарь Дмитрій Николаевъ Ильинскій и Титулярный Совѣтникъ Козьма Васильевъ Турлевскій. По невѣсть: Исправляющій должность Инспектора классовъ Павловскаго института Викторъ Матвеевичъ Тимаевъ и Лейбъ Гвар<ди> Конной Артиллеріи Капитанъ Карлъ Ивановъ Бликсъ»²⁷. О свидетелях брака можно сказать, что Дмитрий Николаевич Ильинский (род. ок. 1829) служил в чине коллежского секретаря в Инспекторском департаменте гражданского ведомства; Виктор Матвеевич Тимаев (13.03.1830 — 12.01.1900) был преподавателем истории в 5-й петербургской гимназии (1856–1862), впоследствии — инспектор классов Павловского института, действительный статский советник; Карл Иванович, он же Василий Карл фон Бликс (Vlix) (21 февраля 1822 — 17 июля 1890), младший сын петербургского купца Иоганна Генриха фон Бликса, в 1860–1870-е гг. служил при дворе великой княгини Марии Николаевны в Мариинском дворце.*

²⁵ Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский. М.: Бослен, 2017. С. 137.

²⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. С. 147.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 814. Л. 481 об.–482; отметка о браке находится на обороте копии свидетельства о рождении: Личные и служебные документы В. П. Сватковского и действительного статского советника Петербургского цензурного комитета П. Г. Сватковского // РГИА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 490. Л. 1 об., 2.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 836-1 (1862). Л. 82 об.–82.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1066 (1870). Л. 169 об.–170.

²² Метрическая книга № 8387, данная изъ С. Петербургской Духовной Консисто́рии дополнительно причту Князь-Владимірской церкви при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Берлинѣ, для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ на 1890 годъ // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1541. Л. 118 об.–119.

²³ См.: РГИА. Ф. 776. Оп. 3 (1867). Д. 929. Л. 90–91, 92–92 об., 93–101, 102–102 об.; «ходатайство Её императорского высочества принцессы Ольденбургской, знавшей отца в бытность его её воспитателем» — л. 158–159).

²⁴ Неточно. Нужно: кандидата.

Надо сказать, что в какой-то степени жизнь «при дворе» не была чем-то новым и для невесты Павла Григорьевича. Её родственное окружение как со стороны отца, так и со стороны матери, всегда включало в себя либо чиновников, либо придворнослужителей или людей, приближённых ко двору. Придворным брахмейстером (поваром) был дед Марии Григорьевны, Иван Григорьевич Сниткин (ок. 1769 — 12.06.1832), мундкохом — дядя, Иван Иванович Сниткин (ок. 1801 — 26.09.1854), придворным лакеем, потом камер-лакеем и официантом — второй дядя, Алексей Иванович Сниткин, бакмейстером (1841–1860), потом мундкохом — отец, Григорий Иванович²⁸. Родня со стороны жены самого старшего дяди, чиновника городского магистрата Николая Ивановича Сниткина (ок. 1796 — 17.06.1848), отца её кузенов и кузин: его тесть Алексей Афанасьевич (кох, позже мундкох), а также три его шурина — Пётр (лакей, позже тафельдекар, т. е. лакей-подавальщик), Фёдор (кох) и Алексей (гоф-фурьер) — также была из среды придворнослужителей. В придворном штате числились и многие члены семейства Неупокоевых, связанные с семьями всех четырёх братьев Сниткиных многолетним знакомством и постоянно выступавшие у них в роли то крёстных, то свидетелей при браках. Родня со стороны матери также имела знакомства в придворных кругах. Мать Марии Григорьевны, Анна Николаевна, урождённая Анна Мария Мильтопеус (9.04.1812 — 15.07.1893), так же, как её младшая сестра Амалия Фредерика (род. 25.02.1816; в крещении Мария), жившая после смерти отца и переезда в столицу в доме своего брата, служащего Межевой комиссии, а затем Корпуса гражданских топографов Департамента сельского хозяйства Министерства гос. имуществ Роберта (Романа) Николаевича Мильтопеуса, перешли из лютеранства в православие. Восприемником при обоих обрядах миропомазания сестёр (10 апреля 1841 г. и 10 мая 1842 г.) выступал знакомый семьи Мильтопеус, «отставный секунд-майор», знаменитый стеклозаводчик, крупнейший российский фабрикант и поставщик двора (!) Иван Акимович Мальцов²⁹; совосприемницей у Анны Николаевны была вдова камергера Варвара Петровна Шереметева³⁰. Этот «придворный» элемент отчасти сохранился и в третьем поколении семьи: первая жена младшего сына Сватковских, Павла, Лидия Андреевна, была дочерью киевского купца 2-й гильдии Андрея Петровича Слинко — поставщика двора великой княгини Александры Петровны. Интересно также отметить, что в копии метрической записи о рождении самой Марии Григорьевны по каким-то причинам один из восприемников был заменён: если в оригинальной метрике крёстными стали её родные дядя и тётя по отцу, «С.-Петербургского магистрата 2-го департамента титулярный совет-

²⁸ Анна Григорьевна, желая по каким-то причинам завуалировать это обстоятельство, называет отца в воспоминаниях чиновником «одного из магистратов или департаментов» (*Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 71*).

²⁹ Он был женат на бывшей жене Василия Львовича Пушкина и имел в Петербурге дом на Моховой.

³⁰ См.: Метрические книги церковью Симеоновской на Моховой на 1841 г. и Иоанна Предтечи при Пажеском корпусе на 1842 г. (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. III. Д. 324. Л. 464 об.-466. Оп. 124. Д. 653. Л. 543 об.-544), а также дело о присоединении к православию финки, девицы Амалии Фредерики Мильтопеус (ЦГИА СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 127. 3 л.).

ник Николай Иванов Сниткин и умершего придворного бакместера Ивана Григорьевна Сниткина дочь девица Ольга», то в выписке вместо последней крёстной (на тот момент уже умершей) была указана «жена капитана Настасья Николаева Мальцова, урождённая княжна Урусова», камер-фрейлина императрицы Марии Александровны³¹.

Интересное развитие и документальное подтверждение получила только обозначенная нами ранее³² тема взаимоотношений семьи Марии Григорьевны и Павла Григорьевича Сватковских с некоторыми членами фамилии князей Лейхтенбергских. Рассказывая о рождении и смерти в 1868 г. своей сестры Сони и о приезде по этому случаю в Женеву бабушки, Анны Николаевны Сниткиной, Любовь Фёдоровна далее сообщала, что осенью её родители, Анна Григорьевна и Фёдор Михайлович, перебрались в Италию одни, а «бабушка осталась в Швейцарии со своими внуками Сватковскими, которые по предписанию докторов должны были провести зиму в Женеве». И в другом месте уточняла, без привязки к дате и не называя конкретных имён: «...любимая дочь [её] Мария тоже подолгу жила в Европе. Её муж занимался делами своего бывшего ученика, князя Лейхтенбергского, жившего за границей, и часто приезжал то в Женеву, то в Рим. Моя тётя Мария была очень дружна с морганатической супругой князя, всегда сопровождала мужа в этих поездках и часто брала с собой детей (выделено нами. — Т. П.)»³³. Как мы уже знаем, учениками Павла Григорьевича были два старших сына великой княгини Марии Николаевны, Николай и Евгений. Причём оба они состояли (Евгений — даже дважды) в морганатических браках. Избранницей Николая стала супруга владимирского помещика Акинфова Надежда Сергеевна Анненкова (1840–1891), «всесильная Надин», покорившая также сердце главы русского внешнеполитического ведомства при Александре II канцлера А. М. Горчакова. Первой супругой Евгения Лейхтенбергского стала фрейлина двора Марии Николаевны, правнучка М. И. Кутузова Дарья Константиновна Опочинина (1845–1870)³⁴. Кого же из них имела в виду Любовь Фёдоровна? Чьей наперсницей могла быть Мария Григорьевна Сватковская и в делах какого из своих учеников (и в каких именно)

³¹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. III. Д. 327. Л. 396 об.-397; РГИА. Ф. 102. Оп. 3. Д. 490. Л. 1. Анастасия Николаевна Урусова (Мальцова) (1820–1894). Её муж, Сергей Иванович Мальцов (1810–1893), адъютант принца Петра Георгиевича Ольденбургского, был сыном известного орловского помещика, крупного землевладельца и фабриканта-стеклозаводчика Ивана Акимовича Мальцова (последний за год до рождения Марии Григорьевны, весной 1841 г., выступал восприемником при миропомазании её матери, Анны Николаевны Мильтопеус). В коллекции автографов А. Г. Достоевской сохранилось письмо 1870-х гг. Анастасии Николаевны Мальцовой к С. П. Боткину с пометой-комментарием Анны Григорьевны: «ее признавали близким другом Императрицы Марии Александровны» (ОР РГБ. Ф. 93. II. 6. 56. 4 с.).

³² Панюкова Т. В. Архивы Санкт-Петербурга как источник неизвестных биографических сведений об окружении Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. на основе материалов XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (23–24 октября 2019 г.). Новокузнецк: КемГУ; Красноярск: Ситалл, 2020. С. 8–18.

³³ *Достоевская Л. Ф. Мой отец Фёдор Достоевский. М.: Бослен, 2017. С. 157, 137.*

³⁴ Второй брак Евгения Максимилиановича относится к 1878 г., когда Мария Григорьевна Сватковская уже умерла.

участвовал её муж? Некоторый поиск в данном направлении привёл к интересным и неожиданным результатам, обнаружив причастность семьи Сватковских к довольно известным и драматическим событиям.

Отправной точкой стала обнаруженная в метрической книге церкви православной миссии в Женеве на 1868 г. (той самой, куда вписаны сначала рождение, потом смерть маленькой Сони Достоевской) загадочная запись с упоминанием фамилии старшей сестры Анны Григорьевны, представившей 20 октября 1868 г. ко крещению младенца мужского пола Николая, сына неизвестных родителей. Она дала возможность сделать довольно обоснованное, но пока гипотетическое, нуждавшееся в дополнительных подтверждениях предположение, что указанный младенец был сыном Николая Лейхтенбергского и Надежды Сергеевны, будущим принцем де Богарне, родившимся в Женеве как раз 17 октября (по европейскому стилю, 5 октября — по российскому исчислению, под которым и внесены записи в православные метрические книги) 1868 г. Родители ребёнка: Надежда Сергеевна Акинфова, ещё не получившая на родине развода с первым мужем и отпущенная за границу только ввиду рождения ребенка (участь внебрачного ребёнка, родись он на родине, была бы тяжкой), и 4-й герцог Лейхтенбергский Николай Максимилианович, в конце июля без разрешения императора покинувший страну (буквально — сбежав ночью из Либавы и тайно пересёкши границу Российской империи) — как известно, встретились сначала в Париже, а потом, перед рождением первого сына, переехали в Женеву. Жили они в гражданском браке, т. к. мать, великая княгиня Мария Николаевна, упорно, до самой смерти (1876) противилась этому союзу, а её брат, император Александр II, наложил негласное вето на процедуру развода, и долгожданный союз был заключен только через 10 лет, 9 января 1878 г., в той же Женеве³⁵. По указанной метрической записи, уже приводившейся нами, 20 октября в женевской церкви было совершено крещение младенца Николая, родившегося 5 октября 1868 г.: «Родители неизвестны; а к крещению младенец был представлен женою служащего в министерстве внутренних дел Павла Григорьева Сватковского Марию Григорьевною Сватковскою». Восприемником же выступил «служащий в канцелярии Государственного совета Николай Владимиров Шидловский (заочно)»³⁶. И хотя в данном случае имя восприемника расходится с тем, что обычно приводится в исторической литературе, занимающейся изучением князей Лейхтенбергских (там им указывается «чрезвычайный посланник и полномочный министр Российской империи в Швейцарии князь Михаил Александрович Горчаков, сын канцлера»³⁷), но и совпадение времени и места рождения, и имя младенца, и со-

вершено не случайно появившееся тут имя Марии Григорьевны Сватковской (на глазах которой, как и на глазах её мужа, проходила в Петербурге вся история зарождения и развития любви герцога к Надежде Сергеевне), а также имя крёстного (Николай Владимирович Шидловский (1843–1897), в 1865–1877 гг. чиновник Государственной канцелярии, приходился матери младенца двоюродным братом: его отец, Владимир Дмитриевич Шидловский, и мать Надежды Сергеевны, Екатерина Дмитриевна Анненкова (урожд. Шидловская), были родными братом и сестрой) — всё это в совокупности указывало на то, что найденная запись о неизвестном младенце является именно записью о рождении будущего принца де Богарне Николая Николаевича.

И вот нашлось дополнительное документальное свидетельство, полностью подтверждающее эту первоначальную версию: в ГА РФ историком и писателем Семёном Аркадьевичем Экштутом было обнаружено неизвестное до этих пор «Дело о запрещении Александром II расторжения брака супругов Акинфовых в связи с намерением выехавшей за границу Акинфовой Н. С. вступить в брак с герцогом Лейхтенбергским, мужем (sic!) великой княгини Марии Николаевны», в беллетризованной форме изложенное им на страницах книги «Надин, или Роман великосветской дамы...». И вот удача — среди рассказа о перипетиях сложной и упорной борьбы этих двух людей за личное счастье нам встретились два знакомых имени: «В конце ноября 1868 года (т. е. всего лишь через месяц после крещения младенца Николая. — Т. П.) жандармы перлюстрировали подозрительное письмо, отправленное из Женевы в Петербург. Адресата удалось установить. Письмо предназначалось надворному советнику Павлу Григорьевичу Свадковскому, сыну **дьячка**, исполняющему должность цензора. Сын дьячка был женат на дочери **старшего придворного метрдотеля**, которая и написала это письмо»³⁸. Выбранная в книге форма изложения обнаруженных в документах III Отделения материалов не предполагала сопровождать абсолютно каждый источник информации точной ссылкой, поэтому пока неясно, на основании чего была установлена личность адресата перлюстрированного письма и почему кандидат Санкт-Петербургского университета, сын титулярного советника и дочь придворного мундوخа превратились в сына дьячка и дочь придворного метрдотеля. Вероятно, какие-то сведения об этом можно будет найти, обратившись к оригиналу дела. Автор приводит несколько отрывков из письма, отправленного Марией Григорьевной из Женевы к мужу, где рассматривались разные варианты развития событий (такое экстраординарное и скандальное происшествие в императорской семье, как бегство за границу генерал-майора свиты Александра II, было прикрыто оформленным для Николая Максимилиановича задним числом отпуском, с приказом в обязательном порядке вернуться в Россию через полгода, под угрозой исключения из русского подданства и лишения майората и всех званий): «...Сначала попытаемся помириться, и что если не пустят, то может удрать; — мы поможем. Она с этим также согласна, но денег ей хочется, и она сильно борется с желанием скорее их иметь <...>. Он очень не прочь заработать деньгу... и вообще он желает, чтобы заработать тут деньги, он бы

³⁸ Экштут С. Указ. соч.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 34. Л. 85 об.–86.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 24. Л. 123 об.–124.

³⁷ Экштут С. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции: по неизданным материалам Секретного архива III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. М.: Согласие, 2001. URL: <https://www.rulit.me/books/tyutchev-tajnyj-sovetnik-i-kamerger-read-369859-56.html>; *Белякова З.* Вернувшиеся из забвения: история любви герцога Н. М. Лейхтенбергского и Н. С. Акинфовой. СПб.: Genio Loci, 2012. С. 64. Дополнительно там же сообщалось, что «метрическое свидетельство было оформлено не на имя отца, а на вымышленное имя, [и] мальчик ещё долго официально значился “воспитанником”, герцогского титула не имел...»

мог подарить их Н<адежде> С<ергеевне>. Всё для нея и ей. — Но главное дело в том, что непременно нужно знать ему все подробности: верный ли этот дом банкирский, есть ли деньги, не обанкротится ли, достроит ли; так как всякий скандал в этом случае падёт на голову строителей. <...> Зимой они будут жить в Париже; из Петербурга приведут лошадей для прогулок; в театрах, словом, где возможно будет, будут показываться вместе. Она будет франтить, задавать шику, это её собственные слова»³⁹.

Теперь, благодаря этому документу, становится более понятной вышеприведённая фраза Любоми Фёдоровны о том, что П. Г. Сватковский «занимался делами» своего бывшего ученика, князя Лейхтенбергского, жившего за границей, и часто приезжал то в Женеву, то в Рим». До появления собственного дома в Баварии, замка Штайн, доставшегося от умершей тётки (но это будет уже после смерти Марии Григорьевны, осенью 1873 г.), семья Николая Лейхтенбергского, так и не нашедшего понимания и притяия на родине, действительно вынуждена была скитаться за границей, проживая то в Женеве, то в Париже, то в Риме. Оторванному от привычного образа жизни, лишённому материнского благословения, изгнанному на долгие годы с родины (только однажды ему разрешено будет ненадолго приехать в Россию — на похороны матери), подвергавшемуся надзору полиции, вынужденному заботиться о благосостоянии растущей семьи — герцогу остро необходимы были рядом проверенные, надёжные, преданные ему люди. Как видим, одними из таких людей стали Павел Григорьевич и его жена. Вероятно, и годом ранее, в 1867 г., когда герцог, бывший организатором Всемирной промышленной выставки в Париже (1 апреля — 3 ноября 1867 г.), сделал решительное объяснение и гласно объявил о своём намерении жениться, — планировалось, что Надин поедет туда с ним⁴⁰, а Павел Григорьевич должен будет ему помогать в каких-то его делах: по крайней мере, в его личном деле сохранилась копия с письма герцога Николая Лейхтенбергского от 21 февраля 1867 г. с просьбой об увольнении в отпуск за границу на 4 месяца цензора, коллежского секретаря, П. Г. Сватковского («исполнением настоящей просьбы Вы меня особенно одолжите», — писал герцог)⁴¹. Наверяд ли такое заурядное событие в жизни любого чиновника, как прошение о выходе в отпуск (все последующие Павел Григорьевич писал сам), требовало высочайшего вмешательства и личной благодарности. Скорее, тут речь шла о возможности оказания услуг со стороны бывшего учителя своему ученику. Вероятно, и Мария Григорьевна Сватковская в своё последнее путешествие в Рим выехала именно для помощи Надежде Сергеевне, ожидавшей второго сына (родился осенью 1872 г.). При

³⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. за : Секретный архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Д. 2603 (3 апреля 1868 г. — 8 июня 1877 г.; 379 л.). Л. 260–260 об., 265. Цит. по: *Экштут* С. Указ. соч. С. 448. Более полно по оригиналу страницы этого дела, касающиеся супругов Сватковских, приводятся нами в **Приложении 2**.

⁴⁰ Упоминание о том, что Надежда Сергеевна имела об этом разговор в Летнем саду с императором, а последний взял с неё обещание не ездить на выставку, присутствует в дневниковой записи графа П. А. Валуева от 27 марта 1867 г. (Дневник П. А. Валуева. Министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2: 1865–1876. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 197).

⁴¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3 (1867). Д. 929. Л. 1, 2–2 об.

этом незадолго до отъезда, 14 октября 1871 г., она родила свою самую младшую дочь, Марию (девочка будет крещена только летом 1872 г., уже после смерти матери и возвращения в Россию отца).

В связи с этим нельзя не указать на несправедливость суждения С. Экштута, которое вынесено о супругах Сватковских. Для него они стали эпизодическими персонажами, не требовавшими специальных разысканий об их судьбе (не о них шла речь), промелькнувшими на одной странице книги, однако успешными получить при этом весьма нелестную оценку. Автор, без должных на то оснований, причислил этих «новых знакомых»⁴² супружеской пары к числу тех дельцов новой формации, «беззастенчиво рвавшихся к деньгам и власти», которые появились в России после отмены крепостного права. «Перехваченное жандармами письмо даёт прекрасное представление <...> об образе мыслей людей новой породы, — пишет автор. — <...> Свадковские неплохо устроились в жизни: имели доходный дом и занимались различными финансовыми махинациями. В Женеве госпожа Свадковская оказывала герцогу и Надежде Сергеевне различные услуги и надеялась с помощью Николая Максимилиановича устроить карьеру мужа»⁴³. При верности деталей (доходные дома во владении супругов были: дом в Петербурге, по Ярославской улице, как мы знаем, был получен Марией Григорьевной от матери в приданое при выходе замуж ещё в 1861 г.; позже, в 1870-е, как установил Б. Н. Тихомиров, Павлом Григорьевичем были приобретены ещё два дома⁴⁴; и, как свидетельствуют печатные и сохранившиеся архивные источники⁴⁵, — какие-то сделки с недвижимостью, несомненно, в эти и позднейшие годы происходили) — общая оценка происходившего глубоко неверна. Будь Павел Григорьевич беспринципным карьеристом — он явно сделал бы ставку на другого своего ученика, любимца матери Евгения, а не на гонимого родными и светом Николая. По свидетельству современников, даже близко стоявшие к герцогу Николаю лица, опасаясь немилости, не рисковали принимать у себя опальную семью. «...Русские представители светского общества бойкотировали Николая и Надин, опасаясь недовольства царского двора, — пишет историк этой семьи. — Знакомые глубоко сожалели об участии герцога. Приговор законодателей света был таков: “Он поселился с недостойной женщиной в Риме. Другие братья его презирают”. <...> **Очень узкий круг друзей остался верен в уважении и поддержке бунтарям**».

⁴² В книге исследовательницы Зои Беляковой, при процитированных строках из вышесказанного письма Марии Григорьевны от ноября 1868 г., сказано, без указания имени: «одна знакомая по Парижу» (Белякова З. Указ. соч. С. 102).

⁴³ *Экштут* С. Указ. соч.

⁴⁴ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. С. 716.

⁴⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 921. Оп. 83. Д. 38 (О придаче земли ко двору Сватковской в Рождественской части; 8.05.1864 — 6.01.1866). 14 л.; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1486 (О расценке имущества жены надворного советника Сватковской в Рождественской части; 29.02.1868 — 15.12.1870); Ф. 515. Оп. 1. Д. 3596 (О залоге имущества П. Г. Сватковским, И. М. Некорой по Костромской ул., 7 (Костромская ул., 4); 31.05.1874 — 15.09.1881). 83 л. Надо заметить, что недвижимость эта была в конце концов утрачена, и позже как в формулярных списках отца, так и в прошениях о вспомоществовании и в личных делах его детей в графе об имущественном положении семьи неизменно указывалось: «имущества не имеют», — а детям его неоднократно выдавалось (естественно, после строгой проверки указанных сведений) «свидетельство о бедности».

Русские путешественники, по воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, «встречавшиеся с герцогом Николаем Максимилиановичем за границей, не считали для себя возможным общение ни с его женой, ни с его детьми»⁴⁶.

И параллельно, почти в то же время, когда Николай Лейхтенбергский скитается, не признанный семьей и светом, за границей, пишет матери остающиеся без отклика мольбы, не получает разрешения ни на развод, ни на брак с любимой женщиной, а дети его на долгие годы остаются всего лишь «воспитанниками», не имеющими прав на титулы отца, — его младший брат, второй ученик Павла Григорьевича, герцог Евгений Лейхтенбергский⁴⁷, 8 января 1869 г. на вилле Кварто под Флоренцией вступает в мorganатический брак с Дарьей Константиновной Опочининой — не встречая никаких препятствий со стороны императора и двора, с благословения матери и в её присутствии (свидетелями со стороны жениха выступают: «мать Её императорское высочество государыня великая княгиня Мария Николаевна, Его императорское высочество Сергей Максимилианович герцог Лейхтенбергский князь Романовский, шталмейстер Высочайшего двора граф Григорий Александрович Строганов и князь Николай Васильевич Трубецкой»)⁴⁸. Брак признаётся законным, юная супруга сразу же получает титул графини Богарне. Через год, сразу при рождении, титул графини Богарне получает также их дочь, Дарья, родившаяся 28 февраля 1870 г. в Мариинском дворце и имевшая крёстными самого «Его императорское величество государя императора Александра Николаевича и Её императорское высочество государыню цесаревну и великую княгиню Марию Фёдоровну»⁴⁹. Император Александр II так объяснял это решение цесаревичу Александру: «Я дал согласие на брак Евгения, поскольку не вижу никакого реального препятствия. **Лейхтенберги не великие князья, и мы можем не беспокоиться об упадке их рода**, который ничуть не задевает нашей страны»⁵⁰. В случае с герцогом Николаем это правило почему-то не действовало. Супруги Сватковские, будь они действительно такими, какими предстают со страниц книги С. Экштута, явно просчитались.

Мария Григорьевна, как известно, в своём последнем путешествии в Италию заболела тифозной горячкой и умерла в возрасте 30 лет в Риме 1 мая 1872 г. (погребена на кладбище для иностранцев Тестаццо)⁵¹. Её дети осиротели со-

⁴⁶ Белякова З. Указ. соч. С. 93, 102.

⁴⁷ Евгений Максимилианович «считался в свете побочным сыном великой княгини от Г. А. Строганова, с братом Колей находился в напряженных отношениях» («Зачем же противиться неизбежному?» Письма герцога Николая Лейхтенбергского к матери, великой княгине Марии Николаевне / публ. З. Беляковой // Источник. 2003. № 5. С. 28).

⁴⁸ Метрическая книга миссийской церкви в Неаполе // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 25. Л. 96 об.-97.

⁴⁹ Метрическая книга церкви Мариинского дворца // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1082. Л. 125 об.-126.

⁵⁰ Толстая А. А. Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С. 89.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 28. Л. 200 об.-201; Гасперович В., Катин-Ярцев М. Ю., Талай М. Г., Шумков А. А. Тестаццо: не католическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб.: ВИРД, 2000. 156 с. (сер.: «Российский некрополь»; вып. 6).

всем маленькими: Всеволоду было 9 лет, Ольге 5, Павлу почти 2 и младшей, Маше, семь месяцев. Фёдор Михайлович Достоевский, отвечая 30 мая 1872 г. на письмо жены, сообщившей ему в Старую Руссу об этом несчастье, написал: «Сейчас получил от тебя, друг мой, известие о смерти Марьи Григорьевны. Ужасно изумлен и ужасно мне её жалко. <...> Жалко детей, **Павел Григорьевич ровно через год женится** (выделено нами. — Т. П.)» (29; 240). Изучение архивных документов неожиданно показало, что последнее предположение, хотя и не сбылось буквально, некоторым образом оказалось небезосновательным. Павел Григорьевич не женился второй раз. Он добросовестно трудился, не оставляя службу в Цензурном комитете даже после выхода на пенсию. В его личном деле за все годы службы нет ни одного нарекания. Наоборот, все его прошения (об отпуске ли по болезни, о вспомоществовании, о назначении пенсии) неизменно подкреплялись в отношении его непосредственного начальства в высшие инстанции ходатайствами и самыми благожелательными отзывами о его прекрасных деловых качествах, опыте, разносторонних полезных ведомству познаниях и всегдашней благонадёжности⁵². Он растил осиротевших детей, дав всем хорошее образование. Сыновья закончили гимназию при историко-филологическом институте (Всеволод в 1883 г., Павел в 1890 г.). Причём Всеволод — с золотой медалью, имея в аттестате одни пятёрки⁵³. Младший сын Павел получил два высших образования: в августе 1890 г. он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (кстати, одновременно со своим кузеном, Фёдором Фёдоровичем Достоевским) и окончил его в 1894 г. с дипломом 1-й степени, а в 1901–1907 гг. учился в Институте гражданских инженеров (диплом 1-й степени).

Но ещё когда младшие дети были несовершеннолетними, в семье произошло несчастье: долгие годы страдавший от анемии, в сентябре 1888 г. Павел Григорьевич переносит один за другим три апоплексических удара, после которых не только остаётся частично парализованным, но, вследствие органического поражения головного мозга, теряет рассудок и после освидетельствования специальной комиссией признаётся неизлечимо сумасшедшим. Весной 1889 г. его выписывают из больницы св. Николая на квартиру к старшей дочери Ольге, ставшей опекуном отца и несовершеннолетних младших брата и сестры. 2 февраля 1890 г. она выходит замуж за однокурсника своего старшего брата, в октябре её мужа, будущего известного археолога, отправляют по службе в Афины, а соопекуном, уже до самой смерти П. Г. Сватковского (1893),

⁵² См., например, представление об утверждении в должности цензора и окладе в 3000 р. от 25.08.1868: «Он, получив учёную степень кандидата университета и основательно изучивши русскую и иностранную литературу многих отраслей знаний, отличаясь притом совершенно благонамеренным образом мыслей, может быть весьма полезным в должности цензора». Или ходатайство о производстве в следующий чин (коллежского советника) и утверждение в должности цензора, от 2.01.1871: «Во внимание к его весьма полезной и благонамеренной служебной деятельности, особенным способностям, основательному и многостороннему образованию» (РГИА. Ф. 776. Оп. 3 (1867). Д. 929. Л. 18–19, 26, 27–29).

⁵³ Таким же круглым отличником и золотым медалистом был его соученик по гимназии Роберт Христианович Лёпер (позже — однокурсник по историко-филологическому факультету Санкт-Петербургского университета и муж сестры Ольги).

назначается контр-адмирал А. П. Мессер, в обязанности которого входило время от времени навещать больного, передавать его детям назначенную пенсию и отчитываться о производимых расходах и состоянии опекаемого в Дворянскую опеку. В его добросовестных сухих отчетах, а также в свидетельствах лечащих врачей смешались обыденность и драма: «Действительный статский советник Сватковский, несмотря на три апоплексических удара, которые он перенёс, и на то, что у него парализована вся левая сторона тела, вид имеет бодрый, аппетитом обладает хорошим, но по заявлению его детей, имеет весьма тревожный и прерывистый сон. По моему мнению, он принадлежит к разряду беспокойных, хотя не буйных больных: в течение двух часов, которые я пробыл у него, он беспрестанно звал к себе, громко крича, то человека, то свою дочь (которых узнаёт, как и других своих родных, и знакомых), всё же остальное время он занимается писанием разных небылиц (воображает себя герцогом Висконти, собирается жениться на королеве Виктории и проч.); «Г. Сватковский, после приступа апоплексии, совершенно потерял память, логику и здравый рассудок, называет себя принцем Шенборн, считает своё имущество миллиардами»⁵⁴. Старший сын, Всеволод, отправленный после окончания университета в Берлин для подготовки к профессорской должности, сначала пытается получить разрешение на вывоз отца за границу, чтобы продолжить его лечение там и помочь младшим братьям и сёстрам, взяв заботу об отце на себя (всё это происходит в конце января 1889 г., буквально за месяц до его собственной свадьбы!). После же отъезда за границу сестры он «перенимает вахту» — возвращается с женой и новорождённым сыном в Россию, поселяется поблизости от отца, на Петербургской стороне, постоянно навещая его и помогая в уходе за ним младшей сестре Маше.

Беда не приходит одна: весной и летом 1889 г., невзирая на неизлечимую болезнь П. Г. Сватковского, через Коммерческий суд было подано ко взысканию сразу несколько исков (от петербургской мещанки Марии Егоровны Егоровой, надворных советников Николая Павлова и Льва Александровича Ершова и профессора зоологии и сравнительной анатомии Военно-Медицинской академии Эдуарда Карловича Брандта)⁵⁵. Общая сумма поданных ко взысканию средств составляла несколько годовых окладов ответчика, в результате от получаемых им оклада и пенсии оставалось только 3/5: из этих денег нужно было оплачивать лечение и постоянный профессиональный уход за самим Павлом Григорьевичем, учёбу двух младших детей, аренду квартир и летних дач, покупку дров, еды, платья и под. В свете этого не такой уж «безумной» представляется фантазия Павла Григорьевича «считать своё имущество миллиардами»: денежное положение семьи было тяжёлым, единственный пока её кормилец — тяжело болен, дети, сироты, ещё несовершеннолетние, не имеют собственных источников дохода, денег на всё катастрофически не хватает — и вот сознание ищет хоть какого-нибудь, пусть фантастического, исхода!

Но и это было еще не всё: сразу два исковых заявления — одно в январе 1888 г., ещё до болезни, второе — весной 1893 г., почти сразу же после смерти Павла Григорьевича — были поданы через Петербургский окружной суд от «дочери капитана Юлии Николаевны Дебогарии-Мокриевич, жительствующей Рождественской части, 3 участка, по Конногвардейской ул., д. 65, кв. 57», и от «приписанной к экземптам города Риги девицы Варвары Леонтьевны Политур, проживающей по Головинской ул. д. № 63»⁵⁶. Дочь капитана подала исполнительный лист на себя, дочь Юлию и сына-гимназиста Сергея Николаевича, по которому ей производились выплаты до мая 1889 г., а сын Сергей даже проживал всё это время вместе с Павлом Григорьевичем и Ольгой Павловной, получая полное содержание, — то на снимаемых в Петербурге квартирах, то на дачах, а в какой-то момент, когда учебный год в его гимназии уже начался, а семья ещё не переехала в город с летней дачи, ему была нанята отдельная квартира. По иску же уроженки города Риги купеческой дочери Варвары Эвелины Марии Леонтины Леонтьевны Политур «с имущества, принадлежавшего умершему действительному статскому советнику Павлу Григорьевичу Сватковскому, с 17 июня 1891 г. [взыскивалось] на содержание детей Политур Александра, родившегося 28 марта 1883 г., Виктора, родившегося 14 февраля 1888 г., и Маргариты, родившейся 14 сентября 1888 г. по пятнадцати рублей в месяц на каждого ребенка до достижения им семнадцатилетнего возраста». По сути, эти иски представляли собой требования алиментов на внебрачных детей: в одном из сохранившихся исполнительных листов прямо указано, что ответчик обвиняется по ч. 2 ст. 994 «Уложения о наказаниях»⁵⁷. Вот некоторые сведения, которые удалось собрать о трёх детях Варвары Политур. Старший сын Александр в год смерти отца поступил учиться в 9-ю (Введенскую) мужскую гимназию, что на Петербургской стороне (на Петербургской стороне жили все последние годы жизни Павла Григорьевича и Сватковские). Второй сын, Виктор, носивший отчество отца, Павлович, родился в Риге. Закончил Казанское пехотное юнкерское училище (1909). Офицер 104-го пехотного полка. Штабс-капитан. 11 августа 1915 г. ранен, в чине подпоручика в Вооруженных силах Юга России. Взят в плен. На особом учёте с 1919 в Новороссийской ЧК, военспец (по автоделу), в команде выздоравливающих в Рязани, к 1921 в Рязанском концлагере. Весной 1922 на особом учёте в КВО. Дочь Маргарита родилась 14 сентября 1888 г. в Петербурге

⁵⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 48) ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10434. Л. 4, 26 об.

⁵⁷ Ст. 994 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (в своде 1845 г.) имеет в виду внебрачное сожитие по добровольному соглашению мужчины и женщины: статья эта предусматривала, что «[1] за противозаконное сожитие неженатого с незамужней, по взаимному их согласию, виновные, если они христиане, подвергаются церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства. [2] Но когда последствием такой порочной жизни было рождение младенца, то отец обязан сообразно с состоянием своим обеспечить приличным образом содержание младенца и матери» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.). (Неофиц. изд.). М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. С. 349). См. также: Черкашина Н. В. Статус незаконнорожденных детей по российскому законодательству второй половины XIX — начала XX века // Диалог. 2016. № 1 (2). С. 36–47.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10434. Л. 23 об.; РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 54.

⁵⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1864). Д. 17. Л. 64; ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 10434. Л. 5–6, 7–8, 9–10.

(крещена 23 октября во Введенской церкви на Петербургской стороне): кто знает, не стало ли известие об этом событии той последней каплей, которая спровоцировала обострение затяжной нервной болезни Павла Григорьевича, повлекшее за собой несколько ударов?⁵⁸

XX век

Материалы изучавшего Белое движение историка С. В. Волкова, некрологи эмигрантских газет, опубликованные данные русских некрополей за границей, некоторые другие печатные источники, а также генеалогические ресурсы позволяют продлить рассказ о судьбах потомков Марии Григорьевны и Павла Григорьевича Сватковских в непростом XX в. После революции большая часть семьи оказалась в эмиграции.

Следы старшего сына, *Всеволода*, который проводил достаточно много времени за границей (сначала по учёбе как командированный для пополнения образования кандидат Петербургского университета, потом по делам службы как журналист, специалист по русско-австрийским и русско-чешским отношениям, официальный представитель Российского телеграфного агентства), обнаруживаются в Сербии. Вероятно, прожил он дольше, его имя могло бы войти в круг тех сербских «друзей и знакомых»⁵⁹, к которым обратилась в 1927 г. Екатерина Петровна Достоевская с рассказом о своём и сына бедственном положении и с просьбой о помощи⁶⁰. Однако он умер раньше, 29 августа 1920 г., в Белграде. Сведения о его смерти, пока не нашедшие дополнительного документального подтверждения, приведены на генеалогическом ресурсе *myheritage.com*⁶¹. По данным того же источника, его жена, Юлия Францевна Сватковская, урождённая Штройслер (*Strausler*), австрийская подданная, умерла в СССР 12 августа 1938 г. Их единственный <г> сын Роберт (Роман) Всеволодович Сватковский, в 1910-е гг. учившийся в Венском университете⁶², а в 36-летнем возрасте 24 января 1924 г. (Прага, Чехословакия) вступивший в брак с Евгенией Михайловной Салковой⁶³, умер во Франции 6 июня 1954 г. (*Paris, Éme Arrdt Bouches du Rhône*) и похоронен в департаменте *Verdelot Seine et Marne*.

⁵⁸ 1) ЦГИА СПб. Ф. 303. Оп. 2. Д. 962 (Личное дело ученика петербургской Введенской 9-й мужской гимназии (на Петербургской стороне) Политуря Александра; 04.08–16.12.1893). 4 л.; 2) База данных по Белому движению историка С. В. Волкова; Журнал военные и литературный «Разведчик». № 1292. С. 522; 3) Метрическая книга № 7077, данная изъ *С. Петербургской Духовной Консistorии причту Введенской церкви, что на Петербургской Сторонь*, для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ, на 1888 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1014. Л. 100 об. — 101.

⁵⁹ В Белграде существовало Общество любителей творчества Ф. М. Достоевского.

⁶⁰ Письма Е. П. Достоевской к Альфреду Бему (1929–1936) / публ. М. Бубениковой и Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: альманах № 18. СПб.: Серебряный век, 2003. С. 192.

⁶¹ См.: <https://www.myheritage.com/site-family-tree-143710391/guignard?lang=R>

⁶² Сохранились два его письма, от 30 октября и 4 декабря 1910 г., из Вены к А. Г. Достоевской (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30372).

⁶³ Годы жизни: 28.10.1882, СПб. — 8.04.1971. Для его жены, урождённой Линдстрём (*Lindeström*), в 1-м браке Фридляйн, этот брак был третьим.

*Всеволод Павлович Сватковский*⁶⁴

Только судьба семьи старшей племянницы Анны Григорьевны, *Ольги Павловны Сватковской*, по мужу *Лёпер*, оказалась связанной с Россией. Рано потерявшая мать, вынужденная после болезни отца взять на себя ответственность за всю семью, 2 февраля 1890 г. она вышла замуж за однокурсника старшего брата (бракосочетание состоялось в церкви Санкт-Петербургского университета), а 9 августа 1913 г., в 46 лет, умерла в Петербурге от мозгового кровоизлияния и похоронена, как и отец, а позже муж, на Смоленском кладбище. Её муж, Роберт (Роман) Христианович Лёпер (23.04.1865 — 14.10.1918) происходил из купеческой семьи и был уроженцем г. Ревеля Эстляндской губернии. Учился в Санкт-Петербургской гимназии при Историко-филологическом институте (1874–1883; золотая медаль), потом на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1883–1887, кандидат). Оставлен при кафедре классической филологии университета для приготовления к профессорскому званию (1887–1894). Преподаватель в училище при Реформатских церквях (1888–1890). Командирован с научной целью Министерством народного просвещения в Грецию и Италию (1890–1893). Штатный воспитатель при пансионе частной гимназии Видемана (1894–1900<г>). Сверхштатный преподаватель латинского и греческого языков в Санкт-Петербургской 10-й гимназии (март 1894 — август 1896). Сверхштатный преподаватель древних языков в гимназии К. Мая (август 1894 — август 1896). С 1901 г. учёный секретарь Русского Императорского Археологического института в Константинополе (Стамбул). Занимался изучением античных древностей Турции и Греции, проводя раскопки в Константинополе и Афинах (1901–1908). С мая 1908 по 1 октября 1914 г. — директор Археологического музея в Херсонесе. Вернувшись в Петроград, преподавал в гимназиях. Умер в петроградском госпитале св. Марии Магдалины, оставшись без работы и средств к существованию,

⁶⁴ Источник копии: материал из свободной русской энциклопедии «Традиция». — URL: https://traditio.wiki/Файл:Сватковский_Всеволод_Павлович.png#filehistory

от истощения физических и нравственных сил, перед смертью узнав из газет, что расстрелян его сын Роман. «В некрологе, написанном академиком С. А. Жебелевым, среди прочего отмечалось: “Он был большим оптимистом, отличался удивительной непритязательностью к внешним условиям жизни и умел довольствоваться малым, причём не унывал, когда даже этого малого ему не доставало. Человек исключительной доброты и высокого благорасположения к людям, Роман Христианович никогда не сердился на них, даже когда они его незаслуженно обижали”»⁶⁵.

Их самый старший сын, Роман Романович (Робертovich) Лёпер, родился 4 сентября 1891 г. в Греции, где в то время находился на раскопках его отец, крещён в церкви при Российской императорской миссии в Афинах. Прошел полный курс обучения в севастопольской гимназии (август 1908 — июнь 1911; золотая медаль). Поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1911, вторично 1912–1913). В феврале 1912 г. постановлением Санкт-Петербургского градоначальника подвергся, наравне с другими студентами, двухмесячному административному аресту. После участия в акции протеста против профессора университета Косогорова подал прошение об отчислении (31.10.1913) и перевёлся в Харьковский университет. В августе 1914 г. исключён из университета и выслан из города постановлением сыскной части севастопольского градоначальства. В 1915 г. поступил в военное училище. Во время Первой мировой войны служил, прапорщик; ранен (15 (22).08.1917)⁶⁶; расстрелян (1918). Вторая дочь, Ольга, родившаяся также в Афинах (16.07.1893), была, очевидно, больным ребёнком — об этом можно узнать из сохранившейся достаточно большой переписки Ольги Павловны с Анной Григорьевной Достоевской⁶⁷. Из четверых следующих детей (Николай, Александр, Евгения и Павел) про двух последних известно, что они остались после революции в СССР. Евгения Романовна, ставшая этнографом, работала в Санкт-Петербургском филиале РАН, замужем не была, детей не имела (ум. 21.06.1949 в Ленинграде), а Павел Романович посвятил себя животноводству (ум. после 1939).

⁶⁵ См. подробнее об этом: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=54057>;

http://www.chersonesos.org/?p=museum_hist; <https://открытаяархеология.рф/individuals/лепер-роберт-христианович>.

⁶⁶ РГВИА. Картоотека потерь высших чинов (73-й лазарет Красного Креста. Конногвардейский бульвар, д. 17): https://gwar.mil.ru/heroes/chelovek_gospital449779/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3Dлепер%26first_name%3Dроман%26groups%3Dawd%3Aprt%3Afrfc%3Acmd%3Aprs%26types%3Dawd_nagrody%3Aawd_kart%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Afrfc_list%3Acmd_commander%3Aprs_person%26page%3D1.

⁶⁷ «Мнѣ не до радостей, меня такъ гнететъ эта ужасная Оля, ея видѣ, впечатлѣнїе на людей какое она производитъ, ея дурное влїяніе на младшихъ и печальныя, безисходныя мысли о ея будущемъ! Ахъ, Тетя, какъ я раскаиваюсь, что не послушалась Васъ и погордилась — не приняла протянутую руку помощи. Должна была благодарить Бога... — Еслибъ возможно было, если не поздно такъ устроить какъ Вы хотѣли... Никакой перемѣны въ ней, все та же, тотъ же ростъ, то-же неподвижное состояніе ума, въ области мышленїя. Способность учиться и запоминать, однако есть — выучилась читать <,> писать по русски<,> по французски, — но все безсвязно и механически» (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30366. Л. 20 об., 20, 22 об.; письмо от 12 мая 1906 г.).

Сохранились фотографии двух членов семьи Лёпер: Романа Христиановича и Романа Романовича, выпускника севастопольской гимназии (июль 1911 г.)⁶⁸

Следы двух младших детей, Павла и Марии (по мужу Соколовой), а также некоторых членов их семей (второй жены Павла Павловича, его детей от первого брака Лидии и Ильи, его зятя Ивана Андреевича Слинко⁶⁹, мужа Марии Павловны, а также, вероятно, их детей), обнаруживаются в Югославии, Франции и Англии, куда они эмигрировали.

Только вторая дочь от первого брака Павла Павловича Сватковско-го, полная тёзка своей тётки, Ольга Павловна Сватковская-младшая (род. 29.10.1896 в Петербурге), вероятно, оказалась разлучённой в сложные годы войны и революции с остальной семьёй и осталась в СССР — по крайней мере, в метрической книге около записи о её рождении стоит помета о том, что 29 октября 1962 г., по повторному запросу из Москвы

⁶⁸ Источники фото: 1) https://chersonesos-sev.ru/?page_id=1447; 2) ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 60825. Л. 1.

⁶⁹ Про Ивана Андреевича (1873–1945), гласного Киевской городской думы, действительного члена ККРН, удалось выяснить, что он, киевский уроженец, окончил сначала гимназию и реальное училище Я. Гуревича в Петербурге (26.08.1888 — 16.03.1894; ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 3038; чуть раньше в этой же гимназии учился Ф. Ф. Достоевский; ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100; 15.05.1882 — 05.05.1889); а потом Санкт-Петербургский университет (Ф. 14. Оп. 3. Д. 30393; 1893), где примерно в эти же годы на юрфаке учились Ф. Ф. Достоевский и П. П. Сватковский.

Павел Павлович Сватковский. Студент юридического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета. Август 1890 г. (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27971. Л. 1).

(то ли её самой, то ли её родственников — пока неясно) было выдано свидетельство⁷⁰.

Что касается эпистолярная семьи Сватковских, то письма Марии Григорьевны или её мужа неизвестны: они либо утрачены, либо, в силу деликатности излагаемых в них некоторых материй, уничтожены самой Анной Григорьевной (при этом автографы-прошения или расписки как сестры, так и зятя встречаются в обнаруженных архивных документах)⁷¹. Однако в архиве

⁷⁰ Метрическая книга, данная изъ С. Петербургской Духовной Консistorии въ Сергiевскiй всей Артиллерiи Соборъ, <что на Литейном проспекте>, для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ на 1896 годъ // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1385. Л. 134 об.-135.

⁷¹ Статья уже была завершена, когда дополнительные детальные обследования архивов позволили обнаружить несколько писем, сохранившихся в коллекции автографов А. Г. Достоевской: 1) ОР РГБ. Ф. 93.П.6.13. 2 л., 1 с. Герцогиня Лейхтенбергская Евгения Максимилиановна к Сватковскому П. Г. Б. д. (по делам Цензурного комитета); 2) ОР РГБ. Ф. 93.П.6.14. 2 л., 1 с. Герцог Лейхтенбергский Николай Максимилианович к Сватковскому П. Г. 1868, Женева (приглашение на прогулку); 3) ОР РГБ. Ф. 93.П.8.80. Сватковская М. Г. к Сниткину И. Г. (брату). 3 письма, 8 л., конверт. Л. 1. 27 декабря <1871>; Л. 2–5 об. 10 марта <1872>, Рим; Л. 6–9 об. 29 марта (10 апреля), Рим <1872> (по имущественным делам); 4) ОР РГБ. Ф. 93.П.9.25. 2 л., 1 с. Страхов Н. Н. к Сватковской М. Г. 25 июня 1869, СПб.

А. Г. Достоевской сохранилось достаточно много писем других представителей этой семьи — её племянников, племянниц, их детей и других родственников: Всеволода Павловича Сватковского (7 п., 21 л.; 02.02.1893, 13.03.1893, 13.02.1899, 09.05.1899, 12.02.1907, 14.11.1907, б. д.), Ольги Павловны Лёпер (17 п., 44 л.; 1896–1913), Роберта (Романа) Христиановича Лёпер (1 п., 1 л.; 21.11.1899), Павла Павловича Сватковского (4 п., 7 л.; 08.03.1900, 24.08.1900, 29.02.1904, 27.12.1909), Феодосии Петровны Слинко (матери Лидии Андреевны Сватковской, первой жены П. П. Сватковского, отправленное из Киева вскоре после их свадьбы; 12.01.1895), Марии Павловны Сватковской, в браке Соколовой (1 п.; 3 л.; 19.06.1895; 1 п., 4 л.; 25.08.1917⁷²), Роберта Всеволодовича Сватковского (2 п., 5 л.; 30.10.1910, 04.12.1910; из Вены), Лидии Павловны Сватковской, написанное к «бабушке» во время обучения её и её сестры-погодки Ольги в Мариинском институте Санкт-Петербурга (1 п., 2 л.; 23.01.1909)⁷³.

Post scriptum

В заключение хочется сказать о возможной перспективе прикладного использования результатов подобных родословно-биографических разысканий. Уже давно высказывалась идея создания объединённого виртуального (цифрового) архива рукописей Ф. М. Достоевского, основной массив которых исторически оказался разделённым, чисто механически, и рассредоточенным по нескольким архивохранилищам страны и зарубежья. На сегодня и технические возможности, и уровень изучения рукописного наследия писателя позволяют эту идею осуществить. В качестве примера практической её реализации можно привести действующий проект по созданию исследовательской базы данных всех автографов Ф. М. Достоевского, а также писем, иных документов, связанных с жизнью и творчеством писателя, хранящихся в нескольких архивах России: РГАЛИ, РГБ, ИРЛИ РАН, РНБ, ГА РФ, РГВИА, ГТЦМ им. Бахрушина, РГАДА, Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО), Российском национальном музее музыки (РНММ), Государственном историческом музее (ГИМ)⁷⁴. Однако среди перечисленных в обзорной статье проекта документов, которые предполагается представить в базе данных («все известные на сегодняшний день творческие рукописи, записные тетради,

⁷² Надо заметить, что атрибутировать письмо Феодосии Петровны Слинко именно как письмо родственницы А. Г. Достоевской, а также установить, что две разобщенные единицы хранения — письмо М. П. Сватковской и письмо М. П. Соколовой — принадлежат одному лицу, племяннице Анны Григорьевны Маше, удалось именно благодаря составленной поколенной росписи и прояснившимся родственным связям.

⁷³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30370, 30366, 30371, 30270, 30369, 30372, 30368; ОР РГБ. Ф. 93. П.6.19, 93.П.8.18. См. также: Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 155, 175, 177, 179.

⁷⁴ См.: Баршт К. А., Гунашвили Е. М., Кошценко И. В. Об источниках и целях формирования Цифрового архива Ф. М. Достоевского // Гуманитарные исследования и цифровая среда: наука и практика: сб. науч. тр. СПб.: Президентская библиотека, 2019. С. 70–91 (сер. «Электронная библиотека»; вып. 9). URL: <https://www.prlib.ru/item/1279738>; Кошценко И. В. Цифровой архив рукописей Ф. М. Достоевского: от методологии к практике (на примере Рукописного отдела Пушкинского Дома) // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 22. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 218–232.

гранки, беловые автографы, письма, официальные бумаги писателя во всех архивохранилищах страны, в том числе тех, где сохранились копии утерянных документов»⁷⁵), почти не присутствуют, за исключением материалов Следственной комиссии и III Отделения, связанных с делом петрашевцев (ГА РФ, РГВИА), рассмотренные выше виды документов биографического характера (метрические записи о рождении, бракосочетании, смерти; личные и служебные дела и пр.), как не упомянуты и те архивы (ЦГИА СПб, РГИА и др.), где данные документы хранятся. Между тем подобного рода документы, несомненно, также будут востребованы исследователями. Работы по их поиску, изучению, систематизации, анализу, научному описанию (т. н. «оцифровка», или индексация) активно ведутся, особенно в последние годы. И если вопрос о важности (даже обязательности) текстологической работы с первоисточниками (автографами писателя) при любых интерпретациях какое-то время оставался в некоторых кругах дискуссионным, то необходимость поиска и обращения к первоисточникам (документам) при реконструкции каких-либо биографических моментов сомнению никогда не подлежала. Надо указать на те два отличия подобной работы от работ по описанию автографов писателя, которые усложняют её и увеличивают по временным затратам. Первое — это отсутствие на сегодня сводного каталога данного вида документов, подобного «Описанию рукописей» В. С. Нечаевой. Его ещё только предстоит составить. Второе связано с тем, что многие документы (ни их местонахождение, ни даже иногда само их существование) на сегодня неизвестны, их только ещё предстоит найти. Таким образом, начальный этап работы с этим видом документов — эвристический, не каталогизация уже известного, а архивный поиск. За этими двумя оговорками дальнейшая работа по изучению и описанию документов может идти по уже разработанной для описания автографов методике, с поправкой на вид документа. Подобная открытая, пополняемая электронная база на основе всех обнаруженных архивных документов биографического характера по Достоевскому и его окружению стала бы логичным дополнением к создаваемому виртуальному архиву писателя, полезным подспорьем для всех исследователей, особенно для его биографов, и хорошим подарком к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Приложение 1

Краткая поколенная роспись РОДНЯ ПО ОТЦУ: Сниткины

I колено

1	1. Сниткин (Снетков<г>) Иван Григорьевич (ок. 1769 — 12.06.1832)
2	его жена: Сниткина Мария Ивановна (ок. 1771 — 4.03.1843)

II колено

3	1.1. Сниткин (Снитский) Николай Иванович (ок. 1796 — 17.06.1848)
4	его жена: Сниткина (урожд. Афанасьева) Татьяна Алексеевна (ок. 1805 — 28.06.1854)
5	отец жены: Афанасьев Алексей (ок. 1775 — 16.10.1825)
6	мать жены: [Афанасьева] Татьяна Степановна (ок. 1781 — 16.01.1857)
7	брат жены: Афанасьев Петр Алексеевич
8	брат жены: Афанасьев Александр Алексеевич
9	брат жены: Афанасьев Федор Алексеевич
10	сестра жены: Афанасьева Елизавета Алексеевна (ок. 1814 — 17.12.1852)
11	1.2. Снеткова [Сниткина <г>] Екатерина Ивановна (16.11.1799 — г)
12	1.3. Сниткин Григорий Иванович (ок. 1800 — 28.04.1866) его жена: Сниткина (урожд. Мильтопеус) Анна Николаевна — см. ниже
13	1.4. Сниткин (Сныткин) Иван Иванович (ок. 1801 — 26.09.1854)
14	его 1-я жена: Сниткина (урожд. Степанова) Анна Спиридоновна (ок. 1811 — 8.12.1842)
15	отец 1-й жены: Степанов Спиридон (г — до 1842)
16	мать 1-й жены: Степанова Фекла Петровна (г — после 1842)
17	сестра 1-й жены: Степанова Мария Спиридоновна (г — после 1842)
18	брат 1-й жены: Степанов Иван Спиридонович (г — после 1845)
19	его 2-я жена: Сниткина (урожд. Наумова) Анна Федоровна (ок. 1822 — г)
20	отец 2-й жены: Федор Наумов (г-г)
21	1.5. Сниткин Алексей Иванович (г-г)
22	его жена: Сниткина (урожд. г) Матрона Ивановна (г-г)
23	1.6. Сниткина Ольга Ивановна (ок. 1816 — 20.12.1844)

III колено

24	1.1.1. Сниткин Александр Николаевич 1-й (15.10.1826 — 31.12.1826)
25	1.1.2. Сниткина Мария Николаевна 1-я (10.02.1828 — 24.03.1828)
26	1.1.3. Сниткин Николай Николаевич (3.02.1829 — 26.06.1829)

⁷⁵ См.: Баршт К. А., Гунашвили Е. М., Коценок И. В. Указ. соч. С. 72.

27	1.1.4. Сниткин Иван Николаевич (19.06.1830 — после 1863 <і>)
28	1.1.5. Сниткина Елизавета Николаевна (26.09.1832 — ок. 1911)
29	1.1.6. Сниткин Михаил Николаевич (10.10.1837 — 6.02.1901)
30	его жена: Сниткина (урожд. Тихорская) Екатерина Ипполитовна (18.09.1848 — 30.12.1928)
31	отец жены: Тихорский Ипполит Федорович (1820 — 23.01.1873)
32	брат жены: Тихорский Николай Ипполитович (17 ноября 1838 — 22 декабря 1908)
33	сестра жены: Тихорская Наталья Ипполитовна (і-і)
34	сестра жены: Тихорская Ольга Ипполитовна (і — после 1860)
35	сестра жены: Сент-Илер (урожд. Тихорская) Александра Ипполитовна (і-і)
36	1.1.7. Сниткина Мария Николаевна 2-я (11.02.1841 — 23.09.1910)
37	1.1.8. Сниткин Александр Николаевич 2-й (24.07.1843 — 25.09.1905)
38	его жена: Сниткина (урожд. Андреева) Мария Михайловна (ок. 1846 — 10.10.1911)
39	отец жены: Андреев Михаил Иванович (і-і)
40	сестра жены: Алфимова (урожд. Андреева) Глафира Михайловна (і-і)
41	сестра жены: Андреева Людмила Михайловна (і-і)
42	1.3.1. Сватковская (урожд. Сниткина) Мария Григорьевна (25.01.1842 — 1.05.1872)
43	её муж: Сватковский (Сва/одковский) Павел Григорьевич (ок. 1829 — 7.01.1893)
44	1.3.2. Сниткина Александра Григорьевна (7.01.1844 — 2.02.1844)
45	1.3.3. Сниткин Григорий Григорьевич (20.05.1845 — ок. 1848)
46	1.3.4. Достоевская (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна (30.08.1846 — 9.06.1918)
47	её муж: Достоевский Федор Михайлович (30.10.1821 — 28.01.1881)
48	1.3.5. Сниткин Иван Григорьевич (1.06.1849 — 11.10.1887)
49	его жена: Сниткина (урожд. Марьина, во втором браке Владимирова) Ольга Кирилловна (ок. 1853 — нач. 1902)
50	1.3.6. Сниткина Елизавета Григорьевна (6.06.1852 — 2.04.1853)
51	1.4. 1. Сниткина Мария Ивановна (29.11.1842 — 11.05.1843)
52	1.4. 2. Сниткина Елизавета Ивановна (29.11.1842 — 5.05.1843)

IV колено

53	1.1.6.1. Бровцына (урожд. Сниткина) Вера Михайловна (23.01.1872 — после 8.05.1929)
54	её муж: Бровцын 2-й Александр Алексеевич (6.04.1872 — і)
55	1.1.6.2. Мирошникова (урожд. Сниткина) Надежда Михайловна (10.01.1878 — 12.03.1949)

56	её муж: Мирошников Виталий Дмитриевич (ок. 1882 — 13.05.1919)
57	1.1.6.3. Дмитриева (урожд. Сниткина) Любовь Михайловна (17.01.1880 — 1.12.1945)
58	её муж: Дмитриев Владимир Николаевич (ок. 1883 — 10.1927)
59	1.1.6.4. Сниткин Павел Михайлович (15.09.1882 — после 1928<і>)
60	его жена: Сниткина (урожд. Кудрявцева) Екатерина Ивановна (11.11.1894 — после 1928<і>)
61	1.1.6.5. Сниткин Николай Михайлович (7.02.1885 — 1941<і>)
62	1.1.6.6. Сниткин Петр Михайлович (29.11.1886 — 5.02.1954)
63	его жена: Сниткина (урожд. Треттин) Ирэн (22.07.1902 — 22.06.1957)
64	1.1.8.1. Перфильева (урожд. Сниткина) Мария Александровна (1.01.1871 — <і>)
65	её муж: Перфильев Михаил Аполлонович (23.10.1886 — после 1920<і>)
66	1.3.1.1. Сватковский Всеволод Павлович (8.09.1862 — 20.08.1920)
67	его жена: Сватковская (урожд. Штрейсслер) Юлия Францевна (7.03.1858 — 12.08.1938)
68	1.3.1.2. Лёпер (урожд. Сватковская) Ольга Павловна (29.11.1866 — 9.08.1913)
69	её муж: Лёпер Роберт (Роман) Христианович [Robert Georg Loerger] (23.04.1865 — 14.10.1918)
70	1.3.1.3. Сватковский Павел Павлович (27.06.1870 — 27.12.1938)
71	его 1-я жена: Сватковская (урожд. Слинко, по второму браку Жданова) Лидия Андреевна (і-і)
72	его 2-я жена: Сватковская (урожд. Константинович) Ксения Михайловна (і-і)
73	1.3.1.4. Соколова (урожд. Сватковская) Мария Павловна (14.10.1871 — 13.11.1945)
74	её муж: Соколов Борис Николаевич (1873 — 2.10.1944)
75	1.3.5.1. Сниткин Григорий Иванович (4.06.1872 — после 1918)
76	его жена: Сниткина (урожд. Гостинина) Людмила Георгиевна (ок. 1871 — после 1918)
77	1.3.5.2. Сниткин Иван Иванович (17.05.1873 — 15.02.1944)
78	его жена: Сниткина (урожд. Андреева) Ксения Петровна<і> (ок. 1890 — после 1918)

V колено

79	1.1.6.1.1. Бровцын Александр Александрович (4.12.1895 — і)
80	1.1.6.1.2. Бровцын Георгий Александрович (до 30.01.1903 — 3.05.1904)
81	1.1.6.1.3. Бровцын Алексей Александрович (30.07.1908 — 14.03.1981)
82	его жена: Кукушкина Валентина Никаноровна (і)

83	1.1.6.1.4. Бровцына Тамара Александровна (¿ — 27.03.1913)
84	1.1.6.1.5. Бровцын Михаил Александрович (28.05.1915 — ¿)
85	1.1.6.2.1. Мирошников Николай Витальевич (18.04.1910 — 13.05.1977)
86	1.1.6.3.1. Никифорова (урожд. Дмитриева) Екатерина Владимировна (1909–1994)
87	её муж: Никифоров Петр Климентьевич (1909–1988)
88	1.1.6.6.1. Сниткин Игорь Петрович (11.08.1936)
89	1.1.6.6.2. Сниткин Петр Петрович (11.01.1943 — 27.08.1997)
90	1.1.8.1.1. Перфильева Мария Михайловна (ок. 1890 — ¿)
91	1.1.8.1.2. Перфильев Николай Михайлович (ок. 1893 — 8.07.1917)
92	1.1.8.1.3. Перфильев Александр Михайлович (19.09.1895 — 26.02.1973)
93	его жена: Сабурова (урожд. Кутитонская, во втором браке баронесса Розенберг) Ирина Евгеньевна (19.03.1907 — 22.11.1979)
94	1.3.1.1.1. Сватковский Роман (Роберт) Всеволодович (4.09.1889 — 6.06.1954)
95	его жена: Сватковская (по первому браку Салкова, урожд. Линдстрем) Евгения Михайловна (20.10.1882 — 8.04.1971)
96	1.3.1.2.1. Лёпер Роман Романович (Робертович) (4.09.1891 — 1918)
97	1.3.1.2.2. Лёпер Ольга Романовна (Робертовна) (16.07.1893 — ¿)
98	1.3.1.2.3. Лёпер Николай Романович (до лета 1896 — ¿)
99	1.3.1.2.4. Лёпер Евгения Романовна (Робертовна) (31.12.1897 — 21.06.1949)
100	1.3.1.2.5. Лёпер Павел Романович (Робертович) (1.01.1901 — после 1939)
101	1.3.1.2.6. Лёпер Александр Романович (Робертович) (¿-¿)
102	1.3.1.3.1. Сватковская Лидия Павловна (17.10.1895 — ¿)
103	1.3.1.3.2. Сватковская-младшая Ольга Павловна (29.10.1896 — ¿)
104	1.3.1.3.3. Сватковский-младший Павел Павлович (26.01.1898 — ¿)
105	1.3.1.3.4. Сватковский Илья Павлович (20.07.1899 — после 1930)
106	1.3.1.4.1. Гусева<¿> (урожд. Соколова) Татьяна Борисовна (¿ — 7.05.1981)
107	1.3.5.2.1. Сниткин <ИМЯРЕК¿> Иванович (не ранее 1918 — ¿)

VI колено

108	1.1.6.2.1.1. Мирошников Андрей Николаевич (6.07.1944)
109	1.1.6.2.1.2. Мирошникова Илона Николаевна (9.01.1946)
110	1.1.6.3.1. Никифоров Павел Петрович (9.10.1935 — 1999)
111	1.1.6.3.2. Трофимова (урожд. Никифорова) Наталья Петровна (1937–1994)
112	1.1.6.3.3. <¿> (урожд. Никифорова) Надежда Петровна (1946–1994)
113	1.1.6.3.4. Грахольска-Крюковска (урожд. Никифорова) Татьяна Петровна (1953)

РОДНЯ ПО МАТЕРИ: Мильтопеусы

I колено

1	1. Miltopeus (Ruskeapää) Nils Adolf Johansson [Мильтопеус (Рускепяя) Нильс Адольф Йоханссон] (1778–1830)
2	его жена: Miltopeus (Hoffrén) Maria (Margaretha) Elisabeth [Мильтопеус, урожд. Хоффрен, Мария (Маргарита) Элизабет] (2/3.5.1793 — 12.11.1838)

II колено

3	1.1. Miltopeus Anna Maria [Мильтопеус Анна Мария в крещении Мильтопеус Анна Николаевна в браке Сниткина Анна Николаевна] (9.04.1812 — 5.07.1893) её муж: Сниткин Григорий Иванович — см. выше
4	1.2. Miltopeus Robert Wilhelm [Мильтопеус Роберт Вильгельм / Мильтопеус Роберт Адольф / в крещении Мильтопеус Роман Николаевич] (14.01.1814–¿)
5	его жена: Мильтопеус (урожд. ¿) Лариса Ивановна (¿-¿)
6	1.3. Miltopeus Amalia Fredrika [Мильтопеус Амалия Фредерика в крещении Мильтопеус Мария Николаевна] (25.02.1816 — не ранее 1842)
7	1.4. Miltopeus Sophia Charlotta [Мильтопеус София Шарлотта] (23.01.1818 — ¿)
8	1.5. Miltopeus<¿> Gustava Vilhelmina [Мильтопеус Густава Вильгельмина] (13.02.1820 — 19.08.1845)

III колено

9	1.2.1. Мильтопеус Николай Романович (¿-¿)
10	1.2.2. Мильтопеус Валентина Романовна (4.01.1852 — ¿)
11	1.2.3. Мильтопеус Константин Романович (16.02.1860 — ¿)
12	1.2.4. Мильтопеус Елизавета Романовна (март/апрель 1862 — 21.04.1862)

IV колено

13	1.2.3.1. <ИМЯРЕК¿> Константинович Мильтопеус (¿-¿)
----	--

Приложение 2

**«Дело о запрещении Александром II расторжения брака супругов Акинфых в связи с намерением выехавшей за границу Акинфовой Н. С. вступить в брак с герцогом Лейхтенбергским, мужем (sic!) великой княгини Марии Николаевны»
(о супругах Сватковских)**

Место хранения оригинала: ГА РФ. Ф. 109 (Секретный архив III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии). Оп. за. Д. 2603. 379 л. (3 апреля 1868 г. — 8 июня 1877 г.). Л. 257–272, 274–277, 281–283 (донесения тайных агентов о супругах Сватковских, копии перлюстрированных телеграмм и писем). Часть текста отчёркнута красным карандашом.

Первая публикация (в выдержках, л. 260–260 об., 265): Экштут С. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции: по неизданным материалам Секретного архива III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. М.: Согласие, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/tyutchev-tajnyj-sovetnik-i-kamergeread-369859-56.html>

Полностью по подлиннику публикуются впервые.

<1>

Копія съ письма съ подписью: «твоя Маша», изъ Женева, отъ 1/13 Ноября 1868 г., къ Г^{жи} Аліакринской, въ С. Петербургъ, *poste restante*. (Письмо запечатано маленькою круглою печатью съ готическою французскою буквою S.).

Вчера Н. М. заѣхалъ за мною и взялъ меня къ нимъ обѣдать. Н. С. ожидала насъ внизу; говоритъ было некогда съ нимъ о дѣлѣ. Онъ успѣлъ только мнѣ сказать: «послѣ завтра утромъ буду у васъ; дайте письмо П<авла> Гр<игорьевича>»; — «не дамъ, потому что вы встревожитесь и Н. С. замѣтитъ». «А что, развѣ есть что худое?» «Да, отнимемъ отъ Васъ жену». «Ай Боже; ну, я ему ужъ заплачу какъ нибудь». И такъ завтра утромъ въ 10. часовъ, покрайней мѣрѣ, положительный отвѣтъ будетъ данъ. Милый мой Поль, во время обѣда получено письмо отъ Маруси⁷⁶, гдѣ она пишетъ Н. М., что ручается, что его примутъ хорошо и что потомъ, если онъ захочетъ, онъ <л. 259> опять можетъ взять отпускъ. Письмо это написано ему вѣрно въ слѣдствіе твоего вліянія на Марусю. Ты хотѣлъ, чтобы она написала; и Н. М. приписываетъ этому, о очень радъ былъ. Но Н. С. недовольна тѣмъ, зачѣмъ въ письмѣ нѣтъ словъ, что его отпустятъ за границу, на пр<имѣръ> отвѣта Маруси тебѣ или Eugénie⁷⁷. Сколько труда мнѣ стоило убѣдить ее, что М<арія> М<аксимилиановна> не имѣетъ права написать, что его отпустятъ, что этикетъ этого не дозволяетъ. Н. М. былъ со мною вполне согласенъ; но все таки ждетъ что ты скажешь и спрашиваетъ, будешь ли ты говорить съ В. К. Марією Николаевною. При мнѣ пришло письмо отъ Князя Горчакова; мы его прочли: онъ пишетъ Н. С., что Герцогу необходи-

⁷⁶ Старшая сестра герцога Николая Лейхтенбергского, Мария Максимилиановна, принцесса Баденская.

⁷⁷ Младшая сестра герцога Николая Лейхтенбергского, Евгения Максимилиановна, принцесса Ольденбургская.

мо вернуться, что онъ желаетъ имъ счастья и что это счастье будетъ *avec patience et prudence*⁷⁸ со временемъ. <л. 259 об.> Государь спрашиваетъ его, что Онъ слышалъ что у нихъ родился сынъ и какую фамилію ему дали. Говорилъ о нихъ безъ малѣйшей горечи. Н. М. поѣдетъ въ Петербургъ, въ этомъ я увѣрена; но онъ очень труситъ, что его не выпустятъ. О желѣзной дорогѣ я съ нимъ говорила, пришлось кстати, и онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ очень не прочь заработать деньгу и съ Павломъ Григорьевичемъ поговорить объ этомъ въ Петербургъ, такъ какъ я ему не могу ничего, кромѣ словъ твоего письма, привести, и вообще онъ желалъ, чтобы заработавъ тутъ деньги, онъ бы могъ подарить ихъ Н. С. Все для ней и ей. — Но главное дѣло въ томъ, что непременно нужно знать ему всю подробности: вѣрный ли этотъ домъ банкирскій, есть ли деньги, не обанкротится ли, достроитъ ли; такъ какъ всякій скандалъ въ этомъ <л. 260> случаѣ падетъ на голову строителя. Нужно, чтобы ты его убѣдилъ и все это рассказалъ ему въ Петербургъ, а онъ отъ этого дѣла не прочь и просилъ ему напомнить по пріѣздѣ. Но странный онъ право какой, говоритъ «только вѣдь это долго до Января, пусть П<авель> Гр<игорьевичъ> переговоритъ объ этомъ дѣлѣ съ Мюссаромъ». Разумѣется я сказала, что это значитъ погубить это дѣло въ зародышъ, такъ какъ Мюссаръ вовсе не другъ П<авла> Гр<игорьевича> и ни его самого, чтобы съ нимъ вступить въ такого рода переговоры. «Ахъ правда, совсѣмъ изъ головы вонъ.» Едва я отговорила его отъ слѣдующей глупости: хочетъ требовать сей часъ отъ попечителя отчета въ его деньгахъ, такъ какъ у Н. М. отняли эти деньги подъ предлогомъ сдачи отчета. Онъ находитъ, что пріѣхавъ туда, ему будетъ неловко спрашивать отчета; — <л. 260 об.> за границу его не выпустятъ и тогда съ своими деньгами онъ сдѣлать ничего не можетъ. У него кромѣ маіората есть 260. р. с. (*) <В сноске: (*) Такъ въ оригиналь.>; ихъ-то онъ хочетъ освободить и отдать Н. С., такъ какъ онъ думаетъ, что маіоратъ отдадутъ въ удѣлъ, разумѣется кромѣ Мюнхенскаго милліона. Я его отговорила, сказавъ, что это можетъ сдѣлать потомъ, сначала попытавшись помириться, и что если не пустятъ, то можетъ удрать; — мы поможемъ. Она съ этимъ также согласна, но денегъ ей хочется и она сильно борется съ желаніемъ скорѣе ихъ имѣть. Зиму эту они будутъ жить въ Парижѣ; изъ Петербурга приведутъ лошадей для прогулокъ; въ театрахъ, словомъ, гдѣ возможно будетъ, будутъ показываться вмѣстѣ. Она будетъ фронтить, задавать шикъ, это ея собственныя слова. Я сказала Н. М., что не худо бы было подарить <л. 261> священнику тысячу рублей, чтобы беречь его интересъ и чтобы Н. М. не очутился въ рукахъ полиціи, но Герцогъ говоритъ, что никто ничего не можетъ съ нимъ подѣлать, скажетъ, что у Н. С. ребенка никакого нѣтъ, а что этого имъ подкинули, они и воспитываютъ. Свидѣтельство метрическое на вымышленное имя. Все это дѣлается, какъ видно, въ виду надежды на усыновленіе, такъ какъ законнаго ребенка, на пр<имѣръ> нашего сына, усыновить нельзя, хотя на самомъ дѣлѣ кажется это не правда, бывали такіе примѣры. Но я, разумѣется, не настаиваю; — къ чему, когда не принимаютъ предложенія? Жаль, что тебя нѣтъ; ты бы

⁷⁸ с терпением и осторожностью (фр.).

ихъ уговорилъ. Съ нами они большіе друзья, и Герцогъ сдѣлаетъ многое. Вотъ мы, между прочимъ, рѣшили: пусть П<авель> Гр<игорьевичъ> добивается чрезъ кого нибудь, чтобы получить къ новому году <л. 261 об.> Коллежскаго Совѣтника чрезъ Eugénie или Бяратнскаго, или кого другаго, или Евгенія Максимиліановича ради его свадьбы, у Министра Внутреннихъ Дѣлъ Тимашева; а я приѣду, попрошу Тимашева сдѣлать его членомъ совѣта и настою, чтобы это случилось при мнѣ. Все это между нами двоими. Марья Григорьевна про коммерческое тоже говорила и это будетъ въ виду. Достать чинъ нужно заранѣе, а то нельзя же о двухъ вещахъ хлопотать, а безъ него пожалуй не сдѣлаютъ. Милый Поль, нельзя ли тебѣ попросить Бяратинскую, чтобы попросила своего родственника Лобанова-Ростовскаго сказать Похвисневу, чтобы представили тебя къ новому году къ чину, такъ какъ ты имѣешь на это право — два года за отличіе, и чтобы сказала объ этомъ и Министру? Бяратинская для тебя это сдѣлаетъ, а тогда уже дорога хлопотать <л. 262> Н. М. открыта; или попроси Eugénie; скажи что это тебѣ нужно, но не говори за чѣмъ, — разболтаютъ. В<еликая> К<нягиня> М<арія> Н<иколаевна> остается въ Петербургъ до родинъ Е<вгенію> М<аксимиліановны>; послѣ этого ѣдетъ въ Кварто, гдѣ будетъ свадьба Евгенія Максимиліановича <л. 262 об.>

<2>

Секретно.

По содержанію представленной вчера копіи съ письма изъ Женева (poste restante) на имя Алякринской, о дѣлахъ Князя Николая Максимиліановича, признано было не излишнимъ обратить вниманіе на то лицо, которое явится за полученіемъ письма.

Явилась какая то бѣдно одѣтая старуха, которая, узнавъ отъ Экспедитора что письма еще нѣтъ (оно не было еще сдано въ Экспедицію), съ трудомъ сдалась на увѣщаніе оставить свой адресъ для полученія изъ Почтамта письма на дому, во избѣжаніе напрасныхъ справокъ о его полученіи изъ-за границы.

Оставленный ею адресъ слѣдующій: <л. 257> Алякринскій на Пескахъ, противъ 1²⁰ Сухопутнаго госпиталя, подъ Смольнымъ, Ярославская улица, домъ № 1, у хозяина дома {Павла Григорьевича⁷⁹} Сватковскаго. (*) (В сноске: *) На печати куверта была буква S. и въ Женеву къ Сватковской очень часто посылаются отсюда никѣмъ не подписываемыя любовныя письма).

За тѣмъ она, спустя нѣсколько времени, снова явилась въ Экспедицію и объявила, что по вышеприведенному адресу ее найдутъ только въ гостяхъ, а живетъ она «Коломенской части, 2²⁰ участка, по Лоцманской улицѣ, въ домъ подъ № 6, у Коньковой».

Есть, по видимому, основаніе предположить, что вторыи адресъ едва ли подлинный и вѣроятно данъ изъ предосторожности по чьему либо наученію, для отклоненія вниманія отъ перваго адреса.

8. Ноября 1868 г. <л. 257 об.>

Изъ Женева о Герцогѣ Николаѣ Максимиліановичѣ.

<Вписки карандашом:>

{а Слѣдовательно въ рукахъ Свадковскаго или бракоразвод<ное> дѣло или же Н. С. ему долженъ

b — зачѣмъ Маруси

с какое вліяніе?} <л. 258>

<3>

Секретно.

⁸⁰Надворный Совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Свадковскій — исправляетъ должность Цензора въ С. П. Бургскомъ Цензурномъ Комитетѣ. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя удалось получить теперь, оказывается, что онъ знакомъ съ Г. Акинфовой, находится съ нею въ какихъ-то особыхъ отношеніяхъ и ведетъ съ нею переписку; но видимо <л. 263> старается скрывать это. Чтобы убѣдиться положительно въ этомъ отношеніи, къ Свадковскому была подослана женщина, которая подъ благовиднымъ предлогомъ спросила у него не знаетъ-ли онъ куда писать къ Г. Акинфовой? — Свадковской замѣтно сконфузился и сказалъ, что хотя самъ и знакомъ съ Г. Акинфовой и иногда пишетъ ей; но въ настоящее время не можетъ дать вѣрнаго ея адреса, а обѣщаль дать его недѣли черезъ двѣ, въ продолженіи <л. 263 об.> которыхъ онъ непременно разузнаетъ его. Со стороны Мариинскаго Дворца пока не удалось еще имѣть опредѣленныхъ свѣдѣній, такъ какъ тамъ, по случаю предстоящаго въ будущую Среду отъѣзда за границу Великой Княгини, страшная суматоха и по этому чрезвычайно трудно застать кого намъ нужно въ удобное время. Впрочемъ о сношеніяхъ Свадковскаго все таки можно будетъ получить справки чрезъ нѣсколько дней.

12 Ноября 1868. <л. 264>

<4>

Секретно.

⁸¹О Надворномъ Совѣтникѣ Свадковскомъ получены слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія: онъ нѣкоторое время преподавалъ Дѣтямъ Великой Княгини Маріи Николаевны уроки естественной исторіи и, какъ лицо чрезвычайно исполнительное, особенно тамъ, гдѣ это сопряжено съ интересомъ для него, — успѣлъ тогда сблизиться съ Герцогами <л. 265> Николаемъ и Евгениемъ Максимиліановичами, которыхъ упросилъ даже ходатайствовать о назначеніи его Камеръ-Юнкеромъ; но ходатайство это не удалось, какъ говорятъ потому, что Свадковскій, по происхожденіи, оказался сыномъ дьячка. Свадковскій женатъ на дочери старшаго придворнаго Метрд'отеля; жена и дѣти его еще лѣтомъ уѣхали за границу и, какъ нѣкоторые полагаютъ, она-то и служитъ посредствующимъ лицомъ въ сношеніяхъ мужа съ Герцогомъ и Г^{жею} Акинфовой. — Предполагаютъ, <л. 265 об.> что у Свадковскаго есть другая квартира для этихъ сношеній; указываютъ даже домъ, хотя и неопредѣленно, въ которомъ находится такая квартира; — но это послѣднее обстоятельство требуетъ еще тщательной повѣрки.

⁸⁰ На поляхъ вверху слева помета карандашом: д<ано> 868 / 14 ноябр<я>.⁸¹ На поляхъ вверху слева помета карандашом: чит<ано> 15 ноябр<я>.⁷⁹ Вписано карандашом.

13 Ноября 1868. <л. 265а>

<5>

№ 2488/106.

S. Pétersbourg.
Comité de Censure.
Svatkowsky.

Si avez reçu de patrez à Moscou Le<з> désire Pétersbourg mieux. Attendez moi ⁸².
Marie.

Получено изъ Женевы 21²⁰ Ноября 1868. г.

(списано буквально.)

{Я ничего не понимаю, принять къ свѣденію

26 Ноябрь<ря>⁸³} <л. 266>

<6>

№ 1710/166.

Genève.
Poste restante.
Marie Svatkowsky.

Avez vous télégramme de Gunzbourg pour vous? Faites de ma part cadeau
Olga 29.

Svatkowsky.⁸⁴

Отправлена из С. Петербурга 22²⁰ Ноября 1868. г. <л. 267>

<7>

Секретно.

⁸⁵Г. Свядковскій въ Четвергъ, часу во 2^{мѣ} дня, получилъ отъ Г. Мюссарда значительную сумму денегъ и съ ними отправился домой, гдѣ и оставался затѣмъ весь день. Вчера утромъ Свядковскій заѣхалъ на Телеграфную Станцію въ Кирочной улицѣ, подаль тамъ телеграмму въ Женеву, на имя Г^{жц} Свядковской; оттуда поѣхалъ въ Банкъ <л. 268> получилъ также тамъ значительную сумму денегъ по Отдѣленію текущихъ счетовъ и «Взаимнаго кредита» и повезъ ихъ въ Банкирскую Контору Гинзбурга, откуда и перевелъ ихъ тоже въ Женеву, на имя Г^{жц}-же Свядковской, безъ адреса, poste restante. — Получивъ копию съ перевода, Свядковскій поѣхалъ въ Большую Мъщанскую, въ магазинъ Штамма, за тѣмъ въ Гостиный Дворъ и оттуда вернулся домой. Такимъ образомъ прежде полученныя и уже доложенныя <л. 268 об.> свѣдѣнія о томъ, что Г^{жц} Свядковская служитъ посредницею въ извѣстныхъ сношеніяхъ, теперь подтверждаются. Кромѣ того не далѣе какъ на

⁸² С. Петербургъ / Цензурный комитет / Сватковскому / <нрзб>. Ждите меня б. / Мария (фр.). Середина фразы, возможно, в конспиративныхъ целях, построена с нарушением французской грамматики и переводу не поддается.

⁸³ Помета карандашом на поляхъ внизу.

⁸⁴ Женева / До востребования / Марии Сватковской / Вы получили отъ Гюизбурга телеграмму на ваше имя? Сделайте отъ меня подарокъ Оле 29. / Сватковский (фр.). (Под телеграммой отъ «Гюизбурга» имеется в виду денежный переводъ изъ банкирской конторы Гинзбурга в Петербургъ: вероятно, предложено для отправления сталъ день рождения дочери Сватковскихъ Ольги, которой 29 ноября 1868 г. исполнилось 2 года. — Т. П.).

⁸⁵ На поляхъ вверху слева помета карандашом: чит<ано> 27 нояб<ря>.

дней Свядковскій встрѣченъ былъ здѣсь вмѣстѣ съ Московскимъ повѣреннымъ Г^{жц} Акинфовой, котораго и повезъ тогда къ себѣ на квартиру.

При этомъ нельзя умолчать о распространяющемся въ городѣ слухѣ, что, будто-бы, Государь Императоръ изволилъ повелѣть черезъ Г. Мюссарда объявить Герцогу Николаю Максимилиановичу, что ежели <л. 269> Его Высочество чрезъ шесть мѣсяцевъ не возвратится въ Россію, то будетъ лишень маіората, исключень изъ Русскаго подданства и, слѣдовательно, лишень всѣхъ своихъ званій.

23 Ноября 1868. <л. 269 об.>

<8>

Секретно.

⁸⁶По наведенной въ Конторѣ Гинзбурга справкѣ оказалось, что Свядковскій въ Пятницу перевелъ по телеграфу на имя жены своей въ Женеву 2000 фр<анковъ>, составляющіе по курсу 590 р. 63 коп.

25 Ноября 1868. <л. 270>

<9>

⁸⁷№ 1970/206.

Genève.
Poste restante.
Zénéide Korsak.

Ne m' e crivez rien des affaires, c' est impossible. Je vous attends б.

Paul.⁸⁸

Отправлена из С. Петербурга 25²⁰ Ноября 1868. г.

{Это депеша отъ Сватковскаго, желательнаго знать какъ можно поспѣшнее, какая существуетъ связь между Зенаидой Корсакъ и повѣреннымъ Г^{жц} Акинфовой?

Сообщите Г. Шульцу о собраніи въ Женевѣ свѣденіи насчетъ Корсакъ⁸⁹}

{Объ этомъ мнѣ не дано знать / 12 Апрелья 1869 г. <подпись нрзб.>⁹⁰} <л. 271>

<10>

№ 1965/204.

Genève.
Poste restante.
Marie Svatkowsky.

Quand comptez-vous partir? Avez vous été chez Bonnat? Ecrivez de nouveau à Joulinka.

Paul.⁹¹

⁸⁶ На поляхъ вверху слева помета карандашом: чит<ано> 26 нояб<ря>.

⁸⁷ На поляхъ вверху слева помета карандашом: о чемъ здѣсь можетъ идти рѣчь? / 1 Дек<абря>.

⁸⁸ Женева. / До востребования. / Зинаиде Корсакъ / Не пишите мнѣ ничего о делахъ, это невозможно. Я жду васъ б. / Поль (фр.).

⁸⁹ Запись карандашомъ.

⁹⁰ Запись краснымъ карандашомъ.

⁹¹ Женева / До востребования / Марии Сватковской / Когда вы собираетесь уезжать? Вы были у Бонна? Напишите еще разъ Юлиньке. / Поль (фр.).

Отправлена изъ С. Петербурга 25. Ноября 1868. г.

{П<о> дѣлу / 1 Дек<абря>}⁹² <л. 272>

<11>

⁹³Акинфьева сегодня чувствуетъ себя лучше, а потому въ 2 часа приказано было заложить стоящую во дворѣ дома Тутолминыхъ наемную карету, чтобы ѣхать прогуляться.

Вчера послѣ обѣда она отправила въ Парижъ телеграмму, какъ надобно полагаютъ къ своимъ дѣтямъ. Копія съ телеграммы будетъ доставлена.

Вчера же вечеромъ пріѣзжали къ ней: Гофмейстеръ Жеребцовъ, нѣкто Маслицкій, мичманъ гвардейскаго <л. 274> экипажа Палтовъ и Г^{жа} Сватковская. Изъ всѣхъ этихъ лицъ принята была только послѣдняя, исполняющая теперь всѣ порученія Акинфьевой.

Студентъ Медико-Хирургической Академіи, о которомъ доложено было вчера, есть ея родственникъ Сергій Шидловскій.

Сегодня съ утреннимъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги пріѣхала къ Акинфьевой ея сестра.

Сперва Акинфьева собиралась скоро выѣхать за границу, но теперь отпѣшила это намѣреніе, по просьбѣ Герцога, и <л. 274 об.> остается еще здѣсь довольно продолжительное время, и сегодня же послала въ Участокъ свой видѣ въ пропуску.

Герцогъ провелъ у нея и сегодняшнюю ночь и утромъ уѣхалъ въ ея каретѣ. Къ нему почти ежедневно утромъ приходитъ его камердинеръ съ платьемъ и бѣльемъ. Въ домѣ про Герцога говорятъ, что онъ безъ памяти любитъ Акинфьеву.

Независимо личнаго посѣщенія, Кн<язь> Горчаковъ каждое утро присылаетъ курьера узнать о здоровіи Акинфьевой.

10²⁰ Апрѣля 1869 г. <л. 275>

<12>

⁹⁴Вчера Акинфьева выѣзжала въ каретѣ въ сопровожденіи Сватковской въ 2 ½ ч. и, захвативъ въ книжный магазинъ Исакова, гдѣ ее знаютъ, спросила «Les ternoires de la Princesse Dashkoff». На отвѣтъ главнаго прикащика, что книги этой нѣтъ въ продажѣ, такъ какъ она запрещена <л. 276> Акинфьева просила убѣдительно достать ее. Затѣмъ, купивъ «Война и миръ» Гр. Толстаго, просила на сегодня приготовить ей послѣднее изданіе сочиненій Некрасова.

Похвативъ потомъ на Васильевскій Островъ, она встрѣтилась тамъ съ Герцогомъ, съ которымъ гуляла пѣшкомъ около получаса, и потомъ возвратилась домой. Вечеромъ вмѣстѣ съ Сватковскою была въ концертъ Деверіа, но послѣ 1²⁰ Отдѣленія уѣхала домой, гдѣ <л. 276 об.> ее уже ждалъ за чаемъ Герцогъ и студентъ Университета Шидловскій (братъ студента Медик<о> Хирургической Академіи). Послѣ чая Шидловскій и Сватковская уѣхали, а Герцогъ остался.

Герцогъ теперь вообще очень задумчивъ, какъ будто нездоровъ и рѣдко разговариваетъ.

⁹² Запись карандашом.

⁹³ На поляхъ вверху слева помета чернилами и карандашом: чит<ано> 13 Апр<гья>.

⁹⁴ На поляхъ вверху слева помета чернилами и карандашом: чит<ано> 19 Апр<гья>.

Сватковская, обращающаяся у Акинфьевой крайне свободно, совѣтуетъ Герцогу уѣхать за границу, на что онъ отвѣчаетъ молчаніемъ.

11 Апрѣля 1869 г. <л. 277>

<13>

⁹⁵Въ 4^й разъ Акинфьева отлагаетъ свой отъѣздъ за границу, подъ самыми, повидимому, пустыми предлогами. Въ послѣдній разъ отъѣздъ былъ назначенъ сегодня — даже вчера нанятъ былъ ломовой извозчикъ, для отвоза сегодня вещей на станцію Варшавской желѣзной дороги, какъ вдругъ сегодня утромъ въ 9 часовъ Акинфьева приказала открыть <л. 282> сундукъ и вынуть изъ него нѣкоторыя туалетныя вещи; на вопросъ же своей горничной о днѣ отъѣзда, Акинфьева сердито отвѣчала «не знаю», между тѣмъ пріѣхавшему сегодня къ ней утромъ студенту Шидловскому она сказала, что думаетъ ѣхать во Вторникъ. Вчера она получила письмо отъ мужа, которое, видимо, ее разстроило.

Въ послѣдніе дни Сватковская много суежилась и часто шепталась наединѣ то съ Герцогомъ, то съ <л. 282 об.> Акинфьевою. Вообще въ домѣ замѣчается какой то секретъ: во время утренняго чаю Герцогъ и Акинфьева приказываютъ служащему лакею Генерала Дубельта выходить изъ комнаты, чего прежде не дѣлали.

27 Апрѣля 1869 г. <л. 283>

<14>

⁹⁶Акинфьева сего числа въ сопровожденіи Сватковской и своей горничной отправилась за границу.

Герцогъ проводилъ ее только на станцію желѣзной дороги, откуда возвратился въ городъ.

29 Апрѣля 1869 г. <л. 284>

⁹⁵ На поляхъ вверху слева помета карандашом: з. Экс<едиція> / чит<ано> 29 Апр<гья>.

⁹⁶ На поляхъ вверху слева помета карандашом: з. Экс<едиція> / д<ано> 30 Апр<гья>.

Ю. К. Щербаков

МУЗЕЙ ЧЕЛОВЕКА

(По материалам рукописей М. В. Савостьяновой)

В статье даётся обзор и анализ рукописного наследия М. В. Савостьяновой, внучатой племянницы Ф. М. Достоевского. В рукописях автор обобщает собственные оригинальные идеи и результаты исследований научной проблемы изучения человека, его саморазвития и творческой самореализации, а исследование проводит на основе своего уникального частного собрания книг «о человеке». М. В. Савостьянова заложила научно-методические основы концепции Музея человека как института разрешения жизненных проблем. Автор концепции во многом опиралась на идеи Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: проблема изучения человека, самореализация, самосовершенствование, библиотека книг о человеке, рукописи М. В. Савостьяновой, «парадокс Достоевского», Музей человека.

В моём домашнем архиве хранятся три рукописи¹ Марии Владимировны Савостьяновой (1894–1982), которые представляют несомненный исторический и научный интерес. В них Мария Владимировна обобщает собственные оригинальные идеи и результаты исследований научной проблемы изучения человека, его саморазвития и творческой самореализации, а исследование проводит на основе своего уникального частного собрания книг «о человеке». Причём проблему она ставит не в традиционной для своего времени философской или психологической постановке, а как комплексную, междисциплинарную задачу большого теоретического и практического значения. Актуальность идей, изложенных в рукописях М. В. Савостьяновой, с годами только возросла, а в будущем приобретёт ещё большее значение.

Идеи, представленные в рукописях, отчасти известны: они упоминались в виде отдельных обрывистых сведений в переписке и в воспоминаниях тех современников, которые были лично знакомы с М. В. Савостьяновой. Однако научное содержание этих идей до сих пор оставалось неясным, их систематический анализ не проводился. В совокупности все три рукописи впервые дают полное представление о сути и перспективах реализации идей Марии Владимировны.

Рукописи ждут своих профессиональных исследователей². Они читаются с интересом, рождают новые мысли, и невольно появляется желание

¹ Рукописи сохранил и подарил мне доктор философских наук, профессор Велимир Александрович Петрицкий, которому известен мой многолетний интерес к жизни и деятельности М. В. Савостьяновой. В. А. Петрицкий — писатель, поэт, известный библиофил и собиратель уникальных рукописей и исторических документов XIX — начала XX вв., Заслуженный работник культуры РФ. Более 40 лет руководит Секцией книги и графики Санкт-Петербургского Дома учёных РАН, активным членом которой была М. В. Савостьянова. Свои рукописи она передала Петрицкому во время их встреч.

² В настоящее время идёт передача рукописей в фонды Московского музея Ф. М. Достоевского.

привлечь к ним общее внимание, вовлечься в дискуссию уже сейчас. Тем более чрезвычайно интересна судьба их автора.

Жизнь и деятельность М. В. Савостьяновой

Мария Владимировна Савостьянова, внучатая племянница Ф. М. Достоевского, родилась в 1894 году³. С детских лет она выросла в мире книг, много читала и страстно их любила. В семье Савостьяновых—Достоевских была богатейшая библиотека. Вначале библиотеку собирал её дедушка Андрей Михайлович Достоевский (15.03.1825 — 7.03.1897) — родной брат Ф. М. Достоевского, выпускник Училища гражданских инженеров в Петербурге, архитектор. Он был большим любителем и собирателем книг, автором воспоминаний о детстве Фёдора Михайловича и обо всей их семье. В последующие годы библиотеку дополнили уникальные коллекции книг второго дедушки — Константина Петровича Савостьянова, а затем дяди — Андрея Андреевича Достоевского⁴.

В школьные годы Маша Савостьянова проявила большие способности в математике, физике, химии и особенно... в литературе. В юности выбор «кем быть?» был для неё сложным. Она любила физику и была под сильным влиянием своего близкого родственника Михаила Александровича Рыкачёва (1840–1919) — академика, директора Главной физической обсерватории Петербурга, генерал-майора флота, автора многих трудов по физике, физической географии, воздухоплаванию. В то же время страсть к литературе и связь с родом Достоевских увлекали и обязывали. В итоге победила физика: это были годы сенсационного развития естественных наук, особенно физики и техники. А любовь к литературе и осознание причастности к роду Достоевских стали её второй жизнью.

Мария Савостьянова завершила учёбу в гимназии (1911) с золотой медалью, как и её мама Варвара Андреевна. В 1916 году окончила физико-математическое отделение Женского педагогического института в Петербурге. В студенческие годы активно сотрудничала с Физико-математической лабораторией Петербургской академии наук, участвовала в работе Русского физико-химического общества.

Свою жизнь Мария Владимировна посвятила науке. Многие годы преподавала сначала в Василеостровской женской гимназии, затем в Педагогическом институте, Институте связи и в университете.

В своих рукописях М. В. Савостьянова отмечает, что жизнь в науке у неё сложилась счастливо. Её учителями и наставниками были А. Л. Гершун⁵,

³ Отец — Савостьянов Владимир Константинович (1853–1899), юрист; мать — Достоевская (по мужу Савостьянова) Варвара Андреевна (1858–1935) — племянница Ф. М. Достоевского.

⁴ Хроника рода Достоевских /Под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 653–660.

⁵ Гершун Александр Львович (1868–1915) — профессор, физик, инженер, основатель российской оптической промышленности, крупный специалист в области прикладной оптики, электромагнетизма и радиоактивности. Под его влиянием Савостьянова решила посвятить себя оптике.

С. И. Вавилов с сотрудниками лаборатории люминесцентного анализа ГОИ: первый ряд (справа налево): Н. А. Толстой, П. П. Феофилов, А. Н. Севченко, С. И. Вавилов, Б. Я. Свешников, З. М. Свердлов, А. П. Новожилов. Мария Владимировна Савостьянова стоит во втором ряду позади Б. Я. Свешникова. 1946. Фото из архива автора.

Т. П. Кравец⁶, С. И. Вавилов⁷. Каждый из них — яркая личность в истории отечественной науки. Более 40 лет Мария Владимировна работала в ГОИ. Она доктор физико-математических наук (1940), профессор (1941). Автор фундаментальных открытий в физике, ряда книг (две из них опубликованы в соавторстве с С. И. Вавиловым), статей и переводов в области физики и истории естественных наук (владела пятью иностранными языками). Ею опубликованы труды о жизни и деятельности С. И. Вавилова и Т. П. Кравца, она вспоминает о своих учителях с огромной любовью и благодарностью. Уже будучи на пенсии, Мария Владимировна до 1979 года продолжала работать в ГОИ старшим научным сотрудником-консультантом.

В годы блокады Ленинграда М. В. Савостьянова, узнав об угрозе разорения оставшейся в ленинградской квартире библиотеки и хранившихся там рукописей Ф. М. Достоевского, предприняла большие усилия для срочного возвращения из эвакуации. В этом ей помог С. И. Вавилов. Благодаря ему Мария Владимировна смогла вернуться на самолёте в осаждённый город⁸. И это в то время, когда многие стремились вырваться из блокадного Ленинграда!

⁶ Кравец Торичан Павлович (1876–1955) — член-корреспондент АН СССР, с 1927 возглавлял физическое направление в Физико-математическом институте АН СССР в Ленинграде, а в 1934 создал в Государственном оптическом институте (ГОИ) лабораторию научной фотографии, сотрудником которой многие годы была М. В. Савостьянова.

⁷ Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) — академик, в те годы директор ГОИ, при создании Академии наук СССР (1937) стал директором Физического института им. П. Н. Лебедева, оставаясь директором ГОИ, а затем, с 1945 — президентом АН СССР.

⁸ Петрицкий В. А. Призывный свет. СПб: Северная звезда, 2018. С. 127.

Савостьянова многое сделала для создания и формирования экспозиции музеев Достоевского в Москве и в Ленинграде, музейных и библиотечных центров в разных городах страны, для увековечивания памяти о Ф. М. Достоевском и о роде Достоевских.

М. В. Савостьянова известна как один из крупнейших библиофилов Ленинграда. Она была тем незримым центром библиофильского движения, вокруг которого рождались новые идеи и был осуществлён ряд книжных проектов. Так, по воспоминаниям В. И. Зорькина — профессора Иркутского университета, основную часть своей библиотеки она передала университету в надежде на создание там первого в стране Института человека⁹. Увы, эта идея так и не была воплощена.

Мария Владимировна собрала, сохранила и передала в Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга многие уникальные рукописи и документы, включая её собственные труды, дневники, письма, фотографии, отражающие историю развития отечественной и мировой оптической науки и промышленности, её любимого ГОИ и города Ленинграда мирных и блокадных лет. Эти документы представляют особую историческую ценность.

Заслуги М. В. Савостьяновой перед отечественной наукой и культурой широко известны. Она награждена орденом «Знак Почёта» и медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». Её жизни и деятельности посвящены многие публикации¹⁰.

Проблема человека

В состав упомянутых выше рукописей М. В. Савостьяновой входят:

- 1) доклад «Моё собрание книг о человеке». Прочитан 19 мая 1975 г. на секции книголюбов Ленинградского общества книголюбов. — 12 с.;
- 2) доклад «Некоторые черты отечественной литературы о человеке». Прочитан 10 апреля 1979 г. на заседании секции книги и графики Санкт-Петербургского Дома учёных РАН, посвящённом 85-летию со дня рождения М. В. Савостьяновой. — 47 с.;
- 3) статья «Кто Вы есть, библиофилы?» (Опубликована в газете «Книжное обозрение». 1968. № 52.) — 2 с.

⁹ «Я коллекционирую людей...». Внучатая племянница Ф. М. Достоевского Мария Владимировна Савостьянова в воспоминаниях родственников и в частной переписке. Подготовка текстов Н. Н. Богданова / Три века русской литературы: Роду Достоевского 500 лет. Иркутск: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2009. С. 461–462.

¹⁰ Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 653–660; Петрицкий В. А. Самое дорогое богатство // Книжное обозрение. 1979. — 4 мая. — С. 15; Петрицкий В. А. Призывный свет. СПб: Северная звезда, 2018; «Я коллекционирую людей...» Внучатая племянница Ф. М. Достоевского Мария Владимировна Савостьянова в воспоминаниях родственников и в частной переписке / Подготовка текстов Н. Н. Богданова // Три века русской литературы: Роду Достоевского 500 лет. Иркутск: Восточно-Сибирская государственная академия образования, 2009; Брускова Е. С. Долгое эхо. М.: Молодая гвардия, 1986; Груздева Е. Н. Женщина в науке: физик-оптик Мария Владимировна Савостьянова // Социология наук и технологий. 2017. Том 8. № 2. С. 79–85.

В первом докладе Мария Владимировна рассказывает о своём частном собрании книг «о человеке» (в 1975 г. её библиотека насчитывала 9500 томов, в последующие годы это число достигло почти 10 000). Она говорит о своей страсти к собиранию книг с юных лет (считает, что эта страсть передалась ей на генном уровне). Объясняет, почему она стала собирать библиотеку: «Что я от книг ждала в те времена далёкой юности, в период становления личности? Отчасти примера поведения, отчасти — ответа на острые вопросы, свойственные юности: о выборе пути и первых шагах, о “муках творчества” и пр.». Книги ей в этом помогали. Они несли ей знания и веру. С годами пришло понимание универсальной силы книги: книга способна быть другом, советником, учителем, психологом, наставником. Тогда же у М. В. Савостьяновой пробудился интерес к теме «человек». В докладе отмечено, что её собрание книг на эту тему среди частных книжных собраний было первым. А затем, по мере пополнения книжной коллекции, её увлекла идея создания «центра общественного типа — нечто вроде “музея человека” с собранием книг о человеке, в котором, с одной стороны, каждый мог бы найти ответ на свои болезненные личные вопросы, а с другой — были бы собраны материалы для решения научной проблемы изучения человеческой личности в духе историографического метода социальной психологии...». Эта идея стала ведущей в её библиофильской деятельности. Собирая многие годы книги и печатные материалы, она отдавала предпочтение описаниям жизни реальных людей («я коллекционирую людей», — отмечает она) и научным трудам по проблеме человека. А позже стала целенаправленно заниматься проблемой человека. В центре её внимания были вопросы комплексного изучения человека. В основном её интересовали психика («реакция человека на жизненные ситуации», взаимоотношение его сознания и мира) и «природа его творческой деятельности». Это позволило ей заложить научно-методические основы концепции Музея человека как института разрешения жизненных проблем людей.

В рукописи подробно рассмотрена идея создания Музея человека, концептуально проанализирован широкий круг научных и методологических задач, которые предстоит решить при реализации этой идеи, подведены итоги многолетних размышлений и изысканий.

В рукописи второго доклада «Некоторые черты отечественной литературы о человеке» Мария Владимировна исследует особенности развития отечественной литературы, роль и место книги в её концепции Музея человека.

В частности, рассматривая историю книги о человеке на Руси с XI по XX вв., М. В. Савостьянова показывает эволюцию места и роли личности в отечественной литературе. Так, до XVII в. тексты содержали описания реальной жизни людей, и только в XVII в. сформировался интерес к психологии человека и были заложены основы художественного и исторического обобщения. В XIX в. особое внимание уделялось скромным, заурядным людям, «униженным и оскорблённым» (на первом плане в литературе стоит не личность, а угнетающая среда). На рубеже XIX–XX вв. уже публикуются первые специальные биографические серии (Ф. Павленкова, М. Горького), интерес к личности человека постепенно возрастает и со временем выходит

на первый план. При этом биографическая литература становится не только банком уникального человеческого опыта, но и мощным средством образования и воспитания личности, формирования современного мировоззрения. М. В. Савостьянова отмечает, что в будущем роль литературы о человеке только возрастёт.

В конце рукописи Савостьянова предлагает классификацию личных библиотек «о человеке»: специальные (наука, образование, литература, музыка и пр.), смешанные и централизованные. Она ставит вопрос о необходимости создания централизованного собрания литературы о человеке, чтобы «охватить библиографическими материалами максимальное число реальных людей». Полагает, что централизованное собрание литературы «будет входить в состав “музея человека”, организация которого, надо думать, дело недалёкого будущего».

В статье «Кто вы есть, библиофилы?» М. В. Савостьянова обсуждает роль книги и любовь к ней в профессиональной деятельности. «У каждого учёного три элемента: эксперимент, информация (в основном печатная) и, в результате, творческий акт — должны составлять гармоничное целое — в смысле одинаково страстного отношения, одинаково непреодолимой тяги ...», — пишет она.

Все три рукописи, дополняя друг друга, посвящены созданию Музея человека как триединой целостной системы, объединяющей функции научного центра по изучению проблемы человека и человеческой личности, консультационных услуг по оказанию помощи нуждающимся в решении их жизненных и интеллектуальных проблем саморазвития и самосовершенствования, а также общедоступного централизованного банка данных в виде собрания литературы «о человеке». Под литературой «о человеке» М. В. Савостьянова имела в виду письменные тексты, печатную продукцию, видеоматериалы, всё то, что в той или иной степени отражало жизнь и судьбу человека, проблемы его развития и самосовершенствования. Сюда она относила художественную и научную литературу, брошюры, газетную и журнальную продукцию, правительственные и официальные документы, копии книг, кинофильмы и записи телевизионных передач, справочную библиографию, репродукции картин и другие информационные материалы.

Цель Музея человека — помочь каждому нуждающемуся преодолеть те трудности, которые возникают у него как во взаимоотношениях с внешним миром, так и внутри себя, содействовать решению проблем его саморазвития и самосовершенствования. А именно: дать человеку возможность осознать собственный потенциал и свои способности, понять причины своих жизненных проблем и получить ответ на вопросы как жить, как найти себя, как саморазвиваться и самореализовываться в реальных социоприродных условиях и в согласии со своей собственной природой. А затем, если необходимо, способствовать решению его проблем. Традиционно эта миссия выполняется «на интуитивном уровне» самим человеком, его родителями, семьёй, системой образования и церковью, теперь же предложено создать качественно иную, высокопрофессиональную специализированную систему *индивидуального консалтинга*.

Назначение консультантов-наставников — оказание помощи любому нуждающемуся в решении ряда задач. Первая задача, условно назовём её «автопроектирование личности», состоит в том, чтобы помочь в самостоятельном выборе целей и траектории рационального развития и самосовершенствования человека. Решение этой задачи М. В. Савостьянова видела в русле его природосообразного развития. Вторая задача: помочь человеку в океане литературы найти те немногие книги, которые помогут ему осознать и решить его проблемы, и обеспечить доступ к этим материалам. Проект открывает каждому человеку уникальные скрытые возможности культуры.

Отмечая актуальность Музея человека, Мария Владимировна писала, что «для человека выдающегося это, скорее всего, не актуально (такие люди себя быстро находят), но для большинства людей эта проблема стоит остро».

Особое место в рукописях уделено необходимости разработки фундаментальных научных основ разрешения проблем человека и прикладным направлениям. В них обращено внимание на ряд проблем, в том числе: формирование личности в различных фазах её развития; изучение влияния наследственности, социальных условий и мировоззрения на становление личности, на её развитие и поведение; выявление факторов, влияющих на «превращения» личности в разных условиях и на разных жизненных этапах, в том числе ведущих к смене мировоззрения; выявление скрытого потенциала человека, его индивидуальных природных возможностей в творчестве, в деловом отношении, в поведении.

Автор, предлагая в рукописи свою модель анализа личности, исходила из того, что от природы каждый индивид потенциально универсален, и степень его универсальности определяется совокупностью развитых способностей и полнотой владения богатствами культуры. Она ввела классификацию типов личностей (выдающиеся, средние и рядовые), рассмотрела такие аспекты литературного материала, как личностный и социальный, обосновала критерии, которые определяют личные качества человека, его характер, деятельность и жизненный путь. Проследила взаимосвязь между исторической эпохой, генетикой (наследственностью) человека, его реакцией на условия жизни и мировоззрением, его развитием и поведением. Проблему нравственного выбора М. В. Савостьянова считала фундаментальной. Она отмечала, что вследствие неповторимости личности человека традиционные статистические методы непригодны при решении большинства задач, связанных с его поведением.

В основу методологии решения проблемы человека М. В. Савостьяновой положен междисциплинарный подход, основанный на синтезе философии, естественных и гуманитарных наук, искусства, технологий, духовной жизни. Здесь наука и искусство преследуют одну цель: познание человека и служение ему. Среди всех форм искусства предпочтение отдано литературе, потому что в большей степени именно она способна обеспечить синтез смыслов, чувств и истин, ведь каждый литературный образ индивидуален и поучителен. К тому же книга способна не только передать человеку знания, но и помочь ему открыть в себе новые возможности.

М. В. Савостьянова отмечала необходимость исследований потенциала литературы в решении проблем человека и была убеждена, что существующая отечественная научная и художественная литература о человеке уже накопили достаточную базу данных, способную дать ответ на многие вопросы, с которыми сталкивается человек в своей жизни. Приведены результаты её исследований: установлено, что 9500 книг её личной библиотеки позволили ей составить каталог на 3500 человек, судьба и личность которых поучительны.

Рукописи содержат классификацию науки, литературы и искусства, обсуждение вопросов структурирования библиографических материалов и ряда аспектов издательской деятельности, а также статистику изданной литературы о человеке по отраслям знаний.

Отдельно рассмотрена специфика написания биографических и автобиографических работ и определены требования к их авторам с позиций проблемы человека. Отмечено, что методология написания биографии личности есть проблема междисциплинарная, связанная с широким комплексом проблем — философских, социальных, исторических, психологических, этических и др.

Все предложения и доводы М. В. Савостьяновой аргументированы, подкреплены ссылками на известных деятелей науки, культуры, на образы многих литературных героев.

При реализации проекта М. В. Савостьянова предлагает в качестве его ядра использовать её личное собрание книг о человеке. Она приводит структуру и статистику своего собрания книг, делится опытом формирования библиотеки (подбора книг) и работы с нею, рассказывает о своей системе библиографического каталога, размышляет о миссии литературы и о своей любви к книге.

Обсуждаемые в рукописях вопросы концептуально намечают контуры структуры Музея человека, состав необходимых ресурсов, систему его связей с целевой аудиторией, с издателями, с научными организациями, с обществом и государством. Учитывая состав и полноту обсуждения поставленных вопросов, можно утверждать, что М. В. Савостьяновой предложена *концепция проекта Музея человека*.

Мария Владимировна полагала, что реализация грандиозной задачи создания централизованного Музея человека — «вопрос чисто технический». Она отметила, что в своё время С. И. Вавилов поддержал эту идею и отметил реальность задуманного.

Проблема человека в эпоху смены парадигмы. Парадокс Ф. М. Достоевского

В своей первой рукописи М. В. Савостьянова отмечала: «Роль человека как творца была подчеркнута давно <...>, но *научная проблема* человеческой личности и её взаимоотношения со средой во всей остроте встала лишь в последнее время — даже в последнее десятилетие...». Ею упомянуты теоретические семинары и дискуссии по теме «Человек», проходившие в 1974–1975 годах в Ленинграде в рамках «системы политпросвещения», труды академика

Д. С. Лихачёва и работы школы академика Н. М. Амосова по моделированию личности (1975). Более того, из воспоминаний и писем современников следует, что в 1970-е гг. Мария Владимировна активно пропагандировала идею Музея человека в общественных дискуссиях, особенно в среде учёных и библиофилов. Возникают вопросы: в чём была суть дискуссии по теме «Человек»? Почему именно в «последнем десятилетии»? Что побуждало Савостьянову к участию в этих дискуссиях?

Действительно, 1970-е знаменательны изменением парадигмы общественного самосознания. Менялся «дух эпохи» — происходил естественный процесс смены приоритетов. Это был тот этап эволюции СССР, когда цели дать людям свободу, жильё, накормить голодных и обеспечить безопасность страны были в большей степени достигнуты и формировались новые потребности и настроения людей. По мере разрешения одних социальных проблем, как следствие, возникали другие. Росла социальная активность, наблюдалось общее стремление к открытию новых возможностей и альтернатив в решении назревших экономических, социальных, морально-нравственных и иных проблем — ощущалось динамичное развитие гражданского общества. Удивительным образом пик этой активности, этого движения пришёлся на 1974–1975 годы¹¹.

Центрами этого общественного движения стали литература, СМИ, философия и социальные науки. В эти годы тема судьбы человека, многие общественные и морально-нравственные проблемы поднимались в произведениях Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Распутина, В. Кондратьева, Д. Гранина, А. Адамовича, Ю. Трифонова, Ю. Нагибина, В. Аксёнова, А. Солженицына и многих других писателей, включая тех, кто был в эмиграции. Эти проблемы активно обсуждались в обществе. Обострённо осознавалась абсолютная ценность человека, тема человека стала приоритетной.

В те же годы наблюдалось активное становление «науки о человеке». Велись научные дискуссии вокруг творчества Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, книги Пьера Тейяра де Шардена «Феномен человека»¹², монографий С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» (1973), М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» (1974) и «Вопросы литературы и эстетики» (1975), вокруг серии работ академика И. Т. Фролова, которые затем были обобщены в его книге «Человек — наука — гуманизм» (1982), и многих других деятелей культуры. Шёл активный научный поиск альтернатив официальной идеологии, направленных на расширение возможностей общественного развития. На последнем аспекте научной дискуссии тех лет следует остановиться особо.

¹¹ Именно в 1974 году А. И. Солженицын в своей статье «Образованщина» призывал к смене приоритетов: «...Построить общество, первой характеристикой которого будет не коэффициент товарного производства, не уровень изобилия, но чистота общественных отношений» // *Солженицын А. И. Образованщина*. [Электронный ресурс] http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt_with-big-pictures.html. Дата доступа 15.12.2020.

¹² Книга Пьера Тейяра де Шардена (1881–1955) «Феномен человека» была запрещена к публикации в Европе католической церковью и опубликована в США лишь после смерти автора. На русском языке издана в 1965 г.

Действительно, начиная с 1920-х годов в СССР доминировал официальный научный подход, основанный на главном постулате марксистской философии о первичности материи по отношению к сознанию. Из него следовало, что построение социализма создавало все необходимые условия для формирования нового человека и новой морали, опирающейся на принципы равноправия и социальной справедливости. Параллельно марксистскому существовал альтернативный подход, краеугольным камнем которого была не проблема первичности материи или сознания, а проблема человека, которая ставилась как научная и социальная. Именно этот альтернативный подход стал предметом широкой научной дискуссии 1970-х гг. Важным истоком этой дискуссии был феномен, который мы условно назовём «парадоксом Достоевского».

Суть парадокса Достоевского в следующем. Признавая греховность и непостижимость человеческой природы, писатель одновременно рассматривал личность человека как высшую ценность¹³, а её развитие и творческое самоутверждение — как высшую цель. Достоевский писал: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избегнете зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой, и что, наконец, законы духа человеческого столь же неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределённы и столь таинственны, что нет и не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот, который говорит: “Мне отмщение и аз воздам” (25; 201). Утверждая, что «не может быть ещё ни лекарей, ни даже судей», Достоевский в то же время своим творчеством сделал многое для искоренения человеческих пороков и утверждения евангельских истин. Этого он достигал не с помощью психологии как науки («истинная духовность лежит за пределами психологии»), а благодаря собственному выработанному с годами творческому методу, который позже был им самим назван «реализмом в высшем смысле». Незадолго до смерти Достоевский писал: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (27; 63). Сутью этого «реализма в высшем смысле», по определению К. А. Степаняна, было «воссоздание реального мира и постижение человеческого духа в максимальном объёме и в глубине»¹⁴. Писатель раскрывал психику человека, стремясь «при полном реализме найти в человеке человека» и утверждать человека в человеке¹⁵. Здесь «реализм»

¹³ В юности Ф. М. Достоевский писал своему брату Михаилу: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28; 63). Всю свою жизнь Достоевский посвятил раскрытию этой тайны.

¹⁴ *Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени*. М., ГлобалКом, 2016. С. 262.

¹⁵ «Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом...», — писал Ф. М. Достоевский в февральском «Дневнике писателя» за 1876 год (22; 43).

есть сама жизнь, а человек — её суть, «фокус природы», по меткому выражению С. И. Вавилова¹⁶.

Парадокс Достоевского явно или незримо постоянно присутствовал в дискуссии сторонников альтернативного подхода, заостряя проблему и придавая ей исторический характер. Более того, рассматривая проблему с разных ракурсов, участники дискуссии независимо друг от друга часто фиксировали новый уровень её понимания.

Например, М. М. Бахтин, развивая мысль Достоевского, писал: «Пока человек жив, он живёт тем, что ещё не завершён и ещё не сказал своего последнего слова», «подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие»¹⁷. Но именно этот «выход за пределы» и даёт надежду человечеству разрешить проблему человека!

С. И. Вавилов, предвидя огромные возможности науки в решении проблемы человека, в поисках её «единой, истинной и так нужной» методологии замечал: «Надо создать особую естественную науку психики (не психологию — это что-то жалкое до сих пор). Но можно ли здесь ввести количество? По-видимому, да. ... Не ясно. Но надо же с этим что-то делать!»¹⁸.

С. Л. Рубинштейн в книге «Человек и мир» ставил задачу не менее фундаментальную — «о месте человека в мире, в жизни»¹⁹. Он рассматривает человека как целостный «микрокосм», связанный с миром как единое целое через духовное и телесное измерение.

Если творчество многих мыслителей служило ведущей идее отечественной культуры: личность человека есть высшая ценность, а его развитие и творческое самоутверждение — высшая цель, то фундаментальная заслуга М. В. Савостьяновой в том, что, обосновывая концепцию проекта Музея человека, она расширила понимание проблемы человека, выведя её из сферы философии, литературы и общественной мысли в сферу междисциплинарной науки и практики.

История российской культуры помнит драматические события противостояния этих двух подходов, официального и альтернативного. Различие подходов состояло в том, что они рассматривали проблему социального мироустройства как бы в двух разных системах координат: в социально-экономической и в социально-человеческой. Позицию М. В. Савостьяновой отличает отсутствие этого противостояния и доброжелательное отношение к обоим подходам, что говорит о совершенно ином уровне понимания проблемы. Как показала жизнь, оба подхода не отрицали, а дополняли и обогащали друг друга, более того, выводили проблему человека из плоскости социально-экономической в пространство триады: общество — экономика — человек. Роль концепции проекта Музея человека в интеграции этих подходов бесспорна.

Мария Владимировна Савостьянова за рабочим столом. Фото из архива автора

На пути к постижению «сущности человека»

В процессе упомянутой общественной и научной дискуссии «парадокс Достоевского» позволял обострённо осознавать важные грани «проблемы человека», делать шаги к пониманию «сущности человека». Той сущности, которая есть не только «совокупность всех общественных отношений» (как это представлял К. Маркс), но *часть природы в её самом широком понимании*, на чём так настаивал Достоевский всем своим творчеством. Это его убеждение стало более глубоким осознанием проблемы, чем было ранее. Хотя вся глубина этой проблемы человечеству неведома до сих пор.

Из этого осознания следовали многие вопросы. Например, такие: не вскрывает ли «парадокс Достоевского» фундаментальный смысл «сущности человека»? Не есть ли «парадокс Достоевского» проявление «парадокса совершенства»: человечество осознаёт, что совершенство невозможно, но извечно к нему стремится? Не это ли стремление имел в виду богослов Василий Великий (IV век), утверждая: «Бог создал человека, чтобы человек стал Богом»? Не является ли это стремление к совершенству истоком кантовского закона нравственности в нас? Не отражает ли это стремление глубинную «сущность человека»? Не идёт ли впереди человека и человечества идея совершенства как цель, как абсолютная идея? Не эта ли абсолютная идея формирует идеалы народа? Не эта ли абсолютная идея, обращённая в будущее, есть исток духа человека и духовности России, цель и задача государства Российского?

¹⁶ Вавилов С. И. Дневники. 1909–1951. М.: Наука, 2012. С. 343.

¹⁷ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. С. 99, 101.

¹⁸ Цитируется по изданию: Келер В. Р. Сергей Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 308.

¹⁹ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1973. С. 254.

Поиск ответов на эти вопросы пронизывает всё творчество Ф. М. Достоевского. Очевидно, что концепция проекта М. В. Савостьяновой была реакцией на эти вопросы и ответом на них. Её ответ однозначен: она рассматривала идею самосовершенствования человека как высшую цель, и её проект был направлен на то, чтобы расчистить человеку путь к совершенству, помочь преодолеть внутренние и внешние проблемы в покорении и освоении новых вершин культуры.

Вечно живая идея

Идея М. В. Савостьяновой о создании Музея человека как возможности «автопроектирования» личности (её целенаправленного самосовершенствования) средствами культуры и научно-библиофильское наследие Марии Владимировны — большое достояние культуры. Культура формирует ценности. Стремление человека к совершенству — вечная ценность. Совершенство есть основа прогресса: степень совершенного можно оценивать только по отношению к более совершенному. Совершенное — это образец для подражания и изучения. Для человека оно включает в себя такие высокие ценности, как ум, доброта, красота, трудолюбие, смысл, верность, полнота существования, гармония и др., и, объединяя их, совершенство придаёт им новое качество целого. Идеи совершенства вечны и неисчерпаемы, как и сама жизнь. Настолько же вечна идея Марии Владимировны о создании Музея человека.

Будет справедливо, если в истории науки имя М. В. Савостьяновой навсегда останется среди тех, кто поставил проблему самосовершенствования человека как научную и комплексную, предложил её практическое решение и реализовал доступными средствами.

Ю. В. Петрова

БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О ДЕТСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СЕРИИ ЖЗЛ

В статье проанализировано описание детского периода жизни Ф. М. Достоевского в биографиях серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). Выявлены основные парадигмы, влияющие на построение биографического нарратива. В каждой из четырёх биографий, изданной в серии ЖЗЛ, представлен свой образ детства Ф. М. Достоевского, в котором заключена концепция описания всего жизненного пути великого писателя. В фокусе внимания статьи несколько ключевых для этого периода жизни будущего писателя героев и тем: характеристика отца и матери писателя, семейные традиции, детские радости.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, серия «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), биография, факт, событие, детство.

Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома. <...> Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь. (15; 195).

Известно, что Ф. М. Достоевский признавал высокую ценность воспоминаний из детства и сам был чутким отцом, заботившимся о том, чтобы в памяти его детей остались светлые события и впечатления. Конструирование биографического нарратива зависит не только от личности биографа и от количества документов в его распоряжении, относящихся к жизни героя биографии, но во многом определяется культурной парадигмой, в которой находится автор биографии. Биографии ЖЗЛ — это наиболее показательная серия, в которой смена культурных моделей, влияющих на биографическое описание, видна наиболее ярко. В этой серии изданы четыре биографии Ф. М. Достоевского, и все они разительно отличаются друг от друга, дают нам четыре разных образа Достоевского, которые объединяют лишь факты биографии. Их смысловая окраска, определяющая биографический нарратив, совершенно различна во всех четырёх случаях. Первая книга в серии была написана до революции с позиций классического рационализма, её автор — Е. А. Соловьёв¹. Вторая принадлежит Л. П. Гроссману² и увидела свет в годы оттепели. Но по-настоящему «оттепельной» биографией стала книга Ю. М. Селезнёва³, третья в данной серии. Последняя изданная в ЖЗЛ

¹ Соловьёв Е. А. Достоевский Ф. М.: его жизнь и литературная деятельность. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1891. — 96 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

² Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1962. — 473 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

³ Селезнёв Ю. М. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. — 543 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

биография Достоевского (самая объёмная) написана Л. И. Сараскиной⁴ и вышла в год 190-летнего юбилея писателя.

Детство — это особая пора жизни, когда закладываются основы будущей личности взрослого человека. Эту точку зрения разделяют, кажется, все биографы. В то же время биографии раннего периода жизни всегда проблематичны вследствие недостатка документальных источников. Биографу, описывающему детство, необходимо быть особенно чутким к деталям повседневной жизни ребёнка. В настоящей статье мы рассмотрим, как описано детство Ф. М. Достоевского в биографиях серии ЖЗЛ. В фокусе внимания будет несколько ключевых для этого периода жизни будущего писателя героев и тем: характеристика отца и матери писателя, семейные традиции, детские радости.

Как к основному источнику сведений о детстве Достоевского биографы прибегают к «Воспоминаниям» младшего брата писателя Андрея Михайловича. Также приводятся цитаты из текстов самого Фёдора Михайловича, относящиеся к детству и воспоминаниям о родителях. У Е. А. Соловьёва, автора первой биографии писателя в серии ЖЗЛ, это практически единственный источник. У Л. П. Гроссмана, Ю. М. Селезнёва, Л. И. Сараскиной количество привлечённых для написания биографии источников увеличивается, становятся доступными всё новые документы, разрабатывается методология, позволяющая по-новому интерпретировать ранее известные факты и события.

Книга Е. А. Соловьёва «Достоевский Ф. М.: его жизнь и литературная деятельность» находится во власти мифа о «жестоком таланте», созданном Н. К. Михайловским. Соловьёв неоднократно использует слова «страсть», «истеричность», говоря о характере Достоевского, о его творческой манере, и подытоживает свои рассуждения «диагнозом»: «Достоевский был несомненным психопатом»⁵. Эта точка зрения определила основной тон биографического повествования. Очевидно, Е. А. Соловьёв находился под обаянием популярной в Европе благодаря книге М. Нордау «Вырождение» (1892) идеи о том, что гениальность — это разновидность психического отклонения. Также он разделял представление о том, что в литературных произведениях автор за главных героев говорит от своего лица, а персонажи и обстановка являются творческим преобразованием реальных впечатлений писателя. Биограф показывает характер своего героя как амбивалентный. С одной стороны, «Достоевский, как страстный и нетерпеливый характер, зачастую чувствовал какую-то истеричную и вместе с тем непримиримую злобу и к жизни, и к людям. В эти мрачные минуты его душевные раны открывались; дикой и мучительной, полной ненужной, но неукротимой жестокости представлялась ему жизнь»⁶. С другой стороны, «Достоевский <...>

⁴ Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

⁵ Соловьёв Е. А. Указ. соч. С. 6.

⁶ Там же. С. 11.

видел в жизни прежде всего проблему нравственную и религиозную. В решении её, т. е. в поисках веры в Бога и личном самоусовершенствовании, и заключается задача человека здесь на земле». Вместе с тем Достоевский, по мнению Е. А. Соловьёва, был убеждён: «Жизнь — задача громадная; житейская борьба суровая, и нечего плакать, если после неё и руки, и ноги в крови будут. Не для радости живёт человек, а для осуществления нравственного идеала, в жертву которому он должен принести своё личное “я”»⁷.

Истоки столь болезненного и неровного характера Достоевского Е. А. Соловьёв находит в сложной, исполненной противоречий и жизненных неурядиц жизни классика. Раздвоенность характера писателя проистекает из различий, свойственных отцу и матери Фёдора Достоевского. Всегда серьёзный отец показан как человек, привыкший всего добиваться своим трудом: «В городе детей держали строго, особенно отец, который терпеть не мог их шалостей, любил, чтобы они постоянно занимались делом, и мечтал, по-видимому, о том, чтобы направить их по учёной части. К этой строгости примешивался своего рода педантизм, особенное твёрдое убеждение, что жизнь — это такая серьёзная и трудная вещь, что подступать к ней надо во всеоружии и уже с детства готовиться ко всяким лишениям, неприятностям, ясно выработав себе идею долга и обязанности»⁸, «отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив»⁹, «отец не бил, это правда, но это суровое, требовательное отношение к детству, эти раздражённые вспышки, этот подозрительный, угрюмый взгляд и полное, по-видимому, отсутствие добродушия действуют ничуть не хуже и не лучше розог»¹⁰.

Биограф доводит до крайности особенности характера и Достоевского-отца, и Достоевского-сына и, очевидно, подразумевает психопатическую подоплёку их отношений, описывая последнего как угрюмого деспота, «неудачника», постоянно пугавшего детей и готовившего их к тяжёлой жизни: «Отец передал своему сыну по наследству болезненную недоверчивость к себе, людям, жизни вообще, он своим обращением ещё усилил и раздул её. Он был строг не столько в смысле справедливости, сколько неукоснительной требовательности. Своим обращением, своими разговорами он постоянно внушал детям, что жизнь — это тяжёлая, трудная вещь, где человека за ничтожную ошибку ждёт гибель»¹¹. Мать же показана как полная противоположность отцу: она была «религиозная, хозяйственная женщина», «строгость отца умерялась ласками матери»¹².

Среди сильных впечатлений детства будущего писателя биограф отмечает случай с мужиком Мареем, предложение о помощи няни в тот момент,

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Там же. С. 16.

когда пришла новость о сгоревшей деревне. Отсюда Е. А. Соловьёв прямо ведёт к идеям позднего Достоевского о необходимости возвращения к народным началам русской жизни.

Автор первой биографии Достоевского в ЖЗЛ не отказал будущему писателю в детских радостях. К их числу относятся летние деревенские впечатления в родительском имении Даровое, семейные чтения. Однако биограф убеждён, что Достоевский «читал, особенно в молодости, очень много, и надо прямо сказать, что более беспорядочное чтение трудно себе вообразить. Системы ни малейшей. Читается всё, что попадает под руку, преимущественно романы и поэзия»¹³.

Подобные издержки описания детства Достоевского нельзя объяснить только недостатком фактов. Согласно методологии Г. О. Винокура, в недостоверной биографии могут быть «фиктивны не сами факты, а только та экспрессивная атмосфера, которая им сообщается»¹⁴. Написанная Е. А. Соловьёвым биография Ф. М. Достоевского насыщена этой экспрессивной атмосферой, сгущение которой приводит к тому, что детство писателя имеет лишь редкие просветы в тёмной обыденности. Описывая картины семейных вечеров в семье Достоевских, биограф прибегает к штампам: «Тут и отец с усталым и угрюмым выражением лица, и добрая улыбающаяся мать, и сам Фёдор Михайлович, маленький, нервный, юркий, с блестящими и восторженными глазами». Е. А. Соловьёв во вступлении описал характер писателя как неровный, лишённый дисциплинированности, почти экзальтированный, и, описывая детство писателя, он старается показать предпосылки становления и развития подобного характера. Биограф идёт не от факта к концепции жизни и творчества Достоевского. Напротив, к своей идее о том, что представляет из себя писатель как человек и как складывается его уникальная творческая судьба, он прилагает известные ему довольно скудные факты.

Эта же амбивалентность характера Ф. М. Достоевского и отношений в семье будущего писателя прослеживается на страницах биографии Ф. М. Достоевского, написанной Л. П. Гроссманом. Биография начинается с описания жизни отца семейства и исторического контекста, когда появился на свет Фёдор Достоевский. «В удушливом запахе крови и разложения» трудился Михаил Андреевич на заре своей карьеры, «одно из самых печальных участков старой Москвы» — место рождения Фёдора, «властные, пылкие и неукротимые в своих страстях и вожделениях»¹⁵ предки будущего писателя, — этот образный ряд предваряет биографию Ф. М. Достоевского и задаёт экспрессивную атмосферу повествованию. Биограф отказывает отцу Достоевского в положительных качествах. Его гуманной профессии врача «мало соответствовал характер Михаила Андреевича, неуживчивый и ожесточённый жизненной борьбой. Это был,

по свидетельству близких, человек чрезвычайно раздражительный, крайне вспыльчивый и заносчивый. Он представлял собой тип упорного и неутомимого работника, угрюмо исполняющего свой жизненный долг, нетерпимо требовательного ко всем окружающим. Вспышки его гнева были ужасны. При всём этом он отличался крайней скупостью и страдал тяжёлой формой алкоголизма. Характер отца и созданная им невыносимая атмосфера в доме глубоко омрачили детство и отрочество Достоевского. С четырёхлетнего возраста мальчик уже ощущал этот деспотический гнев главы семейства»¹⁶.

Совсем иное дело — мать писателя. «Этот угрюмый врач военных лазаретов выбрал в 1819 году себе в жёны девушку светлой души и жизнерадостной натуры — Марию Фёдоровну Нечаеву»¹⁷. Создавая её портрет, биограф не жалеет светлых красок: музыкальная, поэтичная натура, любящая жена и мать, ласковый и задумчивый взгляд, одухотворённое лицо.

В целом Л. П. Гроссман расширил круг влияний на будущего писателя. Советскому биографу было важно доказать «разнородность социальных влияний» на мироощущение Достоевского»¹⁸, близость великого русского писателя к народу. Поэтому он пишет, что в детстве Фёдор общался с больными — пациентами Мариинской больницы для бедных, где служил отец, со своими родственниками из среды купцов. Л. П. Гроссман прослеживает и творческую генеалогию писателя, возводя любовь к слову к его прадеду Михайле Котельницкому и деду Андрею Достоевскому. Первым эстетическим переживанием Фёдора Достоевского «было его раннее знакомство с народным творчеством»¹⁹, сказками, рассказанными няней и крестьянками, служившими у Достоевских. Другой след влияния народного творчества на душу Фёдора — знакомство с памятниками зодчества и иконописью в Московском Кремле и Троице-Сергиевой Лавре. Этот ряд впечатлений дополнили народные зрелища — святочные балаганы, в которые детей из семьи Достоевских водил двоюродный дед Василий Михайлович Котельницкий.

Вопреки мнению Е. А. Соловьёва второй биограф писателя в серии ЖЗЛ уверен в богатстве образования, которое получил Достоевский. Помимо впечатлений от народного творчества, это и классический театр, и литературные открытия, и обучение грамоте матерью по сборнику историй Ветхого и Нового Завета, которые будущий писатель, по слову Л. П. Гроссмана, ценил за их художественное значение, воспринимал их как «выдающиеся произведения народного эпоса».

Очень скупо описывает биограф радости летних месяцев, проведённых Достоевским в родительском имении Даровое. Из теплых воспоминаний, связанных с деревней, Гроссман описывает лишь встречу с мужиком

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Винокур Г. О. Биография и культура. — М., 1927. С. 52.

¹⁵ Гроссман Л. П. Указ. соч. С. 7.

Мареем, утверждая, что в ней «один из живых истоков <...> горячей любви писателя к своему народу»²⁰.

Эпиграфом к биографии Достоевского, написанной Ю. М. Селезнёвым, является знаменитый тезис писателя о необходимости разгадки тайны человеческой души. Исполнена тайн душа самого Достоевского, и биограф, делая попытки понять её, исходит прежде всего из осознания величия судьбы гения и непостижимости его развития.

Введение в детство писателя в главке под названием «Истоки» начинается с описания казни петрашевцев на Семёновском плацу. «Предчувствие своего нового, не сказанного ещё слова о мире и миру»²¹ охватило, по слову Ю. М. Селезнёва, Достоевского за несколько минут до расстрела. И детство будущего писателя словно проходит под знаком слова, трансформирующего реальность, выхватывающего из обыденности тайну мира, растворённую в нём. В биографии нет погружения в психологию личности ребёнка, но есть увлекательный образ сознания, взрослеющего и понимающего неоднозначность мира, несводимость его к одному знаменателю, сознания, в котором, словно сжатая пружина, до времени скрыт величайший «дар божий»²².

Концепция Ю. М. Селезнёва пронизана уважением не только к личности всемирно известного писателя, но и ребёнка, которому на страницах биографии предстоит этим писателем стать. Ей чужда чёрно-белая однозначность нравственных оценок. Лаконично и бережно описана жизнь Достоевского, в ней опорными событиями становятся те, в которых прочитывается будущая судьба: наречение именем Фёдор, пролетевший из окна в окно деревенской церквушки голубок, «удивление и восторг окружающих, вызванные словом» прочитанной ребёнком молитвы, первая детская влюблённость и потрясение от трагической гибели её предмета, история с мужиком Мареем, внимание и трогательная забота о младенце, для которого у его матери-крестьянки не было воды. Вместе с тем эпизоды детства в биографии наполнены вниманием к деталям: к родословной будущего писателя и генеалогии творческих способностей Ф. М. Достоевского, к подробностям быта и семейным традициям, к литературным открытиям, к впечатлениям от праздников, поездок в Сергиеву Лавру и летних дней, проведённых в Даровом. Биографическое повествование включает в себя характеристики матери и отца, но их отношения лишены однозначного прочтения как отношения жертвы и тирана. В характере отца отмечены и его вспыльчивость, подозрительность, и «амбиции уязвлённого самолюбия», но автор, доверяя «Воспоминаниям» А. М. Достоевского, подчёркивает, что раздражение главы семьи было главным наказанием для детей, а розог они не знали.

Ю. М. Селезнёв словно дарит Достоевскому счастливое детство, в котором светятся искры будущего дарования. Переломным моментом жизни

писателя в этом биографическом нарративе становится инсценировка казни на Семёновском плацу, сцены из этого драматического события разворачиваются одновременно с эпизодами из детства будущего писателя. «Что увиделось, что вспомнилось ему тогда, в эти несколько мгновений?», — задаётся вопросами биограф, описывая ожидание казни. — «Была ли то неутолённая печаль материнских глаз? Они светили ему всю жизнь из дальних далей детства»²³. «“Эй, Федя, уймись, — слышится ему давний голос отца, — несдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой!” — “Сбылось”, — усмехнулся про себя»²⁴, — мешает документальную основу с вымыслом биограф. «Отвлечённые философствования не давали ещё пищи воображению десятилетнего мальчика, но рассказы о страдальце, пошедшем на крест во имя искупления зла, потрясали и умиляли детское сердце, уже успевшее познать и цену страдания, и муки неискупленного зла»²⁵. Эти рассуждения предваряют описание казни, реконструированное на основе воспоминаний других петрашевцев и художественного образа приговорённого к казни, созданного Достоевским в романе «Идиот».

В биографическом нарративе Ю. М. Селезнёва о детстве будущего гения просвечивает житейная основа: Достоевский и в детские годы уже словно убелённый сединами мудрый старец, как иногда пишут на иконах младенца Христа, скорбно и не по-детски сосредоточенного. В таком подходе есть своя правда: к бытовой стороне жизни великого писателя мы, благодаря заботе биографа, относимся с благоговением, не искушаемся желанием сорвать покровы с тайн, всюду ищем и находим семена будущих талантов Достоевского. Лаконично обозначены ключевые события детства, которые позднее отзовутся во взрослой жизни писателя.

К моменту написания четвертой биографии Достоевского в серии ЖЗЛ значительно расширился объём биографических сведений о нём, а значит, и задача их отбора стала более непростой, тем более что, кажется, биографы коснулись почти всех тем, относящихся к детству Достоевского. В биографии, написанной Л. И. Сараскиной, много подробностей, которые серьёз могут увлечь узких специалистов, как например, изыскания в области родословия Достоевских. Л. И. Сараскина солидарна с мнением, «что, зная имена предков Достоевского, живших в XVI и XVII веках, мы не имеем ни малейшего понятия о его ближайших (по времени) родственниках»²⁶. Биограф пишет о «генеалогическом вакууме», который «распространяется и на персонажей больших романов Достоевского: та же неукоренённость в роде, то же существование в беспредельности (а не в родовых пределах), тот же родословный нигилизм, которым болеют люди всех сословий, состояний, возрастов»²⁷. А вместе с истощением родовой памяти в романах

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Там же. С. 17–18.

²⁶ Сараскина Л. И. Указ. соч. С. 34.

²⁷ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 14.

²¹ Селезнёв Ю. М. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 9.

²² Там же. С. 11.

Достоевского властвует стихия смерти: биограф подробно подсчитывает, сколько умерших пришлось на каждое большое произведение писателя.

Всё это, равно как и трагические эпизоды детства Достоевского, убеждает нас в том, что писатель пришёл в этот мир не для того, чтобы ласкать нашу совесть. Попав в мир, полный страданий, он не отвернулся от них, создал величайшие художественные образы, в которых отчётлива мысль: зло не довлеет, зло может быть побеждено. Силы для опровержения зла человек может черпать из детства, и Л. И. Сараскина даёт читателю представление о том, где могла корениться убеждённость Достоевского в превосходстве добра и правды. Первой из биографов ЖЗЛ она связывает слова писателя о «лучших людях» с его родителями: «У Ф. М. Достоевского были все основания гордиться молодыми годами своего отца»²⁸.

Спокойная и профессиональная работа достоевскооведа убеждает в том, что у писателя было по-настоящему счастливое детство, в котором нашлось место и для детских шалостей, и для потрясений, и для тепла семейных вечеров, и незабываемых впечатлений, вошедших в литературу мирового масштаба. Оправдан отец писателя, опровергнут миф о губительном влиянии его строгости на характер юного Достоевского. В облике отца у Л. И. Сараскиной больше человечности, чем у любого другого биографа: описана и его любовь к красивому костюму, и общение с детьми во время прогулок по Марьиной Роще, его трудолюбие и честность. Годы раннего детства будущего писателя совпали со счастливым временем жизни его отца, подчёркивает Л. И. Сараскина.

Лирично описаны первые встречи Фёдора с неземным миром, с Богом: воспоминание о голубке, пролетевшем в церкви из окна в окно, поездки в Лавру. «Фёдору Достоевскому щедро были даны те, на ком он учился любви. Ему вовремя были посланы те, на ком он учился состраданию», — этот взгляд на детство Достоевского совершенно новый для всех биографий писателя серии ЖЗЛ. Здесь предстаёт образ Достоевского как человека, укоренённого не в семейном, а в человеческом роде на законе любви и сострадания.

Не менее значима и укоренённость в культуре, подробно и любовно описаны сцены семейных чтений в семье Достоевских: «главное “слушание” происходило, когда читали попеременно отец и мать. Осознать себя страстными книгоочемцами супруги Достоевские смогли, вероятно, лишь став многодетными родителями»²⁹. В традиции семейного чтения по «заведённому порядку» сочетаются уют и тепло и всё возрастающая книжная грамотность Фёдора. Как считают современные педагоги, спокойная атмосфера душевного тепла и приятия способствует наилучшему развитию ребёнка. В этом описание детства у Л. И. Сараскиной резко контрастирует с первой биографией в серии ЖЗЛ: Достоевский Сараскиной получил наилучшее образование в детстве. Это образование включало в себя не только

усвоение шедевров мировой культуры, но и научало любить, относиться со вниманием и заботой к ближним, сострадать и видеть человеческое в человеке вне зависимости от каких-либо условностей.

Важный тезис последней биографии Достоевского в серии ЖЗЛ: «гений — это не норма, это нарушение нормы», «слишком горяч», — говорят о Фёдоре Достоевском его родители. «Слишком впечатлителен», «слишком резок» — нарушение нормы проглядывало уже в раннем детстве»³⁰. В отличие от Ю. М. Селезнёва, Л. И. Сараскина ищет и находит приметы, по которым можно различить черты будущего таланта. «Кажется, и домашний уклад строился в этой семье так, чтобы поощрить любознательность, укрепить настойчивость, разбудить воображение»³¹, — в этом Сараскина солидарна с Е. А. Соловьёвым, но, в отличие от первого биографа Достоевского в серии ЖЗЛ, она видит в этом обстоятельстве благо, нить судьбы, которая вывела Фёдора Михайловича к его дарованию.

Каждая биография Ф. М. Достоевского в серии ЖЗЛ даёт нам своего Достоевского, и в описании детства ярко видны различия в биографическом подходе разных авторов. Помимо разницы в объёме материала существенно влияет на нарратив позиция биографа, смысловая окраска, которой он насыщает отобранную фактографическую базу. Первая биография в серии ЖЗЛ настроена к Достоевскому почти враждебно. Е. А. Соловьёв исходит из того, что уже сложившийся как личность Достоевский склонен к мучительству, болезненности фантазий, и детские годы описаны как основа для возникновения и расцвета такой личности. Биограф не видит в Фёдоре Достоевском ребёнка со своим детским миром, он видит в нём будущего певца страданий, в том числе тех страданий, которые и сам испытал в детские годы.

Подход Л. П. Гроссмана к детству Достоевского более взвешенный. Несмотря на то, что биограф продолжает традицию противопоставления отца и матери, в его изображении детства писателя есть несколько страниц, погружающих нас в особое пространство мира ребёнка с его шалостями, удивлением первых открытий, любознательностью. В целом детство Достоевского дано как небольшой и не слишком интересный отрезок жизни писателя, не обладающий высокой самостоятельной ценностью.

Биографический нарратив о детстве Ю. М. Селезнёва романтизирует Достоевского, сквозь эпизоды детских лет просвечивает канва самых экзистенциально напряжённых событий жизни писателя. В детстве угадываются черты будущего, связанные как с жизнью, так и с творчеством писателя. Подход Ю. М. Селезнёва можно назвать житийным: словно по канону описано детство Достоевского, очарование, обаяние и особая сложность его детского мира сопряжены с жизненным, литературным, культурным опытом будущего классика мировой литературы.

²⁸ Там же. С. 47.

²⁹ Там же. С. 63.

³⁰ Там же. С. 65.

³¹ Там же.

Детство Достоевского в биографии Л. И. Сараскиной — это действительно детство, самоценный и богатый на свои собственные события и открытия период жизни. В этом тексте развенчаны многолетние биографические мифы и дана плодотворная установка: Достоевский — часть не просто своего рода с трудной судьбой, он часть человечества. «Светлые домашние впечатления», «удачи детства», «переживания прекрасного», — так описано детство Достоевского.

Думается, что современный подход к детскому периоду биографии великого русского писателя заключается в том, чтобы представить читателю это время как целостный и значимый период жизни, полный светлых воспоминаний, о ценности которых так много сказано Ф. М. Достоевским. Тем более это важно для серии ЖЗЛ, выступающей своеобразным эталоном биографического повествования.

Е. А. Калинина

СБЛИЖЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ НАСЛЕДИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье представлен опыт работы Ярославской библиотеки имени Ф. М. Достоевского как Центра семейного чтения и общения. Духовное наследие классика сближает поколения отцов и детей своим философским и воспитательным потенциалом.

Ключевые слова: Достоевский, библиотека, чтение, читатель, место диалога, культурное пространство.

«Жизнь измеряется не числом вдохов-выдохов, а моментами, когда захватывает дух», — считал Джордж Карлин. Духовное наследие Фёдора Михайловича Достоевского вошло в мою жизнь в 15 лет, когда захватило дух после прочтения ранних произведений писателя. Более 30 лет я имею счастье служить в Ярославской библиотеке имени Ф. М. Достоевского. С 2002 г. наша библиотека работает как Центр семейного чтения и общения, поддержанный грантом губернатора Ярославской области.

Мы попытались разработать такую систему разговора о книге, которая позволила бы рассматривать человека во всей его полноте. Человек должен стремиться к высокому качеству жизни, а для этого он сам должен быть высоко развитым. Разговором о творчестве Ф. М. Достоевского мы стремимся поднять читателей, особенно молодых, до высшей точки переживания, откуда начинается путь к духовному обновлению. Любимые произведения короткого жанра у наших читателей — «Ёлка и свадьба», «Кроткая», «Сон смешного человека». Кроме того, ярославцы имеют возможность встретиться в нашей библиотеке с прославленным режиссёром Александром Константиновичем Петровым — автором мультипликационного фильма «Сон смешного человека». Интересной была встреча с литературоведом Константином Абрековичем Барштом, в содружестве с которым Александр Петров создавал свой фильм.

Особое внимание в библиотеке семейного чтения уделяется теме материнства и отцовства. «Величавая человеческая ценность» — так называется цикл встреч, посвященных образу матери в литературе и матерям выдающихся людей, среди которых — мать Ф. М. Достоевского. В 1837 г. семья Достоевских пережила страшное горе, когда Мария Фёдоровна, незаурядная женщина, нежная мать и любящая супруга, ушла из жизни. Вот как об этом пишет один из биографов: «В 35 лет эта слабая женщина была матерью восьмерых детей (из которых дочь Любовь, рождённая в 1829 году, прожила всего несколько дней). После появления последнего ребенка (в июле 1835 года) лёгочная болезнь жены штаб-лекаря резко ухудшилась. В 1836 году больную коротко остригают под гребёнку. Отдельные моменты этой медленной агонии Достоевский вспомнил в своём неоконченном романе 1849 года «Неточка Незванова», описывая умирание своей чахоточной героини — тихой и несчастной Александры Михайловны. С начала 1837 года Мария Фёдоровна уже не выходит

из своей полутёмной спальни. В ночь на 27 февраля умирающая простилась с детьми, впала в беспамятство и к утру скончалась. 1 марта Марию Фёдоровну похоронили на ближайшем Лазаревском кладбище»¹.

Любимый Достоевским Пушкин говорил: «Злословие даже без доказательств оставляет почти вечные следы»². Наверно, злословие долгие десятилетия незаслуженно сопровождало и Михаила Андреевича Достоевского, человека во всех отношениях достойного: «Отец великого классика в 1809 году оставил Каменец-Подольскую семинарию и поступил в Московскую медико-хирургическую академию. В Отечественную войну 1812 года “студент 4-го класса” Михаил Андреевич Достоевский командирован в “московскую головинскую госпиталь для пользования больных и раненых”, затем в касимовскую военно-временную госпиталь, потом переводится в Верейский уезд “для прекращения свирепствующей повальной болезни”. В 1813 году его производят в штаб-лекари, и он получает назначение в Бородинский пехотный полк, в котором служит до 1818 года, когда его вновь переводят, на этот раз ординатором, а затем старшим лекарем в Московскую военную госпиталь. В переполненных тыловых госпиталях, в душливом запахе крови и разложения он неутомимо производил свои бесчисленные операции и ампутации, наблюдая войну не в геройской обороне и генеральных сражениях, а в массе её растоптанных жертв. В 1819 году женится на Марии Фёдоровне Нечаевой. В 1820 году уходит в отставку с военной службы, а в следующем уже определён на вакансию лекаря в Мариинскую больницу для бедных (Божедомку). Здесь-то, в правом флигеле, 11 ноября (по новому стилю) 1921 года у Михаила Андреевича и Марии Фёдоровны и родится второй сын, будущий великий писатель Фёдор Михайлович Достоевский»³. Наши библиотечные встречи призваны реабилитировать образ его отца.

Гостями наших мероприятий становятся и потомки Достоевских, их ближайшие родственники. Это Лариса Дмитриевна Ленина — супруга Андрея Сергеевича Ленина, праправнука Андрея Михайловича Достоевского, ярославского губернского инженера и архитектора, младшего брата великого классика.

Ещё один цикл встреч «О Достоевском — в серии ЖЗЛ: кто Ваш автор?» находит отклик у разных категорий читателей. Одни выделяют Юрия Селезнёва⁴. Кому-то ближе Леонид Гроссман. Кто-то неоднократно обращается к биографии Достоевского, написанной Людмилой Сараскиной⁵.

Одна из наших инициатив — родительские собрания в библиотеке. В ближайших окрестностях библиотеки — 4 общеобразовательные школы (одна

¹ Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1963. — С. 26–27. (Жизнь замечательных людей).

² Пушкин А. С. Гости съезжались на дачу // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. 6. С. 157.

³ Гроссман Л. П. Указ. соч. С. 27.

⁴ Селезнёв Ю. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2004. — 510 с. — (Жизнь замечательных людей).

⁵ Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 848 с. — (Жизнь замечательных людей).

из них, № 21, носит имя Андрея Михайловича Достоевского), около 10 дошкольных учреждений, один колледж. Активными собеседниками в ходе родительских собраний в библиотеке выступают отцы семейств, а лейтмотивом встреч стали слова Ф. М. Достоевского: «Главная педагогика — родительский дом» (14; 223).

С 2000 г. проводятся вечера семейного чтения «Православная книга в семье». Слова Ф. М. Достоевского «Жить без Бога одна лишь мука» являются девизом общественного движения по возведению храма в нашем микрорайоне. В 2011 г. на проспекте Фрунзе открылась церковь Ярославской Божьей Матери, один из объектов будущего храмового комплекса в честь Благоверного князя Ярослава Мудрого.

Большим другом библиотек города Ярославля был А. И. Кузнецов — председатель правления отделения Ассоциации жертв политических репрессий Фрунзенского района. Главное дело жизни Альберта Ивановича — сбор материала и издание книги очерков «Знать и помнить», где собраны рассказы о 55 ярославцах, осуждённых по печально известной 58 статье Уголовного кодекса РСФСР. Много раз по инициативе А. И. Кузнецова проходили библиотечные встречи, посвящённые «Запискам из Мёртвого дома» Достоевского.

К 100-летию А. И. Солженицына (2018) мы предложили своим читателям стать участниками диалога «Достоевский как предисловие к Солженицыну». Источник названия — слова Сергея Залыгина: «Рассказанное Достоевским читается ныне как предисловие к Солженицыну. Не мы, читатели, не они сами так рассудили между собой, так рассудила история, наша действительность последних десятилетий, те события, наступление которых Достоевский и предположить не мог»⁶.

В библиотеке на «Кафедре Достоевского» читатели могут познакомиться со статьёй М. В. Барабановой «Идея страдания в творчестве Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына»⁷. Автор, иллюстрируя исследование «Портретом Ф. М. Достоевского» (1976) кисти художника К. А. Васильева и фотографией А. И. Солженицына «Особлагерь. 1953 год», пишет: «Говорят, что у Солженицына обнаруживается известная слабость к тюремному заточению. Это верно. Но, по словам Ж. Нивы, “правильнее было бы говорить об этике заточения. Находясь в исторгнутости из повседневного существования, человек легче вырывает плевелы из своей души”. Известно, что Достоевский, отбыв свой срок на каторге, ратовал за наказание и считал, что тюрьма всегда возвышает и очищает человека. Насколько верно это мнение, судить сложно. Но самый плодотворный период творчества Достоевского — послесибирский. Именно после каторги наиболее полно раскрывается его талант (“Записки из Мёртвого дома”, “Идиот”, “Униженные и оскорбленные”, “Преступление и наказание”, “Братья Карамазовы”, “Дневник писателя”). Что касается Солженицына, то его явление в литературе состоялось лишь после одиннадцати лет

⁶ Залыгин С. Год Солженицына // Новый мир. — 1990. — № 1. — С. 241.

⁷ Барабанова М. В. Идея страдания в творчестве Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына // Литература в школе. — 2012. — № 1. — С. 11–13

лагеря. Именно там выковывался окончательно его характер, там родился его взыскательный голос. В самой сердцевине своего лагерного опыта Солженицын увидел не мрак абсурда, но сияние смысла. Разумеется, не будь каторги и лагеря в жизни Достоевского и Солженицына, их могучий талант нашёл бы применение, проявился в другой плоскости. Бесспорно одно: заключение оставило огромный отпечаток на их мироощущении»⁸.

Отправной точкой в наших начинаниях по созданию Центра семейного чтения явилось выступление А. И. Солженицына на встрече с читателями Российской государственной библиотеки в мае 2000 г. Одной из причин общего распада страны Александр Исаевич назвал «разрыв культурного пространства». В этом процессе мыслитель выделил несколько аспектов, первый из которых — возрастной разрыв, или отчуждение поколений. Классический конфликт отцов и детей усугубляется размытостью нравственных ориентиров. Как руководство к действию коллектив библиотеки принял предложение Солженицына: «Центром объединения поколений должна стать хорошая книга»⁹.

Через творчество Ф. М. Достоевского мы переходили к знакомству с произведениями современников. Удивительная атмосфера присутствовала на вечере, посвящённом рассказу Павла Лаврѐнова «Косиножка»¹⁰. Предисловие к рассказу написано А. И. Солженицыным: «По многим бытовым признакам читатель увидит, что в предлагаемом рассказе (написанном ёмко, плотно и нигде не провисающем) детство описано не нынешнее, а сегодняшних тридцатилетних. Мир ребёнка отражен детально, изнутри — и в комочках этого мира, где никогда не прорастали понятия о добре и зле, а жестокость — первопохвальна, мы видим ту почву, из которой выросло сегодняшнее. И невозможно не задуматься: а что же с нынешними, и вовсе заброшенными детскими поколениями? — и как это отдастся нам в будущем?»¹¹ Как видим, Солженицына волнуют те же вопросы, которые Достоевский задавал себе и читателям в «Дневнике писателя», размышляя о впечатлениях, вынесенных в жизнь из родительского дома современными ему детьми.

Центральная библиотека в Ярославле носит имя М. Ю. Лермонтова. С 2000 г. здесь проходят Лермонтовские чтения. Полюбился молодым ярославцам проводимый библиотекой бал-маскарад, на который они ежегодно спешат 15 октября. Тема «Лермонтов и Достоевский» для нас — источник новых форм работы с читателями.

В 1889 г. супруга Ф. М. Достоевского Анна Григорьевна заполнила анкету петербургских журналистов под названием «Моё призвание». На вопрос «Ваш любимый писатель?» она отвечала: «Достоевский». А на вопрос «Ваш любимый поэт» — «Лермонтов». Фёдор Михайлович, по свидетельству пи-

сательницы В. В. Тимофеевой (О. Починковской), любил стихотворение «Прости» (из Джорджа Байрона). Обнажённость души самого Лермонтова, а не Байрона, чувствуется в этих строках. Читая лермонтовские строки, мы стремимся понять Фёдора Михайловича. «Прости» впервые опубликовано в 1859 г. в «Отечественных записках». В черновом автографе стихотворение озаглавлено «(Прости) из Байрона». Это перевод стихотворения «Farewell! If ever fondest prayer» («Прощай! Если когда-либо самая горячая молитва»):

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слёз в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь, —
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, —
Лишь чувствую — прости! — прости!

Герой лермонтовского «Штосса» Лугин — предшественник «мечтателей» Достоевского в «Хозяйке» (1847). С юными читателями мы соотносим два произведения. «Штосс» Лермонтов заканчивает в апреле 1841 г. за 3 месяца до гибели. Достоевскому в это время 19 лет. Напечатана повесть впервые в 1845 г. Произведение оставляет впечатление незавершённости в изложении фантастического сюжета. Главный герой повести Лугин «решается» заложить душу непонятной таинственной силе, чтобы выиграть у загадочного старичка Штосса «заколдованную» красавицу. На этом повествование обрывается. Но идейно повесть завершена. Достоевский понял это сразу. Персонаж, заложивший свою душу потусторонним силам, выбывает из борьбы за прекрасную цель. Повесть с новой силой доносит до читателей лермонтовское понимание любви как важнейшего состояния человеческой жизни. Только за любовь надо бороться честными способами. Это послание для молодых людей на все времена.

С 2000 г. мы ведём картотеку «Мой любимый герой Достоевского». Заслуживают внимание многие читательские отклики. Одна из актуальных тем — о причинах человеческого страдания. Читатель С. В. Ястребова написала: «Как же страдают герои в произведениях моего любимого Ф. М. Достоевского! Митенька Карамазов, за которым пошла бы на край света. Как хочется предотвратить поступок Родиона Раскольникова! В юной

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Литературная газета. 2000. 24—30 мая. С. 11. (Духовное падение гораздо страшнее физического. Сочинять фантазии или искать правду жизни?).

¹⁰ Новый мир. — 1998. — № 1. — С. 84.

¹¹ Там же.

Нелли вижу свою нерождённую дочь. У итальянского психолога и философа Антонио Менегетти встретила такое высказывание: «Высшие точки человеческого сознания опутаны злом, а самореализация сослана в рай, куда человек потерял дорогу и попадёт туда в лучшем случае только после смерти. Человек ностальгически чувствует то, что ему близко, но недоступно и невозможно, поскольку удалено в мир, непохожий на него» <...> Мне кажется, что Менегетти повторил наших классиков спустя полтора века».

Библиотекари — посредники между человеком и книгой. Это посредничество, представленное в Ярославской библиотеке им. Ф. М. Достоевского в новых, разнообразных формах взаимодействия с читателями, приобретает в настоящее время особое значение. Через постижение наследия Достоевского наши читатели приходят к пониманию современной литературы, осознают непреходящее значение классики, учатся понимать себя. Этому способствует деятельность Центра семейного чтения и общения, где люди разных поколений находят точки соприкосновения, преодолевают разобщённость.

ЗАПОВЕДНИК

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АРЕАЛ ДАРОВОГО

В статье с опорой на «Писцовые книги» XVI века рассматривается топонимический контекст деревни Даровое. Даровое, Моногарово, Черемошня показаны в системе регионального ономастического пространства. Раскрывается этимология названий, типичные схемы номинации.

Ключевые слова: Даровое, Моногарово, Черемошня, «Писцовые книги Московского государства», топонимы, микротопонимы, антропонимы, этимология.

Топонимическое пространство всегда многослойно, многомерно, многофункционально. В работах по ономастике топонимы рассматриваются в исторической ретроспективе как «уникальный источник информации о духовной культуре народа» (тезис Е. Л. Березович)¹ и как современный «информационно-коммуникационный ресурс» (определение М. В. Голомидовой)².

Топонимическое пространство прочитывается как своеобразный текст и прагматически ориентированный путеводитель по месту, представляющий его в системе пространственных и социокультурных координат. В этом топонимическом пространстве, «мозаичном переплетении различных стилевых пластов, пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры, представители которых по-своему структурируют пространство»³.

Конечно, топонимия любого региона представляет собой определённую систему, которую можно рассматривать в двух аспектах: в лингвистическом — как особую подсистему внутри общезыковой системы, и в экстралингвистическом — как семиотическую социальную систему, топонимическая система при этом, как утверждает В. Н. Топоров, — «совокупность элементов, организованных таким образом, что изменение, исключение или введение нового элемента закономерно (предсказуемо) отражается на остальных элементах»⁴.

Задача нашего исследования: рассмотреть топонимию и микротопонимию населённых пунктов *Дарового, Моногарова и Черемошни* — мемориальной территории, связанной с именем Ф. М. Достоевского — в системе регионального ономастического пространства.

¹ Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ... докт. филол. наук. — Екатеринбург, 1999. С. 12.

² Голомидова М. В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1. С. 186.

³ Березович Е. Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994 / отв. ред. А. К. Матвеев. — Екатеринбург: УрГУ, 1995 С. 89.

⁴ Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 342.

Границы Каширского уезда XVI века. Из открытых интернет-источников

Материалом для исследования послужило описание Растовского стана Каширского уезда в «Писцовой книге» 7096–7097 (1578–1579) гг., т. к. Даровое, Моногарово и Черемошня относились в XVI в. к Каширскому уезду⁵ («Кашира съ уездомъ. Списокъ съ писцовой книги 7096–7097 (1578 и 1579) гг. города и его посада и помѣстныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и дворцовыхъ земель въ станахъ Растовскомъ, Безпуцкомъ, Мстиславскомъ, Тишиловъ и Туровъ, письма и мѣры князя Ивана Даниловича Гагарина и Аванасья Ивановича Исакова съ товарищи. — Хранится въ Московскомъ Архивѣ Министертства Юстиціи въ числѣ писцов. кн. подъ № 174»)⁶.

В XVI веке Каширский уезд представлял из себя огромную территорию (площадью примерно 3200 кв. км), намного превосходящую территорию современного Каширского района (645 кв. км).

Уезд состоял из пяти станов. Лишь один из них — Туровский — располагался на левом берегу Оки в окрестностях города Каширы (ныне его земли вошли в Ступинский и частично Серпуховской районы Московской области). Четыре стана располагались на не защищённом от степи правом берегу Оки: Тишиловский, Мстиславский, Беспутский и Растовецкий (Растовский).

⁵ Первое обращение к «Писцовым книгам» для характеристики этих населённых пунктов: Полянцев В. И. Зарайская энциклопедия / В. И. Полянцев; Зарайское ист. о-во. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Academia, 2003. — 502 с. Прим. ред.

⁶ Писцовыя книги Московскаго государства/ подъ редакціею дѣйствительнаго члена Н. В. Калачова. Изданіе Императорскаго русскаго географическаго общества, 1872–1895. Ч. 1: Писцовыя книги XVI вѣка, отдѣленіе II: Мѣстности губерній: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. — Санктпетербургъ, 1877. С. 1299.

Растовский стан охватывал территорию правого берега Оки от реки Беспуты и бассейн 65-километровой реки Большой Смедвы, берущей своё начало от каширского села Мартемьянова на юге, бассейн 18-километровой реки Омутни, начинающей свой бег с западной окраины г. Ожерелье, а также бассейны рек Малой Смедвы, Мордвес, Березины, Журавны, Глубокой, Осётр. Центр стана — село Растовцы⁷.

В Растовском стане описаны интересующие нас населённые пункты: Даровое, Черемошня и Моногарово.

Примерно в двенадцати километрах от города Зарайска находится сельцо Даровое. Читаем о нём в «Писцовых книгах»: «За Суморокомъ за Григорьевымъ сыномъ Хо т я и н ц о в а дер. Доровая, на рчк. на Уннь (sic), а въ ней дв. помѣщиковъ, да 3 дв. людцкихъ, да 3 дв. крестьянскихъ, да 3 дв. бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожь, да дв. пусть; пашни паханые добр. земли 85 четъи, да пер. 93 четъи, и обоего пашни и пер. 178 четъи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рчк. по Уни и межъ поль и по врагомъ 165 коп., лѣсу пашенного во всѣ три поля 12 дес., да непашенного у присады и по врагомъ 24 дес.»⁸.

Рядом сельцо побольше — Моногарово. О нём в «Писцовых книгах» сказано так: «За Юрьемъ за Никитинымъ сыномъ Хо т я и н ц о в а дер. Мангарова, на рчк. на Унцъ, а въ ней пашни добр. земли 67 четъи, да пер. 67 четъи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рчк. по Унцъ и межъ поль 50 коп., лѣсу пашенного у присады и по врагомъ 6 дес. во всѣ три поля»⁹.

К югу от Дарового в двух километрах — деревенька Черемошня. «За Оёнасьемъ за Григорьевымъ сыномъ Бу л а т о в а <...> полов. дер. Черемошны, на рчк. на Дмитровкъ, а въ ней пашни добр. земли 50 четъи...» «За Борисомъ за Ивановымъ сыномъ Бу л а т о в а <...> полдер. Черемошны, на рчк. на Дмитровкъ, а въ ней пашни паханые добр. земли 50 четъи»¹⁰. «За Григорьемъ за Ивановымъ сыномъ Хо т я и н ц о в а <...> жеребей дер. Черемошны, что осталось за мѣрою у Оёнасья да у Бориса у Бу л а т о в ы х ъ, а въ ней пашни добр. земли 10 четъи, да пер. 10 четъи въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 коп., лѣсу пашенного и непашенного у нихъ съ Оёнасьемъ да съ Борисомъ съ Бу л а т о в ы м и вопче»¹¹.

Рассмотрим этимологию названий:

1) Даровое (Доровое)

Скорее всего, происходит от существительного дар. Имеет несколько значений: то же, что подарок; подношение; полученный даром, т. е. бесплатно¹². В то же время, если за основу взято именно Доровое, то, возможно, что топоним происходит от понятия дор — «участок, на котором лес вырублен

⁷ Смирнов В. А. Каширский район с древнейших времён: Очерки краеведов / В. А. Смирнов, Л. И. Смирнова. — М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1998. С. 7.

⁸ Писцовые книги Московскаго государства. С. 1336.

⁹ Там же. С. 1334.

¹⁰ Там же. С. 1335.

¹¹ Там же. С. 1336.

¹² Поспелов Е. М. Географические названия Московской области: топонимический словарь. М.: АСТ, 2008. С. 115.

и выкорчёван» (то есть *дор* — от слова *выдран*). В этом случае название деревни обозначает «поселение при участке подсечного земледелия»¹³.

2) Моногарово

Возможно, топоним был образован от мусульманского имени *Манагар*, которое в свою очередь является фонетическим вариантом имени Манар. Это имя означает в переводе с арабского «маяк, минарет»¹⁴. В статье современного исследователя зафиксирована народная этимология: ««местные жители говорят, что было Многогарово — горело сельцо часто»¹⁵.

3) Черемошня

Топоним *Черемошня* не является уникальным и время от времени встречается в этом же варианте или в производных от него (одно из самых известных — район современной Москвы *Черёмушки*). Например, в Осташковском уезде Тверской губернии находилось озеро Серемо (название, несомненно, балтийского происхождения), его притоком была река *Черемха*. Существует польская интерпретация названия *Черёмушки* — *Tvzemeszno*, что опять-таки близко к *Черемошне*. Во всяком случае очевидно, что этот топоним можно считать общеславянским. Одна из этимологических версий гласит: так, *Черёмушки* (однокоренные с *Черомошнѣй*) обязаны своим названием зарослям черёмухи, якобы некогда находившимся на этом месте. Это пример так называемой ложной этимологии. Существует и другое растение, очень сходное по звучанию с черёмухой. Это черёмушка или черемша — дикий чеснок, также называемый медвежьим луком. Однако оно более теплолюбиво и ныне встречается только на юге Подмосковья. А раньше, когда климат был более суровым, черемша в Подмосковье просто не произрастала. Однако от названия этого растения было образовано забытое ныне древнерусское мужское имя *Черемша*. Так, в «Ономастиконе» академика С. Б. Веселовского упоминается некий *Черемша Иванович Лопков*, житель города Ряжска в 1591 г. Не исключено, что параллельно могло использоваться и личное имя *Черемха*, то есть *Черёмуха*. Хотя в сводах древнерусских имён оно не упоминается, но наличие в них имён типа *Берёза*, *Ива*, *Осина*, позволяет предполагать его существование. А возможно, *Черемша* или *Черемха* было не именем, а прозвищем одного из первых владельцев этой местности, документальные сведения о котором до нас не дошли¹⁶.

Практически всеми или частью вышеперечисленных населённых пунктов (*Даровое*, *Черемошня*, *Моногарово*) владел дворянский род *Хотяинцевых*. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указано: «Предок рода Х., “муж честен Илик, а по св. крещении Еремия, выехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из орды”; внук его Ефим Клементьевич получил

¹³ Там же.

¹⁴ Словарь русских фамилий <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/12062> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 19.08.2020.

¹⁵ Кондратова Т. И. Даровое: современные легенды и мифы // Летние чтения в Даровом Материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г. / Составитель В. А. Викторovich. Коломна: КГПИ, 2006. С. 131.

¹⁶ Этимология топонима «Черёмушки» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iter.ru/about/history/detail.php?ID=242>. Дата обращения: 28.08.2020.

прозвище Хотяин, отчего и потомки его стали именоваться “Хотяинцевыми”»¹⁷. Н. А. Баскаков предполагает происхождение фамилии от татарско-мишарского *хотяин* — *худжаин*, что позволяет говорить о выходе их родоначальника из среды предков мишарей¹⁸.

Кстати, нам кажется важным заметить, что деревни, сёла, пустоши передавались во владение долевым способом. Не обязательно разделение владений происходило поровну между несколькими сыновьями: один из них мог получить только половину деревни. Например, в «Писцовых книгах» указано, что половина деревни *Черемошни* находилась «за Борисом за Ивановым сыном Булатова»¹⁹.

В статье Т. И. Кондратовой перечислены названия всех частей Моногарова: *Фурки*, *Поповка*, *Хотянка* и *Костюрино*. Очевидно, что такое разделение восходит уже к XIX столетию, когда владельцами Моногарова были сразу несколько помещиков.

В списке с «Писцовых книг» в Ростовском стане можно увидеть много и других интересных наименований: топонимов, микротопонимов и антропонимов. Следует отметить, что описание той или иной местности в «Писцовых книгах» имеет свою структуру: имя и фамилия собственника (иногда и его родных); количество дворов (дворов помещиков и людских), земель (пашня паханая и непашаная), полей, лесов, ему принадлежащих; упоминание деревни/села/сельца сопровождалось обозначением речки, протекающей близ данного места; дано количество и название церквей. Например, сведения о соседнем с нашими населёнными пунктами селе Журавне: «За Григорьем за Симоновым сыномъ Гургіевымъ въ дер. въ *Жаравнь*, а въ ней пашни добр. земли 5 четъи, да пер. 25 четъи, и обоего пашни и пер. 30 четъи, сѣна по рчк. по *Жаравнь* и на поляхъ 75 коп., лѣсу пашенного 3 дес., да непашенного у присады и межъ поль и по рчк. по *Жаравнь* 14 дес.»²⁰.

Если же мужчина в семье по какой-либо причине умирал, то наследство переходило к его вдове и детям. И в «Писцовых книгах» это фиксировано так: «За вдовою за Офросиньею за Ивановою женою Кирѣева, да за еѣ внукомъ за Карпомъ за Ондреевымъ сыномъ Кирѣева, а Карпъ по 86 годъ 10 лѣтъ, да у него жъ сестра дѣвка Марыца 7 лѣтъ, помѣстья за ними въ дер. въ *Жеравнь*»²¹.

Присутствуют определённые типичные схемы номинации для топонимов. Например, названия деревень могут происходить либо по названию реки, которая протекала в этой местности, либо по фамилии/имени хозяина данного места. Например, дер. *Гнилуша* — на р. *Гнилуша*, дер. *Яковлевская* — на р. *Яковлевская*, дер. *Милохово* — фамилия владельцев деревни *Милоховых*.

¹⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. <http://www.vehi.net/brokgauz/all/110/110880.shtml>. Дата обращения: 22.08.2020.

¹⁸ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 145. *Мишари* — это субэтнос татар Поволжья и Приуралья, разговаривают на мишарском диалекте татарского языка.

¹⁹ Писцовые книги Московского государства. С. 133б.

²⁰ Писцовые книги Московского государства. С. 133б.

²¹ Там же.

Имена владельцев той или иной местности в «Писцовых книгах» можно разделить на канонические и прозвищные. Так, имена *Афанасий, Григорий, Борис, Иван* — канонические, к прозвищным же можно отнести имена *Сумарок, Угрим*. Встречаются имена иноязычные — не свойственные славянскому населению, например, *Орменик*.

Скорее всего, мужское имя *Сумарок* ведёт своё начало от исконно русского слова «суморокъ» («сумрак»), образованного с помощью приставки «су-» от старославянского «моркъ», т. е. «мрак». Возможно, что *Сумароком* родители нарекли своего сына, родившегося поздно вечером. Однако не исключено, что *Сумароком* могли называть и взрослого человека, хмурого, унылого и мрачного²².

Имя *Угрим* было популярно в старину. Предполагается, что оно образовано от того же корня, что и слово «угрюмый» — «суровый на вид, пасмурный, молчаливый, насупистый; неприветливый, сухой»²³. Однако существует гипотеза, что имя *Угрим* связано с древнерусским словом «угрин», то есть «венгр, мадьяр». В таком случае *Угримом* могли называть либо потомка обрусевшего венгра, перешедшего на русскую службу, либо славянина, перенявшего обычаи венгров, жившего среди них²⁴.

Остановим своё внимание на некоторых наиболее интересных микротопонимах и гидронимах, отмеченных в Ростовском стане.

Среди названий пустошей привлекают внимание две: 1. Пустошь *Ивкович* (основой топонима, скорее всего, послужило имя *Ивко*. *Ивко* — южнославянский вариант имени *Иван*, которое на протяжении нескольких столетий (с XVI по XIX вв.) оставалось самым частотным у русских. 2. *Острожские (Острошские) пустоши*. Точно определить причину названия пустошей сложно. Может быть, когда-то в данном месте был острог, т. е. укрепленное поселение, обнесённое оградой из заострённых кверху брёвен и окружённое рвом²⁵.

В Ростовском стане много топонимов, образованных от названий видов деревьев и другой растительности. Эти топонимы вызывают особый интерес в связи с тем, что под влиянием хозяйственной деятельности человека естественная растительность на территории данной области претерпела существенные изменения. С их помощью в ряде случаев удастся очертить бывшие ареалы того или иного вида, получить данные о произрастании какого-либо вида на территории области в прошлом, об относительной распространённости различных видов.

Частотным из видовых названий деревьев в списке с «Писцовых книг» особо выделяется берёза: р. *Березня*, р. *Березань*, дер. *Березники*. Весьма вероятно, что многие из приведённых названий имеют балтийское происхождение

²² Словарь русских фамилий <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/12062> [Электронный ресурс]. Дата обращения: 19.08.2020.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ *Урочище Острог* — один из микротопонимов Дарового. Так называется березняк на берегу р. Уйны, протекающей через Даровое и Моногарово. *Прим. ред.*

дение из-за близости звучания русского *берёза* и литовского *berz, berzas* с тем же значением. Названия балтийского происхождения были усвоены русским населением, адаптированы им и стали неотличимы от исконно русских названий с основой *берёза*.

Ряд видов растительности представлен несколькими названиями каждый: например, черёмуха — деревня *Черемошня*, река *Черёмушка*, ручей *Черемошный*, овраг *Черемошный*. Леса: *Большой лес* (скорее всего, это связано с размером данного леса), *Заповедный* (состоящий под запретом, неприкосновенный). Поляны: *Долгие* (сильно вытянуты в длину), *Кузняченки*, полянка *Простецкая*.

В народных географических названиях *верх* в единственном числе употребляется в значении «возвышенность», «овраг», а в форме множественного числа обозначает исток реки и значительно реже — устье. В «Писцовых книгах» можно найти следующие примеры: *Радонежский (Радоножский) верх, Суцкий верх*²⁶.

Интересны следующие гидронимы Ростовского стана, названные в «Писцовых книгах»: реки *Беспута, Голоденовка, Гнилуша, Поповка, Четвертовка, Выползова, Черемошня, Грустыня, Кощейка, Смедва*.

Своё имя *Беспута* река, скорее всего, унаследовала от названия волости *Беспута*, упоминаемой в летописях с начала XV века. *Беспута* — «беспутье, бездорожье», такое название местности говорило об отсутствии дорог в этой части заокских земель. Протекающая в окрестностях Черемошни *Грустынка*²⁷, по народной этимологии, названа так потому, что там даже в самый солнечный день сумрак и «странное сгущение воздуха». *Кощейка* в километре от села Моногарова — потому что вода «синяя-синяя, холодная, мертвая, кощеева»²⁸.

Таким образом, топонимическое пространство юго-востока Зарайского района очень интересно и разнообразно. Список с «Писцовых книг» 1578–79 гг. помогает восполнить наши знания об истории современного Зарайского района, в состав которого сейчас входят Даровое, Моногарово, Черемошня. Однако ещё очень многое предстоит изучить. За прошедшие столетия топонимы неузнаваемо изменились, и их смысл стал уже неясен²⁹. Между тем можно отметить несомненный интерес многих людей к истории того места, где они родились или живут. Возможно, данное исследование поможет кому-то узнать новое о своём родном крае.

²⁶ Подобные названия зафиксированы, в частности, в межевых делах Дарового, Моногарова и Черемошни XVIII–XIX вв. как топографический ориентир. Например, Брыков верх в окрестностях Черемошни. *Прим. ред.*

²⁷ В «Писцовых книгах» встречается несколько вариантов наименований речки: *Рустыня, Грусья, Грустыня*. Современный топоним преобразован на основании фонетической близости к историческому названию, но при этом, возможно, уводит нас от первоначальной этимологии (у *Даля руст* – русло, ручей, поток, струя). *Прим. ред.*

²⁸ *Кондратова Т. И.* Указ. соч. С. 133.

²⁹ Это особенно справедливо в отношении названия села Журавны, которое с течением времени фонетически трансформировалось из *Жаровны (Жаровни, Жеровны, Жировни)* в более поэтический топоним. В начале XX в. Даровое, Моногарово, Черемошня входили в состав Спас-Журавенской волости. *Прим. ред.*

А. С. Бессонова

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДАРОВОЕ: УСАДЬБА ДОСТОЕВСКИХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ¹

Статья посвящена драматическому периоду в истории имения Достоевских в деревне Даровое, когда по закону о национализации, принятому после Октябрьской революции 1917 года, помещики лишались права владения недвижимым имуществом, а их земли переходили в общее пользование бывших крепостных крестьян. Положение усугублялось тем, что в Даровом в это время продолжала жить племянница Ф. М. Достоевского М. А. Иванова. В научный оборот вводятся ранее неизвестные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО). Они дают представление об обстоятельствах противостояния прежних и новых хозяев Дарового. Парадоксальность ситуации заключается в том, что, судя по документам, обе стороны (и М. А. Иванова, и «даровское гражданское общество») были движимы стремлением сохранить усадьбу Даровое как мемориальный объект, связанный с именем Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: усадьба Даровое, деревня Черемошня, село Моногарово, советская власть, архивные документы, М. А. Иванова, Спас-Журавенский (Достоевский) волостной исполнительный комитет (ВИК).

Известное по «Писцовым книгам» с XVI столетия, Даровое знало несколько эпох в своей истории: становление усадебной жизни в XVII–XVIII вв. при помещиках Хотяинцевых, развитие при Достоевских и постепенное угасание при Ивановых (с 1831 по 1929 гг.), стремительное забвение в советское время. Даровое миновала счастливая участь литературных усадеб — Ясной Поляны, Михайловского, Мелихова. Только в преддверии 200-летия со дня рождения Достоевского начались мероприятия по музеефикации Дарового и мемориальных окрестностей. В столь драматической судьбе Дарового сыграло роль множество факторов. В своей статье мы остановимся лишь на одном из них — общественно-политической и экономической ситуации, сложившейся после Октябрьской революции 1917 года с её идеей национализации бывших помещичьих усадеб.

В июле 1877 г. Фёдор Михайлович в последний раз побывал в Даровом, чтобы запастись впечатлениями для последнего романа «Братья Карамазовы». По воспоминаниям жены писателя Анны Григорьевны, Достоевский посетил все свои любимые места в усадьбе, побывал в деревне, где заходил в дома крестьян, друзей детских игр, а мужики радостно приветствовали его и угощали чаем². Спустя 40 лет их внуки решали судьбу сельца Дарового.

В основу нашего исследования положены документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО). Это фонд М-788 «Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет совета рабо-

чих, крестьянских и красноармейских депутатов Каширского уезда Тульской губернии», позднее, в 1925 г. переименованный в Достоевский волостной исполнительный комитет (Достоевский ВИК). Эти документы наряду с другими архивными материалами, а также газетными публикациями того времени, ранее введенными в научный оборот Г. С. Прохоровым³, ярко живописуют послереволюционную ситуацию не только в волости, но и в деревнях: в Даровом и Черемошне — владениях Достоевских — и Моногарове, соседнем селе, где они бывали на службах в Свято-Духовском храме, при котором в 1839 г. был похоронен отец писателя.

С 1852 г. Даровое принадлежало сестре писателя Вере Михайловне Достоевской (в замужестве Ивановой), а после её смерти в 1897 — её детям. Последней хозяйкой имения стала Мария Александровна Иванова, племянница Фёдора Михайловича, преподаватель музыки в Московской частной гимназии Фишер, упразднённой после революции. Мария Александровна поселилась в усадебном флигеле в 1918 г. и вплоть до своей кончины в 1929 г. вела неравный бой с даровским сельским обществом за право окончить свои дни в родительском доме и за сохранение Дарового как памяти о Достоевском.

Фонд Спас-Журавенского (Достоевского) волостного исполнительного комитета включает в себя журналы заседаний, протоколы общих собраний граждан (в том числе и Дарового) и комитетов бедноты, циркуляры вышестоящих инстанций. Главнейшим в документах 1917–1918 гг. является вопрос о земле, который решался в духе времени: передать земли «подлежащие обременению яровыми хлебами <...> Даровскому о-ву из имения Ивановой 10 дес.⁴», а под озимые посевы «с. Даровое из дачи Виктора Александровича Иванова⁵

³ Прохоров Г. С. От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2009. № 2 (8). С. 115–130; Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В.: сборник научных трудов к 60-летию профессора В. А. Викторovichа. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 183–228; Прохоров Г. С. «Говорили, будто сын барина, Фёдор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у эдакого отца такой сын был»: к вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х годов // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Гуманитарные науки. № 2 (10). 2010. С. 149–156; Прохоров Г. С. «Езда в Даровое», или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/ezda_v_darovoe.pdf; Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 179–189. Письмо М. А. Ивановой (преамбула и комментарии Г. С. Прохорова) // Там же. С. 190–193.

⁴ В 1911 г. М. А. Ивановой принадлежало 23, 28 десятин земли: ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 488. Л. 131.

⁵ По разделу имения в 1895 г., сделанному В. М. Ивановой между детьми, собственниками Дарового и его земель стали Мария Александровна и Виктор Александрович Ивановы, а Черемошни с прилегающими землями — Ольга Александровна, Наталья Александровна и Юлия Александровна Ивановы. См: «Владельческие карточки Оценочно-статистического отделения Тульского губернского земства». 1911–1912. ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 488. Лл. 131–133. Не исключено, что земли были разделены только между сёстрами (братья отказались от своей части в их пользу), которые позже, испытывая материальные трудности, продали часть имения брату В. А. Иванову.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-00038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / Вступительная статья, подготовка текста, примечания И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: ООО «БОСЛЕН», 2015. С. 366–367.

всю без остатка⁶ <, > сколько таковой окажется», «кроме того Черемошня совместно с Даровым получают Пустошь в количестве около 30 десятин из дачи Иванова <, > которую они обязуются засеять»⁷. Подобным образом передавались луга, клеверные поля, некогда принадлежавшие Достоевским.

Даровое на тот момент — это ещё жилые и хозяйственные постройки, 2 десятины двухсотлетней липовой рощи в пейзажном вкусе, 4,5 десятины плодового сада. Протокол заседания Спас-Журавенского волостного земельного комитета от 9 марта 1918 г. гласит:

«...Постановили: все помещичьи усадьбы, парки, приусадебные угодья и т. п. передать в пользование граждан прилегающего селения <, > на которых возлагается и всякий уход за этими угодьями. <...> все сады и огороды оставить в пользовании всего населения волости и что порядок пользования ежегодно будет устанавливаться общим волостным собранием»⁸. Постановление, как видно, основывается на циркуляре Тульского земельного комитета от 27 января 1918 г.: «Помещичьи сады, ягодники, маслоделки и тому подобное желательно передать, не деля, или в руки народных самоуправлений <, > или же в руки домохозяев, объединившихся в артели; причем такие артельные домохозяева должны будут получать соответственно меньше полевой земли или даже вовсе не получать, так как означенные угодья доходнее»⁹. Земельный же отдел Каширского уездного совета 23 ноября 1918 г. препровождает в волостной комитет следующее распоряжение: «§ 1. Предписывается выселить всех помещиков и эксплуататоров <, > проживающих вне черты крестьян, сроком до 15 декабря с/г, но оставляя за ними право поселения в черте крестьянских усадеб, лишь только тем, которые не во вред населению и наделены землей по норме, как занимающиеся обработкой земли личным трудом. В свободных же усадьбах помещиков желательнее поселить бедноту, которые нуждаются в постройках и желают работать на коммунистических началах»¹⁰. Подобная судьба неминуемо ждала и М. А. Иванову, если бы не особый статус Дарового — усадьбы детства Достоевского, его «охранная грамота» в эти годы. Судя по количеству изъятой земли, часть её революционная власть оставила Марии Александровне «по норме». Её сестра Юлия, проживавшая в Черемошне, видимо, тоже пере-

⁶ Согласно «Владельческой карточке», в 1912 г. за В. А. Ивановым в Даровом числится 65, 89 десятин земли. На карточке карандашом приписка: «Он на Кавказе, а земля у Даровых крестьян» (ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 488. Л. 132). В. А. Иванов служил на станции Тихорецкая Владикавказской железной дороги (см. о нём: Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 700–703).

⁷ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 23 об.

⁸ ЦГАМО. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 225.

⁹ Там же. Л. 226.

¹⁰ Там же. Лл. 227–227 об. Положение М. А. Ивановой оказалось двойственным: её не выселили из дома, не лишили прав, о чём, в частности, говорит список избирателей сельца Дарового в 1919 г.: в нём по № 60 указана бывшая помещица 70 лет (ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 36 об.). В то же время известно, что в кухню помещичьего флигеля была поселена беднейшая семья Дарового, а в соседней комнате проходили заседания «даровского гражданского общества».

шла в разряд «занимающихся обработкой земли личным трудом»: в свидетельстве о смерти в графе «Род занятий» значится «Хлебопашество»¹¹.

Опубликованная Г. С. Прохоровым «Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы “Даровое”, принадлежавшей писателю Достоевскому», подробно повествует об обстоятельствах существования усадьбы Даровое с 1923 по 1926 гг. Мария Александровна Иванова благодаря поддержке Зарайского краевого музея и его первого директора И. П. Перлова добывается охранного документа от наркома просвещения А. В. Луначарского, что меняет статус Дарового: оно теперь не просто бывшая помещичья усадьба, а «национализированный памятник музейно-академического значения и подлежит ведению Отдела по делам музеев» Наркомпроса. По сути, племянница Достоевского — первый смотритель этого нового музея, его сторож и даже, в какой-то мере, экскурсовод. Интерес к Достоевскому как бывшему политкаторжанину сподвигнул энтузиастов на поездки в Даровое, следствием чего стал ряд публикаций в прессе того времени¹².

«Переписка с Главмузеем...» даёт слово и противной стороне — гражданам даровского сельского общества, которые в 1924 году, что поразительно, ратуют за то же самое — за сохранение усадьбы: «Слушали. 1, Доклад т. Милованова¹³ о необходимости самого серьёзного внимания граждан селения Даровой к имени великого писателя Достоевского как к предмету исторического значения, предмету, который посещают его почитатели, а как таковое оно до сих пор находится в хаотическом состоянии. Если ж и в дальнейшем будет такое внимание к настоящему имени, то оно придёт в полный упадок, а посему предлагается создать такую организацию, которая бы во имя великого писателя взяла на себя заботу об охране и поддержке имени от разрушения и порубок в парке. Постановили:

По всестороннем обсуждении данного доклада общее собрание единогласно постановили выделить из своей среды инициативную группу из пяти членов, которой поручить ходатайствовать пред Зарайским отделом Археологического общества о передаче инициативной группе под ответственную охрану все усадебные и хозяйственные постройки, парк и сад»¹⁴. (Заметим: постановлением ВЦИК в феврале 1925 г. Спас-Журавенская волость, куда входили

¹¹ ОР РГБ. Ф. 93. III. К. 14. Ед. хр. 53. Выпись о смерти Ю. А. Ивановой. Отдел записей актов гражданского состояния при Сп.-Журавенском ВИКе. 1924 год.

¹² Дроздов А. Усадьба Достоевского: «Даровое» // Известия ЦИК. 1924; Л. П. Гроссман. Новое о Достоевском: Об усадьбе Достоевского // Красная нива. 1925; Перлов И. П. Сельцо Даровое в судьбе и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. 1925; Нечаева В. С. Поездка в Даровое // Новый мир. 1926; Стонов Д. Сельцо Даровое // Красная нива. 1926.

¹³ Яков Лукич Милованов (1886–1967), председатель колхоза им. Ф. М. Достоевского. Подробнее о нём см.: Воспоминания о Даровом С. А. Савостиной // V Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 237–239.

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 15. Цитируется по публикации: Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В.: сборник научных трудов к 60-летию профессора В. А. Викторича. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 183–228.

деревни Даровое и Черемошня, переименована в Достоевскую, в Даровом в 1926 г. организовано Товарищество по совместной обработке земли имени Достоевского, функционирует Достоевское молочное товарищество и культштаб Достоевской волости. Увековечивание памяти писателя идёт полным ходом).

Каковы мотивы граждан сельца Дарового? Они ратуют за сохранение Дарового как объекта культурного наследия, но при этом пишут в вышестоящие инстанции о том, что бывшая помещица не вправе единолично распоряжаться усадьбой и постройками. В доме необходимо разместить беднейших крестьян (и Марию Александровну в итоге «уплотнили», оставив ей одну комнату из четырёх), сад — источник дохода, Липовая роща — строительные материалы. Всё довольно прагматично. И вот уже в 1926 г. сад передан в доходную статью местного значения ввиду престарелого возраста и отсутствия всякой исторической ценности. А протоколы заседаний Достоевского ВИКа фиксируют следующие факты: «19/III 29 г. Заявление Даровского т^{ва} по совместной обработке земли им. Достоевского об отпуске им леса для общего скотного двора и риги. <Постановили> Ходатайствовать и просить УЗО¹⁵ о возможной прочистке парков в быв. помещичьих имениях <,> причем чистку производить только лишь деревьев <,> мешающих плодовым насаждениям, а также и старых возрастов»¹⁶ (т. е. мемориальных деревьев, самого ценного, что есть в усадьбе). В мае того же года появляется «Заявление Даровского сел.хоз. т^{ва} по совместной обработке земли им. Достоевского о передачи им парка в их непосредственное наблюдение и содержание. <Постановили> Принимая во внимание, что парк Достоевского при с. Даровое находится запущенным, никем не наблюдается, а посему в целях улучшения парка в смысле его содержания просьбу колхоза им. Достоевского поддержать и просить УЗО о <передаче> парка в непосредственное наблюдение колхоза»¹⁷.

Особый интерес у даровского общества вызывал плодовый сад Дарового, вокруг которого разворачивались нешуточные страсти. Бывшие помещичьи сады — более выгодная статья доходов, нежели земельные наделы. Создаются садовые артели: в Даровом в её состав в 1921 г. входило 18 сельчан. В это время бывший помещичий сад, насчитывавший 550 «корней» яблонь на 4,5 га усадьбы, включал 400 деревьев старше 10 лет¹⁸. М. А. Иванова была обеспокоена судьбой сада, о чём, например, свидетельствуют письма 1923 г. Ксении Григорьевны Торшиной¹⁹, зарайской знакомой М. А. Ивановой: «Одно советываю Вам: пишите Н. К. Крупской о себе откровенно всё, но повторяю об усадьбе, саде ничего, т. к. они больше не принадлежат Вам. Вы можете

лишь просить её оставаться в доме до конца своих дней. Знайте, Бога ради, что я всё это узнала от официальных лиц. Узнала больше: если Вы просить станете сад, то всё испортите с пенсией²⁰. Помиритесь со всем, забудьте, что у Вас сад был, что Вам нужно думать о нём, заботиться о нём, словом, он не Ваш больше и опасно туда вмешиваться и хлопотать о его благополучии и порядке в нём»²¹. Сад в 1924 г. по решению Зарайского музея, в чьём ведении в 1920-е гг. находилась усадьба Даровое, был передан в аренду: «...музей на основании разрешения Главнауки²² за № 5299/н сдал сад в аренду артели Даровских крестьян, обязавшихся с этого договора уплачивать музею 500 р. в 2 года (300 р. в урожайный и 200 р. в неурожайный год). Средств согласно договора же идут на содержания сторожа и на поддержание домика и имения»²³. В 1929 усадьба полностью переходит в ведение колхоза им. Достоевского.

Документальную характеристику послереволюционного периода в жизни Дарового дополняют очерки корреспондентов, среди них — А. Дроздов из «Известий», Д. Стонов из «Красной нови», упомянутый уже основатель Зарайского краевого музея И. Перлов и В. Нечаева, создатель и первый директор Московского музея Достоевского. В 1920-е годы сложился своеобразный локальный усадебный текст — об уходящей натуре. Эти публикации, с одной стороны, носят просветительский характер: описание усадьбы, мест и имён, так или иначе связанных с биографией и творчеством Достоевского, таинственная гибель его отца, рассказ о нынешней хозяйке маленького домика. С другой стороны, эти выступления объединяет грустный лиризм, которым они проникнуты: так, Дроздов пишет о доме «с низенькими, тесными комнатами, в которых пахнет шафраном и теплым уютom мелкопоместья восьмидесятых годов, с поскрипывающими половицами, тенистым балконом и голубую окраскою стен.<...> Здесь, храня память о писателе, живут его родные племянницы, дочери его сестры. Вас встречает Мария Александровна. <...> от складок старомодного платья её пахнет уходящим временем, уходящими людьми, уходящим бытом. Вся жизнь её — здесь, среди этих чистенько прибранных, завешенных рыжими старыми портретами комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. <...> она говорит о том, что домик приходит в ветхость, что никто не помнит о Достоевском, что в Чермашне нет даже школы имени его. Она права, — о школе в Чермашне давно уже бесплодно хлопочет сестра её...»²⁴. Перлов в своём очерке доходит до пронзительной патетики: «Чермашня и Даровое — это погибающий музей Ф. М. Достоевского; всеми брошенный и оставленный: домик разрушается,

¹⁵ Уездный земельный отдел.

¹⁶ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 63.

¹⁷ Там же. Л. 72 об.-73.

¹⁸ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 351.

¹⁹ Торшина К. Г. — тёща доктора Сретенского, проживавшего по адресу: Зарайск, Кооперативная улица, д. 5. По этому адресу приходила корреспонденция для сестёр Ивановых в Даровое.

²⁰ Пенсия была назначена М. А. Ивановой в 1923 г. в размере 37 руб. 50 коп.

²¹ ОР РГБ. Ф. 93. III. К. 14. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

²² Главное управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР (1928–1930).

²³ ГАРО. Фонд Р-3611. Оп. 5. Дело 2. Лл. 96–100. Документ обнаружен Л. И. Максимовой.

²⁴ Дроздов А. Усадьба Достоевского: («Даровое») // Известия ЦИК. М., 1924. 253 (2283). С. 5.

в усадьбе грязь и разоренье. Мы всегда плохо хранили память своих великих соотечественников; кажется мы особенно небрежно относимся к памяти Достоевского. Будет невознаградимой потерей гибель этого деревенского памятника Достоевскому, находящегося в русской крестьянской глуши, среди степей Тульской и Рязанской равнины»²⁵.

К сожалению, приходится признать, что эти слова И. П. Перлова были актуальны весь XX век. Время и люди не пощадили усадебные постройки (архитектуру Дарового представляет сейчас лишь сильно поновлённый ремонт флигель), дачная застройка вплотную подошла к усадьбе, борется за жизнь трёхсотлетняя Липовая роща и старый яблоневый сад с немногими уцелевшими плодовыми деревьями. Мемориальные предметы из усадьбы, семейные документы Достоевских ещё в 1920-е гг. стараниями В. С. Нечаевойполнили фонды Московского музея Достоевского.

* * *

Ниже мы публикуем документы из фонда М-788 ЦГАМО, так или иначе связанные с Даровым. Эти материалы дополняют уже известные по публикациям Г. С. Прохорова факты о состоянии бывшего имения Достоевских в первое послереволюционное десятилетие. Документы не только содержат важные сведения об общественно-политической и экономической ситуации в Даровом с 1917 по 1929 гг., но дают яркую характеристику людям и историческому месту в переломную для страны эпоху.

1.

Земельный отдел.

Постановления, циркуляры и протоколы Тульского губернского, Каширского уездного, Спас-Журавенского исполкомов и общих собраний граждан волости²⁶.

<Л.225>

Протокол

Спас Журавенского Волостного Земельного Комитета, Каширского уезда, Тульской губернии.

1918 года марта 9 дня

Спас Журавенский Волостной Земельный Комитет с участием представителей от граждан всех селений волости в своем заседании решал вопрос об отчуждении церковных, частновладельческих и помещичьих земель в общий земельный фонд. При чем по рассмотрении 1го пункта вопроса постановлено: все земли как то: помещичьи, церковные и внеадельные крестьянские подлежат отчуждению и должны быть поделены между трудящимися над нею тот час по распределении в Тульском губернском земельном комитете.

По рассмотрению п.15 опросника постановили: все помещичьи усадьбы, парки, приусадебные угодья и т. п. передать в пользование граждан прилегающего селения

²⁵ Перлов И. П. Сельцо Даровое в судьбе и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. 1925. С. 527.

²⁶ ЦГАМО. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 26. Документы публикуются с сохранением написания первоисточника.

на которых возлагается и всякий уход за этими угодьями. По рассмотрении п.16 опросника постановлено: все сады и огороды оставить в пользовании всего населения волости и что порядок пользования ежегодно будет устанавливаться общим волостным собранием. <...>

<Л.226>

М.З.

Тульский губернский
ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Января 27 дня 1918 г.

№ 450

В Спас-Журавенский Волостной Земельный
Комитет Каширского уезда Тульской губернии.

По закону 5 января земля перешла без выкупа в общенародное достояние. Перед Земельными Комитетами стоит громадная задача: к весеннему посеву закончить учет и наиболее справедливое распределение земли и инвентаря между трудовым населением.

<...> необходимо опросить помещиков и духовенство, имевших землю: желают ли они получить землю в одинаковом с прочими крестьянами размере и обрабатывать ее своим личным трудом. При этом, бывшим помещикам, которые пожелают личным трудом обрабатывать землю, в равном с прочими гражданами количестве, оставляется то количество живого и мертвого инвентаря и построек, какое необходимо для ведения хозяйства. Все прочее без выкупа поступает в народное достояние.

Постройки бывшего помещика, за исключением вышеуказанных, поступают для случайных пунктов, общественных маслоделок, больниц и тому подобное.

<...> Помещичьи сады, ягодники, маслоделки и тому подобное желательно передать, не деля, или в руки народных самоуправлений или же в руки домохозяев, объединившихся в артели; при чем такие артельные домохозяева должны будут получать соответственно меньше полевой земли, или даже вовсе не получать, так как означенные угодья доходнее.

<Л.227об.>

<Карандашом список всех селений волости и их представителей>

Моногарово Карасев

Даровое Чупряев

<Л.232>

КОПИЯ

Р.С.Ф.С.Р.

Тул. губ. испол.

отдел земельный

октября 3 дня 1918 г.

№ 64

Всем Уездным Земельным отделам
ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Подтверждая, что все плодовые сады нетрудовых хозяйств должны состоять во владении, распоряжении и на ответственности земельных отделов Губ. земел. отдел

предписывает с получением сего незамедлительно приступить к производству культурных осенних работ во всех садах с тем, чтобы привести их в полный порядок и сохранить их как большую культурную ценность для продуктивного использования в последующие годы. Работы должны быть произведены в счет тех сумм, которые выручены за истекшее время от эксплуатации садов а также за счёт тех групп населения, которые воспользовались урожаем плодов текущего года.

К числу обязательных необходимых работ, которые надлежит исполнить в течение осеннего периода, должны быть отнесены следующие: 1) Перекопка почвы вокруг каждого дерева на площади диаметром от 3 аршин и более по мере развития корня; 2) Перекопка почвы вокруг каждого одного куста на площади диаметром не менее 2 аршин. 3) Удобрение навозом всей перекопанной земли, причем навозом удобряется каждый плодовой куст, а плодовые деревья в количестве $\frac{1}{3}$ части, всего их числа, навоз кладется в количестве от 1 до 2 пуд. на кв. сажень перекапываемой земли. 4) Обрезание сухих и поврежденных и лишних ветвей. 5) Очистка ствола и толстых ветвей от старой коры, мха, лишайников, яичек непарного шелкопряда. 6) Выделка ствола и толстый ветвей известковым молоком. 7) Починка изгороди. 8) Обвязка стволов снизу на $\frac{3}{4}$ аршин против мышей лыком, а выше лубка обвязка стволов и сучьев против зайцев соломенными жгутами. 9) Выкорчевка погибших плодовых деревьев и ягодных кустов и выкопка на их местах ям для посадки новых деревьев весной будущего года. 10) Очистка сада от соломы и всякого мусора. Все перечисленные работы необходимо произвести под непосредственным наблюдением и руководством инструкторов по садоводству, а за отсутствием их, наблюдение за работами возлежит на временно приглашенных опытных садовников.

Одновременно с сим губ. земельный отдел поручает с открытием работ уведомить его о сроке, когда работы начались, а в последствие особо сообщить об окончании работ. Виновные в неисполнении настоящего обязательного постановления подвергаются суду революционного трибунала.

Подлинное с надлежащими подписями.

Каширский Агрономический отдел препровождает настоящую копию в волостные земельные отделы для срочного выполнения

Уездный агроном

<Л.232об.>

<Карандашом список садов с фамилиями бывших владельцев>

Чаплыгин Песочня

Аник<?> Дуб<акино>

Егоров Зайцево

Малышев Ист<оминка>

Ярцева Ком<ово>

Мельгунов Наз<арьево>²⁷

Иванова Даров<ое>

2.

Общий отдел.

²⁷ Сад И. Н. Мельгунова в деревне Назарьево, соседней с Черемошней, занимал в 1920-е гг. 20 десятин, на которых произрастало 5035 яблонь старше 10 лет (ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 350).

Протоколы заседаний Волостного Совета комитетов бедноты, ревизионной комиссии, собрания сельских комиссаров, общих собраний граждан Спас-Журавенской волости, земельной управы и земельного собрания. 3 сентября 1917–3 августа 1918²⁸.

<Л.22>

Протокол № 1.

Спас Журавенского Волостного совета 24 апреля 1918 года с участием представителей от селений каковых присутствовало 20 человек.

Председательствовал Иван Егорович Аверьянов секретарь П. Копылов Предложенная повестка дня принята единогласно.

1) О временном распределении земли по инструкции выработанной Каширским советом постановили: все имеющиеся в пределах волости частновладельческие земли подлежащие обсеменению яровыми хлебами за исключением трудовой нормы оставленной для личного пользования прежним владельцам изъявивших желание обрабатывать таковую личным трудом Поделить между обществами в следующем порядке: <...> Моногаровскому 2^у о-ву от имения Серикова по соглашению с последним, <...>

<Л.22об.> Даровскому о-ву из имения Ивановой 10 дес. и 3 дес. от владельца Макарова <...> и что после произведенной разверстки ни кто из представителей деревень ни каких претензий и споров не предъявил, а на оборот отведенными им участк. земли остались все довольны, что же касается обществ: Черневского, Моногаровского 1го, Петровских Выселок, Черемошни, Хлоповского 1^е и 2^е, то такое ни каких требований о прирезке им земли не предъявили.

<Л. 23об.>

Протокол № 2

Собрания сельских комиссаров и представителей от всех селений Спас-Журавенской волости 16 июня 1918 года.

Присутствовали 46 человек с участием Волостного Совета и участкового Агронома. Председательствовал комиссар с. Бровка Ефим Иванович Галкин. Секретарь Копылов. Предложенная повестка дня принята единогласно.

1) О временном распределении земли по инструкции выработанной Каширским Советом постановили: Все имеющиеся в пределах волости частновладельческие земли подлежащие обсеменению озимыми хлебами за исключением трудовой нормы оставленной для личного пользования прежним владельцам изъявивших желание обрабатывать таковую личным трудом поделить между обществами в следующем порядке:

<...> с. Даровое из дачи Виктора Александровича Иванова всю без остатка сколько таковой окажется <...>

<Л. 24> с. Назарьево и Черемошня получают из дачи Мельгунова из коей Назарьево 60 десятин и Черемошня 12 десятин, кроме того Черемошня совместно с Даровым получают Пустошь в количестве около 30 десятин из дачи Иванова

²⁸ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 2.

которую они обязуются засеять, с. Моногарово 2^е из дачи Ф. Н. Грацинского всю за исключением 6 десятин потребных для обработки самим владельцем, 6 десятин церковной, у влад. Антонова²⁹ 10 десятин и у в. Серякова 9 десятин <...>

<Л.24об>

2) О избрании комиссии по культурно-просветительскому делу и посылки представителя на конференцию в г. Каширу согласно предписания отдела просвещения Каширского совета за № 108 собрание Постановило:

а) Избрать комиссию по культурно-просветительскому делу в состав коей по единогласному предложению и изъявлению желания вошли гражд. с Спас-Журавны Николай Васильевич Сахаров и с. Дубакина Иван Васильевич Кошраков <?> с участ. председателя Волостного Совета Николая Михайловича Калашникова.

б) Приняты заявления с мест об устройстве в селениях просветительных учреждений при чем: представитель от с. Дубакина заявил о желании устроить в названном сельце читальню, с. Бровка лекции, с. Болотни читальню, с. Хлопова читальню, с. Песочни лекции, с. Даровое читальню, с. Моногарова читальню и с. Спас-Журавны волостную библиотеку.

в) О изыскании средств для просветительных целей поручить Волостному Совету как исполнительному органу

<Л.25>

г) Вопрос о выборе представителя в г. Каширу на конференцию по просвещению оставить открытым так как избранная комиссия и делегирует на таковую из среды себя, которому вменяется в обязанность доложить отделу просвещения об имевших и имеющих в волости как то: в имении Чаплыгина при с. Песочни библиотека, помещение и принадлежности для устройства кинематографа, а также музыкальный инструм. как то рояль, граммофон, струн. инструмент, в имении Егорова³⁰ библиотека, картины и граммофон и в имении Мельгунова³¹ библиотека.

<Л.27>

Протокол № 4

Собрания сельских комиссаров и представителей от всех селений Спас Журавенской волости 30 июня 1918 года <...>

1) О распределении частновладельческих лугов между селениями волости постановило: Все частновладельческие луга каковых имеется в районе волости 236 десятин распределить между селениями по числу дворов принимая во внимание имеющиеся в каждом селении свои луга каковое распределение и имело место в следующем порядке: <...> Моногарова 1^е – 12, Моногарова 2^е 12 дес, Дарового 10, Черемошни 6 <...>

²⁹ Владелец пустоши Триполье западнее Моногарова. Часть земель здесь имели в 1830-х гг. Достоевские.

³⁰ Деревня Зайцево.

³¹ Деревня Назарьево.

<Л. 28>.

Протокол № 5.

Собрания сельских комиссаров и представителей от всех селений Спас-Журавенской волости 21 июля 1918 года <...>

1) О способе уборки частновладельческой ржи большинством голосов 30 против 5 при 11 воздержавшихся Постановлено: поручить Волостному Совету определить точно посевную площадь и распределить таковую пропорционально согласно населения между всеми обществами волости предоставив убрать таковую только неимущим которых должно указать общество из 3^й части т.е. одну треть должны взять убирающие таковую, а 2 третьих должны поступить в общий волостной фонд.

2) О распределении клеверных полей Постановлено: поручить Волостному совету распределить имеющиеся 70 десятин свободного клевера «в имении Герингер 23 дес., Рудковской 15 дес., Мельгунова 8 дес., Смирнова 3 дес., Житецкой <?> 13 дес. и Кузнецова 8 дес.» по селениям которым не додано луговой площади согласно назначения постановлением собрания от 30 июня с/г как то <...> Моногарово 1^е 10 дес., Моногарово 2^е 12 дес., Даровое 10 дес., Черемошня 2 дес.

3.

Спас-Журавенский ВИК Совета РК и КД Каширского уезда Тульской губернии. Общий отдел.

Протоколы общих собраний граждан селений Спас-Журавенской волости³².

<Л.5>

Протокол.

1918го года Января 10го дня.

Всеобщим собранием села Моногарова с участием председателя Андрея Романцева и секретаря Никите Гришина. Обсуждался вопрос по прикращению Сводки Леса и вывозки Дров, и выжигание угля в лесу. Граждан деревни Комова³³. Лес находится в плане земли села Моногарова. Господ Кастуриных³⁴. Всеобщие собрание с участием Председателя и секретаря, постановило спросить Земельный комит Спас Журавенской Волости Почему не прикращено сводка и вывозка и выжига угля Мы же Граждане Села Моногарова все нуждаемся дровами Вчем подписуемся

Граждане села Моногарова П. <нрзб.>

Ф. Титов Феодор Кострикин Ипполит Тюкин Яков Восильев Афанасий Минаев А. Гуляев Ефим Муравьев <Л.5об> Андрей Милехин Иван Митин Егор Милехин Степан Капитонов Николай Епифанов Степан Муравьев Петр Романцев Иван Капитонов Степан Муравьев Никита Гуляев Ф. Денисова

Председатель собрания А. Романцев
Секретарь Никита Гришин

³² ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 3.

³³ Соседнее с Даровым сельцо. Входило в приход Свято-Духовского храма. В 1830-е гг. принадлежало полковнику и кавалеру Андрею Павловичу Афросимову. В начале XX в. владельцем Комова был помещик Милохов.

³⁴ Николай Васильевич Кастурин приобрёл усадьбу в Моногарове у штаб-капитана Николая Матвеевича Дашкова в 1855 г. Похоронен рядом со Свято-Духовским храмом.

<Л. 6>

Протокол.
1918го года Января 10го дня.

Всеобщим собранием села Моногарова с участием председателя Андрея Романцева и Секретаря Никите Гришина обсуждался вопрос о продовольствии Учительниц Находящихся в селе Моногарове Александра Ивановна Максина и Зинаида Терентьевна Стасенко Означенные учительницы не получив хлеба из волоснова Земельнова комитета спас Журавенской волости. и не получив Жаловония за Декабрь месяц занеимением хлеба учительницы отказались продолжать занятие. общие собрание постановило Взять взаимно образно два (2) пуда муки и одну (1) меру картошек у помещека Василия Николаевича Серикова. Для удовлетворений учительниц. Общие собрание требует от волоснова Земства ходатайствовать <Л.боб.> Удовлетворить учительниц хлебом и Жаловонием. Постановление единогласно утверждается селискими Комитетами

Комисар Моногарова 1 Денисов
Секлетарь Моногар. 1 Н. Гришин
Комисар Моногар.2 А. Гуляев
Секретарь Моногар.2 А. Романцев

4.

Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет Совета РК и КД
Каширского уезда Тульской губернии. Общий отдел³⁵.

<Л.6>
Каширский Уездный
Исполнительный Комитет
Совета Рабочих и Крестьянских
Депутатов
Отдел Управления
п. отдел информац. и инструкторск.
23 январ. 1919 г.
№ 467.
Вх.№ 136.
24/1 19 г.

Спас-Журавенскому Вол. Совету

«Надо обратить особое внимание на то, чтобы в выборах приняли участие лица, имеющие на то право. Кулаки и контрреволюционеры лишены Советской Конституцией избирательного права, которое предоставлено только Бедноте и среднему трудово-крестьянству.

3) При этом само собою понятно, не должны оказывать никакого влияния на выборы те эксплуататорские элементы, помещики, кулаки, мироеды, которые были лишены своей собственности в процессе революции. Вчерашние эксплуататоры не могут принимать участия в выборах Советов. Перевыборы будут иметь революционный смысл только тогда, если Советы будут избраны деревенской беднотой и средним трудовым крестьянством».

< Л.6 об.> Если Волостному совету на понятна Инструкция, то в № 27 К.В.Д. который лежит у вас и если вы хорошенько усвоили бы настоящую выписку из Инструкции, то безусловно таких вопросов не задавали бы, как в отношении № 82.

Завед. под. отд. Информац. Инструкторским
А. Казаков
Секретарь Д. Кузнецов

<Л. 57>

Председателю Спас Журавенского Волсовета
1919 9/Х
№2

Отношение.

Согласно данных мне полномочий, устраняется от должности председатель Чермашенского сельского совета Мелихов Никифор Васильев как не стоящий на советской платформе, что выяснилось из его слов сказанных на общем сельском собрании 3/Х с.г. и как проявивший саботаж не явкой и не присылкой в место себя на волостной с'езд советов 7/Х. о чем сообщаю для исполнения

Уполномоченный Упродсовещания
Н. Малинин <?>

5.

Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет Совета РК и КД
Каширского уезда Тульской губернии. Общий отдел³⁶.

Протоколы заседаний избирательных комиссий по выборам в сельские советы.

<Л. 34>

В Спас-Журавенский Волостной Совет.
Список избирателей с-ца Дорового.

№ по порядку	Имя Отчество Фамилия избирателя	Сколько лет	Примечание
1.	Иван Иванович Петров	41	
2.	Александра Климановна Петрова	38	
3.	Евдокия Свиридоновна Петрова	82	
4.	Алексей Никонурович Барисов	44	
5.	Арина Захарьевна Барисова	45	
6.	Алексей Алексеевич Барисов	19	
7.	Герасим Никонурович Борисов	32	
8.	Евдокия Фетисевна Барисова	28	
9.	Григорий Степанов Малофеев	60	
10.	Марфа Андреевна Малофеева	60	

³⁵ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 14.

³⁶ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 8.

11.	Евдокия Алексевна Молофеева	30	
12.	Андрей Васильевич Макаров	36	
13.	Александра Николавна Макарова	36	
14.	Анастасия Семеновна Макарова	32	
15.	Григорий Ягорович Макаров	74	
16.	Данил Егорович Макаров	82	
17.	Пелагея Николавна Макарова	80	
18.	Илья Данилович Макаров	45	
19.	Екатерина Сергевна Макарова	40	
20.	Герасим Данилович Макаров	38	
21.	Тимофей Данилович Макаров	28	
22.	Евдокия Даниловна Макарова	30	
23.	Акулина Сергевна Чухнина	63	
24.	Пелагея Григорьевна Чухнина	38	
25.	Григорий Федорович Чухнин	18	
26.	Наталья Никонуровна Чухнина	24	
27.	Василий Иванович Чухнин	60	
28.	Домна Григорьевна Чухнина	52	
29.	Иван Васильевич Чухнин	26	
<Л.34об.>30.	Терентий Васильевич Чухнин	18	
31.	Евдокия Егоровна Фомина	57	
32.	Марфа Денисовна Фомина	25	
33.	Анна Лукьяновна Фомина	20	
34.	Иван Лукьянович Фомин	18	
35.	Мария Васильевна Киселева	51	
36.	Семен Никитович Киселев	24	
37.	Степан Петрович Савушкин	59	
38.	Агафья Егоровна Савушкина	86	
39.	Пелагея Петровна Савушкина	62	
40.	Андрей Петрович Савушкин	55	
41.	Мария Михаловна Савушкина	53	
42.	Панфил Андреевич Савушкин	20	
43.	Дмитрий Федотович Чухнин	55	Отсутствовал
44.	Анна Федоровна Чупряева	75	
45.	Наталья Алексеевна Чупряева	30	
46.	Пелагея Андреевна Чупряева	50	
47.	Степан Филиппович Чупряев	26	
48.	Прасковья Ивановна Чупряева	24	
49.	Василий Филиппович Чупряев	19	

50.	Кузьма Григорьевич Петров	40	
51.	Марья Ивановна Петрова	38	
52.	Гаврила Мартынович Широков	53	
53.	Акулина Семёновна Широкова	53	
54.	Василиса Ивановна Широкова	26	
55.	Федор Иванович Петров	33	
56.	Наталья Афанасьевна Петрова	30	
57.	Павел Степанович Чупряев	65	
58.	Евдокия Николавна Чупряева	55	
59.	Марина Сергеевна Широкова	35	
<Л.36> 60.	Мария Александровна Иванова	70	
61.	Иван Петрович Милованов	74	
62.	Александра Петровна Милованова	71	
63.	Евгения Ивановна Милованова	29	
64.	Василий Ильич Милованов	32	
65.	Надежда Карповна Милованова	29	
66.	Аксиния Матвевна Милованова	40	
67.	Аксиния Петровна Милованова	60	
68.	Анна Ивановна Милованова	38	

Члены Избирательной Комиссии
Илья Макаров Алексей Барисов

Доровской Сельски<й> Комбедн<ноты>
Предс. Ф. Петров
Член К. Петров
Секретарь И. Петров
<Круглая печать>
Сельск. Староста
Доровского и Черемошенск.
сельского общества
Каширского уезда

<Л.35>

Протокол.
Избирательной комиссий по перевыборам
Даровского сельского совета 16/11 1919

Присутствовали председ. Комиссии И. Петров
Представитель от Волост. группы сочувствующих Р.К.П. (Большевиков)
А. Романцов.
По списку избирателей 67 голосов.
Подано записок 67 голосов.

Предложенные кандидаты получили нижеследующее количеств. голосов

- 1) Яков Лукьянович Милованов. (22) гол.
- 2) Никита Яковл. Киселев (12) гол.
- 3) Федор Иканор. Чухнин (11) гол.
- 4) Роман Филип. Чупряев (7) гол.
- 5) Михаил. Иван. Чупряев (6) гол.
- 6) Федор Павлов Чупряев (5) гол.

Большинством голосов оказались избранными Милованов Яков Лукьян. Никита Яковлевич Киселев и Федор Иканорович Чухнин.

Утверждается Избирательной комиссией.

Председ. Комиссии Ф. Петров
Член изб. Комиссии К. Петров
Секретарь И. Петров

Представитель от Волостн. группы сочувствующих Р.К.П. (Большевиком)
Андрей Романцов

<Л.37>

Протокол
1919 год Февраля 24 дня
Избирательной Комиссии по перевыборам
Чермашеновского Сельского Совета

Присутствовали председатель В. Федоров
Член Н. Мелихов
Секретарь К. Елистратов

По списку избирателей значилось человек 52

- 1) Никифор Мелихов 40
 - 2) Михаил Мелихов 36
 - 3) Карп Ермаков 30
- Кандидаты к м<нрзб.>
- 4) Василий Акимов Федоров 15
 - 5) Анисим Платонов Тимофеев 14
 - 6) Яков Акимович Федоров 10
 - 7) Симеон Федорович Исаев 8

В чем и подписуемся граждане деревни Чермашной

М. Ермаков И. Тимофеев Ф. Тимофеев М. Исаев Г. Исаев П. Федоров И. Ермаков
Н. Тимофеев Я. Тимофеев Анисим Тимофеев
за Фёдоров Иван Мелихов Иван Михайлов <нрзб.> Ермаков

<Круглая печать>
Российская Советская
Федеративная Республика
сельцо Черемошня

Сельский Совет Спас-Журавен. вол. Кашир.у.

6.

Приказы Каширского уездного и Спас-Журавенского волостного военного комиссариата и протоколы заседаний ВИКа, общих собраний селений волости.
21 ноября 1919–31 декабря 1921³⁷.

<Л.75>

Март 1920

Протокол
общего собрания граждан
сельца Дарового Спас Журавенской волости

Мы граждане Даравского общества собранные на общее собрание на котором обсуждали вопрос о присоединении Спас Журавенской волости к зарайскому уезду, при всех стороннем обсуждении данного вопроса граждан даравского общества постановили единогласно, не минять уезда и губернии к которым Даравское общество принадлежало много столетий³⁸ в чем и подписуемся за неграмотных граждан Григория Малофеева, Андрея Савушкина, Гаврила Широкова по их личной просьбе расписался Федор Чухнин

Иван Петров Роман Чупряев Терентий Чухнин А. Барисов Андрей Макаров В. Петров Макаров Василий Кисилев А. Макаров

Подписи граждан Даравского общества удостоверяю
Председатель сель. совета Яков Милованов
Секретарь Н. Петров
<Круглая печать>
Сельцо Даровое
Сельский совет

7.

Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет Совета РКиКД
Каширского уезда.
Финансово-налоговый отдел³⁹.

<Л.85>

Сведение.

- 1) О входящих домохозяев в Доровскую садовую артель.
- 2) О количестве имеющихся корней в саду.
- 3) и о величине площади в саду быв. помещицы Ивановой с-ца Дорового

Спас-Журав. вол.

<...>

1. Милованов Яков
2. Хлопянов Петр
3. Широков Гаврил

³⁷ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 13.

³⁸ Соседние с Даровым деревни проголосовали следующим образом: Хлопово, Зайцево, Моногарово — остаться при Каширском уезде, Фёдоровка и Истоминка — единогласно за переход в Зарайский уезд.

³⁹ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 32.

4. Чупряев Павел
5. Широкова Марина
6. Чупряев Роман
7. Милованов Иван
8. Милованов Василий
9. Савушкин Андрей
10. Чупряев Михаил
11. Петров Кузьма
12. Петров Федор
13. Петров Иван
14. Барисов Алексей
15. Макарова Анастасия
16. Макаров Илья
17. Чухнин Федор
18. Чухнин Василий

<в графе справа> Все здесь поименованные домохозяева входят в садовую трудовую артель, в ихнем ведение было 550 корней яблонь разных сортов; на пространстве площади в количестве 4 дес. 1200 кв.саж.

10 января 1921-го года.
Председатель Доровской сад. арт. Милованов
Секретарь Р. Чупряев.

<Круглая печать> Российская Советская
Федеративная Республика
Сельцо Даровое
Сельский Совет Спас-Журавен. вол. Кашир. у.

<Л.351⁴⁰>

Сведения о саде находящегося в ведении
Даровской садовой трудовой артели.

Количество всей земли занятой под садом 4 ½
Яблони
Количество корней от 5 до 10 лет 50
Старше 10 лет 400

<Л. 382⁴¹>

В Спас-Журавенский волостной Совет
11 сентября 1919 года.

Даравское сельское общество отвечает на запрос волостного Совета на основании чего взята косилка, бывшей помещицы Ивановой. Желая предохранить от порчи и пропажи как ценного земледельческого орудия сельское общество постановило взять под свой надзор. Взятая даровским обществом косилка согласно имеющий в волостном совете описи инвентаря бывшей помещицы Ивановой подписанной

⁴⁰ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 17.

⁴¹ ЦГАМО. Ф.М-788. Оп. 1. Ед. хр. 11.

бывшим председателем волости Иваном Петров Безруковым, Назаровым и некоторыми уполномоченными <Л.382об.> пренадлежит Ивановой, но не Широковой⁴².

Председатель сель. сов. Милованов
Секретарь Н. Киселев
<Круглая печать>
Сельцо Даровое
Сельский Совет

Достоевский Волостной Совет РК и КД Каширского уезда.
Протоколы заседаний Достоевского ВИКа⁴³

3 февраля 1928 – 21 июля 1929

<Л. 28 об.>

Протокол № 9 от 29/V 1928 г.

Вопрос 3 <об итогах работы школы I ступени>

5) Поставить перед УИКом⁴⁴ вопрос о необходимости расширения Моногаровской школы путем перевода в дом Серикова⁴⁵.

9) Выселить из дома Серикова гр-н Колобаева и Романцовых.

Протокол № 3 от 13/ III 1929г.

<Л. 63>

<...>

19/III 29 г.

7. Заявление с выпиской послано в Каширское УЗО.

Заявление Даровского т^{ра} по совместной обработке земли им. Достоевского об отпуске им леса для общего скотного двора и риги.

7. Ходатайствовать и просить УЗО о возможной прочистке парков в быв. помещичьих имениях при чем чистку производить только лишь дерев мешающих плодовым насаждениям, а также и старых возрастов.

⁴² *Марина Сергеевна Широкова*, о которой известно как о прислуге М. А. Ивановой. Документы, обнаруженные в последнее время, свидетельствуют о неоднозначности этой персоны, в отличие от местной легенды о близости «экономки» семейству Ивановых. Сошлёмся на письма К. Г. Торшиной, зарайской знакомой М. А. Ивановой: «Как же Марина забирает многое, когда у Вас описано имущество? Это преступление есть. <...> одним словом, мы с болезнями не разделились, а Вы с Мариной и семьей ее. Не думаю, чтобы их не сократили, не урезали, когда они попадут в сторожа. Вы, Бога ради, не вмешивайтесь, как и кто хозяйствовать будет в Вашей бывшей усадьбе» (ОР РГБ. Ф. 93. III. К. 14. Ед. хр. 10. Лл. 2–20б.); «Какая радость, дорогая Мария Александровна! Как я и мы все счастливы за Вас! Бога ради, своим Маринам больше ни слова о пенсии и больше не раздавайте деньги. Пишите, что купить? Остающиеся деньги будем держать у себя, а когда что нужно для Вас — присылайте по-прежнему» (Там же. Лл. 3–30б.).

⁴³ ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 24.

⁴⁴ Уездный исполнительный комитет.

⁴⁵ По всей видимости, помещик Василий Николаевич Сериков стал владельцем усадьбы Хотяинцевых в Моногарове, и речь идёт о деревянном хотяинцевском доме рядом с храмом и школой.

Протокол №5 от 24 апреля 1929 г.

Л. И. Максимова

<Л.72 об.>

<...>

16. 7/У 29г. заявление с выпиской послано в УЗО за № 544.

Заявление Даровского сел. хоз. т^{ра} по совместной обработке земли им. Достоевского о передачи им парка в их непосредственное наблюдение и содержание.

16. Принимая во внимание, что парк Достоевского при с. Даровое находится запущенным, никем не наблюдается, а посему в целях улучшения парка <Л. 73> в смысле его содержания просьбу колхоза им. Достоевского поддержать и просить УЗО о <передаче> парка в непосредственное наблюдение колхоза.

Протокол №6 от 16/VI 1929 г.

<Л. 77об.>

<...>

24. 26/VI 29 г. за № 620 послано в Музейн. п/от МОНО⁴⁶

Отношение Музейного п/от. МОНО о дачи заключения на предмет проживания в с. Даровом в доме быв. писателя Достоевского гр-ке Ивановой Ольги Александровне.

24. Разобрав заявление Ивановой Ольги Александровны⁴⁷ в котором усматривается что острой нужды в помещении у таковой не имеется 2) что проживание в доме является опасным т. к. он требует капитального ре- <Л.78>монта, а посему Волисполком с своей стороны считает проживание Ивановой Ол. Ал. в просимом помещении недопустимым.

БЫЛ ЛИ МУЗЕЙ В ДАРОВОМ? (По новым архивным материалам)¹

Публикуются новые документы из фондов ГАРФ (Государственного архива Российской Федерации). В статье дискутируется давний вопрос о существовании в 1920-е гг. музея в усадьбе Даровое.

Ключевые слова: Достоевский, музей-усадьба «Даровое», Главнаука, Музейный отдел Наркомпроса, Зарайский уездный музей, архивные документы, 1920-е годы.

Вопрос о том, существовал ли музей в 20-е годы XX века в усадьбе семьи Достоевских в сельце Даровом, не раз уже поднимался как среди исследователей творчества Ф. М. Достоевского, так и среди краеведов.

Очень подробно и профессионально этот вопрос рассмотрен в ряде статей Г. С. Прохорова². Исследователь впервые вводит в научный оборот значительное количество архивных документов, анализирует, комментирует их и приходит к выводу о том, что музей в усадьбе семьи Достоевских Даровое существовал в период 1923—1929 гг.

В предлагаемой статье мы хотели бы ещё раз обратиться к рассмотрению данного вопроса.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. А-2307. «Главное Управление научных и музейных учреждений (Главнаука) Наркомата Просвещения РСФСР. Сектор науки наркомата просвещения РСФСР») хранится документ – письмо в газету «Правда», главную газету страны того времени, от инструктора Каширского Уисполкома Л. Юсфина³, датированное 5 октября 1925 года. Этот документ – яркий образец эпохи, заслуживающий того, чтобы здесь привести его полностью.

О музеях⁴

В «Страничке из дневника» 2 января 23 года Ильич писал⁵:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-00038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² «Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому // А. П., Ф. Д. и В. В.: Сб. научн. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 198.; Мария Александровна Иванова Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // «Езда в Даровое», или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. № 2(14). Коломна, 2013. С. 7; От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 2(8). Коломна, 2009. С. 115–130 и др.

³ Личность не установлена.

⁴ Документ приводится в авторской орфографии и пунктуации.

⁵ Статья В. И. Ленина, посвящённая народному образованию. Написана 1–2 января 1923 г., опубликована в газете «Правда» 4 марта 1923 г. № 2.

⁴⁶ Музейный подотдел Московского отдела народного образования.

⁴⁷ Такое заявление было написано О. А. Ивановой 18 апреля 1929 г.: «Ввиду того что сестра моя Мария Александровна Иванова на столько плохо себя чувствует, что можно сказать, что дни ее сочтены, прошу Губмузей известить меня, имею ли я право проживать хотя некоторое время после ее смерти в нашем доме. Мне требуется документ на это от Губмузея, т. к. дом наш считался пока музеем имени Ф. М. Достоевского, но может случиться, что граждане с. Дарового пожалуй вздумают воспользоваться домом и разобрать по рукам всю домашнюю обстановку до наших семейных карточек включительно». ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 2504. Л. 27.

«В пролетарско-крестьянском государстве много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о котором говорит статистика». (Ленин Т VIII ч. II стр. 113–115.)

Печать уже знает когда «игрушка наполовину барского типа» прикрывалась под маркой музея (см. статью в «Правде» Красловского и Сосновского⁶).

Как то автору этих строк пришлось быть в Достоевской волости Каширского уезда (Моск. губ.).

Само название волости говорит о какой то связи с Достоевским – писателем, получив это название в 1924 году.

Через Волисполком удалось установить что в волости при с. Даровое есть музей Достоевского.

Проезжая в деревнях никто из крестьян на вопрос где музей, или дом где Достоевский жил не отвечал утвердительно. Обычно отвечали: «Первый раз слышим. У нас тако не было».

Прибыв в с. Даровое удалось попасть в этот «музей».

Сторож музея (работала все время у помещиков этого дома) удивленно встретил приезд.

После осмотра всего оказалось, что это есть самое настоящее барское имение, где испокон веков жили дворяне.

Заявляют будто когда то был здесь Достоевский и оставил здесь шкафчик и все!

Благодаря этому жившей здесь помещицы⁷ удалось включить это имение в сеть музеев, став частью Зарайского музея (Рязанской губ.)

Никто этот «музей» не посещает.

Никакой целесообразности открывать здесь музей не имеется.

Если шкафчик Достоевского то его вполне можно перевести туда где хранятся другие вещи этого писателя.

Гораздо ценнее, если бы как и хлопотали крестьяне здесь устроить избу-читальню где культурно воспитывать как взрослое так и молодое поколение.

Сейчас уже вопрос об выселении помещицы из имения поднят и очевидно «музей» будет ликвидирован.

Надо думать, что у нас еще изрядное количество музеев которые можно закрыть, учитывая их состояние и значение для трудовых масс СССР.

Нам кажется, что необходимо пересмотреть состав музеев сократив те из них, о которых писал Вл. Ильич.

Как эту работу провести дело детальной разработки этого вопроса.

Выполнив эту работу мы еще одну «страничку» вспомним из заветов Владимира Ильича.

5. X. -25 года. Подпись /Л. Юсфин/

г. Кашира Уисполком инструктор президиума⁸.

⁶ Сосновский Лев Семёнович (1886–1937) – российский революционер и советский политический деятель, журналист, публицист.

⁷ Иванова Мария Александровна (1850–1929) – племянница Ф. М. Достоевского, последняя владелица Дарового.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 170. «Переписка с музеями Рязанской губернии об учете музейного имущества и по административно-хозяйственным вопросам. 3 января 1925–31 декабря 1925 г. Л. 65–68.

Это письмо из редакции газеты «Правда» было «препровождено» 16 октября в музейный отдел Наркомпроса⁹. Сохранился и ответ на это письмо.

№ 13856

29.X

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

На № 2510 Вх. 20879

По вопросу о положении усадьбы Достоевского «Даровое».

Отдел по делам Музеев настоящим сообщает, что присланная Вами заметка гр. Юсфина «О музеях» совершенно не соответствует действительности.

Прежде всего в усадьбе «Даровое», о которой пишет гр. Юсфин никакого Музея нет и никаких затрат на содержание его государство не производило и не производит. Небольшой дом имеющийся в усадьбе связан с жизнью Достоевского и состоит лишь на учете и под охраной Отдела по делам Музеев в качестве меморативного памятника.

В доме этом проживает родная племянница Достоевского М. А. Иванова, 70-ти летняя старуха, всю жизнь просуществовавшая личным трудом (в течение 40 лет была учительницей музыки в одной из московских женских гимназий). В настоящее время эта «грозная помещица» действительно получает небольшую пенсию на которую и существует.

М. А. Иванова пожертвовала Зарайскому музею целый ряд вещей, унаследованных ею от Достоевского и в усадьбе в настоящее время остались лишь наиболее громоздкие, непосредственно связанные с домом вещи, являющиеся принадлежностью этого мемориального памятника.

Зам. Заведующий Музейным отделом: А. Григорьев

Заведующий Секретариатом: Модестов¹⁰

В этом письме государственным органом, который отвечал за учёт и работу государственных и местных музеев, однозначно дан ответ на поставленный вопрос: в усадьбе Достоевских «Даровое» музея нет.

Здесь следует сказать несколько слов о том, как шло формирование государственных музейных органов и создание законодательной базы в первые годы советской власти.

Первоначально государственная собственность на объекты культуры и искусства, в том числе и на историко-архитектурные памятники, проходила на нормативной базе «Декрета о земле». В этом декрете провозглашалась конфискация всех помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель со всем их инвентарём и усадебными постройками. В первой половине 1918 г. СНК РСФСР принял ряд декретов, на базе которых была создана законодательная база для конфискации Наркомпросом РСФСР всех дворцов, усадеб и особняков, представлявших хоть малейшую научную и культурно-историческую ценность.

21 марта 1918 г. была создана Коллегия по делам музеев и охране памятников Наркомата просвещения, а 28 мая 1918 г. в структуре Наркомата просвещения был создан специальный музейный отдел.

⁹ Там же. Л. 64.

¹⁰ Там же. Л. 63.

Создание государственных музейных органов было лишь одним из условий сохранения культурного наследия страны. Необходимо было срочно создать законодательную базу, поэтому вскоре были приняты законы: «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (сентябрь 1918 г.) и «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (октябрь 1918 г.).

К началу 1923 г. была завершена работа по созданию единой музейной сети Наркомпроса РСФСР. Было вновь создано и перерегистрировано 220 музеев: 148 провинциальных и 72 столичных музея, которые располагались в Москве и Петрограде. Среди 148 провинциальных музеев был и Зарайский музей. 178 музеев были признаны музеями местного значения и переданы на баланс местных органов советской власти. Однако в 1924 г. ВЦИК РСФСР создал специальную комиссию «По концентрации музейного имущества», и к началу 1925 г. сеть государственных музеев, финансируемых из госбюджета, сократилась до 100 музеев. Так Зарайский музей стал филиалом Рязанского музея.

В статье Г. С. Прохорова «Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому», опубликованы официальные архивные документы 1923–1929 гг., в которых ни разу усадьба «Даровое» не названа музеем.

16 сентября 1921 года был принят декрет СНК «Об охране памятников природы, садов и парков». В числе прочих парков, подлежащих охране, был назван и парк в усадьбе Достоевских в Даровом.

Мы не будем здесь останавливаться на анализе формирования правовой основы в области сохранения культурного наследия в первые годы советской власти (это тема специального исследования) и на терминологической проблеме, выясняя, что подразумевает само слово «музей». Но на данном этапе исследования истории музея в Зарайске и в Даровом можно утверждать, что, согласно законодательству 20-х гг. XX в., Зарайский музей был создан как государственный, учредителем его являлся Музейный отдел Наркомата просвещения, а в Даровом музея создано не было. На Зарайский музей была возложена обязанность следить за охраной объекта, а именно за усадьбой Даровое, согласно декрету СНК от 16 сентября 1921 г. «Об охране памятников природы, садов и парков» и Декрету от 7 января 1924 г. «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы».

Т. Н. Дементьева
И. А. Боголюбская

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ «ДАРОВОЕ»¹

В статье рассмотрена история музея-усадьбы Достоевских «Даровое» от первых попыток музеефикации в 1920-е гг. до наших дней. В научный оборот вводятся ранее неизвестные документы, раскрывающие драматическую историю единственного «деревенского» музея Ф. М. Достоевского. Прослеживается «традиция» вспоминать о Даровом в преддверии юбилеев писателя и безрезультатность неоднократных попыток создания полноценного музея в Даровом и сохранения исторического ландшафта.

Ключевые слова: усадьба Достоевских Даровое, музеефикация, архивные документы.

Усадьба Даровое, связанная с именем великого русского писателя Ф. М. Достоевского, является одним из структурных подразделений Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль». Предложенная работа является попыткой проследить, как складывалась в XX в. судьба этого «маленького и незамечательного места, оставившего самое глубокое и сильное впечатление» в жизни Ф. М. Достоевского.

Сохранилось не так много сведений о деятельности органов власти, учреждений и общественности по сохранению Дарового как объекта культурного наследия. Однако на основе имеющихся, в том числе неопубликованных документов из архива Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль», Архивного отдела Администрации городского округа Зарайск и Центрального государственного архива Московской области (далее ЦГАМО) можно выявить основные этапы и наиболее важные решения на пути к созданию в Даровом полноценного музея.

Условно историю Дарового как «музея Ф. М. Достоевского» можно разделить на несколько периодов, каждый из которых представляет интерес: 1920-е годы, 1930–1940-е, 1950–1960-е, 1970–1980-е, 1990-е гг. — начало двухтысячных. Современное состояние музея в Даровом ещё не успело стать историей, но юбилейный 2021 год, отмечающий двухсотлетие писателя, должен стать решающим для его развития.

1920-е годы

Этот период в настоящее время является наиболее изученным: ему посвящён ряд научных публикаций Г. С. Прохорова². Он провёл большую архивную

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Прохоров Г. С. От Дарового к Божедомке. Как «растал» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2009. № 2 (8). С. 115–130; Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В.: сборник научных трудов к 60-летию профессора В. А. Викторовича. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 183–228; Прохоров Г. С. «Езда в Даровое», или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/ezda_v_darovoe.pdf; Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 179–189. Письмо М. А. Ивановой (преамбула и комментарии Г. С. Прохорова) // Там же. С. 190–193.

работу, посвящённую поиску и публикации документов 1918–1929 гг. Однако в последнее время были обнаружены новые документы, которые позволяют более полно осветить события этих лет.

В первые десятилетия после революции Даровое мало чем отличалось от большинства подобных ему мелкопоместных усадеб. Здесь с 1918 г. жила племянница писателя, Мария Александровна Иванова, которая пыталась содержать себя за счёт надела земли и плодового сада. На фоне небогатой деревни Даровой усадьба Ивановой выглядела достаточно зажиточной и привлекала внимание желающих улучшить своё положение крестьян. Ещё при жизни бывшей помещицы жители деревни разобрали часть усадебных построек и добились от местных властей разрешения на отчуждение сада в свою пользу.

Для Марии Александровны в сложившейся ситуации единственным способом сохранения усадьбы могла стать её передача под охрану государства, тем более что для этого существовали основания. Куплено Даровое было в 1831 г. родителями Ф. М. Достоевского, и будущий писатель в детстве проводил здесь с семьёй летние месяцы. В 1852 г. имение у наследников выкупила сестра писателя Вера Михайловна, по мужу Иванова, к которой в 1877 г. Фёдор Михайлович приезжал погостить. Её дочь, М. А. Иванова, являлась представительницей уже третьего поколения Достоевских, владевших усадьбой.

В 1923 г. М. А. Иванова начала вести активную деятельность, направленную на создание в Даровом музея имени Ф. М. Достоевского³. Сохранилось письмо от 2 мая 1923 г., в котором она обратилась в Зарайский отдел по делам музеев с просьбой ходатайствовать перед председателем Президиума Моссовета Л. Б. Каменевым и наркомом просвещения А. В. Луначарским о национализации усадьбы с целью создания музея⁴.

Зарайский краевой музей, основанный в 1918 г., в 1920-е годы переживает свой подъём: формируется основная коллекция музея, открывается экспозиция в здании Никольского собора г. Зарайска, издаются «Труды Зарайского краевого музея»⁵. Возможно, сильная для того времени позиция музея и личные добрые отношения с директором Зарайского музея И. П. Перловым стали причиной обращения М. А. Ивановой к высоким властям с подобным предложением.

Согласно письму от 22 мая 1923 г. Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, впервые объявляется, что «имение “Даровое” признано неприкосновенным памятником историко-художественного значения и находится в непосредственном ведении Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса»⁶.

³ Мария Александровна вела переписку с различными инстанциями (судя по сохранившимся документам, с 2 (11) мая 1923 по 9 июля 1926), сотрудничала, как и другие её родственники, с директором Зарайского музея И. П. Перловым, первым директором московского музея Ф. М. Достоевского В. С. Нечаевой, исследователем родословия Достоевских М. В. Волоцким.

⁴ Прохоров Г. С. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом (20-е годы) // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2006. С. 121.

⁵ Максимова Л. И. История Зарайского музея // Сборник научных статей сотрудников музея «Зарайский кремль». Коломна, 2011. С. 141–142.

⁶ Прохоров Г. С. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом (20-е годы) // С. 121–122.

С июня 1923 г. усадьба Даровое была включена в состав Зарайского краевого музея, и М. А. Иванова стала её хранителем с назначением государственной пенсии. В это время сотрудниками Зарайского музея было сделано описание усадьбы и снят её глазомерный план. Отобранный ранее по Декрету о земле в пользу местных крестьян усадебный сад был возвращён племяннице Достоевского. По циркуляру от 11 декабря 1923 г. усадьба была «включена в Список охраняемых садов и парков РСФСР»⁷.

Понимая значимость этого места, директор Зарайского краевого музея И. П. Перлов в 1925 г. опубликовал в «Путеводителе по Тульскому краю» статью «Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского»⁸.

16 апреля 1925 г. усадьба перешла в распоряжение Зарайского отделения Главнауки Наркомпроса. Отметим, что уже через полгода 28 октября на Комиссии Достоевского при Академии Художественных наук обсуждалось ходатайство крестьян Дарового о ликвидации музея в их деревне⁹.

9 июля 1926 г. по решению Президиума Моссовета усадьба Даровое была передана в ведение Московского Губмузея МОНО¹⁰. В этом же 1926 г. в Даровом был организован колхоз им. Достоевского, а именем писателя названа волость¹¹.

Через год на выделенные Губмузеем средства был проведён ремонт флигеля, о чём свидетельствует сохранившийся в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ) отчёт О. А. Ивановой¹² за 1927 г. (Илл. 1.) В документе зафиксировано официальное название музея на тот период «Музей имени Ф. М. Достоевского при с. Даровом, Московской губернии, Достоевской волости»¹³.

В 1927 г. было принято решение об открытии в Москве музея-квартиры Ф. М. Достоевского, которое состоялось в 1928 г. К этому времени первый директор музея-квартиры В. С. Нечаева уже вывезла в Москву из Дарового мемориальную мебель Достоевских, семейную переписку Ивановых и часть церковного архива из храма Сошествия Святого Духа в селе Моногарове¹⁴.

В это время положение Зарайского краевого музея меняется в худшую сторону. Усугубилась ситуация и тем, что в 1927 г. против директора

⁷ Прохоров Г. С. Там же. С. 122.

⁸ Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // По Тульскому краю. Тула, 1925. С. 521–527.

⁹ Шейнблат В. Г. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом // За новую жизнь. Зарайск. 1992. 8 февраля.

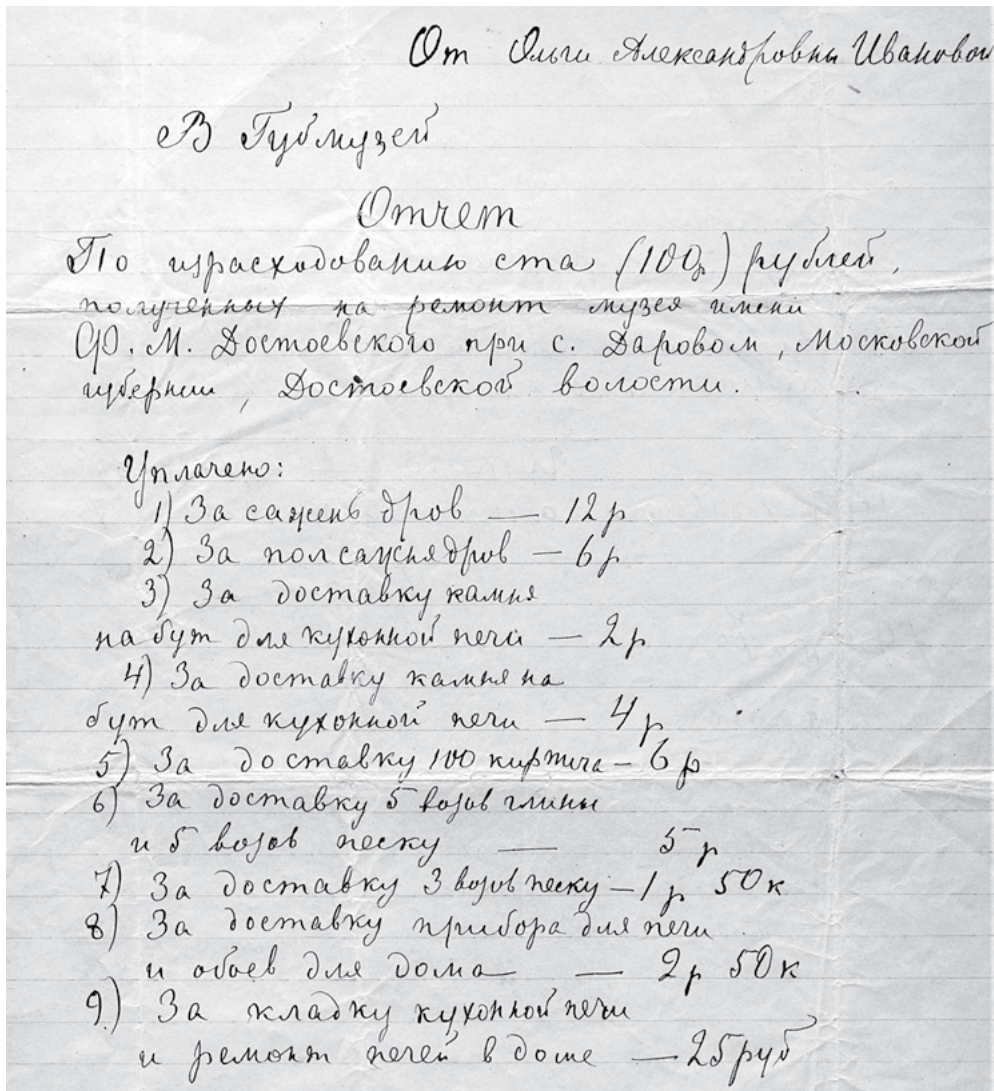
¹⁰ Решение Президиума Моссовета от 04. 06. 1924 г. № 9589.

¹¹ Паспорт памятника истории и культуры СССР «Усадьба «Даровое», в которой в детские годы жил Ф. М. Достоевский». Министерство культуры Московской области. Управление по охране памятников истории и культуры. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». 1979. С. 1.

¹² Иванова Ольга Александровна — младшая сестра Марии Александровны Ивановой.

¹³ Отчёт о израсходовании денег на ремонт музея имени Ф. М. Достоевского в с. Даровом. ОР РГБ. Ф. 93. Р. III. Карт. 13. Ед. хр. 47.

¹⁴ Этот храм был приходским для жителей окрестных деревень, его прихожанами были Достоевские и Ивановы.

Илл. 1. Фрагмент из отчёта об израсходовании денег на ремонт
Музея имени Ф. М. Достоевского в сельце Даровом О. А. Ивановой. 1927.
ОР РГБ. Ф. 93. К. 14. Д. 47. Л. 1.

И. П. Перлова, было начато уголовное дело¹⁵. Это привело к тому, что в 1928 г. Даровое стало филиалом Московского музея Ф. М. Достоевского. Территория усадьбы на тот момент оставалась под охраной государства.

В 1929 г., уже после смерти М. А. Ивановой, «флигель был превращён в избу-читальню, а в одной из комнат, по инициативе В. С. Нечаевой, была организована популярная выставка о Ф. М. Достоевском»¹⁶. В Даровом к этому

¹⁵ Максимова Л. И. Указ. изд. С. 146–147.

¹⁶ Бессонова А. С. К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2011. С. 149.

времени была организована сельскохозяйственная артель им. Достоевского и «позже по решению местных властей во флигеле разместились детские ясли, правление колхоза, работала библиотека»¹⁷.

1930–1940-е годы

Судя по документам из Зарайского городского архива, в Даровом до 1949 г. продолжала существовать сельскохозяйственная артель им. Достоевского¹⁸, однако в «Списке колхозов Зарайского района» за 1940 г. Даровое упоминается как колхоз имени Достоевского¹⁹. По решению от 25 мая 1950 г. происходит слияние колхозов²⁰, но в документах за 1951 г. Даровое продолжает значиться как колхоз имени Достоевского²¹.

В 1930–1940 гг. общественно-политическая обстановка в стране не способствовала развитию краеведческих музеев, что не могло не отразиться и на состоянии Дарового. В усадебном доме (флигеле) продолжала работать библиотека (Илл. 2), не закрывалась она и в годы войны²². Поздней осенью 1941 г. в Даровом появились немецкие разведчики на мотоциклах. К этому времени книги из библиотеки были надёжно спрятаны, а после отступления фашистов возвращены на место²³.

1950–60-е гг.

В 1950-е годы Зарайский краеведческий музей переживает новый подъём. На это время пришлось реставрация Зарайского кремля и открытие музея А. С. Голубкиной. Накануне 135-летия Ф. М. Достоевского власти вспомнили и о библиотеке в Даровом. Судя по фотографиям, сохранившимся в Государственном музее истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ им. В. И. Даля)²⁴ и в фондах Государственного музея-заповедника «Зарайский

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Колхозная земельная шнуровая книга сельскохозяйственной артели им. Достоевского». 17 мая 1936–1949 гг. Архивный отдел Администрации городского округа Зарайск. Ф. 25. Оп. 1. Д. 100. Св. 12.

¹⁹ «Список колхозов Зарайского района». 1940. Архивный отдел Администрации городского округа Зарайск. Ф. 25. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.

²⁰ а) «Решение исполнительного комитета Московского областного совета депутатов трудящихся. От 25 мая 1950 г. № 2012/25. Решение о слиянии колхозов «К новой жизни» селения Моногарово, им. Достоевского селения Даровое и «Пятилетка» селения Шистово Зарайского района в один колхоз. Архивный отдел Администрации городского округа Зарайск. Ф. 18. Оп. 3. Д. 18. Л. 28.

б) «О слиянии колхозов «К новой жизни» с. Моногарово, им. Достоевского с. Даровое и «Пятилетка» с. Шистово в один колхоз (чертёж). № 2012 от 25.05.1950. ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 3474.

²¹ «Список колхозов на 1951 год». Архивный отдел Администрации городского округа Зарайск. Ф. 25. Оп. 1. Д. 289. Лл. 30б.–4.

²² После войны в 1949 г. в Зарайском районе было 8 библиотек и 19 изб-читален: Полянчев В. И. Зарайская летопись. М., 2001. С. 159.

²³ Шейнблат В. Г. «Ну, Клавдия, сбылась твоя мечта» // За новую жизнь (Зарайск). 1993. 18 сентября.

²⁴ Даровое. Библиотека им. Достоевского Ф. М. Группа посетителей. 1955 г. ГМИРЛИ им. В. И. Даля КУ-14515-1062/1.

ПЛАН УСАДЕБНОГО ДОМА ДОСТОЕВСКИХ В „ДАРОВОМ“ НЫНЕ ИЗБА - ЧИТАЛЬНЯ.

Илл. 2. План усадебного дома Достоевских в Даровом (изба-читальня). 1939. ГМИРЛИ им. В. И. Даля. КП 35716/178.

кремль»²⁵, флигель в это время нуждался в капитальном ремонте, а его южная хозяйственная пристройка уже находилась в полуразрушенном состоянии. Наверное, по этой причине в 1956 г. был сделан капитальный ремонт флигеля, который, по свидетельству библиотекаря К. П. Романцовой, «раскатали по брёвнам, сделали новый фундамент, брёвна бережно собрали, открытую веранду застеклили»²⁶. В ЦГАМО сохранилось распоряжение Мособлисполкома о выделении денег на ремонт в марте 1956 г.²⁷

Воспоминания К. П. Романцовой уточняет «Акт обследования технического состояния дома», составленный в 1971 г. архитектором С. П. Орловским и Н. А. Калининой²⁸. В документе зафиксированы произведённые при ремонте изменения: были разобраны бревенчатая кухня и терраса (но не весь флигель, как утверждала библиотекарь), железная четырёхскатная кровля была заменена двускатной шиферной. «Утрата резных деревянных колонок (поя-

²⁵ Посетители у библиотеки им. Достоевского, которая располагалась в усадебном доме в Даровом. Вид с юго-запада. 1950-е гг. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». КП-12718.

²⁶ Шейнблат В. Г. «Ну, Клавдия, сбылась твоя мечта» // За новую жизнь. — 1993. — 18 сент.

²⁷ «О выделении ассигнований на капитальный ремонт дома Ф. М. Достоевского. № 232 от 23.03.1956». ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4852.

²⁸ Материалы обследования технического состояния усадьбы Достоевских в Зарайском районе // Паспорт памятника истории и культуры СССР «Усадьба „Даровое“, в которой в детские годы жил Ф. М. Достоевский». Министерство культуры Московской области. Управление по охране памятников истории и культуры. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». 1979. С. 1-4.

вившихся, видимо, в 60–70 гг. XIX в.) значительно обеднила главный фасад дома»²⁹. Пострадал и интерьер дома: стены и полы обшили фанерой и покрасили. О том, как стал выглядеть флигель после ремонта, свидетельствуют фотографии 1958 г.

После ремонта была вновь открыта библиотека, а при ней новая выставка в «Комнате Достоевского», для которой Галина Владимировна Коган³⁰, новый директор московского Музея-квартиры Ф. М. Достоевского, передала фотоматериалы.

20 июня 1957 г. имя Ф. М. Достоевского было увековечено в названии одной из улиц города Зарайска³¹. Однако Даровое не было включено в составленный тогда список памятников культуры Зарайска, состоящих на государственной охране.

К 140-летию со дня рождения Достоевского 15 сентября 1962 г. по инициативе и на средства Зарайского краеведческого музея на здании флигеля Достоевских установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме провёл детские годы великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский»³².

1970–1980-е годы

В связи со 150-летием со дня рождения Ф. М. Достоевского в 1971 г. были предприняты очередные попытки сохранить и музеефицировать усадьбу. Так, согласно «Протоколу заседания комиссии по вопросу реставрационных работ усадьбы Даровое» от 16 марта 1971 г., было принято решение разработать охранные зоны усадьбы, восстановить флигель, дворовые службы, фруктовый сад, липовую рощу, плотину и старое кладбище (Нечаевский погост). Планировалась реставрация церкви в селе Моногарове и строительство дороги с твёрдым покрытием протяжённостью 1,5 километра.

В мае этого же года архитектором С. Н. Орловским и техником Н. А. Калининой было проведено обследование усадьбы, в том числе флигеля и парка, и составлен акт обследования³³.

²⁹ Там же. С. 1.

³⁰ Коган Галина Владимировна (Фридмановна). (1921–2009) – литературовед, директор Музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве (1955–1979).

³¹ Полянчев В. И. Указ. изд. С. 173.

³² Там же. С. 184. В преддверии этого события опубликована статья, где говорилось о том, что в здании флигеля размещена библиотека в «несколько тысяч томов самых различных книг» // «Здесь жил Достоевский (К 140-летию со дня рождения писателя)». За новую жизнь. 1961. 12 ноября. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». НВФ 9417. Позже Н. Нефёдова, Н. Дудин, А. Сауткина, В. Полянчев, В. Кочетков сетовали: «Несколько лет назад установили памятную доску, но в библиотеке нет даже собрания сочинений Достоевского // «Полно... дорогими воспоминаниями». За новую жизнь. 1971.10 января. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». НВФ 8257.

³³ Материалы обследования технического состояния усадьбы Достоевских в Зарайском районе // Паспорт памятника истории и культуры СССР «Усадьба „Даровое“, в которой в детские годы жил Ф. М. Достоевский». Министерство культуры Московской области. Управление по охране памятников истории и культуры. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». 1979. С. 1-4.

24 сентября 1971 г. решением № 290 Исполкома горсовета усадьба Даровое была передана под охрану отдела культуры Алферьевского сельского совета³⁴. Кроме того, было решено: установить при въезде в усадьбу памятный щит, определить и обозначить границы усадьбы, произвести текущий ремонт дома и благоустроить прилегающую территорию, обновить экспозицию «Комнаты Ф. М. Достоевского» при сельской библиотеке и просить исполком Мособлсовета о передаче усадьбы на государственную охрану³⁵.

1 октября 1971 г. в Даровом была установлена памятная стела в честь Ф. М. Достоевского (автор — архитектор В. А. Давыдов)³⁶.

29 декабря 1971 г. в целях подготовки и празднования 150-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского Зарайским ГК КПСС была создана комиссия, которая приняла ряд решений, направленных на создание в Даровом музея-заповедника. Кроме того, предполагалось «издать путеводитель по зарайским местам жизни писателя³⁷, сохранить от дальнейшего разрушения церковь в с. Моногарово и установить в Даровом памятник-бюст великому романисту»³⁸.

В 1972 г. усадьба Достоевских в с. Даровое была признана памятником истории³⁹. Сохранились «Сведения о памятных местах, связанных с жизнью и деятельностью писателей», предоставленные Советом Московского областного отделения ВООПИК на запрос № 80 от 23 июня 1973 г. о необходимости постановки Дарового на государственную охрану⁴⁰.

4 декабря 1974 г. Постановлением Совета Министров РСФСР № 624 «Усадьба “Даровое”, в которой прошли детские годы писателя Достоевского Фёдора Михайловича», в составе: флигель, пруды, приусадебная роща, жилые крестьянские дома по улице села (деревянные), старое кладбище, была принята на государственную охрану как памятник государственного значения⁴¹. 3 января 1975 г. распоряжением Исполкома Мособлсовета Даровое

³⁴ «Решение о передаче усадьбы Ф. М. Достоевского в селе Даровое на государственную охрану» от 24 сентября 1971 г. № 290. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

³⁵ Это косвенно подтверждает, что до 1974 г. усадьба не охранялась государством.

³⁶ Полянчев В. И. Указ. изд. С. 205.

³⁷ В 1970-е годы Даровое начинает упоминаться в путеводителях по достопримечательным местам Подмосковья и становится туристическим местом, разрабатываются новые туристические программы. Так, Московское городское бюро путешествий летом 1973 г. организовало новый шестнадцатичасовой экскурсионный маршрут из Москвы от Рогожской заставы в Даровое: Достоевский в Даровом // За новую жизнь. № 69. 1973. 9 июня. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». ЗИХМ НВФ 2376.

³⁸ Полянчев В. И. Указ. изд. С. 203.

³⁹ Решение Мособлсовета № 317/7 от 28.03.72 в письме Производственного бюро по охране и реставрации памятников культуры Московской области № 1-15-567 от 29.10.90.

⁴⁰ «Сведения о памятных местах, связанных с жизнью и деятельностью писателей». 1973 г. ЦГАМО Ф. 509. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 130.

⁴¹ Постановление Совета Министров РСФСР от 4.12.1974 № 624 «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры РСФСР».

вошло в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения⁴².

На основании постановления Министерства культуры РСФСР от 12 июня 1985 г. № 63 «О плане развития культуры Зарайского района Московской области в XXII пятилетке»⁴³ было принято решение исполкома горсовета от 22 апреля 1986 г. № 278/7 «О создании музея-заповедника Ф. М. Достоевского в д. Даровое Зарайского района», на основании которого отделу культуры Исполкома горсовета и Зарайскому историко-художественному музею было поручено «подготовить необходимые документы для решения этого вопроса»⁴⁴. Но всем этим планам так и не суждено было реализоваться.

1990-е годы

23 августа 1990 г. распоряжением Исполнительного комитета Московского областного совета народных депутатов № 514-р «Об открытии филиалов музеев» «Музей Ф. М. Достоевского» становится филиалом Зарайского историко-художественного музея «на базе бывшей усадьбы Достоевского “Даровое”»⁴⁵.

Согласно сохранившимся документам, музей достаточно оперативно реагирует на поставленную задачу по созданию филиала в Даровом. Так, уже 4 сентября 1990 г. А. Д. Климовой, директором Зарайского историко-художественного музея, был подписан договор на топографическую съёмку⁴⁶ и начаты работы с институтом «Спецпроектреставрация» по разработке охранных зон.

Распоряжением Исполкома Зарайского горсовета от 10.06.1991 в связи со 170-летием со дня рождения Ф. М. Достоевского был утверждён оргкомитет по подготовке и проведению юбилея писателя. В течение 1990–1991 гг. музей решает вопрос по определению охранных зон усадьбы Достоевского⁴⁷, готовится к открытию новой экспозиции в Даровом, приводит в порядок рощу и разрабатывает экскурсионные маршруты.

⁴² «Распоряжением Исполкома Мособлсовета № 1-Р от 3 января 1975 г. Даровое вошло в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения, утверждённых постановлением Советом министров РСФСР № 1327 от 30 августа 1960 г.».

⁴³ «О плане развития культуры Зарайского района Московской области в XXII пятилетке».

⁴⁴ «Решение исполкома горсовета от 22 апреля 1986 года № 278/7 «О создании музея-заповедника Ф. М. Достоевского в д. Даровое Зарайского района». Архивный отдел Администрации городского округа Зарайск. Ф. 67. Оп. 1. Д. 823. Л. 135.

⁴⁵ «Об открытии филиалов музеев: филиала Зарайского историко-художественного музея на базе б. усадьбы Достоевского “Даровое”; филиала Орехово-Зуевского историко-революционного музея; филиала Раменского краеведческого музея; филиала Государственного Дома-музея П. И. Чайковского на базе б. усадьбы “Демьяново”; филиала Дмитровского историко-художественного музея. № 514 от 23.08.1990». ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 13761.

⁴⁶ Договор № 2 от 4 сентября 1990 г. Договор № 1268-И от 28 декабря 1991 г.

⁴⁷ Договор № 1229-2 от 15 июля 1991 г. Договор в итоге был подписан обеими сторонами 20 января 1993 г.

29 ноября 1991 г. Министерство культуры РСФСР сообщило директору Зарайского историко-художественного музея А. Д. Климовой, что рассмотрит «возможность выделения средств из республиканской программы “Наследие” в 1992 г. на проведение реставрационных работ на памятнике — Усадьбе Достоевского Ф. М.»⁴⁸.

Большой вклад в изучение и популяризацию Дарового в эти годы внесла первая заведующая филиалом «Музей Ф. М. Достоевского» в Даровом Валентина Григорьевна Шейнблат. Благодаря ей в фондах музея появились научные материалы, связанные с историей усадьбы, в газете «За новую жизнь» опубликован ряд статей о Даровом⁴⁹.

В октябре 1991 г. в Зарайске состоялась первая научная конференция⁵⁰, посвящённая Ф. М. Достоевскому⁵¹. В её работе приняли участие известные учёные-достоевскоеды Г. М. Фридендер, Н. Ф. Буданова; Е. А. Иванчикова, В. Н. Виноградова, Т. А. Касаткина, К. А. Степанян, Н. Д. Старосельская, В. А. Викторovich, Г. Ф. Коган, В. И. Этов, Н. В. Живолупова, Г. Б. Пономарёва.

В архиве музея сохранилось обращение её участников к академику Д. С. Лихачёву с просьбой о содействии в деле сохранения мемориального ландшафта усадьбы (Илл. 3). Это обращение было вызвано тем, что «сельский совет Совхоза имени Мерецкова в спешном порядке произвёл землеотвод в мемориальной зоне усадьбы своим работникам»⁵². После разработки проекта зон охраны, согласования его Министерством культуры РСФСР и доведения до сведения администрации Совхоза им. Мерецкова информации о неправомерности строительства, последовало «поспешное строительство пяти капитальных домов» на территории памятника.

Отметим, что на стадии разработки проекта зон охраны Производственное бюро просило руководство совхоза и сельсовета «любые виды хозяйственной деятельности в пределах охранной зоны памятника согласовывать с госорга-

нами охраны в установленном порядке, в том числе с музеем и исполкомом горсовета»⁵³. Более того, в октябре 1991 г. Исполкомом Зарайского горсовета было принято решение о режиме застройки в д. Даровое, которое предусматривало исполкому Алферьевского сельсовета согласовывать любые виды деятельности на территории памятника с историко-художественным музеем⁵⁴.

В 1992 г. Зарайский музей продолжал вести работу по созданию музея-заповедника в Даровом: были закончены топографические работы на территории усадьбы⁵⁵, осуществлялся поиск архивных документов, разрабатывался проект экспозиционного освещения усадьбы Достоевских⁵⁶ и готовилась «Схема развития музея-усадьбы Достоевского в с. Даровом»⁵⁷.

В июле 1993 г. состоялось заседание градостроительной комиссии при участии представителей садово-парковой комиссии Центрального совета ВООПИиК, на котором были приняты решения: включить в объекты охраны Брыкову рощу, реку Кашейку⁵⁸, дороги в Зарайск и Черемошню и поддержать предложение о переводе музея-усадьбы в статус музея-заповедника Ф. М. Достоевского в д. Даровое⁵⁹. В 1993 г. предполагалось строительство дороги от шоссе Зарайск-Журавна до д. Даровое. В рамках этих работ на музей была возложена подготовка проектно-сметной документации⁶⁰.

Осенью 1993 г. был отремонтирован флигель в Даровом. Зданию была возвращена четырёхскатная крыша, однако историческая планировка интерьеров не была восстановлена, «от “мемориального” остались фундамент и стены»⁶¹. Во флигеле была открыта фотовыставка, рассказывающая об истории усадьбы Достоевских Даровое.

В сентябре 1993 г. по инициативе и на средства торгово-промышленной компании «SOS international», возглавляемой Л. Ф. Монастырским, в Даровом на опушке Липовой рощи был установлен памятник Ф. М. Достоевскому (Илл. 4). Автор — скульптор, заслуженный художник РСФСР Ю. Ф. Иванов.

⁴⁸ Письмо Министерства культуры РСФСР от 29.11.1991 № 14-26/337.

⁴⁹ Шейнблат В. Г. Впечатления на всю жизнь: Даровое в творчестве Ф. М. Достоевского // За новую жизнь. Зарайск. 1992. 15 декабря; Шейнблат В. Г. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом // За новую жизнь. Зарайск. 1992. 8 февраля; Шейнблат В. Г. «Святыня для души»: (Даровое в жизни Достоевского) // За новую жизнь. Зарайск. 1992. 14 июля; Шейнблат В. Г. Где похоронены Достоевские? // Литературная газета. 1993. 1 апреля; Шейнблат В. Г. «Ну, Клавдия, сбывлась твоя мечта» // За новую жизнь. Зарайск. 1993. 18 сентября; Шейнблат В. Г. Воспитание в семье Достоевских: 11 ноября Ф. М. Достоевскому исполнится 175 лет // За новую жизнь. Зарайск. 1996. 31 октября.

⁵⁰ Первая конференция «Москва и Подмосковье в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского» (организаторы: Коломенский педагогический институт, Исполком Зарайского городского совета народных депутатов, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН) должна была состояться ещё 25–26 сентября 1981 г. Её участники — ведущие учёные-достоевскоеды. Однако конференция была запрещена Зарайским Горкомом КПСС. См. об этом: III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2011. С. 206–209. *Примеч. ред.*

⁵¹ Научно-практическая конференция «Новые аспекты в изучении творчества Ф. М. Достоевского» 22–23 октября 1991. Зарайский историко-художественный музей. Отдел культуры Исполкома горсовета.

⁵² Письмо академику Д. С. Лихачёву. 1991. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

⁵³ Письмо № 1-15-568 от 29.10.90. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

⁵⁴ Решение Исполнительного комитета Зарайского городского совета народных депутатов от 15.10.1991 № 397/18 «О режиме застройки в с. Даровое». Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

⁵⁵ Договор № 1229-2. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

⁵⁶ Договор, протокол, техническое задание. Апрель. 1992. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

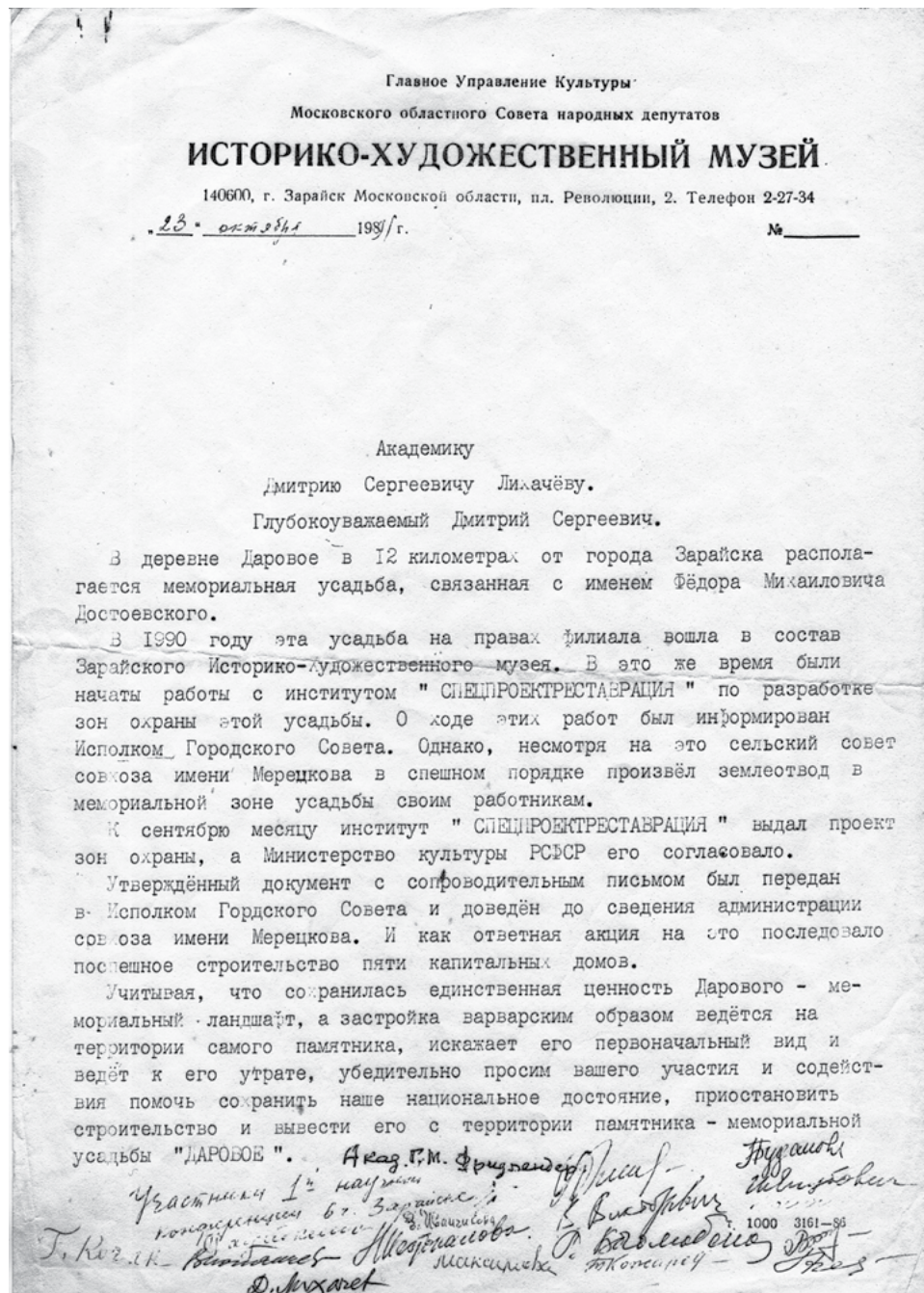
⁵⁷ Документ № 1229-2 от 10 апреля 1992 г. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

⁵⁸ Ошибочно так названа река Уйна, протекающая через Даровое и Моногарово. *Прим. ред.*

⁵⁹ Протокол заседания градостроительной комиссии при участии представителей садово-парковой комиссии Центрального совета ВООПИиК от 15.07.1993. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»; Письмо № 168 от 19.07.1993 Центрального совета ВООПИиК в адрес Зарайского историко-художественного музея.

⁶⁰ В архиве музея имеется «Заключение Зарайского комитета по экологии и природопользованию» от 12.08.1993 по строительству этой дороги и «Постановление № 322/15 от 17.08.1993», утверждающее акт выбора земельного участка под строительство автодороги до д. Даровое

⁶¹ Полянцева О. В. Ревнитель памяти // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 201.

Илл. 3. Письмо академику Д. С. Лихачёву участников конференции «Новые аспекты в изучении творчества Ф. М. Достоевского». 1991. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

В архиве музея сохранились два документа, направленных Л. Ф. Монастырским на имя председателя Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатова с просьбой оказать содействие в организации торжественного открытия памятника и приглашением на само мероприятие⁶².

Продолжалась работа по разработке проекта зон охраны усадьбы. В октябре руководителю проектного института «Спецпроектреставрация» В. Ю. Кеслеру Комитетом по земельной реформе и землеустройству Зарайского района было направлено письмо № 42 от 04.10.93 о том, что в связи с рядом замечаний проект не может быть использован для оформления землеотводного дела. Тем не менее 28 октября 1993 г. Администрацией Зарайского района организовано «рабочее совещание по рассмотрению проекта зон охраны усадьбы Достоевских в с. Даровое», на котором было принято решение одобрить и рекомендовать к утверждению представленный проект зон охраны.

В мае 1994 г. была зарегистрирована зарайская организация Международный благотворительный фонд им. Ф. М. Достоевского «Даровое»⁶³.

2000-е годы

В 2000 г. заведующей музеем в Даровом становится Татьяна Георгиевна Бирюкова, продолжившая начатую В. Г. Шейнблат работу по изучению и популяризации усадьбы. В 2001 г. был утверждён предложенный Т. Г. Бирюковой тематико-экспозиционный план выставки «Даровое — духовная родина Ф. М. Достоевского». Ею были обнаружены предметы мебели, имеющие отношение к семье сестры писателя и подаренные М. А. Ивановой своей крестнице⁶⁴. Но главная работа Т. Г. Бирюковой была направлена на воссоздание усадьбы Даровое на мемориальный период. На основе фотографий из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля ею была сделана первая попытка реконструировать Даровое. Впоследствии, уже не являясь сотрудником Зарайского музея, Татьяна Георгиевна опубликовала ряд работ, посвящённых этой теме⁶⁵.

В 2003 г. профессором Коломенского государственного педагогического института (ныне Государственный социально-гуманитарный университет)

⁶² Письма № 78 и № 79 от 10.09.1993. О событии писала пресса: Киселёв С. «Даровое, село роковое» // Подмосковные известия. 1997. 1 августа. Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль». НВФ 9378.

⁶³ Постановление главы администрации Зарайского района № 205/8 от 10 мая 1994 «О регистрации Зарайской организации Международного благотворительного фонда им. Ф. М. Достоевского «Даровое»».

⁶⁴ Бирюкова Т. Г. Даровое — усадьба Достоевских. Возвращение. Историческая реконструкция. М., 2014. С. 33-42. Кондратова Т. И. Даровое: современные легенды и мифы // Летние чтения в Даровом. Коломна, 2006. С. 132.

⁶⁵ Бирюкова Т. Г. Анализ исторического облика усадьбы в Даровом. Мемориально-культурный комплекс им. Ф. М. Достоевского: мечты и реальность // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25-29 августа 2009. Коломна: КГПИ, 2009. Бирюкова Т. Г. Даровое — усадьба Достоевских. История. Судьбы. Портреты. М., 2009. Второе издание — 2010. Бирюкова Т. Г. Даровое — усадьба Достоевских. Проект реконструкции. М., 2012. Второе издание — 2014.

Илл.4 Открытие памятника Ф. М. Достоевскому в Даровом. 1993.
Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль».

доктором филологических наук Владимиром Александровичем Викторóвичем была начата многолетняя работа по сохранению и изучению Дарового как места детства писателя. С 2005 г. она продолжилась в рамках Соглашения о совместной деятельности музея «Зарайский кремль» с Коломенским государственным педагогическим институтом. Ещё с 2003 г. Даровое стало местом проведения летних фольклорных и диалектологических экспедиций студентов филологического факультета ГСГУ, которые также оказывали музею большую помощь в благоустройстве территории усадьбы. В эти годы студенческие экспедиции активно поддерживал заведующий филиалом в Даровом Э. А. Елисеев, администрация сельского поселения «Струпенское» (Е. В. Анохина, А. Н. Кононов). Под руководством В. А. Викторóвича по гранту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) на территории усадьбы были проведены ландшафтно-дендрологические и археологические исследования. В 2005 г. специалистами института «Спецпроектреставрация» (Москва) Л. А. Перфильевой, М. А. Нуждиной, ландшафтными архитекторами ЦТРК «Преображенское» О. А. Дробнич, Л. А. Воронкиной, О. В. Нифонтовой, старшим научным сотрудником Института лесоведения РАН Г. А. Поляковой исследованы Липовая и Федина рощи, Нечаевский погост.

Было выполнено натурное обследование усадьбы: маркировка и инвентаризация деревьев, ландшафтное описание территории. В 2007–2008 гг. в Даровом работали специалисты ООО «Дендродоктор» (Москва, директор Ю. В. Петерсон), которые осуществляли лечение мемориальных лип и дубов. Благодаря этим мероприятиям удалось улучшить общее состояние рощи, было приостановлено выпадение ценных экземпляров деревьев.

В 2005, 2008, 2009 гг. на территории усадьбы Даровое Коломенским археологическим центром под руководством А. С. Сыроватко проводились археологические раскопки, выявившие фундаменты утраченных построек XVIII в., второй половины XIX — нач. XX вв. В ходе раскопок были обнаружены предметы быта, принадлежавшие владельцам усадьбы.

С 2006 г. по инициативе В. А. Викторóвича ГСГУ совместно с музеем «Зарайский кремль» в Зарайске и Даровом проводит научные конференции «Летние чтения в Даровом», по итогам которых выходит одноимённый сборник⁶⁶. Конференции посвящены широкому кругу вопросов, связанных с творчеством Ф. М. Достоевского. Обязательной секцией являются заседания, посвящённые изучению и сохранению усадьбы Даровое.

С целью организации и проведения мероприятий, направленных на возрождение усадьбы Даровое, в июле 2011 г. было создано некоммерческое партнёрство «Культурно-просветительский, научно-реставрационный и музейный центр “Заповедное Даровое”» (председатель правления — В. А. Викторóвич, директор — А. С. Бессонова). Важнейшим направлением работы НП «Заповедное Даровое» является изучение и сохранение усадьбы Достоевских. Создан сайт, посвящённый усадьбе Даровое, её истории и современному состоянию⁶⁷. В течение 18 лет В. А. Викторóвич и А. С. Бессонова организуют волонтерскую помощь музею в Даровом.

В 2008 г. по заказу Министерства культуры Московской области был разработан проект «Зон охраны объекта культурного наследия федерального значения усадьбы Даровое», который так и не был утверждён.

С 2008 по 2010 гг. в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» проведены первоочередные противоаварийные и реставрационные работы в храме Сошествия Святого Духа в Моногарове.

16 апреля 2010 г. вышло Распоряжение Министерства культуры Московской области № 136-Р «Об утверждении границы территории и режима использования территории объекта культурного наследия федерального значения “Усадьба Даровое, в которой прошли детские годы писателя Достоевского Федора Михайловича”». После доработки границы территории были утверждены Распоряжением Министерства культуры Московской области № 305-Р от 10.12.2012.

15 мая 2018 г. был разработан и утверждён предмет охраны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба «Даровое», в которой

⁶⁶ Электронные версии сборника доступны на сайте «Заповедное Даровое» http://darovoe.ru/publication/summer_reading.

⁶⁷ <http://darovoe.ru>

прошли детские годы писателя Достоевского Федора Михайловича» и предмет охраны входящих в его состав объектов культурного наследия: флигель, пруды, приусадебная роща, старое кладбище⁶⁸.

Сегодня Даровое переживает новый этап своей истории. 24 августа 2016 г. был подписан Указ Президента РФ В. В. Путина № 424 «О праздновании 200-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского». Перед Государственным музеем-заповедником «Зарайский кремль» поставлена сложная и ответственная задача — воссоздание усадьбы на мемориальный период, т. е. на 1830-е годы.

«Так уж повелось, что память наша обращается к великим событиям и именам лишь в годы юбилеев»⁶⁹, — так начинается статья В. Г. Шейнблат об истории музея в Даровом в 1920 гг. Судя по рассмотренным в нашей статье документам, это можно сказать и о его судьбе в более поздние годы. Все попытки музеефицировать усадьбу были приурочены к юбилейным датам, но в полной мере до сих пор ни одно из принятых решений, к сожалению, не было полностью реализовано. Ситуацию усугубляет то, что появлением сторонних землепользователей и частичной застройкой территории усадьбы современными капитальными зданиями и сооружениями целостности и сохранности памятника нанесён серьёзный ущерб. Возрождение усадьбы, введение режима музея-заповедника, восстановление и сохранение ландшафтов Дарового в пределах её исторических границ является первоочередной задачей настоящего времени.

⁶⁸ Распоряжение Главного управления культурного наследия Московской области от 17.05.2018 № 32РВ-194.

⁶⁹ Шейнблат В. Г. Из истории музея Ф. М. Достоевского в Даровом // За новую жизнь. Зарайск.1992. 8 февраля.

АРХИВ

РАЗМЕЖЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬЦА ДАРОВОГО И ДЕРЕВНИ ДАРОВОЙ¹

В фондах Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы) находятся дела о специальном полюбовном размежевании земель, принадлежавших в XIX в. семье Достоевских, в том числе «Дело каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли сельца Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими» и «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи деревни Даровой»². В статье рассмотрен процесс размежевания земель деревни Даровой и сельца Дарового, находившихся в чересполосном владении нескольких помещиков, в результате чего Достоевские стали единственными владельцами этих дач.

Ключевые слова: деревня Даровая, сельцо Даровое, Достоевские, Каширский уездный суд, полюбовное межевание, посредник Волоцкой.

В августе 1831 г. родители Ф. М. Достоевского приобрели имение Даровое в Каширском уезде Тульской губернии³. Оно состояло из нескольких дач⁴: сельца Дарового, где находилась помещичья усадьба, прилегающей к нему деревни Даровой и отхожих пустошей⁵: Нечаевой, Триполье, Хариной и Чертовой. Позже землевладение Достоевских увеличилось: в феврале 1833 г. отец писателя Михаил Андреевич Достоевский купил соседнюю деревню Черемошню с пустошами Старая Черемошняя и Черемошняя, Грустынка тож, которые граничили с Даровым. В 1837 г. умерла Мария Фёдоровна, в 1839 скончался Михаил Андреевич. Семеро их детей в 1840 г., судя по записи в «Книге Московской палаты гражданского суда 2-го департамента» 1852 г., стали законными и единственными наследниками и введены во владение⁶.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Оба дела были обнаружены Э. С. Новиковой. Ею же расшифровано «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой» 31 августа 1847–17 августа 1850 гг.». ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44.

³ См. об этом: Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Две купчие на Даровое, имение Достоевских // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 2. С. 24–37. DOI: 10.15393/jio. art.2020.4741.

⁴ Термин «дача» в первой половине XIX в., судя по словарю В. Бурнашева, имел два значения: во-первых, «в межевом значении <...> известное пространство загородной земли», а во-вторых, дачей называются «угодья и земли, принадлежащие помещику или государственному крестьянину» // Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1844. Т. 2. С. 169. Говоря современным языком, дачей назывался земельный участок, имеющий свои, закреплённые межей границы и принадлежащий кому-либо. Судя по «Экономическим примечаниям», «Алфавитам дач» и ряду других документов, дачами владели не только частные лица, но и церковь. Все дачи были нанесены на планы Генерального межевания, пронумерованы и под этими номерами значатся в «Алфавитах дач» и описаны в «Экономических примечаниях».

⁵ Пустошь — 1) Пустое, порожнее, незаселённое пространство земли. 2) Место, ничем не засеваемое и оставляемое без всякого употребления // Бурнашев В. Указ. изд. Т. 2. С. 152.

⁶ Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 106–131. DOI: 10.15393/jio. art.2020.5121.

До совершеннолетия всех детей Достоевских имение должно было находиться под опекой до 1852 г., когда младшей из наследников Александре Михайловне исполнилось 17 лет. Первоначально опекуном над имением был назначен Н. П. Елагин, однако уже в 1840–1841 гг. опекунами стали муж сестры Достоевских Варвары Михайловны Пётр Андреевич Карепин и старший из братьев — Михаил Михайлович.

После снятия опеки имение могло быть разделено между всеми братьями и сёстрами⁷ или продано, для чего было необходимо решить ряд проблем. Одна из них состояла в том, что принадлежащие Достоевским земли находились в совместном владении нескольких лиц и были не размежёваны⁸. Так, в дачах сельца и деревни Даровое, кроме Достоевских, свою часть имел П. П. Хотяинцев⁹, а в деревне Даровой — В. Д. Дашкова, И. А. Бартоломей и вольной хлебопашец Н. Д. Фетисов. Подобным образом обстояло дело и в деревне Черемошне и всех пустошах. Единоличными собственниками Достоевские не были нигде.

В XVIII в. правительством за казённый счёт было в обязательном порядке проведено Генеральное межевание с целью определить и зафиксировать в межевых документах и на местности границы земельных владений. Уже тогда многие дачи числились за несколькими хозяевами. Проблема эта волновала не только помещиков, но и правительство, в связи с чем было решено провести Специальное межевание (термин появился в 1830-х гг.) для добровольного внутреннего размежевания дач, принадлежавших сразу нескольким землевладельцам, за их счёт. Для ускорения процесса 8 января 1836 г. и 21 июня 1839 г. правительством были приняты «Правила полюбовного размежевания»¹⁰, по которым в 1847 г. наследниками Достоевскими и другими землевладельцами было начато полюбовное размежевание для уравнительного раздела принадлежащих им дач «к одним местам».

В представленной работе рассматриваются только дела, касающиеся сельца Дарового и деревни Даровой: «Дело каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли сельца Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими»¹¹ (31 августа 1847 – 6 декабря 1850) и «Дело каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи деревни Даровой» (31 августа 1847–17 августа 1850)¹². Оба дела представляют собой официальную переписку каширского межевого посредника 2-го участка

⁷ Ф. М. Достоевский не принимал участие в имении, так как ранее получил свою долю наследства — 1000 руб. серебром.

⁸ *Размежевание* — раздел земель между владельцами, от слова межа — рубеж, предел владельческой земли с другою. (Бурнашев В. Указ. изд. Т. 2. С. 390).

⁹ *Хотяинцев Павел Петрович* — один из потомков Василия Иевлевича Хотяинцева, крупного землевладельца Тульской и Рязанских губерний. В XVIII — начале XIX вв. В. И. Хотяинцеву и его потомкам принадлежали земли, купленные впоследствии Достоевскими.

¹⁰ *Смирнов Г. С., Смирнов С. С.* Организация специального межевания в России // *Социум и власть*. № 1 (25). 2010. С. 106—111.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43.

¹² ЦГА г. Москвы, Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44.

С. А. Волоцкого¹³ с Каширским уездным судом, Каширским земским судом, Каширской дворянской опекой и с опекуном Достоевских П. А. Карепиным. Сюда также вошли доверенности от владельцев имений своим поверенным, в том числе на имя Савина Макарова, старосты сельца Дарового¹⁴, которому было поручено присутствовать при размежевании и подписывать необходимые документы от имени Достоевских¹⁵. Важным дополнением является приложенный к делу № 43 план сельца Дарового (*Илл. 1*).

Дела о полюбовном размежевании сельца Дарового и деревни Даровой, судя по дате первых документов, велись одновременно и были начаты 31 августа 1847 г. В письмах на имя пристава 2-го стана С. А. Писарева сообщается, что 2 сентября в 12 часов утра в селе Моногарове¹⁶ состоится совещание по предстоящему размежеванию, о чём господина пристава просят объявить владельцам дач для прибытия их или их поверенных с узаконенными доверенностями.

Как свидетельствуют документы, следующее совещание по поводу предварительного соглашения о размежевании состоялось 25 мая 1848 г. также в Моногарове. Несмотря на то, что со стороны Достоевских вопросом о размежевании занимался П. А. Карепин, сам он, судя письму от 17 мая 1848 г., в Моногарово не явился, полностью полагаясь на С. Макарова и С. А. Волоцкого. О результатах этого совещания можно узнать из «променных полюбовных актов», составленных в этот же день.

Согласно актам, в сельце Даровом по плану Генерального межевания 1770 г. числилось 113 десятин 884 кв. сажени земли, из которых 16 десятин 1756 кв. саженей принадлежали П. П. Хотяинцеву, а остальные 96 десятин 1528 кв. саженей — Достоевским. Для объединения разбросанных по разным дачам земельных наделов в цельные участки был сделан следующий обмен: П. П. Хотяинцев отказался в сельце Даровом от своей части в пользу Достоевских и полностью вышел из состава его владельцев. Достоевские же обязались передать П. П. Хотяинцеву такое же количество земли из принадлежащей им пустоши Нечаевой, в которой у него тоже был свой надел. Хотяинцев также обязался перенести свои крестьянские дворы со всем их строением из сельца Дарового¹⁷ на собственную землю в село Моногарово в течение трёх лет со дня утверждения полюбовного акта. Таким образом, П. П. Хотяинцев увеличил свой надел в пустоши

¹³ *Межевой посредник* избирался уездными дворянами и был постоянным ходатаем по вопросам специального межевания.

¹⁴ *Савин Макаров* — крепостной Достоевских, староста сельца Дарового. Упоминается в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского и фигурирует во всех документах по имению до 1850 г.

¹⁵ Из дела полюбовного межевания пустоши Нечаевой известно, что «староста в имении гг. Достоевских переменён за преклонностью лет» (письмо опекуна имения А. П. Иванова С. А. Волоцкому от 10 июня 1852 г.) // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 47. Л. 118. *Примеч. ред.*

¹⁶ *Моногарово* — ближайшее крупное к Даровому село, куда Достоевские ходили в свой приходской храм Сошествия Святого Духа. На погосте этого храма похоронен отец писателя М. А. Достоевский. В этом же селе постоянно жил П. П. Хотяинцев.

¹⁷ Согласно экспликации к «Геометрическому специальному плану» размежевания сельца Дарового, в этой даче у П. П. Хотяинцева была только пашенная земля. *Примеч. ред.*

Нечаевой¹⁸, а Достоевские стали полными владельцами всей дачи сельца Дарового (Илл. 2).

Несколько сложнее дело обстоит при разделе деревни Даровой. Связано это в первую очередь с тем, что здесь было большее число владельцев. В полюбовном акте значит, что в деревне Даровой всего земли 219 десятин 1291 кв. сажень. Для раздела был предложен следующий вариант. П. П. Хотяинцеву принадлежало 27 десятин 83 кв. сажени и 1 десятина за уступленную им землю в пустоши Старой Черемошне¹⁹, а всего 28 десятин 1073 кв. сажени. Кроме того, он обязался в течение трёх лет со дня утверждения полюбовного акта перенести находящиеся в деревне Даровой свои крестьянские дворы со всеми их строениями в село Моногарово, уступая таким образом ещё 5 десятин 156 кв. сажень усадебной земли²⁰. Эту землю, всего 33 десятины 1229 кв. сажень, П. П. Хотяинцев передал во владение Достоевских взамен такого же количества земли в пустоши Нечаевой и вышел из владельцев д. Даровой.

Ещё одному совладельцу Достоевских — И. А. Бартоломею — в деревне Даровой принадлежало 12 десятин земли, которые он обменял с Достоевскими на такое же количество их земли в пустоши Хариной и таким образом тоже выбывал из владельцев деревни Даровой.

В. Д. Дашкова также выбывала из владельцев деревни Даровой, обменяв принадлежащие ей 4 десятины 924 кв. сажени на земли Достоевских в пустоши Нечаевой.

У вольного хлебопашца Н. Д. Фетисова числилось 17 десятин 691 кв. сажень усадебной и пахотной земли; ещё 6 десятин 1709 сажень он получил от Достоевских за отданную им землю в пустоши Хариной. Таким образом, за ним числилось 24 десятины. Эти земли Н. Д. Фетисов просил выделить ему в одном месте, определив границы своего участка, получившего название «Участок № 1 деревни Даровой». Отметим, что участок Н. Д. Фетисова в межевых делах и на планах 1850 г. в итоге стал называться «Вторым участком деревни Даровой», а участок Достоевских — «Первым участком»²¹ (Илл. 5 и 6). Кроме того, Фетисов обязался в течение трёх лет со дня утверждения полюбовного акта перенести на новый участок свой двор, находящийся в деревне Даровой. В вознаграждение за это Достоевские позволяли Н. Д. Фетисову пользоваться водопоем из Шабанова колодца.

¹⁸ Как увидим из дела полюбовного межевания пустоши Нечаевой, операция по приведению земель «к одним местам» на этом не завершилась: П. П. Хотяинцев вышел из состава владельцев и этой земельной дачи, получив от Достоевских равноценный участок в пустоши Триполье. См. публикацию в настоящем сборнике: Сабирова Д. А. Раздел пустоши Нечаевой: к вопросу о формировании земельного комплекса имения Достоевских в Каширском уезде Тульской губернии. *Примеч. ред.*

¹⁹ Одновременно велось полюбовное размежевание земли в Черемошне и других дачах, принадлежавших Достоевским.

²⁰ Экспликация к «Геометрическому специальному плану» размежевания деревни Даровой содержит следующие сведения о количестве и характере земли П. П. Хотяинцева: «пахотной — 23 дес. 183 кв. саж., усадебной — 2 дес. 228 кв. саж., сенокосу — 1 дес. 72 кв. саж.».

²¹ Исключение составляет «Геометрический специальный план» деревни Даровой. РГАДА. Ф. 1345. Оп. 1. Д. 567.

В Государственном архиве Тульской области хранится «Межевая книга первого и второго участков деревни Даровой»²², где упоминается Шебановская вершина, по которой проходила восточная граница деревни Даровой: «Шебановской вершины, которая с сего места между дач первого участка деревни Даровой и села Струпны составляет живую и неперемнную <?> между»²³. В этой же восточной части был выделен участок для Н. Д. Фетисова. Вероятнее всего, Шабанов колодец находился недалеко от Шебановской вершины (разночтение в топонимах можно отнести к неточной орфографии того времени)²⁴.

Таким образом, наследники Достоевские должны были принять в нераздельное владение всю оставшуюся землю — 180 десятин 1921 кв. сажень. Их участок был обозначен на плане под № 2 (Илл. 3). Вступить во владение они могли лишь после утверждения полюбовных актов Каширским уездным судом и выделения «в натуре формальных рубежей».

22 июля 1848 года С. А. Волоцкой отправил в Каширский уездный суд подписанные акты с генеральными планами, копиями доверенностей и межевыми книгами²⁵ на дачи сельца Дарового и деревни Даровой. Однако в рассматриваемых межевых делах имеется только «Геометрический специальный план Тульской губернии Каширского уезда дачи сельца Дарового»²⁶. Приложенные к актам доверенности от П. П. Хотяинцева на имя его крепостного дворового человека А. С. Лебедева, от В. Д. Дашковой — крестьянину М. Егорову, от И. А. Бартоломея — полковнику П. Г. Трубочеву, а также доверенности от А. П. Карепина, М. М. Достоевского, А. М. Достоевских и В. М. Ивановой на имя С. Макарова говорят о том, что сами владельцы дач непосредственно в ведении дела не участвовали. Несмотря на то, что все владельцы дач подписали предложенный посредником раздел, уездный суд постановил возратить Волоцкому оба дела для приложения к ним сведений о том, «распространяется ли сила доверенности опекуна П. А. Карепина на подпись полюбовных актов за всех наследников Достоевских»²⁷. Уже на следующий день С. А. Волоцкой отправил в уездный суд ответ, в котором он, ссылаясь на высочайше утверждённую инструкцию, где не говорится «о доставлении посредниками в уездные суды подобных сведений»²⁸, писал, что суд должен

²² ГАТО. Ф. 291. Оп. 7. Т. 39. Ед. хр. 39, 1367. Межевая книга первого и второго участков деревни Даровой.

²³ ГАТО. Ф. 291. Оп. 7. Т. 39. Ед. хр. 1367. Л. 40б.

²⁴ Шебановская вершина нанесена на план Генерального межевания деревни Даровой 1770 г. (ГАТО. Ф. 291. Оп. 7. Т. 38. Ед. хр. 557) и на «Геометрический специальный план» полюбовного межевания 1850 г. *Примеч. ред.*

²⁵ «Геометрические специальные планы» деревни Даровой 1847—1850-х гг. хранятся в архивах РГАДА (РГАДА. Ф. 1345. Оп. 6. Ед. хр. 567; РГАДА Ф. 1345. Оп. 6. Ед. хр. 568; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541. Ед. хр. Д-45-С). «Межевая книга первого и второго участков деревни Даровой» 1850 г. находится в ГАТО (ГАТО. Ф. 291. Оп. 7. Т. 39. Ед. хр. 39, 1367.).

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Лл. 13–130б.

²⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Лл. 15–150б.; ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Лл. 15–150б.

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Лл. 16–160б.

сам решить этот вопрос «на основании существующих узаконений»²⁹. Свои же действия Волоцкой обосновал тем, что по данным Каширской дворянской опеки, имение наследников Достоевских состоит в нераздельном владении и находится в опеке по их малолетству. Ссылаясь на «статью 1023 Х т <ома> св <ода> зак <онов> межев <ания>: изд <ание> 1842 г.»³⁰, он допустил П. А. Карепина к размежеванию как опекуна. С этим ответом С. А. Волоцкой снова отправил любовные акты на утверждение.

24 сентября межевой посредник, не дождавшись ответа из суда, пишет П. А. Карепину, уведомляя его о том, что уездный суд любовные акты возвратил, не утвердив по причине того, что они были подписаны поверенным опекуна, а не наследниками. С. А. Волоцкой объясняет, что решение суда неправильно, и, согласно закону, он должен теперь обратиться в Гражданскую палату, но это замедлит размежевание. В связи с этим он просит выслать необходимые доверенности от М. М. Достоевского, В. М. Достоевской и В. М. Карепиной на имя Савина Макарова для скорейшего завершения дела и устранения на будущее препятствий при размежевании других дач.

Судя по письму С. А. Волоцкого к А. П. Карепину от 27 марта следующего 1849 г., запрашиваемые доверенности так и не были высланы, и дело приостановилось. В этом письме посредник вновь просит выслать доверенности для предоставления их в уездный суд и предупреждает, что в связи с тем, что остановка дела происходит из-за наследников Достоевских, они впоследствии могут «подвергнуться ответственности наравне и уклоняющимися от любовного размежевания»³¹.

1 июня 1849 г. дела наследников Достоевских были отправлены С. А. Волоцким в Каширский земский суд для выдачи их С. Макарову. Среди документов перечислены копии с любовных актов села Моногарова, сельца Дарового, деревень Даровой и Черемошни, а также пустошей Триполье, Хариной, Старой Черемошни, Чертовой и Черемошни, Грустынки тож.

21 июня в «Московских ведомостях» № 74 появилась публикация, извещающая наследников умершего коллежского советника М. А. Достоевского о разделе чересполосных земель с участвующими в них владельцами в указанных выше дачах. Сообщается о том, что посредник отправил через Каширский земский суд копии с любовных актов и нарезочных планов и просит наследников сообщить о согласии или несогласии на утверждение актов и планов в установленный законом срок. Последние два документа подтверждают, что дела по всем дачам, принадлежащим Достоевским, велись одновременно.

²⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Л. 16об.

³⁰ Там же. Л. 17.

³¹ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Лл. 18–18об. «Любовное соглашение как удобнее средство к достижению цели, правительством указанной в мнении Государственного совета, высочайше утверждённого 8 января 1836 г., зависит от воли каждого из владельцев, но уклонение от сей цели будет иметь последствием все те меры строгости, которые правительство в необходимости будет принять к побудительному размежеванию», — подчёркивалось в указах от 1 ноября 1838 и 21 июня 1839 г. // *Смирнов Г.С., Смирнов С.С.* Указ. изд. С. 107.

Наконец 29 декабря 1849 г. С. А. Волоцкой вновь направил в Каширский уездный суд любовные акты со всей перепиской, отмечая при этом, что «за неприбытием» В. М. Карепиной и В. М. Ивановой³² и «за недоставлением от них в узаконенный срок отзыва, на основании §19 инструкции высочайше утверждённой»³³ он сам подписался за них. Доверенности от М. М. Достоевского, А. М. Достоевского и от их лица за несовершеннолетних Николая и Александру были получены посредником лишь 31 декабря 1849 г., а от супругов Карепиных и В. М. Ивановой только 20 марта 1850 г. Кроме прочего, в доверенностях говорится о том, что Ф. М. Достоевский от части своего наследства отказался в пользу остальных сонаследников.

26 января 1850 г. после рассмотрения дел Присутствием Каширский уездный суд отправил в Каширскую дворянскую опеку запросы о том, не состоят ли на учёте деревня Даровая и сельцо Даровое в её ведомстве за долг «кредитному месту». Каширскому земскому суду было предписано сделать дознание: нет ли в поместье других владельцев. Каширская дворянская опека подтвердила, что имение наследников Достоевских действительно находится в её ведомстве и имеет просроченный долг Московскому опекунскому совету по залогу. В связи с этим уездный суд отправил дела на рассмотрение в дворянскую опеку, а та в свою очередь переправила их в Тульскую гражданскую палату.

14 июня земский суд представил в уездный суд результаты проведённого приставом 2-го стана Ворониным дознания, в ходе которого у присяги были и дали «Клятвенное обещание»³⁴ крестьяне сельца Назарьева и сельца Комова, соседних с Даровым. Они показали, что в деревне Даровой, кроме майора П. П. Хотяинцева, штабс-капитанши В. Д. Дашковой, штабс-капитана И. А. Бартоломея, наследников Достоевских и вольного хлебопашца Н. Д. Фетисова, других владельцев нет.

31 июля 1850 г. Каширский уездный суд, рассмотрев дело по деревне Даровой, постановил любовный акт утвердить и «препроводить к г. посреднику для дальнейшего с его стороны распоряжения»³⁵. После этого 10 августа утверждённый любовный акт был выслан С. А. Волоцкому, а 17 августа — землемеру Кандиано для проведения размежевания дачи.

2 декабря 1851 г. С. А. Волоцкой получил сообщение от уездного землемера Кандиано о том, что в дачах с. Моногарово и д. Даровой межи, согласно любовным сказкам, формально утверждены. Напомним, что в межевой книге первого и второго участков деревни Даровой 1850 г. владение Достоевских значится как первый участок деревни Даровой, а участок Фетисова как второй (Илл. 4, 5, 6).

Что касается сельца Дарового, то указ о проведении Каширским земским судом дознания о владельцах вышел только 14 августа 1850 г. Само же дознание, в ходе которого крестьяне сельца Назарьева и сельца Комова показали,

³² Вера Михайловна Достоевская к этому времени уже вышла замуж за Александра Павловича Иванова, который впоследствии стал опекуном.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Лл. 20–20об. ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Лл. 27–27об.

³⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Лл. 29–30 об.

³⁵ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

что в даче сельца Дарового других владельцев, кроме П. П. Хотяинцева и наследников Достоевских никого нет, было проведено 21 сентября. Результаты его были получены Каширским уездным судом 27 октября, и в этот же день на копии полюбовного акта от 25 мая 1848 г. и в журнале Каширского уездного суда были сделаны записи: «полюбовный акт по сельцу Даровому утвердить» и «препроводить оный к господину посреднику второго участка для дальнейшего с его стороны распоряжения»³⁶.

6 декабря С. А. Волоцкой получил письмо из Каширского уездного суда от 13 ноября 1850 г. за № 2456, в котором было прислано дело «с утверждённым сим судом полюбовным актом о размежевании земли владельцами дачи сельца Дарового»³⁷. Таким образом, в декабре 1850 г. был завершён длительный процесс размежевания земель деревни Даровой и сельца Дарового, в ходе которого, уступив часть своих земель в пустошах Хариной и Нечаевой, Достоевские стали единоличными владельцами этих дач.

Подводя итоги, отметим, что дела по размежеванию сельца Дарового и деревни Даровой и, в частности, полюбовные акты, составленные 25 мая 1848 г., дают возможность прояснить ряд следующих вопросов. Ранее нами было высказано предположение, что И. П. Хотяинцев, продавая деревню Даровую О. А. Глаголевской в 1829 г., мог присоединить к ней и помещичью усадьбу с садом³⁸. Эта версия была пересмотрена благодаря обнаружению купчей на Даровое 1831 г., где прямо говорится о том, что М. Ф. Достоевская приобрела у О. А. Глаголевской деревню Даровую и сельцо Даровое вместе. Полюбовные акты подтверждают и дополняют эти сведения. Так, становится известно, что в сельце Даровом Достоевские были основными владельцами: у них до раздела было 96 десятин 1528 кв. саженей, а у П. П. Хотяинцева всего 16 десятин 1756 саженей. Что касается земли, принадлежавшей Достоевским в деревне Даровой, то в акте указано, что после раздела они станут владельцами 180 десятин 1921 кв. сажени³⁹, а их совладельцем останется только Н. Д. Фетисов.

Ещё один вопрос возник при сопоставлении документов 1770-х и 1850 гг. на деревню Даровую. Выяснилось, что в 1850 г. пахотной и усадебной земли у Достоевских стало больше, чем принадлежало в XVIII в. Хотяинцевым, а сенные покосы сократились. Это дало основание предположить, что И. П. Хотяинцев, продавая деревню Даровую, отдал новому владельцу часть земли сельца Дарового, а именно часть пашни и усадьбу, оставив за собой хорошие покосы. Не исключалось и то, что подобные изменения могли произойти вследствие хозяйственной деятельности Достоевских. Теперь становится ясно, что перераспределение земель произошло в ходе размежевания сельца Дарового и деревни Даровой.

На основе «Ревизских сказок»⁴⁰ были прослежены изменения в составе владельцев: в 1816 г. в сельце Даровом находились дворы, которые принадлежали шести владельцам, а в 1834 г. их остаётся двое: М. Ф. Достоевская и П. П. Хотяинцев. В 1850 г. в «Ревизских сказках» сельца Дарового значится уже один владелец — опекун малолетних господ Достоевских М. М. Достоевский, а в 1858 г. Даровое по «Ревизским сказкам» и «Метрической книге» за 1858 г. принадлежит сестре писателя В. М. Ивановой и её мужу А. П. Иванову. Таким образом, полюбовные акты 1848 г. подтверждают информацию о том, что Достоевские, купив имение Даровое, не были единственными владельцами в обеих дачах, а также уточняют имена их совладельцев и количество принадлежащей им земли.

Из переписки 1830-х гг. родителей Ф. М. Достоевского известно, что Мария Фёдоровна вела судебную тяжбу с П. П. Хотяинцевым⁴¹. Брат писателя, А. М. Достоевский, объяснял это тем, что в Даровом были расположены дворы, принадлежавшие П. П. Хотяинцеву, которые Достоевские требовали вывести из своего имения⁴². Благодаря полюбовным актам не только подтверждается наличие этих дворов, но выясняется суть и сложность этой тяжбы. Так, П. П. Хотяинцев как один из законных владельцев Дарового не обязан был переносить крестьянские дворы. Также в деревне Даровой находился один двор, принадлежащий Н. Д. Фетисову. Судя по полюбовному акту, вывод крестьянских дворов П. П. Хотяинцева и двора вольного хлебопашца должен был произойти в течение трёх лет после утверждения акта, то есть до 1853 г. Документами, подтверждающими факт переноса, мы пока не располагаем.

В настоящей статье рассмотрены дела двух центральных участков (дач размежевания) каширского имения Достоевских. Всего же с пустошами в нём насчитывалось более 10 дач. О них пойдёт речь в следующих публикациях.

⁴⁰ «Ревизские сказки» сельца Дарового 1816 г. ЦГА Москвы. Ф. 1247. Оп. 1. Ед. хр. 9. Ч. 7. Лл. 295, 296об.-299, 312, 318, 319об.-322, 332, 333об.-336, 354, 355об.-356. «Ревизские сказки» сельца Дарового 1834 г. Ф. 1248. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 6. Лл. 384, 385, 386об.-392а. «Ревизские сказки» сельца Дарового 1850 г. Ф. 1249. Оп. 1. Ед. хр. 7. Ч. 4. Лл. 301-307. «Ревизские сказки» сельца Дарового 1858 г. Ф. 1250. Оп. 1. Ед. хр. 12. Ч. 3. Лл. 147., 148об.-155.

⁴¹ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. Письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 73-122.

⁴² Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: «Андреев и сыновья», 1992. С. 58. Брат писателя говорит о «двух-трёх» крестьянских дворах, В. С. Нечаева, опираясь на церковные документы, но не ссылаясь на них, пишет о пяти дворах (см.: Нечаева В. С. Указ. изд. С. 34). Так, согласно «Ведомости о Свято-Духовской церкви с. Моногарова Каширской округи» за 1834 год, «в сельце Даровом <...> помещика майора Павла Хотяинцова число крестьян: дворов 5 <...>, душ мужеска <пола> 25, женска 20» // ОР РГБ. Ф. 365. К. 1. Ед. хр. 13. Л. 50б. *Примеч. ред.*

³⁶ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Лл. 120б., 41.

³⁷ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Лл. 42-42об.

³⁸ Дементьева Т. Н. Сельцо Даровое и деревня Даровая (к вопросу о землевладении Достоевских) // V Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 221.

³⁹ Отметим, что на «Геометрическом специальном плане» деревни Даровой указано, что Достоевским принадлежало 159 десятин 928 сажень земли, при этом у остальных владельцев, кроме Н. Д. Фетисова, указано то же количество земли, как и в полюбовном акте. РГАДА Ф. 1345. Оп. 1. Д. 567.

И. А. Боголюбская

РАЗМЕЖЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ БЫВШЕЙ ПУСТОШИ СТАРОЙ ЧЕРЕМОШНИ И ДЕРЕВНИ ЧЕРЕМОШНИ¹

Данная статья анализирует дела, хранящиеся в Центральном государственном архиве г. Москвы (далее ЦГА Москвы) в фонде «Посредник полюбовного размежевания земли 2-го участка Каширского уезда Тульской губернии». Земли бывшей пустоши Старой Черемошни и деревни Черемошни являлись частью имения М. А. Достоевского, которое после его смерти, находясь под опекой, перешло к «единственным и законным наследникам», то есть детям. В 1847 г. наследники Достоевские вели сразу несколько дел о полюбовном размежевании принадлежащих им земель, в том числе пустоши Старой Черемошни и деревни Черемошни.

Ключевые слова: Достоевские, деревня Черемошня, пустошь Старая Черемошня, специальное полюбовное межевание.

Хорошо известно, что детство Ф. М. Достоевского связано с селом Даровым, которое было куплено родителями писателя в 1831 г. Однако имение Достоевских этим не ограничивалось. В своих воспоминаниях младший брат писателя Андрей Михайлович Достоевский свидетельствует: «В 1 ½ верстах в другую сторону от с. Дарового находилась деревня Черемошня, принадлежавшая NN Хотяинцеву. Это последняя деревня Черемошня продавалась, о чём не знали наши родители, покупая селцо Даровое». Продолжая свой рассказ, Андрей Михайлович вспоминает: «Папенька успел достать нужную сумму денег, заложив Даровое и прихватив у частных лиц, и ему удалось купить деревню Черемошню не далее как в этом же 1832 году»².

Из дел полюбовного межевания³ видно, что к 1847 г. Достоевские были не единственными владельцами упомянутых выше земель, например, в пустоши Старой Черемошне свою часть имели П. П. Хотяинцев и В. Д. Дашкова, а в деревне Черемошне — поручик В. Н. Ладыженский, майор П. П. Хотяинцев и священнослужители приходской церкви в селе Моногарове.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 («Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество»).

² Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: «Андреев и сыновья», 1992. С. 58. Найденные недавно архивные документы уточняют, что Черемошню М. А. Достоевский купил 16 февраля 1833 г. См. об этом: Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 112. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121.

³ ЦГА Москвы. 1243. Оп. 1. Д. 49. «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи пустоши Старой Черемошни. Гг. владельцы: 1) господа Достоевские и Карепина» (31 августа 1847 — 15 февраля 1850).

ЦГА Москвы. 1243. Оп. 1. Д. 51. «Дело каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи деревни Черемошни. Гг. владельцы: 1) коллежский асессор Михаил Андреев Достоевский, 2) поручик Владимир Николаев Ладыженский, 3) майор Павел Петров Хотяинцев, 4) священноцерковнослужители села Моногарова» (31 августа 1847 — 31 августа 1858).

В упомянутых выше документах представлен процесс размежевания бывшей пустоши Старой Черемошни, которая на момент межевания являлась уже деревней, и собственно деревни Черемошни, в прошлом пустоши. Оба дела представляют собой официальную переписку Каширского уездного суда с посредником 2-го участка С. А. Волоцким, Каширским земским судом, Каширской дворянской опекой и включают в себя также доверенности владельцев имений на их поверенных. В одном из дел присутствует «Геометрический специальный план Тульской губернии Каширского уезда пустоши Старая Черемошня, что ныне деревня, которая состоит в общем владении коллежского асессора и кавалера Михаила Андреевича Достоевского, майора и кавалера Павла Петровича Хотяинцева и штабс-капитанши Веры Дмитриевны Дашковой». Он даёт наглядное представление о чересполосном владении в этих дачах и о результатах полюбовного межевания.

Из документов видно, что в пустоши Старой Черемошне П. П. Хотяинцеву принадлежала 1 десятина 990 кв. саженей пахотной земли, которые он менял на равное количество пахотной земли в деревне Даровой. В. Д. Дашкова меняла принадлежащую ей 1 десятину 525 кв. саженей пахотной земли в пустоши Старой Черемошне на такое же количество пахотной земли в пустоши Нечаевой. После такого обмена оба помещика из владельцев означенной дачи выходили.

В результате размежевания наследники Достоевские стали единоличными владельцами пахотной, луговой, лесной и усадебной земли пустоши Старой Черемошни общей площадью 54 десятины 912 кв. сажени (до размежевания с П. П. Хотяинцевым и В. Д. Дашковой в их собственности была 51 десятина 1797 кв. саженей).

Раздел земли деревни Черемошни, что ранее была пустошь, оказался сложнее из-за большего количества владельцев. Кроме того, во время размежевания в 1852 г. В. М. Иванова, сестра писателя, выкупила части имения у своих братьев и сестёр, изменилась ситуация и в связи со смертью П. П. Хотяинцева.

Первый документ данного дела датируется 31 августа 1847 г. Это обращение к приставу 2 стана Писареву с просьбой оповестить владельцев дачи о необходимости присутствия на общем собрании в селе Моногарове 2 сентября.

На основании предложенных межевым посредником С. А. Волоцким нарезок 25 мая 1848 г. помещиками был составлен «Полюбовный акт» о том, как должны проходить границы их участков. Из 153 десятины 177 кв. сажень земли на основании измерения землемерного помощника Кандиано В. Н. Ладыженскому принадлежало 11 десятин 400 кв. саженей пахотной земли, священникам Моногаровской церкви — 3 десятины 1800 кв. саженей пахотной земли, П. П. Хотяинцеву — 8 десятин 300 кв. саженей кустовой земли, а оставшиеся 130 десятин 77 саженей — наследникам Достоевским. «Полюбовный акт» был направлен в Каширский уездный суд, а далее, по аналогии с прочими делами, в другие инстанции. 10 января 1850 г. Каширский уездный суд направил акт в Гражданский стол, что говорит об окончании первого этапа межевания.

В 1852 г. имение, состоявшее из деревни Черемошни (130 десятин 78 кв. саженей), сельца и деревни Даровое (294 десятины 405 кв. саженей) и отхожих пустошей Грустынки (53 десятины 1884 кв. сажени), Старой Черемошни (54 десятины 912 кв. саженей) и Нечаевой (60 десятин 239 кв. саженей) с общим количеством земли 592 десятины 117 саженей перешло к В. М. Ивановой⁴. Однако формальное размежевание деревни Черемошни так и не было завершено. Землемерный помощник Александров в письме Волоцкому от 1 ноября 1852 г. объясняет это «наступившим поздним осенним, неудобным к полевой работе временем»⁵.

Только в марте 1854 г. С. А. Волоцкой извещает владельцев деревни Черемошни — поручика Ладыженского, надворную советницу Иванову, наследников майора Хотяинцева и священноцерковнослужителей села Моногарова — о том, что «предстоящим летом должно быть произведено окончательное утверждение в натуре формальных меж по упомянутой даче»⁶. На этом документе сделана пометка: «Справка: Дача эта окончательно размежевана в натуре землемером Чернским Кандиано в 1854 году»⁷.

Однако 31 марта 1856 г. из Межевой канцелярии в Тульское губернское правление поступило сообщение о том, что в деле размежевания деревни Черемошни выявился ряд несоответствий с «Полюбовной сказкой», в связи с чем необходимо истребовать от владельцев отзывы об открывшихся обстоятельствах с выражением своего согласия либо несогласия⁸. 12 марта 1857 г. Волоцкой пишет приставу 2 участка: «Межевая канцелярия, приступая к утверждению участочных планов на размежёванную деревню Черемошню наша, что в некоторых участках количество земли намежёвано несогласно полюбовной сказке, а именно: в участке поручика Владимира Николаевича Ладыженского вместо 11 де<сятин> 400 саж<еней> оказалось по вычислению 11 де<сятин> 2000 саж<еней>, в участке священноцерковнослужителей села Моногарова и коллежской советницы Ивановой вместо 133 де<сятин> 1877 саженей (священноцерковнослужителям 3 де<сятин> 1800 саж<еней> и г<оспоже> Ивановой 130 де<сятин> 77 сажень) найдено по вычислению 135 де<сятин> 1200 сажень. Почему Межевая канцелярия заключила: “объявить владельцам настоящей дачи о неверном показании в планах и книгах 2-го и 3-го участков количества земли и истребовать от них по сему случаю отзывы, согласны ли они остаться в утвержденных землемером Кандиано границах и при том количестве земли, какое оказалось по вычислению в Межевой канцелярии?”»⁹. К августу 1858 г. все названные владельцы такое согласие дали, тем более что эти несоответствия были в сторону увеличения их участков. Таким образом, после длительной и основательной переписки между межевым

⁴ См. об этом: Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 117. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 51. Л. 43.

⁶ Там же. Л. 44.

⁷ Там же. Л. 44об.

⁸ Там же. Лл. 46–49об.

⁹ Там же. Лл. 52–52об.

посредником С. А. Волоцким, приставом Нелибиным, уездным землемером Кандиано и владельцами дачи деревни Черемошни был составлен документ, поставивший точку в этом сложном, продолжавшемся более 11 лет процессе. Особенность полюбовного межевания земель деревни Черемошни заключалась в закреплении границ между участками помещиков и церковнослужителей, которые все без исключения сохранили свои землевладения в этой даче. Обмена земельными участками с целью размежевания «к одним местам», как это было с сельцом и деревней Даровое, пустошью Нечаевой, в данном случае не было.

Благодаря найденным архивным документам специального межевания мы знаем, как во второй половине XIX в. в имении Достоевских в Каширском уезде была решена давняя проблема чересполосного землевладения, вследствие чего закреплены границы имения со смежными владениями. Кроме того, дела полюбовного межевания сообщают интересные сведения об истории места: имение Достоевских Черемошня состояло из нескольких частей, причём деревня с крестьянскими усадьбами входила в состав двух разных дач — бывшей пустоши Старой Черемошни, ставшей к этому времени деревней, и собственно деревни Черемошни, бывшей некогда пустошью.

Д. А. Сабирова

РАЗДЕЛ ПУСТОШИ НЕЧАЕВОЙ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ДОСТОЕВСКИХ В КАШИРСКОМ УЕЗДЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ¹

В статье рассматривается процесс размежевания пустоши Нечаевой — территории, примыкавшей к усадьбе Даровое. Одними из владельцев пустоши были Достоевские. В ходе размежевания, занявшего более десяти лет, наследникам М. А. Достоевского удалось решить проблему чересполосного землевладения.

Ключевые слова: архивные материалы, специальное полюбовное межевание, Достоевские, Хотяинцевы, усадьба Даровое, пустошь Нечаева.

Создание музея в усадьбе Достоевских Даровое предполагает глубокое и всестороннее исследование документальных источников. Последние годы были плодотворными в плане изучения истории Дарового. В архивах найдены важные документы: купчие на имения Даровое и Черемошня, межевые планы, выкупные дела. Ранее неизвестными также являются документы, касающиеся раздела земель, принадлежащих Достоевским в Каширском уезде.

В 1831 г. родители Достоевского — Михаил Андреевич и Мария Фёдоровна — приобрели имение Даровое в Каширском уезде Тульской губернии. Оно состояло из 260 десятин земли², куда входили сенные покосы, пахотная земля, лес, липовая роща, сад, сельцо и деревня, состоящие из 17 дворов, из которых 11 (10 крестьянских и 1 – дворовых) принадлежало Достоевским³. Вместе с землёй деревни и сельца Даровое Достоевские стали владельцами и ряда пустошей⁴, история приобретения и раздела которых между несколькими владельцами до недавнего времени исследователями не рассматривалась.

В недавно обнаруженной купчей 1831 г. имение Даровое, переходящее от О. А. Глаголевской во владение М. Ф. Достоевской, описано подробно

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. Письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 37. Если быть точными, то Достоевские приобрели в Даровом 256 десятин земли (96 десятин 1528 кв. саж. в сельце и 159 десятин 928 кв. саж. в деревне), не считая пустошей, что известно из дел полюбовного межевания дач сельца и деревни Даровое. См. в настоящем издании: Дементьева Т. Н. Размежевание земель сельца Дарового и деревни Даровой. *Примеч. ред.*

³ Согласно «Ведомости о Свято-Духовской церкви с. Моногарова Каширской округи» за 1834 год, «в сельце Даровом <...> помещика майора Павла Хотяинцова число крестьян: дворов 5, душ мужеска <пола> 25, женска 20. В оном же сельце коллежской асессорши Марьи Фёдоровой Достоевской <...> число дворовых людей: двор 1, душ мужеска <пола> 6, женска 3; число крестьян: дворов 10, душ мужеска <пола> 42, женска 42 // ОР РГБ. Ф. 365. К. 1. Ед. хр. 13. Л. 50б. *Примеч. ред.*

⁴ Пустошь — в данном случае оставленная людьми территория, на которой некогда был поселение. Пустошь сохраняет название прежнего населённого пункта. В межевых документах встречается название «пустошь Нечаева, что была село». Согласно «Писцовым книгам» XVI в., «за Иевом за Тимофеевым сыном Хотяинцова с. Нечаево Уница» // Писцовые книги Тульского края. Ч. 2. Тула: тип. Губ. правл., 1914—1915. С. 1337. *Примеч. ред.*

с перечислением приобретённых пустошей⁵. Из документов мы также узнаём, что пустоши были важной составляющей имения, чем в настоящее время они представляют мемориальный интерес. Так, описание одной из них — Нечаевой⁶ — мы встречаем в воспоминаниях А. М. Достоевского: «За липовой рощей было кладбище, и вблизи его стояла ветхая деревянная часовня⁷, в которой на полках помещались иконы. Дверь в эту часовню никогда не запиралась»⁸.

В ходе архивных поисков в Центральном государственном архиве г. Москвы (далее — ЦГА Москвы) было обнаружено «Дело о размежевании пустоши Нечаевой между помещиками Ивановой В. М. и Дашковой В. Д. и другими»⁹, материалы которого позволяют проследить изменения границ землевладения Достоевских в 1847–1858 гг.

Разбирательство по размежеванию данной пустоши происходило на протяжении 11 лет. В 1847 г. наследники М. А. Достоевского приступили к размежеванию пустоши Нечаевой, в которой значилось «удобной и неудобной земли 268 десятин 586 квадратных саженой»¹⁰. Из них Достоевским принадлежало меньше трети. В обнаруженном деле содержатся документы, отражающие процесс размежевания дач пустоши Нечаевой между следующими владельцами: Павлом Петровичем Хотяинцевым, Верой Дмитриевной Дашковой, наследниками умершего коллежского советника Михаила Андреевича Достоевского. Разделом дач занимался посредник Каширского уезда С. А. Волоцкой¹¹. В дело входит его переписка с Тульской гражданской палатой, Тульским уездным судом, доверенности от господ на поверенных, переписка с Московским опекуном советом и другие не менее интересные документы. Доверенным от Достоевских в этом деле выступал староста сельца Дарового Савин Макаров.

Для нас наибольший интерес представляет полюбовный акт о размежевании земель от 25 сентября 1848 г., который впоследствии и был утверждён.

⁵ Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Две купчие на Даровое, имение Достоевских // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 33. DOI: 10.15393/jio.art.2020.4741.

⁶ Нечаевская пустошь в XIX в. — незаселённые земли, примыкающие к Даровому. Достоевские являлись совладельцами данной территории вместе с рядом лиц.

⁷ Указанная в воспоминаниях часовня была поставлена в 1805 г. на месте Покровской церкви на Нечаевском погосте. См.: Из «Книг записей расхода денег» Свято-Духовского храма с. Моногарова // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 166.

⁸ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: «Андреев и сыновья», 1992. С. 61.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 47.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 47. Л. 68.

¹¹ Сергей Алексеевич Волоцкой (1809–1867), гвардии полковник в отставке, помещик сельца Останкова (Останкина) Каширского уезда, каширский уездный предводитель дворянства (1861–1867). 1 августа 1847 г. избран каширским дворянством в посредники полюбовного размежевания земель Каширского уезда 2 участка. С 1853 по 1859 — посредник размежевания Каширского и Алексинского уездов Тульской губернии. «15 февраля 1852. За ревностное содействие к успешному размежеванию дач общего и чересполосного владения Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2 степени с мечами над орденом». ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 439. Лл. 250б. — 27. *Примеч. ред.*

В нём значится, что владельцы Тульской губернии Каширского уезда дачи пустоши Нечаевой майор Павел Петрович Хотяинцев, штабс-капитанша Вера Дмитриевна Дашкова, наследники умершего коллежского советника Михаила Андреевича Достоевского (отставной инженер-подпоручик Михаил Михайлович Достоевский, младший губернский секретарь Андрей Михайлович Достоевский, надворная советница Варвара Михайловна Карепина, надворная советница Вера Михайловна Иванова, опекун над малолетними детьми Николаем и Александрой Михайловичами Достоевскими надворный советник Пётр Андреевич Карепин) собрались по приглашению господина посредника Каширского уезда 2 участка гвардии полковника С. А. Волоцкого для полюбовного развода чересполосно владеемых земель и составили полюбовный акт о разделе удобной и неудобной земли.

Из них П. П. Хотяинцев владел 74 десятинами 784 кв. саженями, а в нераздельном владении наследников покойного М. А. Достоевского — 79 десятин 1418 кв. саженей, третьей владелице земли госпоже Дашковой принадлежало 114 десятин 984 кв. сажени. При размежевании Достоевские отдали часть земли в пустоши Нечаевой взамен уступленной им П. П. Хотяинцевым земли в пустоши Триполье и деревне Даровой, другую часть получила госпожа Дашкова в обмен на земли в деревнях Даровой и Черемошне. В результате раздела П. П. Хотяинцев причитающиеся ему 82 десятины 1834 кв. сажени в пустоши Нечаевой отдал В. Д. Дашковой и полностью вышел из состава владельцев пустоши Нечаевой, а также обязался перенести принадлежащие его крестьянам дворы, расположенные здесь, на собственную землю в село Моногарово в течение трёх лет со дня утверждения полюбовного акта.

В 1850 г. было составлено дополнение к полюбовному акту 1848 г., в котором значится, что состоящий в пустоши Нечаевой и прилегающий к сельцу Даровому пруд, принадлежащий Достоевским, Карепиной и Ивановой, следуя нарезочному плану, отходит в участок к В. Д. Дашковой, с чем наследники М. А. Достоевского и М. Ф. Достоевской были не согласны. В деле есть письмо-возражение старшего брата писателя М. М. Достоевского, на тот момент опекуна имения. Ситуация решена следующим образом: «*вышеупомянутый пруд, находящийся в пустоши Нечаевой, как уже издревле нам Достоевским, Карепиной и Ивановой принадлежащий, оставить в вечном и потомственном владении нашем наследников наших и того, кому он впоследствии может перейти; госпожа же Дашкова от всякого участия в оном отказывается, как то в рыбной ловле, чинке плотины и чистке пруда, в прочем крестьянам её Дашковой, обязуемся мы Достоевские, Карепина и Иванова и наследники наши не препятствовать, навсегда и на всякое время пользоваться из одного пруда водопоем для скота. А так как г^{жа} Дашкова отказываясь от всякого участия в принадлежащем нам пруде кроме водопоя крестьянам её для скота лишается земли, находящейся под этим прудом, то мы Достоевские, Карепина и Иванова признали необходимым вознаградить её Дашкову*

и двумя десятинами пахотной земли, которые прирезать ей к участку её в означенной пустоши из участка нашего, в последней примычной линии. За таковою уступкою на часть нашу в пустоши Нечаевой, остаётся уже получить бо десятин 239 кв. саж.»¹²

Однако полюбовный акт 1848 г. сразу не был утверждён ввиду того, что на земли в пустоши Нечаевой претендовал ещё некий коллежский асессор А. Е. Гоферланд¹³, утверждавший (и небезосновательно), что часть земли в пустоши принадлежит ему. Процесс затянулся, т. к. из подтверждающих право собственности документов у А. Е. Гоферланда была только купчая, по которой он, однако, во владение до сих пор введён не был. Кроме того, по распоряжению Каширского уездного суда было учинено «дознание о владельцах пустоши Нечаевой». По его результатам к делу приложено «Клятвенное обещание» крестьян соседнего с Нечаевым сельца Назарьева, которые подтвердили, что иных владельцев пустоши Нечаевой, кроме Хотяинцева, Дашковой и Достоевских, они не знают.

Но на этом спор А. Е. Гоферланда с другими владельцами дачи пустоши Нечаевой не закончился. Коллежский асессор оказался упорным в отстаивании своих прав. В деле присутствует документ от 1 сентября 1852 г. из Второго отделения Тульского губернского правления в том, что господин А. Е. Гоферланд наконец-то введён во владение землёй в пустоши Нечаевой «бесспорно». А. С. Волоцкого просят назначить новое совещание по составлению полюбовного акта, куда требуется включить и А. Е. Гоферланда как совладельца пустоши Нечаевой. Волоцкой отвечает, что купчей и вводного листа А. Е. Гоферланда недостаточно, по его мнению, для вхождения в число владельцев пустоши Нечаевой. Кроме того, пишет межевой посредник, на месте А. Е. Гоферланд не смог показать своих владений в натуре, что подтвердили все присутствующие.

В 1852 г. спор за земли ведёт уже сын А. Е. Гоферланда Клавдий, выступающий по доверенности отца. Как видно из дальнейшей переписки, посредник Волоцкой предоставил в суд убедительные доводы в отношении А. Е. Гоферланда. Запись от 10 декабря 1852 г. в Каширском уездном суде свидетельствует: «*как из отношения посредника видно, что г^{осподин} Гоферланд в даче пустоши Нечаевой никогда ни какого владения не имел, то полюбовный акт утвердить, сделать на нём надпись, внести в записку на сей предмет книгу и в сей оной утвердить подписью присутствующих и препроводить к г^{осподину} посреднику 2 участка, а г^{осподину} Гоферланду предоставить право отыскивать оную землю по крепостям от сего дела особо...»¹⁴*

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 58.об.

¹³ Гоферланд Андрей Ефремович на тот момент — посредник полюбовного размежевания земель Зарайского уезда 2 участка, помещик сельца Немцова слободка Зарайского уезда. В 1844 г. он приобрёл у действительного статского советника Н. А. Дивова сельцо Солопово Зарайского уезда Рязанской губернии, а также часть пустоши Нечаевой, бывшей некогда селом, в Каширском уезде Тульской губернии. *Примеч. ред.*

¹⁴ ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 300б.

С 1852 г. владелицей земель в Даровом, Черемошне и пустошах (в том числе в Нечаевой), становится Вера Михайловна Иванова, сестра писателя. По отдельному акту¹⁵ остальным наследникам М. А. Достоевского было уплачено серебром: Михаилу — 2500, Андрею — 1500, Николаю — 2000, сёстрам Александре и Варваре — 500. Ф. М. Достоевский свою долю наследства в родительском имении (1000 руб. серебром) получил ранее, в 1845 г. Выкупив Даровое и Черемошню у братьев и сестёр, В. М. Иванова также взяла на себя обязательство выплатить долг Московскому опекуному совету. Стоимость всего имения составила 12240 рублей серебром, включая долг Московскому опекуному совету.

Благодаря обнаруженному в ЦГА Москвы «Делу о размежевании пустоши Нечаевой между помещиками Ивановой В. М. и Дашковой В. Д. и другими» стало известно, что пустошь Нечаева, как и оба имения — Даровое и Черемошняя, была заложена. До настоящей публикации не было обнаружено документов, свидетельствующих об этом.

В 1855 г. совладельцем пустоши вместо В. Д. Дашковой значится титулярный советник Николай Васильевич Костюрин¹⁶. Вера Михайловна составляет дополнительный акт, где обозначает удобный для неё раздел земли. Однако Н. В. Костюрин не даёт своего согласия на новое размежевание. Последний лист дела от 2 декабря 1858 г. из Тульской посреднической комиссии посреднику Каширского и Алексинского уезда Волоцкому гласит, что было определено следовать буквальному списку полюбовного акта о размежевании, составленного в сентябре 1848 г.

Таким образом, найденные документы представляют интерес как ценные источники, дающие более полное представление о приобретённом Достоевскими в 1831 г. имении, его размерах и границах. Эти сведения важны в свете создания в Даровом музея-усадьбы Ф. М. Достоевского, сохранения и музеефикации окружающего ландшафта.

¹⁵ Публикация акта: *Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А.* Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 4. С. 129–131. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121.

¹⁶ У Костюрина Ф. М. Достоевский собирался снять дом для летнего отдыха своей семьи. «В <...> письме от 31 марта 1872 г. Вера Михайловна описывает дачу Костюрина: “довольно маленький домик, крытый соломой, в котором шесть комнат, из коих зала в 7 аршин, а остальные ещё меньше, но, кажется, на вид довольно приятные. Сад около самого дома и большой луг вокруг дома, погреб будет к твоим услугам”». РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29725. // *Бессонова А. С.* К вопросу о концепции музея-заповедника Даровое // III Летние чтения в Даровом. Материалы научной конференции 26–28 августа 2011 г. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 149.

ДАРОВОЕ В ПЕРЕПИСКЕ ИВАНОВЫХ¹

В статье анализируется переписка сестры Ф. М. Достоевского В. М. Ивановой с дочерьми в период, когда Ивановы были владельцами Дарового и Черемошни. В основу работы положен тематический принцип, раскрывающий разные стороны усадебного быта. Анализ переписки позволяет восстановить картину жизни в имении Достоевских в конце XIX — начале XX вв.

Ключевые слова: Ивановы, Ф. М. Достоевский, Даровое, Черемошняя, Моногарово.

После смерти М. А. Достоевского Даровое и Черемошняя с прилегающими землями перешли в собственность его детей. Когда последний член семьи — младшая сестра Александра Михайловна — достигла совершеннолетия, Даровое приобрела Вера Михайловна Иванова, выкупив, по свидетельству дочери О. А. Ивановой, доли всех других наследников и «употребив на это те деньги (25 000 руб.), которые ею были получены в приданое от Куманиных»². С этого момента Ивановы становятся полноправными владельцами Дарового и Черемошни.

Сама Вера Михайловна перебирается в Даровое после смерти своего супруга в 1868 г. В её переписке с дочерьми, которая хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ), в большей степени отражается быт семьи Ивановых. В основу своего анализа мы положили тематический принцип как дающий возможность представить разные стороны усадебной жизни в Даровом при Ивановых. Зачастую письма изобилуют разного рода бытовыми подробностями: сколько было посеяно овса или собрано картофеля («Этот год нас и порадовала вполне только чевика³ и картофель. Чевики набрали на 2^х десятинах 30 больших возов, а картофелю на немного более чем ½ десятины набрали 270 мер»⁴), что удалось построить или отремонтировать, новости о том, что в соседней деревне началась эпидемия тифа («В Шистове⁵ свирепствует тиф. У Марьи Ивановны были больны Аннушка и ещё девочка прислуга, а теперь больна Аннушкина мать Авдотья. Все лежат подолгу, по 21 дню, но не умирают. В Моногарове вся слобода, мимо которой ходим в церковь⁶, вся лежит в тифе. У нас ещё Бог миловал»⁷),

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 180.

³ Местное название чечевицы.

⁴ *Иванова (ур. Достоевская) В. М.* Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 14 сентября 1887 (1888?). ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 16.

⁵ Деревня, граничившая с селом Моногаровом, в двух километрах от Дарового. Входила в Зарайский уезд Рязанской губернии. *Прим. ред.*

⁶ Часть села Моногарова до оврага Месинёвка. Во времена Достоевских здесь находилась усадьба помещицы Н. В. Коньковой, которая затем принадлежала Е. П. Оболенской и Дашковым. У последних имение приобрёл Н. В. Кастюрин. Именно здесь Ф. М. Достоевский планировал снимать летнюю дачу в 1870-х гг. *Прим. ред.*

⁷ *Иванова (ур. Достоевская) В. М.* Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 1887–1888. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 170б.

сетования на погоду и плохие дороги, когда зимой после сильных метелей не было возможности добраться до Зарайска, чтобы там продать выращенный овёс («Ты не можешь себе представить, моя хорошая, как мне трудно выбраться в настоящее время из моей деревушки: во-первых, финансов нема, хотя товара и порядочно, но продать и доставить до Зарайска так трудно, что ты себе вообразить не можешь. От излишка снега поделались такие ухабы»⁸). Однако из этих мелких подробностей складывается полноценная картина жизни в усадьбе Достоевских конца XIX века.

При Ивановых усадьба Достоевских постепенно меняет свой облик. Новая помещица В. М. Иванова перестраивает старый дом отца, о чём пишет в письме брату Андрею⁹: «Я <...> перестроила или почти вновь выстроила себе домик и вышел недурён. <...> Старый же наш ещё отцовский дом был уже очень стар и очень-очень холоден, так что мы несколько лет чуть-чуть не замерзали по зимам»¹⁰. В письме дочери Нине Александровне¹¹ В. М. Иванова также пишет о новом доме: «<...> У нас теперь страшный холод, мы топим каждый день. <...> Наш дом пока очень тёпл. Если истопить его немного пожарче, то сейчас постоянно 19 или 20 градусов»¹².

Кроме большого, вновь выстроенного дома в усадьбе есть ещё и флигель, о котором также часто встречаются упоминания в письмах: «Мы живём понемногу. Юля¹³ как-то ездила в Даровое. Там живут ничего себе, только недавно Володя¹⁴ прислал мне невозможное письмо, в котором ругательски ругает Наташу¹⁵. По словам Юли, Наташа очень человеколюбиво относится к ним. Дает им всё, что обещала, даже более. Но злоба вся за то, что заперли подвал, где хранятся яблоки, огурцы и капуста. Заперли же оттого, что Наташа везде находила объедки огурцов и яблок. Прислугой у Володи служит Акулька Минаева, большая сплетница и воровка. Она им всё переносит: и правду, и неправду, и тем ссорит их. Оля и Наташа живут во флигеле и стол держат врозь, так как Маруся¹⁶ и Володя не говорят с Наташей. Володя живёт в большом доме»¹⁷.

⁸ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Шевяковой (ур. Достоевской) А. М. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 69. Л. 1. Достоевская (во втором браке Шевякова) Александра Михайловна (1835–1889) — младшая сестра Ф. М. Достоевского и В. М. Ивановой, родилась в Даровом.

⁹ Достоевский Андрей Михайлович (1825–1897), младший брат писателя, автор подробных «Воспоминаний», в том числе о детстве Ф. М. Достоевского.

¹⁰ Цит. по: Хроника рода Достоевских. / Под ред. И. Л. Волгина. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 677.

¹¹ Иванова Нина Александровна (1857–1914), в замужестве Проферансова. Вышла замуж за сына настоятеля Свято-Духовского храма в селе Моногарове Михаила Павловича Проферансова.

¹² Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 4.

¹³ Иванова Юлия Александровна (1852–1924) — дочь В. М. Ивановой.

¹⁴ Иванов Владимир Александрович (1865–1930) — сын В. М. Ивановой.

¹⁵ Иванова Наталья Александровна (1867–1923) — дочь В. М. Ивановой.

¹⁶ Иванова (ур. Шульц) Мария Васильевна — жена Вл. А. Иванова.

¹⁷ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 40 об.–41.

«Милая Нина. Не приедете ли вы к нам на праздники. Наташа уедет, и флигель её оказался очень тёплый, там сложили печку с лежанкой, и места будет довольно для вас»¹⁸.

В усадьбе постоянно идёт работа по её благоустройству, ремонтируются старые хозяйственные постройки или строятся новые: «Вчера к нам приходил столяр немой наниматься работать <...> Я всё почти понимаю, что он старается сказать, он берёт 2 рубл. в неделю, и надеюсь, что починит нашу рухлядь и вновь наделает то, что нам необходимо нужно»¹⁹.

Или из другого письма:

«Нынче очень опоздали с посевом, а теперь кроют ригу. Скоро только сказать кроют ригу, а если бы вы знали, сколько приготовлений к её крышке; дней пять возили из лесу и складник, и шесть; вот уже три дня её кроют, и только покрыли половину, и крыть надо торопиться, надо и молотить скорее»²⁰. «Наташа выстроила сарай и конюшню, купила себе лошадь и катается верхом ежедневно»²¹.

Особое внимание новые владельцы уделяют благоустройству сада, его расширяют, постепенно обновляют: «Мы отдали сад на 5 лет по 75 р. в год²², и в годочек он нам привез 200 корней яблонь. Мы теперь засадили весь сад, и молодой, и старый, и всё это время возились с ними. Надо было посадить, окопать, обнавозить, обвязать и привязать к кольям. Последнюю работу я взяла на себя, т. е. привязывала к кольям»²³.

«Ягод у нас очень много, и первый раз мы варили варенье из своей клубники, а виктория была такая крупная, что ягоды были величиной с рюмку»²⁴.

Ещё при жизни В. М. Ивановой приняла решение разделить землю между своими детьми²⁵. В письме дочери Нине она пишет: «Я думаю вскоре, т. е. тогда, как будет потеплее, отправиться в Зарайск к нотариусу и сделать заживо между вами, братьями и сёстрами, раздел земли, и вот в скором времени ты сделаешься помещицей 26 д. земли. Иначе поступить нет возможности»²⁶.

В результате хозяйками Дарового и Черемошни становятся дочери Веры Михайловны: Ольга²⁷, Мария²⁸, Юлия и Наталья. Их братья отказались

¹⁸ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 2 декабря 1888 г. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 24 об.

¹⁹ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 42 об.

²² Скорее всего, речь идёт о сдаче сада в аренду. Прим. ред.

²³ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 1887–1888. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 11 об.

²⁴ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 43.

²⁵ Такой раздел произошёл в 1895 году. Прим. ред.

²⁶ Там же. Л. 38 об.

²⁷ Иванова Ольга Александровна (1863–1941) — дочь В. М. Ивановой. В 1920-е гг. жила и учительствовала в Черемошне.

²⁸ Иванова Мария Александровна (1848–1929) — дочь В. М. Ивановой, последняя владелица Дарового.

от своих прав на эти земли в пользу сестёр, считая, что они в состоянии обеспечить себя сами, а незамужним сёстрам потребуется приданое. Впоследствии этот отказ привёл к тому, что младший брат Владимир рассорился с семьёй более, чем на 15 лет, сожалея о своём решении и считая себя обманутым.

Новые хозяйки вступают в свои права. Поднимается вопрос о разделе земли между ними с подготовкой необходимых планов. В письме М. А. Ивановой матери мы читаем: «Милая мамаша <...> Насчёт нашего раздела так: так как сёстры все недовольны своими планами, я одна довольна, то хочу попробовать, не отделят ли меня одну. Ждать же общего раздела очень долго, пожалуй, и не дождётся, тем более, что они по своей копотливости страшно тормозят дело. <...> Строиться я не буду, пока у меня не будет собственности, так что летом негде поместиться»²⁹.

После этого раздела внешний облик усадьбы вновь меняется, появляются новые жилые и хозяйственные постройки, т. к. каждая из сестёр Ивановых обзаводится собственным хозяйством.

Из писем В. М. Ивановой дочери Нине Александровне Проферансовой узнаём, что «новые помещицы хозяйничают без устали. Оля выстроила себе ригу. Теперь Юля строит ригу же. После уборки хлеба будут строить дома и кухни. Юле помогают Витя³⁰ и Саша³¹ несколько, а Оля продала 20 десятин и на эти деньги строится. <...> Маша тебе кланяется, она выстроила себе дачку очень маленькую. Занимается сильно садом. Теперь Даровое стало похоже на местечко. Три усадьбы в нём. Во 1^х мой дом. На гумне Наташина постройка, а в липовой, на месте, где была конюшня у Наташи, там теперь Машина дача»³²; «Оля уже окончила свою стройку, а Юля кончает. Они едят, что домики их вышли чудо как хороши, и вполне довольны ими. Денег же у них очень мало»³³.

Спустя некоторое время в письме дочери Нине и её мужу Михаилу Павловичу Проферансову Вера Михайловна пишет об окончании строительства: «Дом к вашим услугам. Будут помещения вам обоим. Приезжайте как можно скорее, время остаётся уже немного. Наташа уехала гостить к Вите и придет не раньше октября. Оля и Юля поселились у себя окончательно. У них очень хорошо. Я теперь живу у Оли»³⁴.

Вместе с тем жизнь в усадьбе была довольно сложной, и это тоже очень ярко проявляется в переписке Веры Михайловны Ивановой с дочерьми. Ведение хозяйства требует невероятных усилий и постоянного внима-

²⁹ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Ивановой Марии Александровне. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 79. Л. 5.

³⁰ Иванов Виктор Александрович (1854–1919) — сын В. М. Ивановой.

³¹ Иванов Александр Александрович (1850–1902) — сын В. М. Ивановой.

³² Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 21–21 об.

³³ Там же. Л. 13 об.

³⁴ Там же. Л. 18 об.

ния. «...Мы живём так себе, всё хлопочем. Последнее время готовили дров, прочистили березник, который смежен с землёй нашего духовенства, и набрали 150 возов. 50 отдали за работу мужикам, а сто оставили себе. Потом убрали чевилку, картофель...»³⁵. «Мы с самой страстной ни с кем из знакомых не видались, никуда не проедешь. Одно развлечение — работа, и мы ей усиленно занимаемся»³⁶.

От ведения хозяйства напрямую зависело материальное положение семьи, которое зачастую оставляло желать лучшего. Эти трудности становятся темой многих писем Веры Михайловны дочери Нине Александровне Проферансовой. «Вчера к нам приходил столяр немой наниматься работать, и от него я узнала, что у Мельгуновых³⁷ упали 5 коров, а Ермоловы³⁸ режут коров, потому что кормить нечем. <...> Насчёт корму мы сами на волоске висим, защиту около скотного двора уже доедают, остаётся один навес у скотного раскрыть, да курник раскрыть, да немного соломы, чем увязаны яблони и вишни, и вот весь наш корм, а снег стоит себе и не хочет таять, хотя вот уже шестой день жаркий, даже Осётр ещё не прошёл»³⁹. «Мы ничего себе не делали. Оля только перекрыла шубку и сшила себе бельё. Цены на хлеб так низки, что невозможно и подумать что-нибудь продать из него. Живём только на пенсию, и что присылает Саша, а с работниками прислуги 5 челов. Надо их содержать и платить жалованье»⁴⁰.

Порой доход от имения настолько мал, что хозяйкам Дарового приходится одалживать средства у родственников на самые необходимые расходы. Так, Вера Михайловна пишет Нине: «Милая Нина <...> Очень большое тебе скажет спасибо Юля, если ты пошлешь ей 5 р. на корову. Она со всех собрала понемногу. Ничего не поделаешь, если неоткуда взять, приходится обратиться к складчине»⁴¹.

Или в другом письме: «Извини, пожалуйста, что так давно тебе не писала, но дело в том, что ты смутила меня посылкой денег на страховку. Я уже было и отложила попеченье страховать, хотя знаю, что это неблагоприятно и очень неблагоприятно, но что же делать, когда решительно нет источников, где бы добыть на это денег. Ржи едва ли хватит на своё продовольствие, а овёс так дешёв, что надо продать половину амбара, чтоб выручить 30–40 рублей, да мы его ещё не молотили.

³⁵ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 14 сентября 1887 (1888?). ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 16.

³⁶ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 15.

³⁷ Владельцы д. Назарьево в 4 км от Дарового. Деревня входила в приход Свято-Духовского храма с. Моногарова.

³⁸ Владельцы сельца Хлопова в 5 км от Дарового. Прим ред.

³⁹ Там же. Л. 13 об.

⁴⁰ Там же. Л. 22 об.

⁴¹ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 34.

Вот поэтому, не видя возможности как с вами рассчитаться, я и медлила писать, авось, авось ни налетит ли откуда-нибудь благодать»⁴².

Порой возникающие трудности доводили хозяйку имения до полного отчаяния, вызывая желание как можно скорее уехать из Дарового: «У нас опять нет кухарки на скотный, просто не знаем, что и делать. Проклятая сторона, нет хуже её во всём мире. Скорее, скорее бы из неё вон. Писала Анне Григорьевне⁴³, но ответа не получила. Ничего-то нет отрадного для души»⁴⁴.

Однако жизнь даровских помещиц состояла не только из хозяйственных забот, невзгод и трудностей. В их переписке отражается жизненный уклад семьи и её традиции. Одной из таких традиций являются обязательные совместные праздники: именины Веры Михайловны, на которые обыкновенно собираются её дети («Ждём Сашу, он приедет к моим именинам, отпуска ему не дают, а пустят только на 8 дней»⁴⁵, «День своих именин я провела очень обыкновенно. <...> Я от своих получила по подарку, правда, что я им сама сказала, чтоб были подарки, и вот начали шептаться, особенно Митя⁴⁶ с тётками, и в самом деле получила подарки ото всех. Юля подарила мне чулки, Оля испекла торт, а Митя на собственные деньги купил 10 штук пирожных и поднёс мне. Приезжала Наташа на 3 дня. <...> Володя также прогостил целый месяц. <...> Я в свои именины получила 9 писем и 10⁹ телеграмму от Лёли»⁴⁷), Новый год («На праздник приехали Володя и Наташа, и теперь у нас такая суетня. Новый год встретили с гостинцами, с водицей шипучей и с жареным гусем, и на первый день у нас была ёлка для Мити, приезжала Маша и привезла много картонажей⁴⁸, да мы прикупили гостинцев, и

⁴² Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 28.

⁴³ Достоевская (ур. Сниткина) Анна Григорьевна (1846–1918), вторая жена Ф. М. Достоевского. Видимо, речь идёт о предложении В. М. Ивановой купить Даровое в письме от 12 февраля 1889 г.: «Становясь с каждым годом старше и слабее я чувствую что недолго уже проживу на свете, и хозяйничать как прежде уже решительно не в состоянии. Я решила продать своё милое Даровое. Прежде чем приступить к продаже, я считаю себя обязанной обратиться к Вам с предложением. Не найдёте ли Вы возможным купить его для детей, в память то что покойный брат Фёдор Михайлович провёл в нём своё детство и даже юношеские года свои. Даровое уже шестьдесят лет находится в собственности семейства Достоевских, и потому очень грустно будет, если оно перейдёт в чужие руки». Цитируется в орфографии и пунктуации оригинала по публикации В. А. Викторovichа: IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 193. Прим. ред.

⁴⁴ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 25 об. Поскольку в письме упоминается предложение А. Г. Достоевской купить Даровое, то его можно датировать февралём — мартом 1889 г. См. предыдущий комментарий. Прим. ред.

⁴⁵ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 16.

⁴⁶ Приёмный сын Александра Александровича Иванова.

⁴⁷ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 34.

⁴⁸ Ёлочные игрушки из тонкого рельефного картона, пользующиеся популярностью в конце XIX — начале XX вв., за которыми закрепилось название «дрезденский картонаж».

ёлка вышла на славу»⁴⁹) масленица, Великий пост с обязательным говением, Пасха («Масленицу сёстры очень веселились в Шистове, а те у нас бывали, я же всё сидела дома, раз выехала к ним и вот в этот-то раз и простудилась. Говеть так и не пришлось. Дорога уже очень плоха стала к 1^й неделе, а в Моногарове говеть невыносимо холодно. Теперь всякое сообщение прекратилось, сидим дома, готовимся к празднику. Снегу ещё вволю, но вчера и нынче сильно припекает»⁵⁰, «Мы ждём на святую Машу, если будет проезд, то она приедет. Не соберётесь ли вы, вот было бы хорошо»⁵¹, «На святую мы ездили в Даровое и нагулялись вдоволь и провели время весело. Уже очень невмоготу пришлось бы оставаться на праздники в Рязани»⁵².

Для Ивановых Даровое в период, когда им владеет Вера Михайловна, — это место, которое объединяет семью, здесь собираются все близкие люди.

«Извини, родная, что долго тебе не писала. Дело в том, что у меня теперь гости; а именно жена Лёли и с детьми. Вот уже около двух недель как Лёля их привёз ко мне. Я теперь решительно не вижу, время как идёт. У нас теперь идёт шумная жизнь: смеху, плача и крика вдоволь. Я ужасно любила ребятшек, особенно Юрочку, очень добрый мальчик, но буян страшнейший»⁵³.

«Теперь у нас гостит Саша. Он приехал в первых числах июля, привёз 2 велосипеда: один себе, другой Мите, — и оба теперь катаются по окрестностям»⁵⁴.

«Милая Нина, приезжай к нам в деревню. Теперь у нас всё оживает после зимы. Начнутся полевые работы. Вот и не мешало бы тебе вспомнить прежнюю жизнь и помочь нам, и тем развеешься»⁵⁵.

Много лет спустя Мария Васильевна Иванова, жена Владимира Александровича, младшего из сыновей В. М. Ивановой, признается в одном из писем, что дни, проведённые в Даровом, остались в её памяти как одни из самых счастливых:

«Я часто вспоминаю жизнь в Даровом после нашей свадьбы, как сейчас всё помню, какие чудные ландыши были у вас и какая масса». «Что случилось с Даровым, где я провела самое лучшее время после венца, где было так много ландышей и грибов»⁵⁶.

⁴⁹ Там же. Л. 23.

⁵⁰ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 24 об.

⁵¹ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 66. Л. 35 об.

⁵² Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. Без даты. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 65. Л. 34 об.

⁵³ Иванова (ур. Достоевская) В. М. Письмо к Проферансовой (ур. Ивановой) Н. А. 17 октября 1894. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 64. Л. 28.

⁵⁴ Там же. Л. 20 об.

⁵⁵ Там же. Л. 22 об.

⁵⁶ Иванова Мария Васильевна. Письмо к Ивановой Ольге Александровне. 1914 г. ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 12. Ед. хр. 85. Л. 3.

Эпистолярное наследие семьи Ивановых обширно. Наша статья даёт лишь предварительный обзор писем, посвящённых Даровому, где Вера Михайловна и её дети прожили более полувека. Дальнейшая работа по сбору, анализу и подробному комментированию переписки Ивановых позволит реконструировать жизнь в усадьбе Даровое во второй половине XIX — первые десятилетия XX вв., чтобы увидеть, какие изменения претерпело «это маленькое и незамечательное место», столь дорогое Ф. М. Достоевскому, каким его увидел писатель в свой последний приезд в 1877 г., каким предстало Даровое перед его семьёй, когда сюда в 1883 г. приезжала А. Г. Достоевская с детьми.

ХРАНИТЕЛИ

БЕСЕДА С КЛАВДИЕЙ ПЕТРОВНОЙ РОМАНЦОВОЙ¹

Публикуется расшифровка видеозаписи беседы с К. П. Романцовой, в советские годы работавшей в библиотеке, которая размещалась во флигеле усадьбы Даровое. Беседа, записанная в ходе фольклорно-этнографической экспедиции филологического факультета ГСГУ, содержит интересные подробности об истории места, биографические воспоминания К. П. Романцовой, местные предания и легенды.

Ключевые слова: Даровое, фольклорно-этнографическая экспедиция, библиотека деревни Даровое, М. А. Иванова, М. А. Достоевский, местные предания и легенды.

Клавдия Петровна Романцова (1922–2011) заведовала библиотекой в Даровом с 1941 по 1966 г. Библиотека располагалась во флигеле усадьбы Достоевских. Избу-читальню крестьяне Дарового хотели открыть в бывшем помещицком доме ещё при жизни его последней владелицы, Марии Александровны Ивановой (1848–1929), племянницы писателя. В. С. Нечаева, директор Музея Ф. М. Достоевского в Москве, вспоминала: «Летом 1929 г. М. А. Иванова скончалась, и усадьба Достоевских поступила в ведение колхоза им. Достоевского, организованного в Даровом. В доме была открыта библиотека-читальня, при которой развёрнута силами московского музея маленькая музейная экспозиция (фото портретов писателя, краткие сведения о его жизни и творческом пути, его сочинения)»².

На долю Клавдии Петровны Романцовой выпали серьёзные испытания: в годы войны сохранить библиотечный фонд, а в послевоенное время — сам флигель от уничтожения. Коренная жительница, она живо интересовалась историей мемориального места и творчеством Ф. М. Достоевского. Болела душой К. П. Романцова за скромный флигель, хранивший память о недавней владелице имения — М. А. Ивановой, которую Клавдия Петровна помнила с детства. В фондах Отдела рукописей РГБ сохранились документы³, свидетельствующие о деятельной натуре даровского библиотекаря. Письмо и заявка на имя директора Музея Ф. М. Достоевского в Москве В. С. Нечаевой были написаны в тот год, когда московский музей послал своих сотрудников для обследования состояния усадьбы. Г. В. Коган и фотограф Генина встретились с местными жителями, сделали снимки Дарового.

<Л.1.>

Здравствуйте Вера Степановна!

С приветом к вам зав Даровской библиотекой Романцова.

Спасибо вам за ваше беспокойство. Вера Степановна! Приезжали ко мне

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90038 «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество».

² Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский : Материалы и исследования. Вып. 6. Л.: Наука, 1985. С. 295.

³ ОР РГБ. Ф. 792. В. С. Нечаева. К. 18. Ед. хр. 78. Лл. 1–2. Документы публикуются с сохранением написания оригинала.

в июле месяце из вашего музея две девушки Коган Галина Владим.⁴ другая фотограф Генина, они были три дня и обещали куда то сходить насчет библиотеки похлопотать. ~~вообщем~~ Но до сих пор ничего мне ненаписали. Вера Степановна! дом под библиотекой стоит более ста лет и требует ремонта большого, но никто мер никаких не принимает.

Я прошу вас хотя бы взялись и помогли мне хотя кое в чем.

<Л.1об.>

Если есть у вас материал иллюстрации, цитаты для монтажа о Достоевском. Вообще пишите мне, если нужно приехать к вам, то я могу приехать.

Досвидания С приветом
Романцова

<Л.2.>

Нечаевой Вере
Степановне
От зав Даровской библиот.
Романцовой Кл. Петр.

Заявка

Для Даровской библиотеки требуется капитальный ремонт. Переделать верх, перекрыть крышу новым железом, для чего потребуется 2 тон. <?> железа. Переделать рамы летние, приделать тамбур, переделать вновь террасу, около дома сделать изгородь. Вот в чем состоит ремонт нашей библиотеки. Прошу вас очень убедительно помочь в ремонте в чем вам будет возможно. Прошу неотказаться в моей просьбе

Зав. библиот. Романцова
Пред. кол. С Карасев
<печать колхоза>

8/11 55

Предполагаем, что результатом поездки Г. В. Коган в Даровое летом 1955 г. и обращения К. П. Романцовой к В. С. Нечаевой стало решение областного руководства о капитальном ремонте флигеля⁵.

Ниже мы публикуем расшифровку видеозаписи беседы доцента кафедры литературы ГСГУ (бывш. КГПИ) Т. И. Кондратовой с К. П. Романцовой. Запись была сделана во время фольклорно-этнографической экспедиции филологического факультета в Даровое в 2006 г. Хотя воспоминания Клавдии Петровны временами содержат анахронизмы и фактические неточности, что объяснимо давностью событий и возрастом мемуаристки, однако они представляют несомненную ценность как живое свидетельство ушедшей эпохи.

⁴ Галина Владимировна (Фридмановна) Коган, впоследствии директор Музея Ф. М. Достоевского в Москве, оставила воспоминания о поездке в Даровое летом 1955 г.: Коган Г. В. Письма из Коломны // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Коломна: КГПИ, 2001. С. 139–146.

⁵ «О выделении ассигнований на капитальный ремонт дома Ф. М. Достоевского. № 232 от 23.03.1956». ЦГАМО Ф. 2157. Оп. 1. Д. 4852. См. статью в настоящем издании: Дементьева Т. Н., Боголюбская И. А. История музея-усадьбы «Даровое».

Пётр Иванович Милованов, Евгения Ивановна Милованова, Клавдия Петровна Романцова. Дети: Женя, Наташа, Витя. 1950-е.
Фото из личного архива Е. В. Романцовой.

Т. К. Клавдия Петровна, расскажите нам, пожалуйста, про себя. Где вы родились?

К. Р. Родилась в деревне Даровой, Достоевской усадьбе. Он наш земляк – Фёдор Михайлович. В <19>22 году 21 мая. А родители были колхозники. В колхоз зашли в <19>30-х годах. В колхоз стали подгонять всех.

Т. К. До колхоза чем они занимались?

К. Р. Крестьяне обыкновенные. Землёй занимались. Дедушка мой откупился от господ и ушёл за Даровое. И его звали Иван Вольный⁶. Жил самостоятельно, независимо от господ. А потом был папа мой, отец Пётр Иваныч, и у них ещё был брат Степан Иваныч, мой дядя.

Т. К. А фамилия какая у них была?

К. Р. Миловановы. А когда папа уже был на войне в <19>14-м году, в Германии, их взяли в плен, и он там в плену был шесть лет. В <19>20-м году он пришёл. Его не пускал помещик, говорил: «Там вообще у вас разруха. Не ходи, Пётр Иваныч, не ходи», а он говорит: «У меня там осталась семья». А когда пришёл, то за голову схватился. Где семья-то? Дети вымерли, мать умерла – тиф свирепствовал, эпидемия тифа была – сестра умерла от тифа, девочка умерла у нас в пять лет, мальчик умер у матери трёх годов. Он спохватился, что никого нету и семья-то исчезла...

⁶ Среди избирателей сельца Дарового в Спас-Журавенский волостной совет в 1919 году под номером 61 значится Иван Петрович Милованов, 71 года. Следовательно, можно предположить, что родился он в 1848 году. ЦГАМО. Ф. М-788. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 36. (Спас-Журавенский волостной исполнительный комитет Совета РК и КД Каширского уезда Тульской губернии. Общий отдел. Протоколы заседаний избирательных комиссий по выборам в сельские советы.)

Т. К. Они что-нибудь рассказывали вам о Достоевском?

К. Р. Я ж ходила туда <в усадьбу> с мамой такой вот маленькой девочкой. Они хорошо принимали. У них качалка была, кресло, я сяду, и они меня качают взад-вперёд. Конфетами угощали. Марья Александровна жила когда⁷. Они были такие простые, не очень богатые они были. Конюшня каменная была у них, скот, были лошади. Колодец был.

Т. К. То есть, она <Мария Александровна> жила как помещица, да?

К. Р. Да, да. Сад был три гектара⁸. Сад хороший был. Яблоки такие, знаешь, сейчас таких нету.

Т. К. А как крестьяне к ней относились?

К. Р. Ну, как относились... Когда строй сменился, советская власть началась, они было ополчились за рошу, хотели её спилить, дома построить, а потом хватились, говорят: «Нет, здесь не хватит всем». Потому что было больше домов. Там дом на дому был. И не стали они больше пилить эту рошу. Так она и осталась⁹. Когда я работала <в библиотеке> (я перед войной поступила, в <19>41 году в феврале, а в июне началась война), всё было на месте: амбары были, уже колхоз командовал, там зерно было колхозное, <колхоза имени> Достоевского.

Т. К. Клавдия Петровна, а где Мария Александровна похоронена?

К. Р. Она здесь похоронена.

Т. К. На новом кладбище, да?

К. Р. Да.

Т. К. А на старом Славянском кладбище¹⁰ кто похоронен?

К. Р. А на старом — там похоронили его <Достоевского> отца, родные какие-то похоронены¹¹.

Т. К. Клавдия Петровна, что в деревне говорили о старом барине, отце Достоевского, которому всё здесь принадлежало?

К. Р. Что говорили... Он жестокий был человек, деспотичный. Он же по происхождению поляк. Хирург был, врач. Работал в Мариинской больнице в Москве. А потом пошёл в отставку и решил купить вот это имение, сельцо Даровое и деревню Чере-

⁷ М. А. Иванова жила в Даровом до своей кончины в 1929 г. Таким образом, в детстве своём Клавдия Петровна застала сестёр Ивановых — Марию, Ольгу, Юлию, бывала во флигеле, когда он был жилым домом прежних помещиц.

⁸ Усадебный сад в Даровом занимал 4,5 га.

⁹ Одна из версий противостояния даровского крестьянского общества с М. А. Ивановой, подробно описанного с опорой на архивные документы Г. С. Прохоровым: Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В.: сборник научных трудов к 60-летию профессора В. А. Викторовича. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 183–228; Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 179–189. Письмо М. А. Ивановой (преамбула и комментарии Г. С. Прохорова) // Там же. С. 190–193.

¹⁰ Одно из местных названий Нечаевского погоста.

¹¹ Местное предание свидетельствует, что на Нечаевском погосте похоронен не только М. А. Достоевский, отец писателя, но и его сестра — В. М. Иванова, владелица Дарового в 1852–1897 гг.

мошно. Сто душ крестьян было, пятьсот десятин земли. Был и неурожай. Как такие годы попадали, что не было урожая, было плохо¹².

Т. К. Вы помните церковь Моногаровскую действующей?

К. Р. Да, Моногаровскую действующей помню, как я ходила туда. Я крестилась в этой церкви. Ходили туда все. Очень красиво было, очень хорошо было.

Т. К. Она какая была — белокаменная, белая?

К. Р. Да-да.

Т. К. А вход был...

К. Р. ...а вход был прямо отсюда, от <Валентины Ивановны> Ступиной¹³. Где Ступина живёт. Через колокольню. Там ещё дверь была.

Т. К. Вокруг кладбище было?

К. Р. Вокруг да, хоронили. И таких, знаешь, видных людей хоронили. И князя там попадались.

Т. К. Где больше было могил, надгробий?

К. Р. Тут вот, с этой стороны от школы. Тут много могил было.

Т. К. Что потом с этими надгробиями было?

К. Р. Да не знаю, они же были все на месте и вдруг очутились уже поодаль. Кто их так мог спихнуть и с территории этой куда-то отвезти?¹⁴

Т. К. А школа, вы что-нибудь о ней помните?

К. Р. Я в ней училась, и мои дети учились. И родители. Мама училась тоже¹⁵.

Т. К. Кто учил вашу маму?

К. Р. Мою маму учили не очень знатные учителя. Раньше, если кто грамоте знал, к нему ходили учились. Это уж потом наладилось, стали учителей присылать. А то вон Софья Алексеевна учила, попова жена.

Т. К. Вы помните, когда церковь закрывали?

К. Р. Когда я в школу пошла в <19>30-м году, как раз её вывозили, иконы все¹⁶.

¹² Неточные сведения о биографии М. А. Достоевского, в частности, о приобретении Дарового и Черемошни после выхода в отставку, и устойчивая легенда о «нехорошем» барине.

¹³ В. И. Ступина в конце 1990-х — начале 2000-х была старостой вновь открытого Свято-Духовского храма.

¹⁴ Когда Свято-Духовский храм был приспособлен под хозяйственные нужды, надгробия сдвинули, а некоторые перенесли в другое место, в частности, белокаменное, предположительно, Хотяинцевых (в начале двухтысячных стояло перед колокольней) и чёрного гранита — Костюрина (оказалось за церковной оградой с северной стороны). Кладбище, видимо, мешало работающему в алтаре магазину.

¹⁵ «Начальная школа в Моногарове. Учитель Горлова Вера Ильинична. Год открытия школы 1895. Количество учеников 50. Учителей 2» (Список начальных, неполных средних и средних школ Московской области (по состоянию на 1 января 1937 г. М., 1937. С. 81).

¹⁶ Свято-Духовский храм был закрыт в 1938 г. См. об этом: Шепелёв Н. И. Из истории Духовского храма села Моногарова // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 170–174. Однако уже В. С. Нечаева, вспоминая свою поездку в Даровое и посещение Моногаровского храма в 1927 г., отмечала его заброшенность: «Церковь стояла открытая, пустая и явно никем не охранялась. Я обратила внимание на старинные бумаги, разбросанные при входе, пошла по их следам и увидела в полутёмной сырой комнате церковный архив, из которого без разбора вырывали бумагу» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 6. Л.: Наука, 1985. С. 293).

Т. К. На чём вывозили?

К. Р. На лошадах

Т. К. И куда всё это пошло?

К. Р. Вот сначала пошло в Бельничичи¹⁷, церковь, знаете, в Бельничичах, туда по Осетру. А оттуда, я не знаю, или сохранилось, или вывезли.

Т. К. А колокола?

К. Р. Последний колокол, я помню, вот тут висел. Была ветёлочка, колхоз поставил вот тут будку, молоко принимали, и ветёлка там была, на этой ветёлочке висел колокол.

Т. К. Из церкви?

К. Р. Из церкви. А потом приехал отец Михаил и его попросил, этот колокол. Этот колокол последовал в церковь Благовещенья¹⁸. Его председатель колхоза отдал. Колокол хороший был... позвонит — будь здоров!¹⁹

Т. К. Клавдия Петровна, расскажите, пожалуйста, что было в том доме, где жила Мария Александровна <Иванова> после революции, когда вы там работали?

К. Р. У неё всё просто было, никаких вещей богатых, видных не было. Вот рояль стоял у неё, тут вот в первой комнате²⁰. А уже там всё переделано. Надо так сделать, как она была внутри.

Т. К. Вы работали в библиотеке, да?

К. Р. Да.

Т. К. Там были книги из семьи Достоевских?

К. Р. Я пришла — там не было уже ничего. Потому что там командовали... Марина Сергеевна <Широкова> была там экономкой <у Марии Александровны Ивановой>, а у неё были дочери Наташа и Мария, Наталья Семёновна и Марья Семёновна. Наталья Семёновна любила читать, к ней, наверно, попали <книги>, а у неё уж, когда я была,

¹⁷ Село Большие Бельничичи Зарайского района. Сведения о передаче церковного имущества Свято-Духовского храма в Бельничичи, видимо, относятся к числу местных легенд: бельничичская церковь Рождества Богородицы была также закрыта в 1930-х гг.

¹⁸ Скорее всего, имеется в виду Благовещенская церковь г. Зарайска (ул. Комсомольская, 28а), одна из старейших церквей города. Как раз сюда поступали иконы из закрытых храмов Зарайской округи. См. об этом: Храм-памятник ратного подвига. Зарайск, 2014. <http://blagohram.cerkov.ru/publikacii/>. Дата доступа 13.07.2021.

¹⁹ Согласно «Описи церкви Сошествия Святого Духа», «к оной церкви в 1822^м году построена колокольня каменная же, на ней повешено шесть колоколов в первом весу 76 пуд и 20^м фунтов, во втором 35^м пуд 3 фунта; оные колокола поступили вновь. В остальных же во всех четырех весу 36^м пуд». ОР РГБ. Ф. 365. К. 1. Ед. хр. 12. Л. 1. Цитируется по публикации: Прохоров Г. С. Архив Моногаровской церкви как достоевский источник // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 145.

²⁰ Из письма М. А. Ивановой к М. С. Корш: «Единственное развлечение — чтение да музыка, играю ежедневно, за редкими исключениями, часа по два, а когда и по три. Выучила за это время вещей 15. Сейчас стала учить очень трудный этюд Рубинштейна и романс Чайковского, посвящённый Арто. В Зарайске среди людей, заботившихся обо мне, много поклонников моей музыки и очень приглашают принять участие в концертах, которые они устраивают (за очень высокую плату). Так как я им очень обязана, то я обещала, в случае моего согласия, принять участие, но, конечно, безвозмездно». Цитируется по публикации: Прохоров Г. С. Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет в постреволюционной оправе // III Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2013. С. 192–193.

ничего не было. И в библиотеке ни одной книги не было²¹. Мы комплектовались Сре-тенкой в Москве, коллектором. Деньги переводили, оттуда нам все книги присылали²².

Т. К. А немцы сюда заходили?

К. Р. Заходили. Они стояли в Алферьеве²³, где центральная усадьба нашего совхоза, и в Черемошне. А здесь ездила разведка. Утром едет бронемашина и танк, а во второй половине дня едет мотоцикл. А декабрь месяц был, немножко подморозило и снежок припорошил, а вот тут была гора, где сейчас дорога, и они едут, а у них мотоциклы осклизаются, как-никак, ведь снежок и приморозило. Утром проехала бронемашина и танк и не вернулись. Там наши партизаны её заловили, под деревней Трасной²⁴. Партизаны ведь наши тоже не спали, наша разведка не спала. Они едут, и наша разведка там вон по Шистовскому²⁵ саду курсирует. Так-то не безобразничали. Вот они мимо дома ездили, библиотеки-то, посматривали, а не безобразничали. Но я всё вывозила, я фонды хранила.

Т. К. А куда вы всё вывозили?

К. Р. Ой, убирала только куда. Все вот эти политические (они, знаешь, ведь не лю-бят ни произведения Ленина, ни Сталина) пришлось убирать, всю политику.

Т. К. И куда вы их?

К. Р. Как куда, закапывала. Ой, всё было! Что сделаешь? Вывозила всё имущество, вывозила. Потом они отступили. Наша армия и пошла. Кавалерия шла. Белов, генерал армии, освобождал²⁶. Двумя большаками, Серебряно-Прудским и Каширским, повёл армию. Вот тут-то им и пришлось отвезать...

Т. К. Клавдия Петровна, у Марии Александровны были сестры, которые здесь жили: Юлия Александровна и Ольга Александровна...

К. Р. Юлия Александровна, Наталья Александровна, их много было, их человек во-семь было²⁷. Николай Александрович, Александр Александрович, и у всех были раз-делённые — леса²⁸, в Черемошне дом был. Там жили как раз Наталья Александровна

²¹ Совсем другую информацию сообщает зарайский краевед В. И. Поляничев: «1930 г. В Даровом, в сохранившемся флигеле открыта мемориальная библиотека имени Ф. М. Достоевского; здесь 20 тыс. книг, в т. ч. прижизненные издания писателя и книги о нём». Цитируется по статье: Поляничева О. В. Ревнитель памяти // IV Летние чтения в Даровом. Коломна: ИД «Лига», 2016. С. 201.

²² Библиотечные коллекторы появились в РСФСР ещё в 1920-е гг. Благодаря им комплектовались фонды сельских библиотек.

²³ Деревня в 4 км к югу от Дарового.

²⁴ Деревня в 8 км северо-западнее Дарового.

²⁵ Шистово — деревня, граничащая с Моногаровым, в 2 км от Дарового.

²⁶ Белов Павел Алексеевич (1897–1962), Герой Советского Союза, в 1941 г. — командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

²⁷ У В. М. Ивановой, сестры Ф. М. Достоевского, было 10 детей. См.: Хроника рода Достоевских / Под редакцией И. Л. Волгина. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 682–740. Среди сыновей Николая не было.

²⁸ В 1895 г. В. М. Иванова разделила два имения — Даровое и Черемошню — между дочерьми Марией, Натальей, Юлией, Ольгой и их братом Виктором. Согласно «Владельческим карточкам» 1911 г., М. А. Ивановой принадлежала усадьба Даровое и её земли, за О. А., Ю. А., Н. А. Ивановыми числились земли пустоши Нечаевой, деревня Черемошняя (пахотные, сенокосы, а также 35 десятин леса). В. А. Иванов владел частью усадебной земли в Даровом, пашней и лесом на 5 десятинах. ГАТО. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 488. Лл. 132, 135.

и Юлия Александровна. Домик такой небольшой стоял. Леса были разделённые: Дячкино, Бегичиво²⁹. А Дячкино, знаете, почему называется? Там последнее время управлял этим имением родственник Толстого, Дьяков. И Толстой бывал там, в этой деревне, в Черемошне³⁰.

Т. К. Клавдия Петровна, вы не знаете, почему Даровое называется Даровое?

К. Р. Вроде даром её купили, так вроде.

Т. К. А Моногарово почему? Что это значит?

К. Р. Моногарово — много гари, пожаров было много.

Т. К. Здесь такие интересные названия: лес Острог. Почему Острог? Острог ведь — это тюрьма.

К. Р. Да-да, Острог, Лоск³¹.

Т. К. А вы не знаете, почему так называется — Острог и Лоск?

К. Р. Не знаю, вот бы узнать. Не приходилось как-то спросить... Старики, наверное, тоже не знали.

Т. К. Попова роща и Славянское кладбище — это одно и то же?

К. Р. Наверное, там же поп был, церковь деревянная³².

Т. К. А вы помните эту церковь?

К. Р. Нет. Там, знаете, была Михалёва деревня, а барин её купил.

Т. К. Какой барин?

К. Р. Михалёвский, и они ушли. А они жили вон там, где лес, за лесом, за Поповой <рощей>. Там Глинище. Вот там была деревня Михалёво³³. А барин её Михалёвский купил, крестьян этих купил. Там был колодец, внизу, в овражке. Вода там была в колодце хорошая. Всё было когда-то... Вот «Село Степанчиково» у Достоевского — это Иванчиково³⁴. А ведь оно было где? На большаке.

Т. К. Клавдия Петровна, мы слышали, что музей в 70-е годы собирались просто снести, бульдозером. Вы эту историю нам не расскажете?

²⁹ Помимо Черемошни (Чермашни), Бегичево и Дячкино вошли в роман «Братья Карамазовы». См. об этом: *Бессонова А. С.* Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // *Улетние чтения в Даровом.* Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 200.

³⁰ Уникальная для Дарового легенда, своеобразная абберрация памяти, когда народная этимология сближает двух великих писателей, выдавая желаемое за действительное. *Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823–1891)* — друг Л. Н. Толстого, помещик имения Черемошня в Новосильском уезде Тульской губернии.

³¹ Сейчас это березняки, которые тянутся вдоль берега Уйны. Во времена детства Достоевского Лоск — «густой кустарник по ту сторону оврага до самой рощи» (22; 47). Можно предположить, что роща, упоминаемая Достоевским в рассказе «Мужик Марей», — березняк Острог.

³² *Попова роща* (а также Попово поле) ведёт своё название от Нечаевского погоста, который в конце XVIII — начале XIX вв. состоял из упразднённой Покровской церкви, кладбища и домов священника и причта. При строительстве нового приходского храма в Моногарове пришедшая в ветхость деревянная церковь на Нечаевском погосте была разобрана, а в память о ней на месте алтаря в 1805 г. была построена деревянная часовня. Именно она описана в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского, младшего брата писателя.

³³ *Деревня Михалёво* находится в 4 км от Дарового. Скорее всего, К. П. Романцова говорит о Нечаеве, во времена Достоевских пустоши, а ранее, с XVI в. деревне, а в XVIII в. селе. Михалёво же находится в совершенно противоположной от описываемого места стороне.

³⁴ *Деревня Иванчиково* находится на берегу реки Осётр в 5 км восточнее Дарового.

Заведующая библиотекой им. Ф. М. Достоевского в Даровом Клавдия Петровна Романцова (справа) и заведующая Музеем-квартирой Ф. М. Достоевского в Москве Галина Владимировна Коган (в центре). 1955. Музей-заповедник «Зарайский кремль». НВФ-9416.

К. Р. Было дело такое. Вот Чухнин Алексей Терентьевич там такой есть, напротив дома <флигеля> живёт. Он пришёл. Я работала уже в <отделении> связи в Струпне³⁵. Ну, он пришёл и говорит: «Клавдия Петровна, вы бросайте все свои дела, бросайте и идите. Там приехал бульдозер сносить дом». Я схватилась за голову... Подхожу, говорю: «Вы уезжайте, а то я сейчас позвоню в милицию. Знаете, что это дело подсудное?» Он <механизатор> сел на трактор свой, а у него здоровый такой жёлтый трактор, и поехал в своё отделение. А я пошла на работу и стала звонить.

Т. К. А кому вы звонили?

К. Р. Сауткиной — директору музея³⁶. Потом в Отдел культуры позвонила, в исполком позвонила и в горком. Дело дошло до Москвы, и оттуда пришёл приказ всесоюзного значения. Кто им <совхозу> дал разрешение на дом?..

Т. К. Какие это были годы?

К. Р. В <19>67-м или в <19>68-м году.

Т. К. Чем же им мог не угодить музей Достоевского?

³⁵ *Село Струпна* — в 6 км северо-восточнее Дарового.

³⁶ *Александра Михайловна Сауткина*, директор Зарайского музея в 1969–1978 гг. Следовательно, события, о которых вспоминает К. П. Романцова, произошли не ранее 1969 г.

К. Р. Не знаю... Мне все говорят: как это ты ещё пробила, один в поле не воин. А я говорю: «Нет, и один в поле воин». Вон Дулебино в Кашире, Григоровича-то³⁷. Там дуб один стоит и больше ничего, там всё разорили...

Т. К. Клавдия Петровна, какой сад окружал имение <Даровое>?

К. Р. Сад большой был, хороший.

Т. К. В какую сторону он шёл?

К. Р. За Тамарой (знаете, Тамара <Дмитриевна> Киселёва живёт, дом стоит рядышком?³⁸) — вот отсюда, напротив библиотеки, и туда вниз, к пруду. Сад большой, хороший был. Я помню, мы ходили яблоки собирали, яблоки укладывали, колхозу помогали.

Т. К. Кто тогда возглавлял крестьянскую артель, потом колхоз?

К. Р. Там было много председателей: Чухнин Григорий Никанорович, потом он трактористом стал, Макаров Терентий Васильевич, потом женщина была, Петрова Александра Климентьевна, Яков Лукич Милованов³⁹...

Так, знаете, надо Достоевским гордиться. Большой вклад он внёс. Как писал Пушкин: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой». Так и у него. Вот его не любят за произведение «Бесы», потому что сейчас бесы все стали.

Т. К. Почему-то и в деревне некоторые говорят, когда мы начинаем спрашивать о Достоевском: «Да отстаньте вы с вашим Достоевским. Не знали мы его и знать не хотим!»

К. Р. А вот зря. Он ведь и дорогу проложил к религии, он после ссылки стал больше придерживаться религии. Мало ли у него заслуг, он инженер артиллерии⁴⁰, несмотря на то, что он и писатель. Разве он не вложил вклад? Или что читаются его книги очень

³⁷ *Имение Дулебино* писателя Д. В. Григоровича (1822–1899) в Каширском уезде Тульской губернии, в настоящее время — деревня в Озёрском районе Московской области. Д. В. Григорович был однокашником Ф. М. Достоевского по Инженерному училищу в Санкт-Петербурге (1838–1843) и соседом по каширскому имению. Старший брат писателя, М. М. Достоевский, будучи в Даровом в 1850 г. как опекун имения, писал Д. В. Григоровичу в Дулебино: «*Меня взяла такая тоска, любезный Григоровичь, что я рѣшаюсь послать къ вамъ подателя этой записки, съ тѣмъ чтобъ узнать возвратились ли вы изъ Москвы. Мнѣ очень хотѣлось бы видѣться съ вами, и если вы въ Дулебинѣ, то въ среду я бы пріѣхалъ къ вамъ. Я не взялъ съ собою ни одной книги. Понадѣялся на ваши. Можете себя представить какъ я скучалъ все это время. Пожалуйста, любезный Григоровичь, пришлите мнѣ теперь же что-нибудь почитать. Мнѣ хотѣлось бы перечестъ “Цезаря Бирото” и “Меркаде”. Впрочемъ, что бы вы ни прислали, за все будетъ безконечно благодаренъ искренно-преданный вамъ М. Достоевскій*». ОР РГБ. Ф. 93. III. Оп. 8. Ед. хр. 11а. Цитируется по электронному изданию: <https://philolog.petrsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm>. Дата доступа 15.07.2021.

³⁸ Дом № 1 в Даровом в непосредственной близости от усадебного флигеля.

³⁹ Я. Л. Милованов (1886–1967) с первых лет советской власти возглавлял Даровское сельское общество, был председателем сельского совета. Подробнее см.: Воспоминания о Даровом С. А. Савостиной // *V Летние чтения в Даровом*. Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 237–250.

⁴⁰ «По окончании полного курса наук в Инженерном училище выпущен на действительную службу в Инженерный корпус. — См.: «Формулярный список о службе и достоинстве числящегося при С.-Петербургской инженерной команде полевого инженер-поручика Достоевского за 1843 г.», составленный 1 января 1844 г. — ЦГВИА. Ф. 3. Оп. 11. № 470. Л. 328–333» // *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т.* — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1993. Т. 1. С. 84.

тяжело. У Виктора Гюго они ведь тоже тяжело читаются — «Собор Парижской Богоматери». У каждого свой, наверное, стиль. У него жизнь сложилась очень тяжело, рано умер брат. Все эти расходы, все эти заботы легли на его плечи⁴¹. А потом он играл в рулетку, он то выиграет, то проиграется. Анна Григорьевна Сниткина, жена его вторая, описывала, как ей тяжело с ним было жить...⁴²

Т. К. Клавдия Петровна, мы слышали много разных рассказов об отце Достоевского.

К. Р. Что он жестокий был?

Т. К. Да, и вот о том, что якобы его крестьяне убили.

К. Р. Да. Он жестокий был в отношении к крестьянам, дворовым девушкам, к сожительству их склонял. Поэтому, когда его задушили крестьяне, родственники не стали заниматься судебным делом, потому что было неудобно. Раз он такими делами занимался, то они не стали судебное дело заводить. Привезли попа, а поп давал заключение, что с барином случился удар. А на самом деле они его спиртом влили и заткнули. И привезли его туда: дорога идёт на Черемошню и на Комово. Привезли его на этот перекресток и бросили⁴³.

Т. К. Где его похоронили?

К. Р. Говорили, что на старом кладбище. Всё мои бабушки и дедушки, которые жили в Даровом. Все мне говорили, вот и Яков Лукич <Милованов>, и Григорий Никанорыч <Чухнин>, что на старом кладбище он похоронен.

Т. К. Спасибо, Клавдия Петровна! Очень интересно всё рассказали.

К. Р. Мужик в Черемошне — его тоже называли Мареем. Мареем Сергеевичем.

Т. К. Мареем Сергеевичем?

К. Р. Да, в честь Мареев, который ему <Достоевскому> встретился, за Лоском он пахал⁴⁴.

*Подготовка текста Н. В. Викторovichа,
предисловие и комментарии А. С. Бессоновой.*

⁴¹ Известный факт биографии Ф. М. Достоевского, который после смерти старшего брата М. М. Достоевского в 1864 г. взял на себя все его долги и обязательство помогать вдове и детям Михаила Михайловича.

⁴² Скорее всего, речь о «Дневнике 1867 года» А. Г. Достоевской, где жена писателя подробно рассказала о драматическом периоде увлечения Ф. М. Достоевского рулеткой во время их жизни за границей. (*Достоевская А. Г. Дневник 1867 года*. М.: Наука, 1993.)

⁴³ Одна из версий смерти М. А. Достоевского, рассказанная В. С. Нечаевой местными крестьянами в 1920-е гг.: *Нечаева В. С.* Из литературы о Достоевском (поездка в Даровое) // *Новый мир*. 1926. III. С. 128–134. В изложении К. П. Романцовой история обрастает новыми подробностями: заключение об ударе дал священник Моногаровского храма. Подобных вариантов в Даровом и окрестностях существует множество. См. об этом: *Кондратова Т. И.* Даровое: современные легенды и мифы // *Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27–29 августа 2006 г.* / Составитель В. А. Викторovich. — Коломна: КГПИ, 2006. С. 131–140.

⁴⁴ Этот факт описан в статье: *Кочетков В.* Два Мареев // «Края Москвы, края родные...». М.: Современник, 1985. С. 76–78. По семейному преданию, так Сергею Митрофановичу Ермакову посоветовала назвать сына Мария Александровна Иванова.

SUMMARIES

IDEA OF A FAMILY

<A. U. Poretsky, F. M. Dostoevsky>

PSYCHOLOGICAL QUESTION FROM THE NEPENIN CASE (LETTER TO THE EDITOR)

A number of materials in the weekly "Citizen" during Dostoevsky's editorship (1873–1874) were prepared by the staff with the participation of the editor, when part of the text already belonged to him. Such texts are referred to the "Collective" section in academic collections of works. Such works include the article "A psychological question from the Nepenin case (Letter to the Editor)" ("Citizen", March 11, 1874). Arguments in favor of Dostoevsky's co-authorship are given.

Keywords: attribution, Dostoevsky's journalism, the theme of the family, the trial.

Vladimir Viktorovich

DOSTOEVSKY. THE FAMILY FORMULA

The article shows how the "family thought" becomes the conceptual core of Dostoevsky's creative work, artistic and journalistic. The writer's sources were both observations on the modern process of family destruction in all layers of Russian society, and personal experience — memories of his parents' home and the vicissitudes of his own family life. The writer deduces the "formula of the family" as a formula for the salvation of modern civilization: if the non-random family, which is based on the "labor of love", is preserved, then humanity will also be preserved.

Keywords: traditional values, family, biography and creativity of Dostoevsky.

Elena Osokina

"FAMILY" IN DOSTOEVSKY'S "PICTURE OF THE WORLD": FROM LEXICOGRAPHY TO IDEOGRAPHY

The article offers a method for obtaining objective information about the fundamental concept of FAMILY in Dostoevsky's texts. Lexicography, statistics, and contextual meaning of the word allow us to show the "picture of the world" that does not depend on the will of the author and the will of the researcher, so it manifests itself.

Keywords: Dostoevsky, the household, the family, lexicography, statistics, text, context, idiom glossarium.

Tatyana Karpacheva

"THE WI-FE, IF I TOLD YOU SO": A RANDOM FAMILY IN THE STORY OF F. M. DOSTOEVSKY "THE MISTRESS"

The article discusses the theme of "random family" in the early work of F.M. Dostoevsky; there is a connection between the "random family" and involvement in a destructive pseudo-religious group, which gives the appearance of a family, in particular through the appeals of "brother", "sister" between its members, and in reality contributes to the destruction and enslavement of the individual.

Keywords: Dostoevsky, "Mistress", "random family", sect, khlysty.

Galina Fedyanova, Tamara Batalova

THE EPANCHIN FAMILY IN THE CONTEXT OF TIME

The proposed article notes a sharp collision of the two main storylines. Special attention is paid to the Epanchins as a "respectable family" — an intermediate type of family between the families "survived" and "accidental", characteristic of this historical period. The place of the "respectable family" is also evidenced by its position in the world, emphasized by the desire of parents to enter the upper world, to find worthy suitors for their daughters. The regularity of the appearance of this kind of family and its evolution is evidenced by the formation of the Ptitsyn family and its economic prospects.

Keywords: Dostoevsky, the novel, the Epanchin family stays in the story the "respectable family".

Elena Akel'kina

"A SIMPLE BUT COMPLICATED CASE" (AS THE STORY ABOUT THE FAMILY OF A PEASANT WOMAN KORNILOVA IS TOLD IN THE "DIARY OF A WRITER" BY F. M. DOSTOEVSKY)

The article analyzes the nature of the narrative in the book of the final philosophical prose "Diary of a Writer" by F. M. Dostoevsky on the example of the history of E. Kornilova. The story about this trial has a clear heuristic impulse, reconstructing the reader's consciousness at the expense of typical methods of philosophizing: semantic repetitions, oxymorons, symbolic generalizations. The author of the "Diary of a Writer" has fully achieved the goal of directly influencing the participants of this family drama, and the result of it was the restoration of a collapsing family and a new understanding of the family as "a tireless labor of love".

Keywords: "Diary of a Writer", philosophical prose, family restoration, change of consciousness, personal experience and free fiction, charity, faith.

Louis Allen

**ABOUT SOME PROPERTIES OF MEMORY IN THE STORY
OF F. M. DOSTOEVSKY "THE PEASANT MAREI"**

The article analyzes the masterpiece of small prose by F. M. Dostoevsky — the autobiographical story "The Peasant Marei" — from the point of view of the specifics of memory. The author focuses on the transformation of the writer's real life impressions in the artistic space of the work. Memory processes the past and, most often, embellishes it. What happens is what the French psychologist Delacroix calls "la toilette du souvenir" (cosmetics memories). The article traces the paradoxical nature of Dostoevsky's memory, which anticipated the artistic discoveries of Marcel Proust, the author of the book "In Search of Lost Time", on a sensory level.

Keywords: the story of F. M. Dostoevsky "The Peasant Marei", Darovoe, Omsk prison, memory, childhood memories, reality and fiction.

Alexander Babuk

**AXIOLOGICAL ANTHROPOLOGY OF THE PHENOMENON
OF FATHERHOOD IN THE NOVELS
OF CHARLES DICKENS "DOMBEY AND SON"
AND F. M. DOSTOEVSKY "THE BROTHERS KARAMAZOV"**

The article attempts to make a comparative analysis of the axiological anthropology of the phenomenon of fatherhood of two writers Ch. Dickens and F. M. Dostoevsky on the example of the works "Dealings with the Firm of Dombey and Son: Wholesale, Retail and for Exportation" and "The Brothers Karamazov".

Keywords: anthropology, axiology, phenomenon, fatherhood, father, family, Dickens, Dostoevsky.

Yulia Yukhnovich

**"THE ENCHANTED INHERITANCE":
DOSTOEVSKY IN THE STRUGGLE FOR THE RYAZAN ESTATE**

The article examines the correspondence materials of V. D. Sher, A. M. and A. G. Dostoevsky, who took part in the division of the Ryazan estate as part of the "Kumaninsky inheritance": fragments of unpublished letters and documents from the archives of A.M. and A. G. Dostoevsky are presented and commented on; the legal reasons for which the dispute between the heirs dragged on for many years are explained; it is concluded that A. G. Dostoevskaya played a decisive role in the peaceful resolution of the "Kumaninsky case". It was thanks to her that trips to Ryazan took place, which allowed speeding up the division of land property

between the heirs. Anna Grigoryevna's letters from this period show that in solving the difficult tasks associated with obtaining a "fatal" inheritance, she was guided solely by the concepts of duty, honor and conscience.

Keywords: V. D. Sher, A.M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, Kumaninsky inheritance, estate, division, trial, sale.

Tatyana Panyukova

**LIFE "AT COURT"
(FROM THE GENEALOGY OF A. G. DOSTOEVSKAYA)**

The publication was prepared based on a sample analysis of the documented generational painting of the family of Anna Grigoryevna Dostoevskaya: 129 representatives of the Snitkin and Miltopeus families, some of whom were directly surrounded by F. M. Dostoevsky, his wife and children. The collection and systematization of materials about them was undertaken for the first time. During the search, the funds of several archives in Russia and abroad were examined, as well as family archives of descendants. At the initial stage, the family tree was compiled, including six generations. In the full version, the descending generation mural includes systematic information about birth, marriage, death, burial, educational and official activities, property status, correspondence, etc., based on identified archival and printed sources, as well as the family's icon library (while some of the documents are fully reproduced from the original). Most sources are introduced into scientific circulation for the first time. A short version of the mural, including only names and years of birth and death, is given in the Appendix. All known extant epistolary sources and all identified documentary materials are described with an indication of the places of archival storage. The dates and facts contained in these documents allow us to Supplement, clarify, correct, and concretize the information provided in reference and biographical literature and dostoevedcheskih research and can be used in the preparation of an extended description of the environment of F. M. Dostoevsky, in the Chronicle of his life and work, in the Description of the Dostoevsky family manuscripts, in the commented edition of correspondence, memoirs, "Diary of 1867" — several examples of such practical application of the information of the painting are available in this article. In General, the discovered and described biographical documents can become an addition to the research database currently being created "United digital archive of Dostoevsky's manuscripts".

Keywords: source studies; documented mural paintings; metrical books; epistolary; digital archive of Dostoevsky; materials for research database; Central state historical archive of Saint Petersburg; Russian state historical archive; Dostoevsky; Snitkin; Miltopeus; Svatkovsky; Lyoper; Sokolov; Slinko.

Yuri Shcherbakov
THE MUSEUM OF MAN
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MANUSCRIPTS
OF M. V. SAVOSTYANOVA)

The article provides an overview and analysis of the manuscript heritage of M. V. Savostyanova, the great-niece of F. M. Dostoevsky. In the manuscripts, the author summarizes his own original ideas and research results of the scientific problem of studying man, his self-development and creative self-realization, and conducts research based on his unique private collection of books "about man". M. V. Savostyanova laid the scientific and methodological foundations of the concept of the Museum of Man as an institute for solving life problems. The author of the concept was largely based on the ideas of F. M. Dostoevsky.

Keywords: the problem of studying a person, self-realization, self-improvement, the library of books about a person, the manuscripts of M. V. Savostyanova, "Dostoevsky's paradox", the Museum of Man.

Yulia Petrova
BIOGRAPHICAL NARRATIVE ABOUT THE CHILDHOOD
OF F. M. DOSTOEVSKY IN THE ZhZL SERIES

The article analyzes the description of the childhood period of F. M. Dostoevsky's life in the biographies of the series "The Life of Wonderful People" (ZhZL). The main paradigms that influence the construction of a biographical narrative are identified. Each of the four biographies published in the ZhZL series presents its own image of F. M. Dostoevsky's childhood, which contains the concept of describing the entire life path of the great writer. The article focuses on several key characters and topics for this period of the future writer's life: the characteristics of the writer's father and mother, family traditions, children's joys.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the series "The Life of wonderful people" (ZhZL), biography, fact, event, childhood.

Elena Kalinina
RAPPROCHEMENT OF GENERATIONS THROUGH THE LEGACY
OF F. M. DOSTOEVSKY

The article presents the experience of the Yaroslavl library named after F. M. Dostoevsky, as the center of family reading and communication. The spiritual heritage of the classic brings together generations of fathers and children with the power of philosophical and educational potential.

Keywords: Dostoevsky, place of dialogue, library, reading, reader, cultural space.

RESERVE

Anna Kholodilina
TOPONYMIC AREA OF DAROVOE

The article, based on the "Scribal Books" of the XVI century, examines the toponymic context of the village of Darovoe. Darovoe, Monogarovo, Cheremoshnya are shown in the system of regional onomastic space. The etymology of the names, typical nomination schemes are revealed.

Keywords: Darovoe, Monogarovo, Cheremoshnya, "Scribal books of the Moscow state", toponyms, microtoponyms, anthroponyms, etymology.

Al'bina Bessonova
REVOLUTIONARY DAROVOE: THE DOSTOEVSKY ESTATE
IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

The article is devoted to a dramatic period in the history of the Dostoevsky estate in the village of Darovoe, when, according to the law on nationalization adopted after the October Revolution of 1917, landowners were deprived of the right to own real estate, and their lands were transferred to the common use of former serfs. The situation was aggravated by the fact that the niece of F. M. Dostoevsky, M. A. Ivanova, continued to live in Darovoe at that time. Previously unknown documents stored in the Central State Archive of the Moscow Region (TSGAMO) are being introduced into scientific circulation. They give an idea of the circumstances of the confrontation between the former and new owners of the Darovoe. The paradox of the situation lies in the fact that, judging by the documents, both sides (both M. A. Ivanova and the "civil society of Darovoe") they were driven by the desire to preserve the Darovoe estate as a memorial object associated with the name of F. M. Dostoevsky.

Keywords: Darovoe manor, Cheremoshnya village, Monogarovo village, Soviet power, archival documents, M. A. Ivanova, Spas-Zhuravensky (Dostoevsky) Volost Executive Committee (VIC).

Lydia Maksimova
WAS THERE A MUSEUM IN DAROVOE?
(BASED ON NEW ARCHIVAL MATERIALS)

New documents from the collections of the GARF (State Archive of the Russian Federation) are published. The article discusses the long-standing question of the existence of a museum in the Darovoe estate in the 1920s.

Keywords: Dostoevsky, the museum-estate “Darovoe”, Glavnauka, the Museum Department of the People’s Commissariat of Education, Zaraisk District Museum, archival documents, 1920s.

Tatiana Dementieva, Irina Bogolyubskaya
THE HISTORY OF THE MUSEUM-ESTATE “DAROVUE”

The article considers the history of the Dostoevsky museum-estate “Darovoe” from the first attempts of museumification in the 1920s to the present day. Previously unknown documents are introduced into scientific circulation, revealing the dramatic history of the only “village” museum of F. M. Dostoevsky. There is a “tradition” to remember Darovoe on the eve of the writer’s anniversaries and the futility of repeated attempts to create a full-fledged museum in Darovoe and preserve the historical landscape.

Keywords: Dostoevsky’s estate for free, museumification, archival documents.

ARCHIVE

Tatiana Dementieva
DEMARICATION OF THE LANDS OF SELTZO OF DAROVUE AND
VILLAGES OF DAROVAYA

In the funds of the Central State Archive of Moscow (CSA of Moscow) there are cases of a special amicable demarcation of lands belonging to the Dostoevsky family in the XIX century, including “The case of the Kashirsky intermediary of the 2nd plot on the special demarcation of the dacha of the seltso of Darovoe. The case of the demarcation of the land of the seltso of Darovoe between the landowners Khotyaintsev P. P. and Dostoevsky” and “The case of the Kashirsky intermediary of the 2nd plot on the special demarcation of the dacha of the village of Darovaya”. The article considers the process of dividing the lands of the village of Darovaya and the seltso of Darovoe, which were in the cross-strip possession of several landowners, because of which the Dostoevsky’s became the only owners of these dachas.

Keywords: village of Darovaya, seltso of Darovoe, Dostoevsky, Kashirsky district court, amicable surveying, intermediary Volotskoy.

Irina Bogolyubskaya
DEMARICATION OF THE LANDS OF THE FORMER WASTELAND
OF OLD CHEREMOSHNYA AND THE VILLAGE OF CHEREMOSHNYA

This article analyzes the files stored in the Central State Archive of Moscow in the fund “Mediator of amicable delimitation of the land of the 2nd plot of the

Kashirsky district of the Tula province”. The lands of the former wasteland of Old Cheremoshnya and the village of Cheremoshnya were part of the estate of M. A. Dostoevsky, which after his death, while under guardianship, passed to the “only and legitimate heirs”, that is, children. In 1847, the Dostoevsky heirs conducted several cases at once on the amicable delimitation of the lands belonging to them, including the wasteland of Old Cheremoshnya and the village of Cheremoshnya.

Keywords: Dostoevsky, the village of Cheremoshnya, the Old Cheremoshnya wasteland, a special amicable surveying.

Daria Sabirova
SECTION OF THE NECHAEVA WASTELAND: ON THE QUESTION
OF THE FORMATION OF THE DOSTOEVSKY LAND OWNERSHIP
IN KASHIRSKY DISTRICT OF TULA PROVINCE

The article considers the process of demarcation of the Nechaeva wasteland — the territory adjacent to the Darovoe estate. One of the owners of the wasteland was the Dostoevsky’s. During the separation, which took more than ten years, the heirs of M. A. Dostoevsky managed to solve the problem of cross-strip land ownership.

Keywords: archival materials, special amicable surveying, Dostoevsky, Khotyaintsev, Darovoe estate, Nechaeva wasteland.

Julia Zevald
DAROVUE IN THE IVANOV’S CORRESPONDENCE

The article analyzes the correspondence of F. M. Dostoevsky’s sister V. M. Ivanova with her daughters during the period when the Ivanov’s were the owners of Darovoe and Cheremoshnya. The work is based on a thematic principle that reveals different aspects of the estate life. The analysis of the correspondence allows us to restore the picture of life in the Dostoevsky estate in the late XIX-early XX centuries.

Keywords: Ivanovs, F. M. Dostoevsky, Darovoe, Cheremoshnya, Monogorovo.

KEEPERS

CONVERSATION WITH KLAVDIA PETROVNA ROMANTSOVA
Preamble and comments by A. S. Bessonova

A transcript of a video recording of a conversation with K. P. Romantsova, who worked in the library in the Soviet years, which was located in the wing of

the Darovoe estate, is published. The conversation recorded during the folklore and ethnographic expedition of the Philological Faculty of the State Social and Humanitarian University (GSGU) contains interesting details about the history of the place, biographical memories of K. P. Romantsova, local stories and legends.

Keywords: Darovoe, folklore and ethnographic expedition, library of the village of Darovoe, M. A. Ivanova, M. A. Dostoevsky, local stories and legends.

ОБ АВТОРАХ

Акелькина Елена Алексеевна. Доктор филологических наук, профессор, директор Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского (Омск).

Аллен Луи (Louis Allain). Почётный профессор Лилльского университета (Лилль, Франция).

Бабук Александр Вадимович. Кандидат филологических наук. Доцент кафедры английского языка экономических специальностей Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Баталова Тамара Павловна. Кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Бессонова Альбина Станиславовна. Кандидат филологических наук, директор НП «Заповедное Даровое», ведущий научный сотрудник кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Боголюбская Ирина Александровна. Научный сотрудник отдела «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского “Даровое”» Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль» (Зарайск).

Викторович Владимир Александрович. Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Дементьева Татьяна Николаевна. Заведующая отделом «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского “Даровое”» ГБУК МО «Государственный музей-заповедник “Зарайский кремль”» (Зарайск).

Зевалд Юлия Андреевна. Начальник отдела научной и издательской деятельности ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Калинина Елена Анатольевна. Заведующая отделом «Библиотека-филиал № 13 имени Ф. М. Достоевского» МУК «Централизованная библиотечная система города Ярославля» (Ярославль).

Карпачёва Татьяна Сергеевна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета (Москва).

Максимова Лидия Ивановна. Главный хранитель фондов ГБУК МО «Государственный музей-заповедник “Зарайский кремль”» (Зарайск).

Осокина Елена Анатольевна. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

Панюкова Татьяна Викторовна. Ведущий редактор Издательства Петрозаводского государственного университета, член Генеалогического общества Карелии (Петрозаводск).

Петрова Юлия Владимировна. Старший лаборант Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского (Омск).

Сабирова Дарья Александровна. Научный сотрудник отдела «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского “Даровое”» Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль» (Зарайск).

Федянова Галина Всеволодовна. Кандидат филологических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Холодилина Анна Сергеевна. Магистрант филологического факультета ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Коломна).

Щербаков Юрий Константинович. Член-корреспондент Российской академии космонавтики, кандидат технических наук (Москва).

Юхнович Юлия Вячеславовна. Кандидат филологических наук, заведующая филиалом «Дом-музей Ф. М. Достоевского» (Старая Русса).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	3
МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ	
<i><А. У. Порецкий, Ф. М. Достоевский></i>	
Психологический вопрос из дела Непениных (письмо к редактору)	7
<i>В. А. Викторovich</i>	
Достоевский. Формула семьи.....	21
<i>Е. А. Осокина</i>	
«Семья» в «картине мира» Достоевского: от лексикографии к идеографии.....	40
<i>Т. С. Карпачёва</i>	
«Же-на, коли сказывал»: случайное семейство в повести Ф. М. Достоевского «Хозяйка»	55
<i>Г. В. Федянова, Т. П. Баталова</i>	
Семейство Епанчиных в контексте времени	68
<i>Е. А. Акелькина</i>	
«Простое, но мудрёное дело» (Как рассказана история о семье крестьянки Корниловой в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского)	75
<i>Луи Аллен</i>	
О некоторых свойствах памяти в рассказе Ф. М. Достоевского «Мужик Марей»	80
<i>А. В. Бабук</i>	
Аксиологическая антропология феномена отцовства в романах Ч. Диккенса «Домби и сын» и Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	87

<i>Ю. В. Юхнович</i> «Заколдованное наследство»: Достоевские в борьбе за рязанское имение	92
<i>Т. В. Панюкова</i> Жизнь «при дворе» (из родословия А. Г. Достоевской)	99
<i>Ю. К. Щербаков</i> Музей человека (по материалам рукописей М. В. Савостьяновой)	138
<i>Ю. В. Петрова</i> Биографический нарратив о детстве Ф. М. Достоевского в серии ЖЗЛ	151
<i>Е. А. Калинина</i> Сближение поколений через наследие Ф. М. Достоевского	161
ЗАПОВЕДНИК	
<i>А. С. Холодилина</i> Топонимический ареал Дарового	169
<i>А. С. Бессонова</i> Революционное Даровое: усадьба Достоевских в первые годы советской власти	177
<i>Л. И. Максимова</i> Был ли музей в Даровом? (По новым архивным материалам)	197
<i>Т. Н. Дементьева, И. А. Боголюбская</i> История музея-усадьбы «Даровое»	201

АРХИВ

<i>Т. Н. Дементьева</i> Размежевание земель сельца Дарового и деревни Даровой	219
<i>И. А. Боголюбская</i> Размежевание земель бывшей пустоши Старой Черемошни и деревни Черемошни	228
<i>Д. А. Сабирова</i> Раздел пустоши Нечаевой: к вопросу о формировании землевладения Достоевских в Каширском уезде Тульской губернии	232
<i>Ю. А. Зевалд</i> Даровое в переписке Ивановых	237

ХРАНИТЕЛИ

Беседа с Клавдией Петровной Романцовой (предисловие и комментарии А. С. Бессоновой)	247
SUMMARIES	258
ОБ АВТОРАХ	267

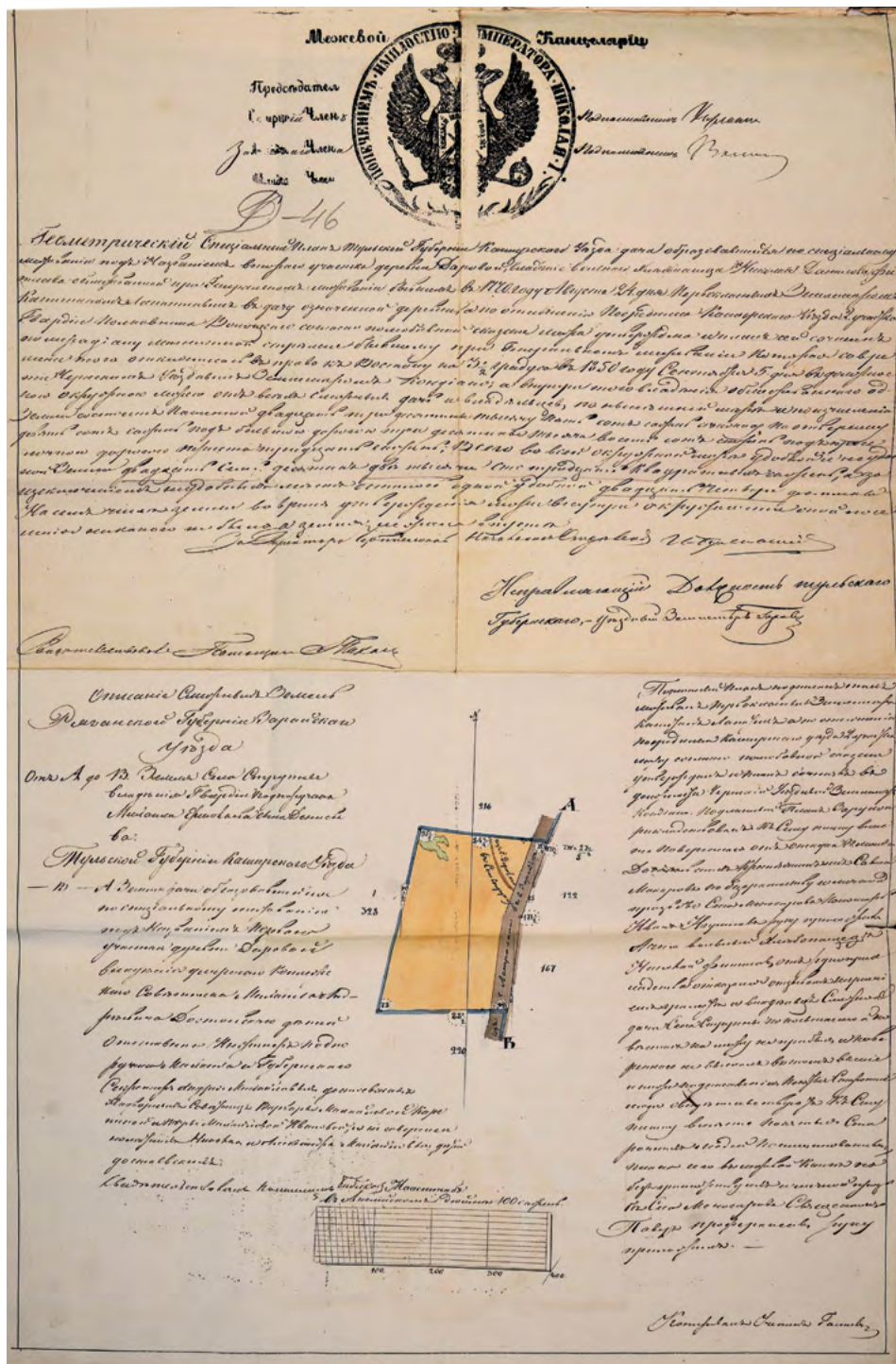
VI ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ В ДАРОВОМ

Материалы научной конференции

Редактор-составитель – В. А. Викторovich
Редактор – А. С. Бессонова
Компьютерная вёрстка – Н. В. Яриновская
Корректор – Н. А. Гераскина

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП МО «Коломенская типография».
140400, г. Коломна Московской области,
ул. III Интернационала, 2а.

Подписано в печать 25.08.2021. Бум. офсетная. Гарнитура Constantia
Формат 70 x 100/16 Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.
Тираж 200 экз. Заказ № 2953

Илл. 6. План второго участка деревни Даровой. 1850. ГАТО. Ф. 291. Оп. 7. Т. 39. Д. 1367. Публикуется впервые

И. А. Боголюбская
**РАЗМЕЖЕВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ БЫВШЕЙ ПУСТОШИ
 СТАРОЙ ЧЕРЕМОШНИ И ДЕРЕВНИ ЧЕРЕМОШНИ**

План пустоши Старая Черемошня, что ныне деревня. ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 49. Л. 7. Публикуется впервые

